

Институт славяноведения РАН

**Центральноевропейские
исследования**

Главный редактор

Ольга Владимировна Хаванова, д.и.н., проф. РАН, зам. директора ИСл РАН

Заместители главного редактора

Анна Романовна Лагно, к. и. н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

Дарья Юрьевна Ващенко, к. филол. н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

Ответственный секретарь

Юлия Владимировна Лобачева, к. и. н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

Редколлегия

Лариса Михайловна Аржакова, д. и. н., вед. научн. сотр. ИСл РАН

Юлия Евгеньевна Бут, к. и. н., доцент,

департамент «Исторический факультет» УрФУ (Екатеринбург)

Кирилл Александрович Кочегаров, к. и. н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

Арина Владимировна Лазарева, к. и. н., доцент,

исторический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова

Мария Олеговна Новак, д. филол. н., вед. научн. сотр.,

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН

Лариса Николаевна Полубояринова, д. филол. н., доцент,

Санкт-Петербургский государственный университет

Александр Сергеевич Стыкалин, к. и. н., вед. научн. сотр. ИСл РАН

Международный редакционный совет

Катрин Бёк, PhD, научный сотрудник,

Институт Восточной и Юго-Восточной Европы имени Лейбница

(Регенсбург)

Иван Бертени-мл., PhD, старший научный сотрудник,

Институт истории, Центр гуманитарных исследований,

Университет имени Лоранда Этвеша (Будапешт)

Майя Борисовна Лавринович, к. и. н., исследователь, факультет

гуманитарных наук, Тель-Авивский университет (Тель-Авив)

Ивана Хорбец, PhD, научный сотрудник,

Институт хорватской истории (Загреб)

Искра Шварц, PhD, доцент, Институт восточноевропейской истории,

Венский университет (Вена)

Михаэль Шиттан, PhD, член Берлинского научного общества имени

Лейбница (Берлин)

Редактор-корректор (русский язык)

Лариса Альфредовна Авакова, ИСл РАН

Редактор-корректор (английский язык)

Мелани Гертхайнрих

p-ISSN 2619-0877

e-ISSN 2949-3811

DOI: 10.31168/2619-0877 (журнал)

DOI: 10.31168/2619-0877.2025.8 (выпуск)

Институт славяноведения РАН

**ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**2025
Выпуск 8**

Editor

Olga Khavanova, DSc, Professor of the RAS, Deputy Director,
Institute of Slavic Studies RAS, Moscow

Managing Editors

Anna Lagno, PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS
Daria Vashchenko, PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS

Editor Assistant

Julia Lobacheva, PhD, Senior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies RAS

Editorial board

Larisa Arzhakova, DSc, Leading Research Fellow,
Institute of Slavic Studies RAS
Julija But, PhD, Associate Professor,
Department “History Faculty”, Ural Federal University (Yekaterinburg)
Kirill Kochegarov, PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS
Arina Lazareva, PhD, Associate Professor,
History Faculty, Moscow Lomonosov State University
Maria Novak, DSc, Leading Research Fellow,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS
Larisa Poluboyarinova, DSc, Professor, Philological Faculty,
St. Petersburg State University
Aleksandr Stykalin, PhD, Leading Research Fellow,
Institute of Slavic Studies RAS

International advisory board

Iván Bertényi, Jr., PhD, Senior Research Fellow, Institute of History,
Research Centre for the Humanities, Eötvös Loránd University
(Budapest)
Katrin Boeckh, PhD, Research Fellow,
Leibnitz Institute of South- and South-Eastern Europe (Regensburg)
Ivana Horbec, PhD, Research Fellow, Croatian Institute of History (Zagreb)
Maya Lavrinovich, PhD, Researcher, Faculty of Humanities, Tel-Aviv University
(Tel-Aviv)
Michael Schippan, PhD, Member of the Leibnitz Society of Sciences to Berlin
e.V. (Berlin)
Iskra Schwarcz, PhD, Associate Professor, Institute of East-European History,
University of Vienna (Vienna)

Russian Language Copy-Editor

Larisa Avakova, Institute of Slavic Studies RAS

English Language Copy-Editor

Melanie Gertheinrich

p-ISSN 2619-0877

e-ISSN 2949-3811

DOI: 10.31168/2619-0877 (journal)

DOI: 10.31168/2619-0877.2025.8 (issue)

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES RAS

**CENTRAL-EUROPEAN
STUDIES**

**2025
Issue 8**

Содержание

СТАТЬИ

Город в письмах, воспоминаниях и художественных текстах

Наталья Маратовна Филатова

«Капуя» и «европейская Кострома». Варшава 1813 — 1820-х годов
глазами русских 13

Елена Павловна Серапионова

Российские города в восприятии чехословацких легионеров
(1914–1920 гг.) 42

Анна Николаевна Канарская

«Красная Москва — сердце пролетарской мировой революции»:
политэмигранты в столице СССР в 1920–1930-е годы. 68

Ирина Евгеньевна Адельгейм

Отсроченная любовь: Неаполь Густава Герлинга-Грудзиньского. 91

Быть пограничем — быть городом — быть столицей

Кирилл Александрович Кочегаров

Запорожская Сечь во второй половине 1680 г.: от смерти кошевого
атамана Ивана Серко до Бахчисарайского мира 1681 г. 117

Сильвестер Тердик

Роль паломничества в даровании селу Мариапоч
привилегии города. 161

Ксения Валерьевна Мельчакова

Деятельность православной общины Мостара во времена османского
владычества (по материалам русских источников) 196

Анна Сергеевна Лубоцкая

Столица и жизнь вокруг: особенности развития греческих городов
в первой трети XX в. 220

Город как пространство идеологических проекций

Тимур Владимирович Гимадеев

«История города Праги» В. В. Томека: переосмысляя национальный нарратив 249

Александр Александрович Силкин

Празднование 10-летия Октябрьской революции в Москве глазами сербских левых интеллектуалов. 1927–1928 гг. 274

Болдижар Вёрёш

Култ вождя в газетных статьях, речах и письмах: появление бульвара Ленина в Будапеште и механизмы политической пропаганды 308

Анна Романовна Лагно

Город в политическом дискурсе мэра Варшавы Рафала Тшасковского. 337

Биография и творческое наследие

Ольга Андреевна Хорстинк

Всеволод Васильевич Саханев как представитель «молодых историков» в эмиграции 367

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Виктор Викторович Котов

Совещание историков Центральной Европы 17–19 июля 2025 г. 399

РЕЦЕНЗИИ

Сергей Георгиевич Яковенко

Преодолеть все препятствия и выполнить миссию.
Рец. на: *Mihalik B. V. The Ever-Reviving Phoenix. Jesuits in Hungary.*
Leiden; Boston: Brill, 2024. 129 p. (Brill Research Perspectives in Jesuit Studies) 417

Contents

ARTICLES

Town in Letters, Memoires, and Literary Texts

Natalia M. Filatova

“Capua” and “European Kostroma”. Warsaw from 1813 to the 1820s
through the eyes of Russians 13

Elena P. Serapionova

Russian Cities and Towns as Perceived by Czechoslovak Legionnaires
(1914–1920) 42

Anna N. Kanarskaya

“Red Moscow is the Heart of the Proletarian World Revolution”: Political
Emigrants in the Capital of the USSR in the 1920s and 1930s. 68

Irina Ye. Adel’geim

Deferred Love: Gustaw Herling-Grudziński’s Naples. 91

To Be a Frontier — To Be a Town — To Be a Capital

Kirill A. Kochegarov

Zaporozhian Sech in the Second Half of 1680: From the Death of Koshevoj
Ataman Ivan Serko to the Treaty of Bakhchysarai 1681 117

Szilveszter Terdik

The Role of Pilgrimage in Granting of Town Status to the Village of
Máriapócs. 161

Kseniia V. Mel’chakova

The Activities of the Orthodox Community of Mostar under the Ottoman
Rule (Based on Materials from Russian Sources) 196

Anna S. Lubotskaya

Capital and Life Around: Specific Features of the Greek State’s
Development in the First Third of the Twentieth Century. 220

Town As a Space of Ideological Projections

Timur V. Gimadeev

- Revising the National Narrative: History of the Town of Prague by Václav Vladivoj Tomek249

Alexander A. Silkin

- Celebrating the Decennial Anniversary of the October Revolution in Moscow Through the Eyes of Serbian Leftist Intellectuals. 1927–1928 ... 274

Boldizsár Vörös

- The Cult of the Leader in Newspaper Articles, Speeches and Letters: The Naming of Lenin Boulevard in Budapest and the Functioning of Political Propaganda308

Anna R. Lagno

- The City in the Political Discourse of Warsaw's Mayor Rafał Trzaskowski337

Biography and Heritage

Olga A. Horstink

- Vsevolod Vasilievich Sachanev as a Representative of the “Young Historians” in Exile.....367

SCHOLARLY LIFE

Viktor V. Kotoz

- Central European History Convention, 17–19 July 2025399

REVIEW ARTICLES

Serguei G. Yakovenko

- To Overcome All the Obstacles and Fulfil the Mission. Review of Mihalik B. V. *The Ever-Reviving Phoenix. Jesuits in Hungary*. Leiden; Boston: Brill, 2024. 129 p. (Brill Research Perspectives in Jesuit Studies)417

**ГОРОД В ПИСЬМАХ,
ВОСПОМИНАНИЯХ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ТЕКСТАХ**

Наталья Маратовна Филатова

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект 32А. E-mail: natalifilatova@yandex.ru

«Капуя» и «европейская Кострома». Варшава 1813 — 1820-х годов глазами русских

Предметом исследования в статье являются характерные особенности видения Варшавы русскими в эпоху Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. и создания в 1815 г. польского государства под эгидой России. Основным материалом служат эго-документы. Использованы дневники, путевые заметки, воспоминания военных, проходивших через польские земли в 1813–1815 гг., а также тех, кто остался в Царстве Польском или прибыл туда служить после 1815 г. Среди последних — офицеры из расквартированных в Варшаве российских гвардейских полков, вверенных, как и польская армия, командованию великого князя Константина Павловича, и гражданские лица (в первую очередь князь П. А. Вяземский, служивший в канцелярии императорского представителя при правительстве Царства Польского Н. Н. Новосильцева). Дополняют картину путеводители, опубликованные в 1818–1822 гг. на русском языке и отразившие официальный образ процветающей Варшавы. В центре внимания — описания Варшавы, ее сравнение с другими польскими городами, соотнесение впечатлений о польской столице с общими представлениями о Польше. Наиболее примечательны связанные с Варшавой исторические сенсации о прошлом Польши и русско-польских отношениях. Прослеживается связь картин преобразования Варшавы с последующими устоявшимися суждениями о благоденствии поляков под скипетром Александра I. Показателен также взгляд на город сквозь призму личного опыта и собственной биографии. Наиболее отчетливо в связи с этим просматриваются темы просветительской роли столицы, а также Варшавы как центра развлечений и приятного времяпрепровождения. Варшава притягивала и отталкивала русских в зависимости от степени инкорпорации в местную жизнь. Так, П. А. Вяземский, сначала пренебрежительно назвав Варшаву «европейской Костромой», по мере сближения с образованным польским обществом стал оценивать ее более высоко.

Ключевые слова: Варшава, Герцогство Варшавское (1807–1815 гг.), Царство Польское (1815–1830 гг.), российско-польские отношения в XIX в., эго-документы, русская мемуаристика, Ф. Н. Глинка, П. А. Вяземский

Статья поступила в редакцию: 15 мая 2025 г.

Статья принята к публикации: 24 июня 2025 г.

Цитирование: Филатова Н.М. «Капуя» и «европейская Кострома». Варшава 1813 — 1820-х годов глазами русских // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 13–41. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.1>

Особое место в изучении представлений русских и поляков друг о друге занимают исторические исследования, связанные с анализом эго-документов, иначе говоря, дневников, воспоминаний, переписки и других документов личного происхождения. Для историка потенциал эго-документов трудно переоценить.

С одной стороны, они часто повторяют те же самые оценки и комментарии, тиражируя общепринятые стереотипы. <...> С другой — источники личного происхождения связаны с повседневностью, с сугубо личным опытом и отражают спонтанную индивидуальную реакцию на увиденное и пережитое¹.

Среди непосредственно относящихся к исследуемому нами периоду российско-польских отношений и опирающихся на эго-документы отметим работы российских и польских исследователей О.С. Каштановой, Г.В. Макаровой, М. Кулика, а также автора настоящей статьи².

Избрав объектом исследования образ Варшавы в глазах русских, мы руководствовались историческим подходом, вычленив переломную и для судьбы самой Варшавы, и для российско-польских отношений эпоху³. Этим наш подход отличается, в частности, от работ И.И. Свириды, рассматривавшей тему «Варшава глазами русских», во-первых, обобщенно (XVII–XX вв.), а во-вторых, сквозь призму искусства и художественных впечатлений⁴.

Ниже мы обратимся к ракурсам и контекстам видения Варшавы русскими во время Заграничного похода русской армии

¹ Филатова 2018: 36.

² Каштанова 2008; Макарова 2010; Филатова 2010; Kulik 2014.

³ Интересующему нас периоду посвящена, в частности, статья А.Р. Соколова (Соколов 2018). Данная работа фокусируется в основном на польской политике Александра I накануне официального создания Царства Польского и ее ключевых фигурах, связанных с управленческим аппаратом завоеванного Герцогства Варшавского.

⁴ Свирида 2002a; Свирида 2002b.

1813–1814 гг. и после создания в 1815 г. Царства Польского. В это время Варшава стала для них знаковым местом, ведь именно с ней, с изменением ее облика ассоциировалась польская политика России. На основании дневников, путевых заметок, воспоминаний мы выделим характерные черты сложившегося под их пером образа польской столицы.

Авторство значительной части эго-документов, касающихся особенностей восприятия Варшавы, принадлежит участникам Заграничного похода. Преследуя армию Наполеона, русские войска в январе 1813 г. вступили в Герцогство Варшавское и заняли его. В 1813–1815 гг. они постоянно квартировали на территории будущего Царства Польского, а кроме того, их части двигались через польские земли — сначала, зимой 1813 г., на запад, на Париж, а осенью 1814 г. — обратно на родину.

Выделяя общее и особенное в видении столичного польского города мемуаристами, отметим, что в статье использованы свидетельства образованных представителей офицерского корпуса, так или иначе проявивших себя на литературном поприще. Однако их корпоративная принадлежность и общность ситуации, в которой они оказались, позволяют объединить их высказывания как отражающие взгляды определенного социального слоя.

В целом для свидетельств, оставленных русскими офицерами и относящихся к этому времени, характерны впечатления о мрачности и запущенности Варшавы, сравнения (не в ее пользу) с польскими городами, более подвергшимися прусскому влиянию. Авторы вспоминали — в сугубо патриотическом ключе — о покорении Праги (варшавского предместья) Суворовым, а также выражали связанные с Варшавой суждения о прошлом Польши и русско-польских отношениях. Любопытно предпочтение Варшаве немецких городов, а также польских, ранее отошедших к Пруссии. Безусловно, здесь сказывались и вкусовые пристрастия.

Писатель-романист, известный современникам не только произведениями на исторические темы, но и военными мемуарами, Иван Иванович Лажечников (1792–1869), например, продвигаясь от Плоцка к Калишу в феврале 1813 г., отметил:

Чем ближе к Германии, тем чаще видим хорошие города. Искусство, трудолюбие и вкус, которые старалось ввести в них прусское

правительство в то время, когда они ему принадлежали, не успели еще в них совершенно исчезнуть⁵.

Его сравнение Познани и Варшавы явно не в пользу последней:

Уверяют, что Варшава обширнее, величественнее и многолюднее; но Познань красивее и правильнее. Неудивительно: прежняя столица Польши, нося на себе печать древнего ее великолетия и могущества, означена притом мрачным клеймом политических неурядиц, столько лет ее терзавших. Познань, недавно ожив попечениями благодетельного прусского правления, каждый день более и более украшаясь и обогащаясь, дышит свежестью и красотой весны своей. Первую можно сравнить с важной старушкой, горюющей в мраморных своих палатах о потерянном венце и прошедшей славе; второго уподобить можно прекрасному юноше, с улыбкой зовущему вас любоваться миловидными зданиями и садами, которых он счастливый обладатель. Хвала и честь правлению прусскому! Ему обязан Познань (как и все польские города, бывшие в управлении у пруссаков) нынешним цветущим своим состоянием⁶.

Правда, в этом месте записок присутствовало примечание, помеченное 1820 г. и гласящее: «С окончанием войны все переменялось. Варшава процветает ныне под благодетельным владычеством российского монарха»⁷.

Подобные оценки, в которых личные впечатления переплетаются с уже устоявшимися к началу войны стереотипами, характерны и для литератора и мемуариста Андрея Федосеевича Раевского (1794–1822). Въезжая в город, а затем гуляя по Варшаве, он рассуждал о нелюбви поляков к русским, о неверном их представлении о русских как о варварах. Неказистый в его глазах вид польской столицы подтверждал, что сами поляки вовсе не стоят на высшей ступени просвещения:

Напрасно взоры мои искали картины величественной, необыкновенной — ни с которой стороны столица Польши не восхищает зрения: длинный, беспорядочный ряд кровель, большей частью черепичных, и изредка мелькающие верхи храмов не имеют ничего прелестного.

⁵ Лажечников И. И. Походные записки русского офицера. М.: Кучково поле, 2013 (1-е изд.: СПб., 1820). С. 72.

⁶ Там же. С. 75–76.

⁷ Там же. С. 76.

Только от Праги, лежа на высоком берегу Вислы, вид ее несколько разнообразнее, но грязные улицы и почерневшие от времени и небрежения стены прибрежных зданий ослабляют первое приятное впечатление. <...> Я видел две-три изрядные, но не великолепные улицы, видел несколько огромных чертогов, впрочем, везде тесноту и неопрятность, — нет даже и следов изящной архитектуры. Невольно пожалел я о бедных поляках, которые называют (или, по крайней мере, называли) нас варварами⁸.

Варшава также навевала Раевскому скорее раздумья о восстании Костюшко, нежели о войне 1812 г. Так, проходя по мосту в варшавской Праге, он преисполняется «великими и ужасными» воспоминаниями. Андрей Федосеевич мысленно возвращается в ту ночь, «когда ложный патриотизм заставил поляков забыть все права гостеприимства, совести и человеколюбия, когда сами женщины почитали славою убить безоружного, сонного воина». Припомнилась ему и «мстительная рука Суворова», которая сокрушила «грозный <...> оплот Варшавы». И не без злопамятства Раевский заключает: «Теперь Прага, которая, как уверяют, была некогда красива и великолепна, не стоит даже названия хорошего селения». Раевский также искал, хотя и безуспешно, место, «где был похоронен некогда несчастный царь Василий Иванович Шуйский, умерщвленный насильственно вместе с братьями своими в темницах Варшавы»⁹.

⁸ Раевский А. Ф. Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. М.: Кучково поле, 2013 (1-е изд.: М., 1822). С. 20.

⁹ Там же. С. 25. Русский царь Василий IV Иванович Шуйский (правивший с 1606 по 1610 г.) вместе с братьями Дмитрием и Иваном в результате событий Смутного времени в 1610 г. был пленен поляками. Вынужденные принести присягу польскому королю Сигизмунду III, они были заключены в Гостынский замок, находящийся более чем в 100 км от Варшавы. Там Василий Шуйский и его брат Дмитрий скончались в сентябре 1612 г. и там же были захоронены. В 1620 г. Сигизмунд III инициировал перезахоронение праха русского царя в специально построенной для этого «Московской каплице» (часовне) в центре Варшавы. «Московская часовня» должна была увековечить победы польского оружия. Но уже в 1635 г. царь Михаил Федорович Романов добился выдачи останков Шуйских. Умерший в плену царь нашел последнее упокоение в Архангельском соборе Московского Кремля. Что же касается «Московской часовни» в Варшаве — она пришла в упадок и, вероятно, постепенно разрушилась, а в 1820 г. на этом месте по инициативе польского ученого и государственного деятеля Станислава Сташица начало строиться здание Общества друзей науки (ныне резиденция Польской академии наук). О символическом значении места бывшего захоронения Василия Шуйского см.: Болтунова 2022: 408–414, 434–435.

В целом, по мнению мемуариста:

Нигде почти не видно памятников славы и просвещения. Скромный обелиск Сигизмунда украшает тесную, неопрятную площадь, называемую Краковским предместьем. Впрочем, нет никаких богатств народных, достойных удивления и любопытства путешественников. Все полезные заведения по большей части суть частные. Театр довольно хорош, но труппа актеров в распоряжении вольного содержателя Богуславского, который вместе и актер, и сочинитель. Но часто случается, что труппа эта, отправляясь в другие города Польши, лишает на несколько времени столицу и сего невинного удовольствия. Сады Саксонский и Красинского суть единственные гулянья в Варшаве. Первый довольно обширен и расположен со вкусом, второй весьма тесен и заключается только в нескольких аллеях¹⁰.

Интересно, что подобное впечатление исторический центр Варшавы произвел и на приехавшего туда служить в 1818 г. князя Петра Андреевича Вяземского (1792–1878), поэта, впоследствии близкого друга А. С. Пушкина. 3 апреля 1818 г. он написал своему постоянному адресату, историку, публицисту, в то время возглавлявшему департамент в Министерстве духовных дел и просвещения, Александру Ивановичу Тургеневу (1784–1845), что нашел для себя и семьи квартиру «на Краковском предместьи: из спальни видим через узкую улицу Вислу, а из гостиной — площадь, на которой торчит Сигизмунд III, и точно торчит: колонна высокая, а статуя крошечная». Правда, признал литератор: «Таким образом окружены мы историей и поэзией»¹¹.

Промежуточным по жанру между путевыми заметками и специально составленным кратким обзором земель, вошедших в состав Царства Польского в 1815 г., является сочинение П. Копыского¹². В нем отмечены даты пребывания в тех или иных польских городах, по большей части провинциальных. В конце автор дал характеристику устройства и других частей Польши, определенных Венским конгрессом.

Описывая возвращение в Россию из Царства Польского в 1815 г., Копыский начинал с Калиша, который вошел в состав Царства

¹⁰ Раевский А. Ф. Воспоминания. С. 24.

¹¹ Остафьевский архив князей Вяземских / под ред. и с примечаниями В. И. Сантова. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899–1913. Т. 1. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812–1819. СПб., 1899. С. 96–97.

¹² Копыский П. Путевые заметки в проезд Польши или Царства Польского 1815 года. СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1817.

Польского (граница с Великим Герцогством Познанским, отошедшим к Пруссии, проходила в трех милях от него). Автор заметок особо отметил калишский кадетский корпус, который в 1813 г. «служил квартирой Государя Императора». В духе официальной риторики того времени он добавил:

Жители почитают то время достопамятной для себя эпохой. Великодушные и кротость победителя и освободителя Европы (Александра I. — *Н. Ф.*) сколько изумляют, столько и восхищают их. Самое даже воспоминание о том есть сладостнейшее и восхитительнейшее в их жизни¹³.

Пребывание в Варшаве также вызывало у Копыского склонность к историческим реминисценциям:

Вот тот древний город, который в политическом его бытии испытал, подобно стоящему на высоте дереву, все волнения и бури, который в продолжении многих веков видел посреди себя все ужасы сеймовых мятежей, колебавших и возмущавших спокойствие целой республики, который за 22 года пред сим меч бессмертного Суворова покорил стопам Великой Екатерины и который в 1813 году вновь пал под победоносным оружием Александра.

Город также не произвел на него особого эстетического впечатления:

Улиц в нем вообще немного красивых, равно как и домов, которых бы наружность поражала блеском и великолепием <...>. Палац, или дворец прежних королей польских, составляют дома в разные времена пристроеваемые один к другому. От чего он довольно огромен, но затеснен отовсюду строениями так, что не показывает снаружи никакого признака великолепного жилища царей¹⁴.

То же относится и к берегам Вислы,

[Н]а которых бы могла устроена быть прекрасная набережная с великолепными домами, покрыты одними бедными хижинами, тесными и грязными улицами или, одним словом, по ним расположены жидовские дома! Не видно также, чтоб изобильные воды широкой

¹³ Там же. С. 2.

¹⁴ Там же. С. 18–19.

Вислы пересекались лодками, барками, галиотами. Промышленность поляков как будто бы в сильной вражде с влажной стихией. Сия опасность происходит действительно от того, что торговля без всякого движения¹⁵.

Облик Варшавы иллюстрировал мысли автора о роли России в истории Польши. Саксонский дворец напомнил Копыскому о пребывании у власти саксонских курфюрстов: польских королей Августа II (1697–1704, 1706–1733 гг.), который был повторно возведен на престол Петром Великим, и Августа III (1734–1763 гг.), после которого «в 1764 г. сильное влияние России и Пруссии на сейме содействовало к избранию короля из древней фамилии Пястов, Станислава Августа Понятовского, с которым кончилось бытие Польского Королевства»¹⁶. Прага, с «остатками шанцев и редутов», — о славе «Героя Рымникского». Вид Праги побуждал автора напомнить читателю ход событий 1794 г., в результате которых Королевство Польское перестало существовать. При этом он упомянул о «беспокойном духе» и «жестоком возмущении» недовольных, «в котором вероломство поляков обнаружилось в самой высшей степени на истребление российских войск, спокойно расположенных квартирами в Варшаве»¹⁷.

Интересно, что при этом практически никто из рассматриваемых в статье авторов не касался недавнего участия польского корпуса в наполеоновском походе на Россию, не писал о поляках в Москве. Видимо, память о триумфе русского оружия и ассоциации с ним польской столицы перевешивали.

Национальному составу жителей и, прежде всего, преобладанию еврейского населения уделили внимание большинство авторов. Копыский, например, обозревая маленькие польские города, отметил наличие там еврейских кварталов. Так, Ленчица, как и Сохачев, «населена не столько поляками, сколько жидами»¹⁸. В Плоцке, по его словам, дома еврейского населения стоят отдельно и «составляют как бы особенную часть города». Однако впечатление на автора записок они произвели сугубо негативное: «Рассматривая во всяком месте их жилища, подумаешь, что враги христианства так же присяжные враги

¹⁵ Копыской П. Путевые заметки. С. 20–21.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 22–23.

¹⁸ Там же. С. 11.

и чистоты домашней жизни»¹⁹. Присутствие еврейского населения, по мнению Копыского, стало причиной упадка торговли и производства в Герцогстве Варшавском. «По той стороне Вислы и Варшавы, прилежащей к Пруссии и Австрии», он отметил большее благоустройство и развитие промышленности, связывая это с присутствием там немцев, в то время как в Варшаве больше «празднолюбивых и обманчивых жидов»²⁰. Того же мнения придерживалась в воспоминаниях княгиня Надежда Ивановна Голицына (1796–1868):

До восстановления Царства Польского страна эта была в самом плачевном состоянии, а Варшава была переполнена евреями. (Всем известен образ жизни этих израильтян, преданных старине и несущих с собой, вместе со своими своеобразными привычками и одеждой, грязь и запах, происхождение которых, вероятно, следует отнести еще ко временам пленения египетского.)²¹

Оригинальностью отличаются заметки поэта, публициста, будущего участника декабристских обществ Федора Николаевича Глинки (1786–1880), названного исследователями его творчества одним из создателей «поэтической географии»²². Автор «Писем русского офицера», частично состоящих из дневниковых записей, подробно описал продвижение русской армии через польские земли. Польская тема присутствовала в них в романтических красках.

Варшава стала в «Письмах русского офицера» предметом проникновенных и возвышенных раздумий. Восхищался Глинка тем, что обычно отмечалось соотечественниками как одна из «незаслуженных» милостей российского императора по отношению к полякам: по велению Александра I Варшава, мирно сдавшаяся русским, была освобождена от постоя русских войск. Они расположились в окрестных селениях. Глинка прочувственно описал «покорение» Варшавы, заключавшееся в мирной передаче ключей от города и поднесении хлеба и соли городскими властями генералу Михаилу Андреевичу Милорадовичу 26 января 1813 г. (по ст. стилю). Недоступная Варшава

¹⁹ Там же. С. 29–30.

²⁰ Там же. С. 25.

²¹ *Голицына Н.И.* Воспоминания // *Война женскими глазами. Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 гг.* / вступ. статья, составление В.М. Боковой, Н.М. Филатовой. М.: НЛО, 2005. С. 63.

²² Серков, Удерецкий 1985: 5.

(«Офицеры наши не иначе могут въезжать в Варшаву, как по билетам, и то со строжайшим запрещением в ней ночевать»²³), об отдыхе в которой мечтали изнуренные походом воины, приобрела ореол чего-то недостижимого и необыкновенно привлекательного:

Как приятно успокоиться в большом роскошном городе, в светлых домах, в обществе людей, где цветут еще приятные искусства, где после шума ветров и свиста пуль можно услышать прелестный голос женщины или очаровательные звуки музыки!²⁴

Мотив наслаждений применительно к Варшаве не раз использовался русскими мемуаристами. На репутацию польской столицы как города удовольствий обратила внимание И. И. Свирида, назвав этот мотив «гедонистическим топосом»²⁵.

Глинка отметил, что русские воинские отряды описывали близ Варшавы дугу, переходя из одного места в другое, но не вступая в город. Их надежды на отдых в Варшаве оказались напрасными: «Растаться с Варшавой, не насладясь ее удовольствиями: это все равно, что в жаркий день только прикусать воды из студеного колодца и, не утоляя палящей жажды, идти далее в знойный путь»²⁶. По этому поводу Глинка рассуждал:

Понимаю, для чего не оставляют войск в Варшаве. Она могла бы служить для нас тем, что Капуя для Аннибаловых²⁷. Прекрасные театры, театр, лазенки и всякого рода удовольствия могли бы очаровать, разнежить закаленных в боях и заставить их забыть, что война не окончилась; ибо Европа еще не спасена!²⁸

²³ Цитируется по изданию: *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 г.: В 5 ч. / писана Федором Глинкой. [Печ. с изд. 1815 г. без перемен]. М.: типография «Русского», 1870. С. 86.

²⁴ Там же. С. 81.

²⁵ См.: Свирида 2002b.

²⁶ *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера о Польше. С. 85.

²⁷ Сравнение Варшавы с итальянским городом Капуя восходит к Титу Ливию, описавшему эпизод Второй Пунической войны между Карфагеном и Римской республикой, когда карфагенский полководец Ганнибал оставил войска в Капуе на зимовку. Результатом стало моральное разложение: солдат погубили удобства и неумеренные наслаждения. От прежней дисциплины не осталось и следа. Во французском языке даже существует выражение «капуанская нега», означающее удовольствия и расслабление.

²⁸ *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера о Польше. С. 88–89.

Тайное желание увидеть хоть издали столицу Польши возбуждало любопытство писателя. При этом воображение воина-победителя не во всем было оригинально: оно также «заглядывало в Прагу, искало следов великого Суворова, носилось над Вислой и любовалось великолепной мрачностью столицы»²⁹.

Сам Глинка тем не менее Варшаву посетил. Его поразил театр с ложами в пять ярусов и лазенки (то есть бани), роскошь купания в которых он подробно описал. Театр, по мнению Глинки, оказался бы «довольно велик для всякого другого города, кроме Варшавы: она столица». Что касается варшавских костелов, то они, по его словам, «извне огромны, высоки, но мрачны; внутри красивы и богаты. Церковное служение здесь пышно и затейливо; музыка сильно действует на чувства»³⁰.

Как и большинство мемуаристов, он отметил благоприятный климат и зеленое убранство Варшавы весной и летом: «Обширный, садами окруженный и гуляньями наполненный город. Летом может она назваться цветущею». С другой стороны, он видел ущерб, который нанесли Варшаве войны:

Есть много огромных палат, дворцов; но мало таких, которых бы наружность поражала блеском и великолепием. Следы времени не заглаживаются здесь старанием людей. Одно только мирное время сзывает искусства для украшения и обновы городов; а Варшава с давних уже лет, как древо на высокой скале, была жертвой бурей и непогод³¹.

В упадке города Глинка усматривал вину Наполеона. По его мнению, под правлением Пруссии в Польше процветала торговля и «Варшава благоденствовала». Наполеон же «задушил» торговлю своим «раздором с Англией». Особенно писателя удручала запущенность Вислы, которую он сравнивал с Невой:

Висла прекрасная, широкая река, не уже Невы. Жаль, что жители Варшавы менее всего занимались ею. Если б берега сей реки одеты были камнем, как в Петербурге, если б какой-нибудь волшебник, собрав все лучшие 4-этажные дома, рассеянные по всему городу между лачужек и грязных переулков, выдвинул их на набережную; если б высокие

²⁹ Там же. С. 82.

³⁰ Там же. С. 89, 92.

³¹ Там же. С. 87.

холмы, на одном конце Варшавы лежащие, украсились хорошими строениями и садами: то Варшава была бы одним из первейших городов в свете! Если б Висла, как Волга и Нева, покрыта была торговыми лодками, барками и галиотами, то Польша была бы счастлива³².

Однако в более поздних свидетельствах современников появляются картины чудесного преображения Варшавы. Здесь уместно упомянуть источники другого жанра: путеводители, адресованные русскому читателю. В одном из них Царству Польскому отведен лишь небольшой раздел³³, другой — авторства Юзефа Красиньского, переведен Д. И. Языковым с французского³⁴. Его фрагменты, посвященные описанию Кракова и Варшавы, публиковались перед выходом из печати всей книги в издании «Новости литературы»³⁵. Характерно, что в предисловии к переводу Д. И. Языков отмечает нехватку публикаций на русском языке «того, что относится до географии и статистики Царства Польского». Эту лауну, свидетельствующую о восприятии польских земель как чего-то далекого и малоизвестного, отмечали и другие современники. Так, П. А. Вяземский, уже получив назначение в Варшаву, осенью 1817 г. писал А. И. Тургеневу:

У тебя архив всякой дряни: нет ли каких-нибудь учебных польских книг и вообще относящихся к истории польской и Польше? Я стал учиться польскому языку, но ни у меня, ни в Москве нет ничего польского³⁶.

В путеводителе Красиньского подробно перечислены все заслуживающие внимания гражданские здания и костелы Варшавы,

³² Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о Польше. С. 90.

³³ Пядышев В. П. Путеводитель по всей Российской империи и Царству Польскому. СПб.: Печ. в тип. А. Плюшара, 1818–1820. (Ч. 1–3).

³⁴ [Красинский Ю. В.] Спутник в Царство Польское и в Республику Краковскую / [пер. Д. И. Языков]. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1822. (Guide du Voyageur en Pologne et dans la republique de Cracovie. Varsovie: N. Glücksberg, 1820).

³⁵ Новости литературы. Прибавления к «Русскому инвалиду» на 1822 г. Кн. 2. Изд. А. Воейковым и В. Козловым. СПб.: Военная типография Главного Штаба Его Императорского Величества, 1822. (Историческое и топографическое описание города Кракова. С. 64–73, 86–90. Историческое и топографическое описание Варшавы. С. 121–133).

³⁶ Остафьевский архив. Т. 1. С. 88.

художественные коллекции, дворцы, учебные заведения, больницы, памятники, трактиры и рестораны, места для гуляний и т.д. При возможности автор подчеркивает усовершенствования, которые имели место или намечаются правительством. Так, о Праге, «совершенно разоренной в войну 1794 года», где впоследствии «дома уступили места свои укрепления», говорится, что «нынешнее правительство занимается неутомительно новой выстройкой сего предместья по генеральному прекрасному плану»³⁷. О Королевском замке — «теперь занимаются соединением замка с Вислой посредством большого сада, который неприметным уклоном дойдет до берегов сей реки». Саксонский же парк, по словам автора, «недавно будучи отделан и украшен, сделался лучшим гульбищем в городе»³⁸.

Сообщалось о намерениях правительства воздвигнуть памятники тем, кто прославил Польшу: Копернику — посреди университетского двора и Юзефу Понятовскому на одной из варшавских площадей. При этом о последнем говорилось как о решенном деле, которое поручено скульптору Г. Торвальзону (Торвальдсену. — *Н. Ф.*) и которого уже ожидают в Варшаве³⁹.

Подытоживая очерк, автор посчитал нужным пояснить, что Польша по своему географическому положению была «оградой всей Германии». Польская история, говорилось в русском переводе, — это беспрестанные отражения «частых и гибельных нападений турок, татар, шведов и пр.», которые не давали ей возможности ни восстанавливать разрушенное, «ни помышлять о сооружении зданий и памятников, кои беспрестанно подвергались бы неминуемому разрушению»⁴⁰. Интересно, что во французском издании этой книги после шведов назывались казаки⁴¹, что указывало на русско-польские войны XVII в., которые в русском тексте не упоминались даже косвенно.

³⁷ [Красинский Ю.В.] Спутник в Царство Польское и в Республику Краковскую. С. 29–30.

³⁸ Там же. С. 32.

³⁹ См.: Там же. С. 34, 41. В действительности работа затянулась. Вокруг того, каким должен быть памятник, шли дискуссии, и работы закончились лишь в 1832 г., то есть после Ноябрьского восстания. Тогда Николай I запретил его возводить, и в результате памятник Юзефу Понятовскому был открыт лишь в 1923 г.

⁴⁰ Там же. С. 140.

⁴¹ Guide du Voyageur en Pologne et dans la republique de Cracovie. P. 89.

Автор резюмировал:

Несколько лет спокойствия и блаженства под мудрым и отеческим правлением императора Александра, Царя Польского, приметным образом начинают переменять совсем эту землю. Промышленность, художества, торговля, сделавшие уже значительные успехи, украшения и здания, воздвигаемые повсюду, служат счастливым предзнаменованием будущего благосостояния сего Царства⁴².

Варшава действительно быстро менялась. Инженер Хенрик Свѣтковский, составивший справочник домов Варшавы на 1852 г., уделил особое внимание застройке и благоустройству столицы в эпоху конституционного Царства Польского. Автор утверждал, что никогда прежде Варшава не была столь великолепной и многолюдной, а ее торговля столь процветающей. Казалось, что «взошла заря просвещения и промышленности», сулившая счастливое будущее, а город по своему облику стал вновь приближаться к первым столицам Европы⁴³.

И это запечатлели воспоминания русских, находившихся там в мирный период 1815–1830 гг. Переходя к образу Варшавы в свидетельствах тех офицеров, которым довелось служить там, следует отметить, что длительность пребывания наложила определенный отпечаток на характер их высказываний. Варшава предстала под их пером местом, где протекала их повседневная жизнь, будни и праздники, складывалась карьера, завязывались отношения с местным населением, проявлялся интерес к польской культуре. При этом никуда не исчезли ни расхождения о русско-польских отношениях, ни о польской истории.

В годы конституционного Царства Польского в Варшаве находился российский гвардейский отряд, который с 1815 г. претерпел структурные изменения и к началу восстания 1830 г. состоял из лейб-гвардии Литовского, Волынского, Уланского его императорского высочества цесаревича великого князя Константина Павловича, Подольского кирасирского и Гродненского гусарского полков. Кроме гвардейских офицеров, в Варшаве в то время присутствовали офицеры, которые служили в управлении казачьих войск, охранявших

⁴² [Красинский Ю. В.] Спутник в Царство Польское и в Республику Краковскую. С. 140–141.

⁴³ *Świątkowski H.* Taryffa Domów Miasta Warszawy i Pragi z planem ogólnym i 128 szczegółowych planów. Warszawa: J. Glücksberg, 1852. S. 22–26. См. также: Majewski 2009.

государственную границу. Всего по данным на 1828 г. в Варшаве квартировало 538 российских офицеров⁴⁴. Находился там также штат двора и чиновники канцелярий цесаревича, а также служащие канцелярии императорского комиссара при правительстве Царства Польского Николая Николаевича Новосильцева (1761–1838). Среди последних в 1818–1821 гг. был упомянутый выше князь П. А. Вяземский. В канцелярии он занимался в основном переводами документов государственной важности (например, речи Александра I перед польским сеймом в 1818 г.), участвовал в разработке Государственной Уставной грамоты Российской — неосуществленного проекта российской конституции. Вяземский оставил интереснейшие свидетельства о своем пребывании в Польше в разгар «конституционного эксперимента» Александра I.

В воспоминаниях видной в то время в Царстве Польском фигуры, приближенного к великому князю Константину Павловичу капитан-командора (с 1820 г.), а впоследствии адмирала Павла Андреевича Колзакова (1779–1864) также фигурировал мотив Капуи. «Счастливая Аркадия», «новый эдем» — вот как передавал Колзаков (со слов своего сына Константина Павловича Колзакова, изложившего воспоминания отца) впечатления русских офицеров от жизни в Царстве Польском⁴⁵.

«Не запомню эпохи более счастливой в моей жизни, как пребывание мое в Варшаве с 1815 по 1830 годы. Это было какое-то тихое пристанище после продолжительной боевой и бурной жизни», — вспоминал П. А. Колзаков. По его словам, русские офицеры там «благоденствовали и отдыхали». В Варшаве их встретили «умеренный климат, дешевизна и удобства жизни, цветущее состояние края, веселое общество»⁴⁶. Будущий литератор и ученый-лексикограф Николай Петрович Макаров (1810–1890), служивший в 1820-е годы в Литовском полку, также с удовольствием вспоминал о высоком жаловании офицеров и дешевизне варшавских обедов, позволявших военным жить на широкую ногу. Варшавский военный лагерь производил на него впечатление «прелестных дач с самым здоровым, свежим воздухом»⁴⁷.

⁴⁴ Szczypiorski 1964: 132

⁴⁵ [Колзаков К. П.] Воспоминания К. П. Колзакова: русские в Царстве Польском // Русская старина. 1873. Т. 7. № 4. С. 423, 429.

⁴⁶ Там же. С. 423.

⁴⁷ Макаров Н. П. Мои семидесятилетние воспоминания и с тем моя полная предсмертная исповедь. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1882. Ч. 4. С. 6, 16.

Колзаков писал о радушном приеме русских войск поляками в 1815 г., о многочисленных роскошных пирах. По его словам, «разгульная жизнь, торжества, пиры, вино и карты, — все это было в духе времени тогдашней военной молодежи». Поэтому приезд в Варшаву как нельзя более совпадал с наклонностями молодых офицеров. Колзаков свидетельствовал, что «русская военная молодежь дружилась с польскою, дух прежней вражды понемногу исчезал». Что касается самой столицы, то:

Варшава представляла тогда самый оживленный вид. Город обстраивался; эмигранты польские, получившие амнистию, возвращались толпами в свои поместья и дома. <...> Вместе с Варшавой, развивалась вся Польша и расцветала видимо, на наших глазах, с каждым годом. <...> в короткое время Польша доведена была до апогея благоустройства и могла стать на ряду с образованнейшими государствами Западной Европы тогдашнего времени⁴⁸.

Колзаков перечислил театры, их оперный репертуар, фиксировал гастролы знаменитых певцов и музыкантов, а также описал Маримонтский (то есть находившийся за Маримонтской заставой Варшавы) лагерь, где собирались обычно войска в летнее время. По его словам, этот лагерь «отличался необыкновенной красотой»:

Полковые, бригадные и дивизионные командиры развели вокруг своих барачных изящные сады, где <...> виднелись статуи и красивые беседки; <...> командиры войск устраивали, по воскресным и праздничным дням, пиры, на которые стекалась обыкновенно вся блестящая молодежь столицы и цвет лучших красавиц. Музыка гремела повсюду и танцы продолжались далеко за полночь, при блестящей иллюминации, и оканчивались фейерверками, — все это приманивало громадную массу публики, так что маримонтский лагерь служил постоянным гульбищем для жителей Варшавы. <...> Как войско Аннибала, очарованное в стенах Капуи, с беспечною предавало всем прелестям веселой жизни, так и русское воинство в Варшаве, прельщенное и ослепленное, утопало в наслаждениях чувственных, не заботясь о будущем и не думая вовсе, что могут настать когда-нибудь и худшие времена⁴⁹.

⁴⁸ [Колзаков К. П.] Воспоминания. С. 425–428.

⁴⁹ Там же. С. 443.

Так же восторженно описал Варшаву и Алексей Алексеевич Одинцов (1803–1886), выпущенный в чине прапорщика из кадетского корпуса в лейб-гвардии Литовский полк. Он, как и большинство русских, отмечал ее пейзажи и климат: «С наступлением весны Варшава, с ее прекрасными садами и роскошными тополевыми и каштановыми аллеями, показалась мне прелестною»⁵⁰. Дослужившийся к концу военной карьеры до чина генерала, Одинцов пользовался особым расположением великого князя Константина Павловича. В течение долгой жизни он вел дневник, делал заметки «о текущих общественных и служебных событиях», а в 1878 г., уже в преклонном возрасте, взялся за их обработку, в результате чего сложились «Записки», опубликованные посмертно в «Русской старине». Службу в Варшаве, в том числе в должности батальонного адъютанта, Одинцов воспринимал как период формирования личности, активного самообразования. Он много читал, в том числе сочинения Вольтера и Монтескье, занимался переводами. По просьбе выдающегося польского писателя и общественного деятеля Юлиана Урсына Немцевича (1757–1841) — уже сам факт его общения с молодым русским офицером говорит о достаточном уровне образования последнего — Одинцов, по его собственному свидетельству, составил по-французски краткое обозрение русской литературы за предшествующие сорок лет.

Одинцов, как он пишет, сам принадлежал к полковой интеллигенции. По его словам, общество офицеров лейб-гвардии Литовского полка отличалось «либеральными мнениями александровских времен и полным сознанием своего достоинства как корпорации. <...> Все вообще были пылкими сторонниками парламентаризма»⁵¹.

Он даже перечислил по памяти ту самую «интеллигенцию полка», приведя около сорока фамилий. Сам офицер настолько хорошо овладел польским, что посещал некоторые лекции в Варшавском университете, в том числе курс словесности профессора Людвика Осиньского (1775–1838). По его словам, «Осинский был великолепный чтец и лекции его привлекали все интеллигентное общество Варшавы»⁵².

⁵⁰ [Одинцов А.А.] Посмертные записки А.А. Одинцова, генерала от инфантерии // Русская старина. 1889. № 11. С. 314.

⁵¹ Там же. С. 314–318.

⁵² Там же. С. 318–319.

Вспоминал Одинцов любимые места его полковых товарищей: варшавские палисадники и кондитерские, в частности, «цукерню (кондитерскую) швейцарца Лурса», которая давала им возможность читать европейские журналы. Он также свидетельствовал, что «жители из поляков не имели большого желания сближаться с русскими офицерами, а они, в свою очередь, не искали этого сближения и потому довольствовались только общественными удовольствиями, театрами, концертами в публичных садах, прогулками и своим обществом»⁵³.

Николай Викторович Веригин (1796–1872), также служивший в Литовском полку, писал о собраниях офицеров на своих квартирах и беседах на серьезные политические и литературные темы. По его словам, «большая часть офицеров не искала знакомства с польскими дворянскими домами»⁵⁴. Что касается «столицы Польши», то она, как и «столица Литвы», которую он назвал «ополяченной Русью», «наружным видом своим после Петербурга» сначала показалась офицеру очень некрасивой⁵⁵. Однако впоследствии его мнение изменилось. Веригин, рассказывая о времяпрепровождении русских офицеров, с удовлетворением отмечал, что около Варшавы было много мест для прогулок, куда ездили в выходные дни польские и русские офицеры — верхом либо в экипажах. Любимым их местом был «Красинский сад» (сад Красиньских, расположенный при дворце Красиньских, который в описываемое время выполнял государственные функции). Не столь многолюдным в праздники был Саксонский парк, примыкавший к дворцу Брюля, где какое-то время жил великий князь. Любопытно, что, по словам Веригина, русские по воскресеньям посещали католическое богослужение в костеле католического учительствующего ордена пиаров и после окончания мессы отправлялись на гулянье. Обращали на себя внимание офицера особенности городской жизни. Так, Веригин описал экзотический в его глазах «приятельский бал», где простые люди («польские унтер-офицеры, прислуга разных господ, мужская и женская») «лихо отплясывали мазурку». Отмечая отсутствие чего-либо подобного в России, он удивлялся народной «удали в танцах»⁵⁶.

⁵³ [Одинцов А.А.] Посмертные записки А.А. Одинцова. С. 319, 314–315.

⁵⁴ Веригин Н.В. Записки // Русская старина. 1892. № 11. С. 303.

⁵⁵ Там же. № 10. С. 64.

⁵⁶ Там же. С. 67.

Иван Самойлович Ульянов (1803–1874), казачий офицер, находившийся при штабе великого князя Константина Павловича (свою службу в Царстве Польском он начал рядовым казаком в 1820 г.), сравнивал Варшаву того времени с «утихнувшим вулканом», «от незапамятных времен производившим гибельные извержения смут и крамол»⁵⁷. Это неудивительно, ибо его наиболее известные записки посвящены варшавскому революционному взрыву 1830 г. Восстание и пребывание в польском плену побуждали Ульянова к умозаключениям по поводу отношений поляков и русских и политики России в Царстве Польском. Он отмечал «врожденную, так сказать, ненависть поляков ко всему, что носит имя русского, и упорное предубеждение, что Россия находится в самом необразованном состоянии», а с другой стороны, их живую память об участии покоренной Праги, «получившей справедливое воздаяние за варварский поступок в Варшаве с русскими в упомянутом [1]794 году»⁵⁸.

Архивное наследие И. С. Ульянова в связи с польской темой тщательно исследовал А. Ю. Перетятко в недавних работах⁵⁹. В архиве донского казака ученый нашел, в частности, любительские переводы из Адама Мицкевича (статьи «О критиках и рецензентах варшавских» (1829 г.), нескольких лирических стихотворений), а также из «Разговоров в царстве мертвых» известного польского поэта эпохи Просвещения Игнация Красицкого (1835–1801). Характерно, что для перевода из Красицкого Ульянов избрал в том числе диалог между польскими королями Болеславом Храбрым и Казимиром Великим, что свидетельствует о его интересе к польской истории и ее урокам.

Можно сделать вывод, что служба в Варшаве стимулировала многих офицеров задуматься об исторических отношениях России и Польши, интересоваться польской историей и литературой, возвратившись к этим темам уже значительно позже их пребывания

⁵⁷ Записки И. С. Ульянова. <Часть 1> // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск: Част. дон. тип., 1901. Вып. 2. С. 64.

⁵⁸ Там же. С. 64, 70.

⁵⁹ Перетятко 2019; Перетятко, Селезнева 2023; Автобиографические, критические и публицистические сочинения генерал-майора Ивана Самойловича Ульянова, донского казака и казакомана, писанные им в 1820–1870 годы / сост. А. Ю. Перетятко. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2025. 404 с.

в Царстве Польском. Многие из них продолжали следить за событиями в Польше, высказывать свое мнение по этому поводу. Распространенным, в частности, было обращение к теме польского национально-го характера и процветанию Польши под скипетром России.

То же можно сказать и о богатом литературном наследии Петра Андреевича Вяземского, стоящего, однако, особняком. Его польские контакты развивались в сфере высшего общества — аристократии и интеллектуальной элиты. Говоря «Варшава», поэт всякий раз подразумевал именно этот круг, среди которого он мог бы найти достойных собеседников. Польские литературные и дружеские контакты Вяземского наиболее исследованы. Тем не менее обширная переписка Вяземского — тот уникальный материал, который дает возможность проследить его меняющееся отношение к Польше и полякам по мере расширения контактов, привыкания к местной жизни, сближения с польским светским обществом.

Сначала Вяземскому не очень везло, вживание в польское общество проходило трудно (надо учесть к тому же иронический, порой саркастический стиль описания его новой среды общения). Вскоре по приезде — в апреле 1818 г. — обещая А.И. Тургеневу со временем описать Варшаву (это обещание так и не было выполнено), он заключил: «До сей поры называю ее европейскою Костромою»⁶⁰. Этим Вяземский подчеркнул второсортность польской культуры в европейском масштабе, ее вторичность. Мотив неоригинальный, чрезвычайно распространенный в текстах разных жанров до наших дней. Так, современнику Вяземского Владимиру Сергеевичу Печерину (1807–1885), западнику, эмигрировавшему из России в 1836 г. и перешедшему в католичество, в принесших ему известность «Замогильных записках» поляки виделись «носителями европейского провинциализма»⁶¹. Также и советские писатели, по словам современной исследовательницы Кристины Воронцовой, фокусировались на «квазиевропейскости» Польши как на комплексе ее отличительных черт⁶². На высшей точке интереса к Польше, в эпоху хрущевской оттепели, эта страна, напротив, высоко оценивалась поэтами-шестидесятниками как «ближайшая станция европейской цивилизации» (выражение Давида Самойлова).

⁶⁰ Остафьевский архив. Т. 1. С. 98–99.

⁶¹ См.: Лескинен 2004: 177.

⁶² Воронцова 2022: 73.

Проблема польского европеизма в контексте национального автопортрета также по-разному осмыслялась и осмыслиется польскими мыслителями и мастерами художественного слова⁶³.

В случае Вяземского акцент на теме провинциализма Варшавы объяснялся еще и тем, что она была первым заграничным городом, который ему довелось увидеть. Вяземский еще толком не знал Петербурга и стремился в Европу: в письме от 27 июня 1819 г. он сообщал:

Если решительно придется отказаться мне от Петербурга, то не утерплю и сбегаю на досуге, до приезда государя, в Дрезден, Вену или Берлин посмотреть на белый свет и отдохнуть от черной тьмы⁶⁴.

Находясь в Варшаве осенью 1818 г., он писал:

Успехи ума, искусства, художества — все это не здешних полей ягоды. Нечего смотреть, нечему учиться; все это под спудом. Литература в каком-то школьническом ребячестве; поэзия — в полустушиях; политика — в гамбургских газетах; народная слава — в воспоминаниях; красота — в семидесятих годах, то есть дворянская; мещанская и современная — на улицах. <...> Начало портрета сбивается на Россию, но Польша заснула, а Россия не проснулась⁶⁵.

Не впечатлял Вяземского и сам облик города: «почти единственным украшением» Варшавы назвал он примыкающие к ней аллеи (то есть улицы, ведущие за город). Опроверг он и представление о так называемой варшавской роскоши, считая его устаревшим: «не только роскоши не видать, но напротив кое-где видны скудость и бедность, и неумение жить»⁶⁶.

Стоит отметить, что Вяземский любил патриархальную Москву и то изысканное общество, тот круг (не забудем, что поэт был членом литературного общества «Арзамас»), который удовлетворял его интеллектуальные и творческие запросы. Он часто писал о «варшавской скуке» («я зеваю при одной мысли о Варшаве»⁶⁷), «варшавской пыли». Зато энтузиазм вызвала у него поездка в Краков:

⁶³ См., например: Janion 2000; Мочалова 2004.

⁶⁴ Остафьевский архив. Т. 1. С. 257.

⁶⁵ Там же. С. 148.

⁶⁶ Из писем князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову // Русский архив. 1879. № 4. С. 504, 510.

⁶⁷ Остафьевский архив. Т. 1. С. 147.

[С]тарик-Краков напомнил мне о старушке-Москве. Те же почтенные седины древности, то же добродушие, то же гостеприимство. Меня там на руках носили. Не принимаю всех ласк единственно на себя, но более в знак признательности республики к нашему государю и ненависти ее к пруссакам и австрийцам. Вообще там русских любят. Окрестности Кракова прекрасны. <...> Подышавши свежим воздухом, еще более скучаю в этой варшавской темнице⁶⁸.

О «варшавском лучшем обществе» Вяземский довольно подробно сообщал своим корреспондентам. Так, он писал близкому приятелю, в то время служащему по дипломатической части Александру Яковлевичу Булгакову (1781–1863):

Здесь много умных и просвещенных людей, но любезных, кажется, мало; у них покойно, но все еще неясно на душе, и следы претерпленных ими бедствий такое долгое время везде приметны⁶⁹.

Сначала поэт жаловался на то, что ему трудно общаться с дамами в обществе, да и вообще приходится говорить словно «в говорную трубу» «с людьми, в нарочитом отдалении находящимися», которые «иногда вам не отвечают»⁷⁰.

Однако тон высказываний Вяземского о Варшаве резко изменился после того, как ему пришлось ненадолго съездить в Москву. По возвращении в Польшу поменялось представление поэта о варшавском высшем свете, он стал находить его более интересным, начал восхищаться высокоразвитым там искусством салонного общения. Теперь он был доволен, что местом его службы стала столица Царства Польского: «В Варшаве, по крайней мере, европейское молчание, и в воздухе человеческое дыхание». Угнетало его лишь отсутствие близких друзей, и он подытожил: «в Варшаве не уживается мое сердце, а в Москве — мой ум»⁷¹.

Вяземский оказался способным анализировать и преодолевать свои предубеждения, проникаться интересами варшавского общества и даже патриотическими стремлениями поляков. Так, его вдохновил парк Лазенки:

⁶⁸ Из писем князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову. С. 512.

⁶⁹ Там же. С. 505, 510.

⁷⁰ Остафьевский архив. Т. 1. С. 145–146.

⁷¹ Там же. С. 181.

Я вчера ехал один из шумной Багатели через уединенную, сумрачную рощу Лазенки: сей одинокий, неосвещенный замок, сие опустение явили мне судьбу сей разжалованной земли, сего разжалованного народа. Я часто размышлял о участи Польши, но злополучия ее всегда говорили уму моему языком политической необходимости: тут в первый раз Польша сказалась мне голосом поэзии. Я ужаснулся! И готов был воскликнуть: Государь, восставь Польшу!⁷²

После польского революционного взрыва 1830 г. рассуждения о процветании Варшавы в эпоху конституционного Царства Польского стали особенно актуальны в русской мемуаристике. Выводы о «черной неблагодарности» поляков словно написаны под копирку. Приведем лишь высказывание княгини Надежды Ивановны Голицыной, вместе с мужем и ребенком отступавшей из Польши с отрядами великого князя Константина Павловича:

Вот так мы покинули Варшаву, ту самую Варшаву, о которой отечески в течение шестнадцати лет заботился Цесаревич, его любимое местопребывание и цветущую столицу когда-то бедной и несчастной, а теперь, благодаря его заботливости, благоденствующей и богатой страны, хорошо управляемой и внушавшей зависть даже своим соседям-литовцам. <...> Благодаря организации полезных работ, край вскоре обрел вид полного благополучия: торговля процветала, поля обрабатывались как следует, и мирные сельские жители чувствовали себя покойно под защитой русского правительства. Пути сообщения стали вполне доступны, благодаря проложенным среди песков шоссе; на хорошо содержимых дорогах всюду были выстроенные почтовые станции. Много создавалось фабрик, возникли прекрасные казармы, Арсенал, чудесные, у самых ворот столицы, сады, красиво распланированные, все в цветах, вновь проложенные улицы, и надо всем этим — 40 тысячная армия, артиллерия в 100 орудий и три вполне оборудованных крепости. Все это было плодом шестнадцатилетнего мира и трудов, положенных Россией, и все это должно было в одно мгновение обратиться против нас и погрузиться в хаос⁷³.

Безусловно, положительные перемены, о которых писала Голицына и которые, по ее мнению, были перечеркнуты Ноябрьским

⁷² *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848) / сост. В. С. Нечаева. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. С. 45.

⁷³ *Голицына Н. И.* Воспоминания. С. 63–64.

восстанием, являлись заслугой не только России, но и в первую очередь самих польских правящих кругов и продолжением тех процессов, которые начались еще в конце XVIII в. В этом уверен современный польский историк и искусствовед Миколай Гетка-Кениг, связывающий трансформацию архитектуры Варшавы с модернизацией публичного пространства в результате бюрократизации и централизации административных структур в эпоху конституционного Царства Польского. Эти процессы выражались не только в увеличении числа правительственных резиденций, но и в таком проекте, как строительство Большого театра в 1825–1833 гг. по проекту А. Корацци, а также таких значительных зданий, предназначенных для общественных организаций, как дворцы Варшавского общества друзей науки или Варшавского благотворительного общества. Исследователь заключает:

В результате Варшава обогатилась рядом зданий в стиле классицизма, универсальная форма которых стала символическим выражением того общественно-политического идеала, которое конституционное Королевство Польское должно было представлять⁷⁴.

Однако в глазах русских преобразование Варшавы и рост ее благосостояния были неразрывно связаны лишь с политикой Александра I и деятельностью великого князя Константина Павловича во время его пребывания в Царстве Польском в качестве фактического наместника. И здесь стоит отметить преемственность картин преобразования Варшавы, запечатленных в эго-документах, с последующими устоявшимися суждениями о благоденствии поляков под скипетром Александра I, характерными для российской историографии XIX в. Образ Суворова, покоряющего Прагу, был также актуализирован в русской поэзии уже в 1831 г. Напротив, образ Варшавы как города удовольствий исчез в российском дискурсе после польских национально-освободительных восстаний 1830 и 1863 гг. и обострения польско-русских отношений. Что касается рассуждений о Польше и ее столице как о европейской провинции, то, как показано выше, они остаются актуальными по сей день.

⁷⁴ Getka-Kenig 2019: 34. См. также: Getka-Kenig 2017.

Литература

- Болтунова 2022 — *Болтунова Е.М.* Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII — начала XIX в. М.: НЛО, 2022. 560 с.
- Воронцова 2022 — *Воронцова К.* Польша в русской литературе постсоветского периода: обзор проблемы // *Tożsamość (w) przestrzeni. Сущность пространства / Пространство Сущности. Studia dedykowane Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi* / pod red. M. Chrząszcz, K. Dubiel, H. Duć-Fajfer. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2022. S. 67–76. DOI: 10.12797/9788381387316.03.
- Каштанова 2008 — *Каштанова О.С.* Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 годах (по воспоминаниям современников) // *Столица и провинция в истории России и Польши* / сост. Б.В. Носов. М.: Наука, 2008. С. 111–132.
- Лескинен 2004 — *Лескинен М.В.* Миф Европы и Польша в «Записках» В.С. Печерина // *Миф Европы в литературе и культуре Польши и России* / под ред. М.В. Лескинен, В.А. Хорева. М.: Индрик, 2004. С. 161–181.
- Макарова 2010 — *Макарова Г.В.* Контакты между русскими и поляками в начале XIX в. и их отражение в походных записках русских офицеров (1812–1813 гг.) // *Славянский альманах* 2009. 2010. С. 132–149.
- Мочалова 2004 — *Мочалова В.В.* Миф Европы у польских романтиков // *Миф Европы в литературе и культуре Польши и России* / под ред. М.В. Лескинен, В.А. Хорева. М.: Индрик, 2004. С. 129–146.
- Перетяцько 2019 — *Перетяцько А.Ю.* Польша и поляки глазами донского казака: мемуарное, публицистическое и литературное наследие И.С. Ульянова, офицера штаба великого князя Константина Павловича // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2019. Т. 14. № 1–2. С. 42–56.
- Перетяцько, Селезнева 2023 — *Перетяцько А.Ю., Селезнева М.А.* Образ романтической возлюбленной между двумя культурами: попытки перевода любовной лирики Адама Мицкевича казачьим офицером Иваном Ульяновым // *Центральноевропейские исследования*. 2023. Вып. 6. С. 245–272.
- Свирида 2002a — *Свирида И.И.* Варшава глазами русских. Конец XVII — начало XX в. // *Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре* / отв. ред. В.А. Хорев. М.: Индрик, 2002. С. 85–98.
- Свирида 2002b — *Свирида И.И.* О гедонистической ипостаси топоса Варшавы // *Studia polonica. К 70-летию Виктора Александровича Хорева* / отв. ред. В.К. Волков. М.: Индрик, 2002. С. 398–408.
- Серков, Удереvский 1985 — *Серков С., Удереvский Ю.* Писатель, воин, гражданин — Ф.Н. Глинка // *Глинка Ф.Н. Письма русского офицера* [Проза.

- Публицистика. Поэзия. Статьи. Письма] / сост., вступ. статья, коммент. С. Серкова и Ю. Удереvского. М.: Московский рабочий, 1985. С. 5–25.
- Соколов 2018 — *Соколов А. Р.* Русские в Варшаве в 1813–1815 годах: от Герцогства Варшавского к Царству Польскому // Новый исторический вестник. 2018. № 2 (56). С. 121–138.
- Филатова 2010 — *Филатова Н. М.* Русские и поляки в Королевстве Польском: неудавшийся опыт сближения // Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 494–526.
- Филатова 2018 — *Филатова Н. М.* Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым / отв. ред. Н. М. Куренная. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 24–40.
- Getka-Kenig 2017 — *Getka-Kenig M.* Architektura i prestiż nowoczesnego urzędu: przypadek budynków ministerialnych w Warszawie, stolicy konstytucyjnego Królestwa Polskiego (1815–1830) // Urzędnicy i urzędy w społeczeństwie XIX wieku / red. A. Kulecka. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. S. 39–52.
- Getka-Kenig 2019 — *Getka-Kenig M.* Rozwój monumentalnej architektury Warszawy na przełomie XVIII i XIX wieku a modernizacja przestrzeni publicznej // Wiek Oświecenia. 2019. T. 35. S. 11–44.
- Janion 2000 — *Janion M.* Do Europy — tak, ale z naszymi umarłymi. Warszawa: Krytyka Polityczna, 2000. 292 s.
- Kulik 2014 — *Kulik M.* Wielki Książę Konstanty Pawłowicz w świetle polskich pamiętników // Wolnomularstwo Narodowe. Walerian Łukasiński / red. W. Sliwowska. Warszawa: Neriton, 2014. S. 89–106.
- Majewski 2009 — *Majewski J.* Warszawa nieodbudowana. Królestwo Polskie w latach 1815–1840. Warszawa: VEDA Agencja Wydawnicza, 2009. 424 s.
- Szczypiorski 1964 — *Szczypiorski A.* Ćwierć wieku Warszawy. 1806–1830. Wrocław: Ossolineum, 1964. 210 s.

References

- Boltunova, E. M., 2022. *Poslednii pol'skii korol': koronatsiia Nikolaia I v Varshave v 1829 g. i pamiat' o russko-pol'skikh voynakh 17 — nachala 19 v.* [The last King of Poland: Coronation of Nicolas I in Warsaw in 1829 and the memory of the Russian-Polish Wars from the seventeenth to the early nineteenth centuries]. Moscow: NLO, 560 p. (in Rus.)
- Filatova, N. M., 2010. Russkie i poliaki v Korolevstve Pol'skom: neudavshiisja opyt sblizheniia [Russians and Poles in the Kingdom of Poland: failed rapprochement experience]. In: Falkovich, S. M., ed. *Pol'sha i Rossiia v pervoi*

- treći 19 v. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo 1815–1830* [Poland and Russia in the first third of the nineteenth century. From the history of the autonomous Kingdom of Poland. 1815–1830]. Moscow: Indrik, pp. 494–526. (in Rus.)
- Filatova, N. M., 2018. Podkhody k izucheniiu ègo-dokumentov v sovremennoi istoricheskoi nauke v svete “lingvisticheskogo povorota”. In: Kurennai, N. M., ed. *Dokument i “dokumental’noe” v slavianskikh kul’turakh: mezhdu podlinnym i mnimym* [Document and “documentary” in Slavic cultures: between the real and the imaginary]. M.: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 24–40. (in Rus.)
- Getka-Kenig, M., 2017. Architektura i prestiż nowoczesnego urzędu: przypadek budynków ministerialnych w Warszawie, stolicy konstytucyjnego Królestwa Polskiego (1815–1830). In: Kulecka, A., ed. *Urzędnicy i urzędy w społeczeństwie XIX wieku*. Warszawa, pp. 39–52.
- Getka-Kenig, M., 2019. Rozwój monumentalnej architektury Warszawy na przełomie 18 i 19 wieku a modernizacja przestrzeni publicznej. *Wiek Oświecenia*, 35, pp. 11–44.
- Janion, M., 2000. *Do Europy — tak, ale z naszymi umarłymi*. Warszawa: Krytyka Polityczna, 292 p.
- Kashtanova, O. S., 2008. Velikii kniaz’ Konstantin Pavlovich v Varshave v 1815–1830 godakh (po vospominaniiam sovremennikov). In: Nosov, B. V., ed. *Stolitsa i provintsii v istorii Rossii i Pol’shi* [The capital and the province in the history of Russia and Poland]. Moscow: Nauka, pp. 111–132. (in Rus.)
- Kulik, M., 2014. Wielki Książę Konstanty Pawłowicz w świetle polskich pamiętników. In: Śliwowska, W., ed. *Wolnomularstwo Narodowe. Walerian Łukasiński*. Warszawa: Neriton, pp. 89–106.
- Leskinen, M. V., 2009. Mif Evropy i Pol’sha v “Zapiskakh” V. S. Pecherina [The myth of Europe and Poland in the “Memoires” of V. S. Pecherin]. In: Leskinen, M. V., Khorev, V. A., eds. *The myth of Evropy v literature i kul’ture Pol’shi i Rossii* [Myth of Europe in literature and culture of Poland and Russia]. Moscow: Indrik, pp. 161–181. (in Rus.)
- Majewski, J., 2009. *Warszawa nieodbudowana. Królestwo Polskie w latach 1815–1840*. Warszawa: VEDA Agencja Wydawnicza, 424 p.
- Makarova, G. V., 2010. Kontakty mezhdu russkimi i poliakami v nachale 19 v. i ikh otrazhenie v pokhodnykh zapiskakh russkikh ofitserov (1812–1813 gg.) [Russian-Polish contacts in early nineteenth century and their reflection in the memoirs of Russian officers (1812–1813)]. *Slavianskii almanach* [Slavic almanach] 2009, pp. 132–149. (in Rus.)
- Mochalova, V. V., 2019. Mif Evropy u pol’skikh romantikov [The myth of Europe by Polish romantics]. In: Leskinen, M. V., Khorev, V. A., eds. *The myth of Evropy v literature i kul’ture Pol’shi i Rossii* [Myth of Europe in literature and culture of Poland and Russia]. Moscow: Indrik, pp. 129–146. (in Rus.)

- Peretiat'ko, A. Yu., 2019. Pol'sha i poliaki glazami donsogo kazaka: memuarnoe, publitsisticheskoe i literaturnoe nasledie I. S. Ul'ianova, ofitsera shtaba velikogo kniazia Konstantina Pavlovicha [Poland and the Poles through the eyes of a Don Cossack: the memoir, journalistic and literary heritage of I. S. Ul'ianov, an officer on the staff of Grand Duke Konstantin Pavlovich]. *Slavic World in the Third Millennium*, 14, 1–2, pp. 42–56. (in Rus.)
- Peretiat'ko, A. Yu., Selezneva, M. A., 2023. Obraz romanticheskoi vozliublennoi mezhdu dvumia kul'turami: popytki perevoda liubovnoi liriki Adama Mickievicha kazach'im ofitserom Ivanom Ul'ianovym [The image of a romantic female-beloved between two cultures: The attempts at translating of Adam Mickiewicz' love lyrics by Cossack officer Ivan Ul'ianov]. *Central-European Studies*, 6, pp. 245–272. (in Rus.)
- Serkov, S., Uderevskii, Iu., 1985. Pisatel', voyn, grazhdanin — F.N. Glinka [Writer, warrior, and citizen — Fedor N. Glinka]. In: Serkov, S., Uderevskii, Iu., eds. *Glinka F.N. Pis'ma russkogo ofitsera*. [Proza. Publitsistika. Poeziia. Stat'i. Pis'ma] [Glinka F.N. Letters of a Russian officer. Prose. Political writings. Poetry. Articles. Letters]. Moscow: Moskovskii rabochii, pp. 5–25. (in Rus.)
- Sokolov, A. R., 2018. Russkie v Varshave v 1813–1815 godakh: ot Gertsogstva Varshavskogo k Tsarstvu Pol'skomu [Russians in Warsaw in 1813–1815: From the Duchy of Warsaw to the Kingdom of Poland]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2(56), pp. 121–138. (in Rus.)
- Svirida, I. I., 2002. O gedonisticheskoi ipostasi toposa Varshavy [On the hedonistic hypostasis of the topos of Warsaw]. In: Volkov, V. K., ed. *Studia polonica. K 70-letiiu Viktora Aleksandrovicha Khoreva* [Studia Polonica. To the 70th anniversary of Viktor A. Khorev]. Moscow: Indrik, pp. 398–408. (in Rus.)
- Svirida, I. I., 2002. Varshava glazami russkikh. Konets 17 — nachalo 20 v. [Warsaw through the eyes of Russians. From the late seventeenth to the early twentieth centuries]. In: Khorev, V. A., ed. *Rossia — Pol'sha. Obrazy i stereotipy v literature i kul'ture* [Russia — Poland. Images and stereotypes in literature and culture]. Moscow: Indrik, pp. 85–98. (in Rus.)
- Szczypiorski, A., 1964. *Ćwierć wieku Warszawy. 1806–1830*. Wrocław: Ossolineum, 210 p.
- Vorontsova, K., 2022. Pol'sha v russkoi literature postsovetskogo perioda: obzor problem [Poland in Russian literature of the post-Soviet period: An overview of the problems]. In: Chrzęszcz, M., Dubiel, K., Duć-Fajfer, H., eds. *Tożsamość (w) przestrzeni. Sushchnost' prostranstva / Prostranstvo Sushchnosti. Studia dedykowane Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi*. Kraków: Księgarnia Akademicka, pp. 67–76. doi: 10.12797/9788381387316.03. (in Rus.)

Natalia M. Filatova

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334. Leninskii Prospekt, 32A.
E-mail: natalifilatova@yandex.ru

“Capua” and “European Kostroma”. Warsaw from 1813 to the 1820s Through the Eyes of Russians

The subject of research in the article are the characteristic features of the Russian vision of Warsaw, associated with the era of the Russian army's foreign campaigns of 1813–1814 and the establishment of the Polish state under the aegis of Russia in 1815. The bulk of the material consists of ego-documents. Diaries, travel notes, and memoirs of military men who passed through the Polish lands in 1813–1815, as well as those who stayed in the Kingdom of Poland or arrived there to serve after 1815, are examined. Among the latter are officers from the Russian Guards regiments stationed in Warsaw, who, like the Polish army, were under the command of Grand Duke Konstantin Pavlovich, and civilians (primarily Prince Petr A. Viazemsky, who served in the chancellery of Nikolai N. Novosiltsev, the Emperor's personal representative in the administration of the Kingdom of Poland). The picture is completed by the guidebooks published in Russian in 1818–1822, which reflected the official image of a prosperous Warsaw. The focus lies on descriptions of Warsaw, its comparison with other Polish cities, and the correlation of impressions of the Polish capital with general perceptions of Poland. Most notable are the historical precepts about Poland's past and Russian-Polish relations to Warsaw. There is a connection between the images of Warsaw's transformation and the later established judgments about the prosperity of Poles under the sceptre of Alexander I. Assessments of the city through the prism of personal experience and the author's own biography also prove to be revealing. The topics of the enlightenment role of the capital as well as Warsaw as a centre of entertainment and pleasant pastime are most clearly visible in this connection. Warsaw both attracted and repelled Russians, depending on the degree of their incorporation into local life. For example, Petr A. Viazemsky, who at first disparagingly called Warsaw the “European Kostroma”, began to regard it more highly as he became closer to the educated Polish society.

Keywords: Warsaw, Duchy of Warsaw (1807–1815), Congress Kingdom of Poland (1815–1830), Russian-Polish relations in the nineteenth century, ego-documents, Russian memoirs, Fedor N. Glinka, Petr A. Viazemsky

Received: 15 May 2025

Accepted: 24 June 2025

How to cite: Filatova, N. M., 2025. “Капуя” и “европейская Кострома”. *Varshava 1813 – 1820-kh godov glazami russkikh. Central-European Studies*, 8, pp. 13–41. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.1>

Елена Павловна Серапионова

Доктор исторических наук, доцент, заведующая отделом, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А.

E-mail: e.serapionova@inslav.ru

Российские города в восприятии чехословацких легионеров (1914–1920 гг.)

Перед Первой мировой войной в России проживали и работали около 100 тыс. чехов и словаков. С ее началом часть из них выступили в поддержку России и выразили готовность воевать на ее стороне. Вскоре в Киеве началось формирование Чешской дружины. В дальнейшем она стала пополняться за счет попавших в плен солдат и офицеров, и к осени 1917 г. чехословацкие части насчитывали уже около 30 тыс., но процесс пополнения теперь уже корпуса продолжался, и к моменту эвакуации чехословацкой армии из России в 1920 г. ее численность составляла более 60 тыс. человек. Легионеры провели в России не один год, перемещались по ее бескрайним просторам сначала в составе Русской армии до Карпатских хребтов, а затем после революции и прихода к власти большевиков — от Украины до Владивостока. При этом они побывали в разных городах, увидели городскую жизнь изнутри, познакомились с местным населением и везде подмечали особенности городской среды. Цель статьи — показать восприятие иностранцами российской действительности, которое добавляет ярких красок и неожиданных деталей в картину российской истории накануне и в годы Первой мировой и Гражданской войн. Имагология (наука о законах создания и интерпретации образов «чужого» и «чужих») активно развивается в последнее время. История городов и их восприятия — часть краеведения, объединяющего элементы природоведения, географии, культуры, архитектуры, народонаселения и городского хозяйства — находится в центре внимания как историков, так и литературоведов. В воспоминаниях, дневниках и военной публицистике чехословацких легионеров отразились разные периоды и стороны жизни российских городов: от мирной картины приморского курортного городка до сибирских больших и малых центров в условиях революции и Гражданской войны. По этим источникам можно проследить как историю самого корпуса, так и историю России указанного периода. Целый kaleidoscope городов и местечек проходит перед читателем, позволяя отметить динамику быстро менявшейся ситуации на местах, сопоставить и классифицировать города, выявляя типологию и специфику каждого. Не забывали легионеры изобразить и себя, не скрывая правды об изменении отношения к ним со стороны

местного населения. Сравнивая эти описания, можно прийти к выводам о достаточной доле объективности их авторов, хотя, конечно, непростая военная обстановка, особенно в условиях жестокого гражданского противостояния, не могла не сказаться на их повествовании. В статье использованы материалы разных жанров: дневники, воспоминания, публицистика и даже автобиографическая документальная проза.

Ключевые слова: чехословацкие легионеры, Первая мировая война, российские города, Гражданская война в России

Статья поступила в редакцию: 28 февраля 2025 г.

Статья принята к публикации: 15 мая 2025 г.

Цитирование: Серапионова Е.П. Российские города в восприятии чехословацких легионеров (1914–1920 гг.) // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 42–67. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.2>

Перед Первой мировой войной в России жили и работали около 100 тыс. чехов и словаков¹. Часть их приняли российское подданство, остальные сохраняли австро-венгерское². «Русские чехи и словаки» хорошо знали российскую действительность, могли сравнивать жизнь в довоенных городах с военным временем, а также с периодами революционного хаоса и Гражданской войны. Уже в 1914 г. из «русских чехов и словаков» была создана так называемая Чешская дружина (около 700 человек, получивших название «стародружинники»)³, которая в дальнейшем пополнялась за счет военнопленных-добровольцев, изъявивших желание воевать на стороне России. К осени 1917 г. сформировался Чехословацкий корпус, в годы Гражданской войны выступивший против большевиков⁴. Солдаты и офицеры корпуса провели в России не один год. Их восприятие российской действительности не было похоже на поверхностные впечатления путешествующих иностранцев. Можно сказать, что они видели жизнь России в ее городах, селах и деревушках изнутри, многие

¹ По данным переписи населения 1897 г. в России зафиксировано 50 385 чехов и словаков. Цифра 100 тыс. относится к кануну Первой мировой войны и приводится в литературе (Клеванский 1965: 14–15). С учетом высокой рождаемости того времени и не прекращавшегося притока переселенцев в Россию в начале XX в. двукратное увеличение числа чехов и словаков в России за 17 лет вполне вероятно.

² О чехах и словаках в России см. подробнее: Vaculík 2009: 179–205; Серапионова 2021.

³ Galandauer a kol. 1993: 23; Татаров 2009: 13.

⁴ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. М.: Кучково поле, 2018. Т. 2. С. 25.

за годы пребывания в плену и в воинских частях неплохо выучили русский язык, знали русских и воевали с ними бок о бок. Вместе с тем все они, как жители городов, так и деревень, вспоминали родину, невольно сравнивали европейские города с российскими, небольшие европейские пространства с огромными российскими просторами. Среди легионеров были выходцы из разных городов, с различным образованием и профессиями, отличавшиеся по возрасту. Например, чехословацкий легионер, впоследствии ставший писателем, Вацлав Каплицкий (1895–1982) так описывал свою роту:

Это были люди из Чехии, Моравии, один силезец, двое из Вены, и даже один словак, самый старший был дед Дадак, крестьянин из южной Моравии, ему уже было за 60, самые младшие Брабец и Образ, оба пражане <...>. В других ротах было приблизительно так же⁵.

Оставили воспоминания и дневники, конечно, в основном люди образованные.

В последние десятилетия в России активно развивается имагология, или наука о законах создания и интерпретации образов «чужого» и «чужих»⁶. История городов и их восприятия — часть краеведения, объединяющего элементы природоведения, географии, культуры, архитектуры, народонаселения и городского хозяйства — также находится в центре внимания как историков, так и литературоведов⁷. Целью статьи является анализ восприятия иностранцами российской действительности,

⁵ *Kaplický V. Hrst vzpomínek z dospělosti* / ed. V. Kučera. Praha: Národní archiv, 2010. S. 9–10.

⁶ См., например, исследования и документальные публикации: Хорев (ред.) 2000; Хорев 2012; Русские о Сербии и сербах. Т. 1. Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб.: Алетей, 2006. 684 с.; Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства) / сост., подг. к изд., введ., закл. ст. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. М.: «Индрик», 2014. 632 с.; Русские о Сербии и сербах. Т. III (сербские сочинения П.А. Ровинского) / сост., введ. А.Л. Шемякина; комм. А.Л. Шемякина, А.А. Силкина; подг. к изд. М.В. Лескинен, Ю.В. Лобачевой, Н.С. Гусева. СПб.; М.: Нестор-История, 2019. 404 с.; Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров — участников Венгерского похода 1849 года / сост., вступ. ст. и комм. М.Ю. Дронова. М.: Издательский дом «Граница», 2020. 160 с.; Езерник 2017; Липатов, Созина (ред.) 2014; Борисенко (ред.) 2012; Узенева (ред.) 2011; Узенева (ред.) 2012 и др.

⁷ Из недавних проектов Института славяноведения РАН см., например: Старикова (ред.) 2023; Хаванова, Ващенко (ред.) 2024.

в том числе провинциальной, городской, что добавляет краски и неожиданные детали к пониманию процессов, шедших в российском обществе кануна и периода Первой мировой и Гражданской войн.

Чехи и словаки в России: историография и источники

О восприятии России легионерами в период революционных потрясений и Гражданской войны уже писали историки⁸, но не выделяли специально города. А между тем в межвоенный период были написаны и опубликованы многочисленные воспоминания о легионерской эпопее, в которых отразилась и тема городской жизни. В так называемый социалистический отрезок чехословацкой истории, после февральского переворота 1948 г., когда к власти пришли коммунисты, а СССР стал не только военно-политическим, но идеологическим и экономическим союзником, легионерский анабазис почти не изучался, в том числе и из-за конфликта легионеров с большевиками. Ситуация в корне изменилась после 1989 г., с развалом социалистической системы, отказом от прежних марксистско-ленинских догм и цензурных запретов. Легионеры вновь стали интерпретироваться в чешской и словацкой историографиях как герои, а количество публикуемых дневников и воспоминаний добровольцев, как они сами себя называли, многократно возросло.

Конечно, необходимо учитывать специфику этих мемуаров. На восприятие, в том числе городов, влияло не только сопоставление с центральноевропейскими городами или городами Западной Европы и США, где некоторые из легионеров успели побывать, но и военные события. Возможно несколько превышающее в данной статье обычную норму цитирование связано с тем, что хотелось сохранить авторский стиль и интонации, так как эти выдержки из воспоминаний, видимо, и являются наиболее интересными. Они позволяют дополнить знания о российском прошлом впечатлениями иностранцев.

Недавно в России вышел в свет сборник чешских литературных материалов о Первой мировой и русской Гражданской войнах, в который вошли эго-документы (дневник, воспоминания) и литературные произведения (документальная повесть, рассказ и даже часть романа

⁸ См., например: Harbuřová 2001.

о сибирской эпопее) в переводе на русский язык и с комментариями переводчика и составителя Сергея Солоуха⁹. В этих материалах кроме всего прочего отражена городская жизнь в этот сложный период российской истории. В статье использованы также отдельные воспоминания, дневники и публицистика тех лет, изданные на чешском языке¹⁰.

Что же описывали легионеры? На что обращали внимание? Российские города в описаниях легионеров представлены очень многопланово: это и расположение, и природа, и архитектура, и история, и развлечения, и погода, но главное — люди, горожане и горожанки, их настроения и реакция на военные события. Некоторые авторы живописали и себя на улицах российских городов и городков. Разница была колоссальная в описании мирного и военного времени, а также революционной смуты и Гражданской войны.

Мирный приморский городок глазами чешского «сокола»

Вот каким увидел Геленджик, где собрался провести каникулы в самый канун войны летом 1914 г., учитель гимнастики, член сокольского общества, с 1911 г. работавший в экономическом лицее Екатеринодара, а впоследствии легендарный полковник Йозеф Йирж Швец (1883–1918)¹¹:

Я отправился в Геленджик, небольшой городок, на берегу Черного моря поблизости от Новороссийска. Городок замечательно

⁹ Kde domov můj? Сборник чешских литературных материалов о Первой мировой и русской Гражданской войнах / сост., пер. с чеш., предисл. и коммент. С. Солоуха. М.; СПб.: RUGRAM Пальмира, 2024. 661 с. (Пальмира — Классика).

¹⁰ Medek R. Blaník. Úvahy, poznámky, sny, výzvy a dokumenty o československém revolučním vojsku. 1916–1920. Praha, 1921. 78 s.; Kaplický V. Hrst vzpomínek z dospělosti. 188 s.; Kříž A. Starodružník pod prvním praporem. Deník legionáře Adama Kříže. Liberec, 2014. 232 s.

¹¹ О полковнике Й. Й. Швеце написаны статьи и книги, ему посвящена драма поэта, писателя и драматурга, тоже бывшего легионера Рудольфа Медека (1928 г.). Она ставилась во многих театрах и до сих пор идет на сцене Национального театра в Праге. Й. Швец покончил жизнь самоубийством после того, как бойцы его подразделения отказались выполнять приказ. Это произвело глубокое впечатление на солдат, которые восприняли это как самопожертвование и приказ выполнили. Швец был похоронен в Челябинске в день, когда была провозглашена независимость Чехословакии, 28 октября 1918 г.

расположен, лежит у залива, который в свою очередь одно из прекраснейших мест на побережье. Относительная дешевизна, множество садов и зелени, великолепные горные окрестности и чистый морской воздух¹².

Затем он нарисовал картины беззаботного отдыха у моря, где они с приятелем плавали, принимали солнечные ванны и вскоре так загорели, что в Чехии, как он писал, никто бы их не узнал. «Многие из посетителей купальни нас принимали за африканцев и не хотели верить, что мы на самом деле чехи»¹³, — признавался он. Молодой человек обратил внимание на то, что представительницы прекрасного пола «отменные пловчихи»¹⁴ и «все умели кокетничать»¹⁵. Он вспоминал отличные ужины, иногда с водкой, иногда с «приятным и вкусным новороссийским вином»¹⁶, замечательные поездки на моторной лодке до Тонкого мыса. В самом Геленджике и его окрестностях жило много чехов, да и они с приятелем остановились у екатеринодарских знакомых, в доме Ивана Васильевича Крупадерова, женатого на чешке, родом из чешской деревни под Новороссийском. Поэтому у них быстро возникла своя компания, с которой они проводили время, пели, играли в домино, карты, ходили в кинотеатр или на прогулки. «В общем, — подвел итог Шве́ц в дневнике, — очень хорошо было у моря в Геленджике: прекрасная компания, море, небо, окрестности, воздух, все это создавало такое настроение, что мы забывали о всем прочем на свете»¹⁷. И еще: «Жили мы <...> словно в раю и недолгое время, проведенное там, кажется мне самым чудесным в моей жизни»¹⁸.

Первая мировая война в восприятии легионеров

В дневнике Шве́ца описана и военная действительность, так как он добровольно вступил в Чешскую дружину. Но описания самого города у него скупы. Скорее его интересовало, сколько и откуда прибыло чехов и словаков — добровольцев, как шла военная

¹² Шве́ц Й.Й. Дневник полковника Шве́ца // Kde domov můj? С. 146–147.

¹³ Там же. С. 147.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 148.

¹⁶ Там же. С. 149.

¹⁷ Там же. С. 151.

¹⁸ Там же. С. 147.

подготовка, отношения с русскими командирами, присяга перед отправкой на фронт. О городе лишь упоминания: «В Киев мы приехали утром в воскресенье 24 августа (2 сентября). С вокзала сразу направились в гостиницу “Прага”, где была канцелярия чешского комитета»¹⁹. После записи в добровольцы их проводили до Михайловского монастыря, где уже располагались раньше приехавшие харьковские и екатеринославские чехи и словаки. Судя по дневниковым записям, география приехавших была разнообразна: из Новороссийска, Бессарабии, Баку, Одессы, из Верного (близ Ташкента), Екатеринбурга, Варшавы. Всего к тому времени собралось около 200 человек. Еще о Киеве, вернее о добровольцах в Киеве: «В Киеве было очень весело»²⁰. <...> Днем мы ходили на “занятия”, вечерами гулять в город, времени хватало и на учебу, и на потеху»²¹. В дружине был свой струнный оркестр.

У Швеца в дневнике можно найти подробности военных будней, описания того, как чехи и словаки наступали, а затем отступали вместе с Русской армией. Он несколько раз с фронта ездил в Киев, в том числе на съезд чехословацких обществ в России, а также побывал в отпуске в Екатеринодаре. Однако в военный период у него отсутствует подробное описание городов, скорее его интересуют люди, встречи, разговоры, передвижения, боевые операции, бытовая жизнь, снабжение и редкие развлечения. Пожалуй, единственный отзыв о городе Пензе относится уже к маю 1918 г., когда эшелоны с чехословацкими частями следовали в направлении на Владивосток, откуда должны были быть эвакуированы во Францию для продолжения борьбы на Западном фронте. Швец отметил в дневнике:

Наконец прибыли в Пензу. Очень приличное место, чистое, но без каких-то запоминающихся особенностей. Театр, кинематограф, американские горки, а из других аттракционов — чешско-немецко-мадыарско-русские коммунисты, которые боятся нас как черт лаdana²².

Еще один легионер и стародружинник Адам Кржиж оставил в дневнике описание Киева начала Первой мировой войны, в момент формирования там Чешской дружины. Сначала дружинников

¹⁹ Швец Й. Й. Дневник полковника Швеца. С. 164.

²⁰ Там же. С. 166.

²¹ Там же. С. 170–171.

²² Там же. С. 381.

не выпускали в город: кроме военной науки их обучали правилам поведения военных в городе. Вот что Кржиж поведал о первом знакомстве с городом:

Мне был очень любопытен Киев, поэтому я пошел на главную улицу, располагавшуюся неподалеку, на Кресчатик, всегда переполненный публикой. Я прогуливался, рассматривал богатые витрины, наблюдал за оживленным движением, и постоянно отдавал честь. Офицеры там прямо роились²³.

Затем он описал случившийся с ним курьез, когда он, увидев у красивого здания важного господина в форме, с красной фуражкой и в плаще, отделанном красным, решил, что перед ним генерал, встал по стойке смирно и отдал честь, и только потом увидел надпись на его фуражке «Кино Элитте». Это вызвало усмешку на лице важного господина, оказавшегося швейцаром, и смех наблюдавшей за этой сценой публики. Ему стало стыдно, он разозлился, мысленно послал всех генералов к черту и закурил на улице, что строго запрещалось солдатам. И тут его увидел настоящий генерал, стал его бранить и отчитывать, но, узнав, что он из Чешской дружины, смягчился, но повторил, что курить на улицах запрещено.

Второй случай в городе также описан им с юмором. На этот раз он получил увольнительную вместе с двумя приятелями. И они уже втроем опять пошли на Крещатик, «чтобы поглазеть на киевских красавиц, которых там было столько, что в глазах пестрело, а сердце колотилось»²⁴. У всех было прекрасное настроение, и они отпускали по-чешски шуточки в адрес встречавшихся барышень, уверенные в том, что их никто не понимает. И как же они растерялись, когда одна симпатичная барышня обратилась к ним на чистом чешском языке, поблагодарила за лестные комплименты, но заметила, что лучше бы им развлечься чем-то иным. Дело в том, что в Киеве была одна из самых крупных в России чешских диаспор. И хотя Кржиж описывал уже военное время, судя по всему, далекий от фронта в 1914 г. город жил своей обычной жизнью. А молодые люди, конечно же, обращали прежде всего внимание на хорошеньких барышень.

²³ Kříž A. Starodružiník pod prvním praporem. S. 25–26.

²⁴ Ibid. S. 26–27.

Рудольф Медек в статье «Два пути» (июль 1916 г.) писал о Киеве перед отправкой на фронт:

Мое место здесь — и я стою здесь со спокойной и уравновешенной душой, расстанусь с товарищами, со зданием, которое во веки не забуду, с которым связано так много воспоминаний, иду под звуки музыки по улицам города, который стал для меня второй Прагой за время моего здесь пребывания. Расстанусь с ним весело, так как знаю, что все эти приветствия, цветы, улыбки и взмахи платочками — искренние приветы удивительного народа <...>, который стал нашим братом²⁵.

В статье «Новички» он с благодарностью упомянул Ташкент (где был большой лагерь военнопленных), который прислал в чехословацкие части дисциплинированных и идейно зрелых «новодружинников»²⁶. В другой статье «Уличный разговор» Медек рисовал уже самих легионеров в Киеве:

Два пожилых господина идут вниз по Бибиковскому бульвару к Кресцатику. Неожиданно сзади с базара на Бессарабке раздается песня. Господа останавливаются. Это не русская песня. Через мгновение они видят первые ряды молодых солдат, статных и энергичных, марширующих под песню, которая звучит несколько меланхолично²⁷.

Далее один господин объяснил другому, что это не австрийцы, а чехи, которые добровольно вызвались воевать на стороне России, и уверил, что они добьются своей цели и освободят Чехию. А второй ответил, что в таком случае рад был увидеть чехов. В статье «Заметки» автор писал, что опять прибыл в Киев, но уже в другое время — в июне 1917 г.:

Сегодня я в Киеве, городе, где так бурно течет жизнь в эти чудесные революционные дни, но вернулся я уже совсем другим человеком, чем был в июне 1914 г., <...> здоровее, сильнее, тверже, <...> но старый пафос еще остался. Осталась прежде всего вера во все прекрасное, сильное и свободное²⁸.

²⁵ Medek R. Bláník. S. 13.

²⁶ Ibid. S. 24.

²⁷ Ibid. S. 25.

²⁸ Ibid. S. 29.

На страницах газет и журналов, таких как *Čechoslován* («Чехослован»), *Čechoslovák* («Чехословак»), *Československý deník* («Чехословацкий дневник»), *Československý voják* («Чехословацкий воин»), выходивших в России, в статьях, опубликованных им в 1916–1920 гг., а затем в 1921 г., собранных в одну книгу, мелькали названия и других городов: Зборова — где чехословацкие легионеры впервые выступили как самостоятельная боевая единица и добились блестящих результатов, Челябинска — где был похоронен Й. Швец, далее — Тарнополя, Риги и Уфы, Владивостока, куда лежал их путь с Украины через Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Но эти города лишь упоминаются.

Гражданская война глазами легионеров

А вот иной период: сибирские просторы и начало Гражданской войны. Таким запомнился сибирский Мариинск легионеру Вацлаву Хабу (1895–1983), впоследствии писателю, журналисту, историку и переводчику:

Была Сибирь во всей своей полноте широкой и долгой. Лес и лес. Реки. <...> Со временем самые большие прогалины стали городами и от них, словно в полотно, которое подвыпивший ткач слишком резким движением потянул на станке, во все стороны полезли неровные и длинные разрывы в однообразной зелени тайги. <...> На этих местах возникали и продолжают возникать деревни²⁹.

Есть здесь и сравнение с чешской действительностью:

То, что в нашей истории страницы давних веков, и то, о чем мы детски читали с открытым ртом и пересохшим от волнения горлом. Здесь день самый, что ни есть, сегодняшний. Жгут и вырубают леса, и землю впервые с ее рождения переворачивает плуг. Два, может быть, три места стали городами, подобные тем, что бывают в Европе. Но большинство так и остались в первобытной своей самобытности, с крышами, крытыми бревнами, и широкими, немощеными улицами. <...> Мариинск — как раз одно из таких мест³⁰.

Затем автор сравнил малые и большие сибирские города, признавая, что крупные города похожи на европейские, что нельзя сказать

²⁹ Хаб В. Мариинск // Kde domov můj? С. 23.

³⁰ Там же.

о небольших городках, таких как Мариинск, расположенный на перекрестке великого сибирского тракта между Новониколаевском (Новосибирском) на р. Обь и Красноярском на р. Енисей. Рассказывая об истории Мариинска, он писал:

До самого 1856 г. была это самая обычная деревня, дома из бревен, городьба из досок и крыши из березовой коры, как и все подобные в России той поры <...>. Но в этот год улынулись ей государевы очи и стала деревня городом. Но вот судьба не стала в свою очередь улыбаться, и не дала новому городу ни власти, ни денег³¹.

По его мнению, Мариинску не повезло — никаких выдающихся исторических событий там не происходило:

Другие города, и новые, и старые, на более широких реках и куда как более важных перекрестках, больше любилась купцам и чиновникам, монахам и солдатам. Вырос старый Томск на севере, старый Красноярск на востоке, молодой Новониколаевск на западе. Они насчитывали уже десятки тысяч жителей, а старый Мариинск подобрался лишь к девяти тысячам в революцию. Но даже поток беженцев из Европы тут высокой пеной не осел. Был город сельским центром, им и остался³².

Возможно, автор преувеличил значимость и масштаб событий, которые затем подробно изложил, так как полагал, что название города Мариинск в связи с началом выступления чехословацких легионеров против большевиков навсегда останется в истории. Это справедливо лишь отчасти, возможно, для историков, занимающихся историей чехословацкого национально-освободительного движения в России и историей Гражданской войны на востоке страны, и, вероятно, для местных жителей. Его мнение изложено достаточно ярко:

Уже был подписан мир в Брест-Литовске, уже советская революция от Петрограда и Москвы докатилась до Владивостока и Камчатки, и уже казалось, что ни мировая война, ни революция так и не коснутся забытой сибирской берлоги, которая все уже упустила в своем прошлом и ни к чему не стремилась в будущем, как вдруг однажды на станции выступили чехословаки против советской власти — началась война. Стрельба, рытье окопов и могил, над гробами зазвучали речи, и возникли новые власти, которые, по словам одного

³¹ Хаб В. Мариинск. С. 24.

³² Там же.

невозможно высокопарного поэта, попытались вспать повернуть колесо истории, и на целой земле от польских границ до Китая разгорелась битва — и теперь название еще недавно спавшей вечным сном сибирской берлоги уже никогда не сотрется ни со страниц исторических книг, ни из памяти людей, что захотят написать о русской революции и о гражданской войне 1917–1920 годов³³.

Еще один легионер Йозеф Мнехура, проделавший весь путь с чехословацкими легионами из Украины до Владивостока, в первый период боев с большевиками, когда легионерам в короткое время удалось захватить почти всю Транссибирскую магистраль, обратил внимание в воспоминаниях на восторженную реакцию местного населения занимаемых городов на освобождение от большевиков. Вот как он описал обстановку в Кургане после его занятия:

Везде, где бы мы ни появлялись в городе, нас встречали горячими овациями. Нас приглашали на чай в русские семьи, а курганские дамы позднее в знак благодарности за освобождение от большевиков обшили наш полковой стяг ленточкой³⁴.

Почти то же самое происходило и после вступления в Омск:

В Омске вновь свалилась на нас неожиданная и не слишком желанная слава. Все наши части, которые оказались на станции, прошли по городу торжественным маршем, бурно приветствуемые населением, которое называло нас своими освободителями. В честь чехословаков давались концерты, банкеты, собрания, был устроен сбор средств на лечение наших раненых, газеты не переставали публиковать статьи, кипящие восторгами по поводу чехословаков. Ни одно общественное мероприятие не обходилось без присутствия наших представителей или речей в честь чехословаков, которые между тем продолжали с боями, освобождая станцию за станцией, продвигаться по бесконечной сибирской магистрали все дальше и дальше, открывая себе таким образом путь на восток³⁵.

То же самое повторилось и в Тюмени:

Двадцатого июля наши эшелоны прибыли в уже освобожденную Тюмень, уездный город, расположенный в 540 верстах от Омска.

³³ Там же. С. 24–25.

³⁴ *Мнехура Й.* Разведчики у Казани. Воспоминания // *Kde domov můj?* С. 422.

³⁵ Там же. С. 427.

Здесь все началось снова: слава, музыка, концерты, букеты, речи — все в честь чехословаков. На каком-то из этих торжественных мероприятий к нам обратилась сама бабушка русской революции Брежневская³⁶.

А такой Мнехура увидел Казань:

Был уже вечер, когда на горизонте возникла Казань. На протяжении нескольких верст тянется вдоль левого берега Волги казанская пристань. Некоторые из больших пассажирских пароходов, стоявших на якоре у самой южной оконечности пристани, были освещены и казались издали огромными морскими судами. <...> Сейчас перед нами наводящая на всех страх волжская флотилия. Первый и последний раз в своей истории имели мы собственный военный флот на Волге в России. <...> Первое впечатление от всего увиденного было самое благоприятное. Прибыли мы в большой, очень богатый город, все население которого единодушно стоит на стороне новой русской демократической противобольшевистской власти³⁷.

Из других впечатлений запомнилось большое количество сахара и чая, которое там получали legionеры. В Казани существовали самые большие армейские склады в России и хранилась большая часть российского золотого запаса.

Однако чехословаки владели всей магистралью всего два месяца. Большевикам удалось создать Красную армию, постоянно пополняемую, с определенной дисциплиной, и для чехословаков настал другой период — поражений и отступления на восток. Но уже при занятии Казани Мнехура заметил далеко не безоблачную ситуацию: «Еще ни в одном, освобожденном нами от большевиков городе, мы не видели эвакуации, да еще проходившей с такой необыкновенной быстротой, как здесь»³⁸.

А вот и яркая картина отступления из Казани:

Казалось, вся Казань решила уйти вместе с нами. В направлении Лаишево, пристани на берегу Камы, шли вместе с нами люди всех

³⁶ Мнехура *Й.* Разведчики у Казани. Воспоминания. С. 431. Брежневская Екатерина Константиновна (1840–1934) — русская революционерка-народница, одна из основателей и лидеров партии социалистов-революционеров и ее боевого крыла — Боевой организации.

³⁷ Там же. С. 443.

³⁸ Там же. С. 445.

родов и сословий. Пешком, на возах, верхом уходили из города мужчины, женщины, дети, старики, с тем малым, что можно было в спешке собрать и взять с собой. <...> Насколько хватало глаз, текла и текла по казанской равнине вместе с нами к Каме масса этой волнующейся толпы³⁹.

Адольф Земан (1883–1937) в романе «Васил Иннокентьевич», написанном на основе личных воспоминаний и заметок, ярко описал резко менявшуюся обстановку за четыре дня штурма повстанцами Иркутска, находившегося в руках колчаковцев. В тот момент чехословацкие легионеры уже не воевали на фронте и наблюдали за событиями, сохраняя нейтралитет. Но все их симпатии, по словам Земана, были на стороне восставших рабочих и эсеровских вооруженных частей во главе с так называемым Политическим центром, наступавших на город. И чехословацкое политическое руководство, и военное были тесно связаны с эсерами, наиболее близкими им в идейном плане и как союзники, с которыми они установили тесный контакт еще на Волге. Именно через сеть эсеровских кооперативов шло снабжение чехословацких войск.

Земан начал описание с расположения самого города:

Живописно на низком полуострове, с двух сторон омываемом дугой зеленой Ангары, а с третьей — речкой Ушаковкой, располагался город. Невысокий, но крутой противоположный берег Ангары, где один к одному лепятся деревянные домики глазговского предместья, был выбелен снегом. Вдоль прибрежного склона бежала змея рельсов к Байкалу, а у самого его подножья, сразу за понтонным мостом, сейчас разобранным, шумел и гремел вокзал⁴⁰.

Первое, что бросилось ему в глаза, это резкое противостояние двух групп одного города:

Я шел по улице, с любопытством глядя вокруг. <...> У гостиницы “Модерн” стояла группа офицеров, а рядом кучка извозчицких саней, возницы которых, такие характерные и знакомые, о чем-то толковали чуть поодаль. И было очень интересно смотреть на эти две группы людей одного города. Офицеры оживленно жестикулировали и громко <...> обсуждали ситуацию. <...> Кружок возниц

³⁹ Там же. С. 528.

⁴⁰ Там же. С. 538.

держался совсем по-другому <...>, и всякий раз, когда в группе по соседству раздавался взрыв смеха, кто-то из возчиков бросал грозный и огненный взгляд в сторону офицеров, взгляд, в котором считалась безмерная злоба и неприязнь⁴¹.

Началась атака наступавших: «Треск ружейных выстрелов усиливался и пушки непрерывно стреляли одна за другой»⁴², — вспоминал герой Земана. Но первая атака была отбита, и город на какое-то время обрел спокойствие:

И вдруг все смолкло. Когда через полчаса я вновь оказался у гостиницы “Модерн”, там царило неописуемое оживление. Стрельба прекратилась и сейчас же улица заполнилась толпами спокойно и беззаботно гуляющих людей, которые имели такой вид, как будто бы они и знать не знали, что нечто особенное совсем недавно происходило в городе. Лица в толпе светились каким-то внутренним удовлетворением, слышалась громкая речь, и ото всех веяло ничем не омраченной радостью, что принес тихий и спокойный зимний вечер, который, желая сделать совсем уютным, внезапно осветили огни электрических фонарей. На электростанцию удалось доставить немного дров за счет принудительного урезания домашних запасов, превышающих норму (то есть конфискации). — *Е. С.*⁴³.

Вторая атака на город вновь была отбита. На улице можно было наблюдать следующую картину:

Несколько солдат во главе с офицером вели шестерых пленных в коротких кожухах, либо в черных блестящих кожаных шубах, которые так любят здешние машинисты, кочегары и, вообще, рабочий люд. Пленные оглядывались, хмуро смотрели по сторонам, и время от времени бросали злые взгляды на тротуары, по которым прогуливалось общество. Один из них был затянут в кожу с головы до ног, как шофер, и из-под черной кожаной фуражки на лицо ему капала кровь. У него было бледное лицо и неверная походка. Но никому его не было жалко⁴⁴.

Вероятно, в условиях Гражданской войны люди уже привыкли к сценам насилия.

⁴¹ *Земан А.* Васил Иннокентьевич: частица сибирской эпопеи. Главы из романа // *Kde domov můj?* С. 542.

⁴² Там же. С. 557.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 558.

Местное население и легионеры

Изменилось и отношение сибиряков к чехословацким легионерам. Люди были недовольны «понаехавшими» иностранцами — японцами, чехами, открыто посылали их к черту и говорили, чтобы они убирались домой, собираясь сами разобраться в своей стране.

Земан писал: «Неудержимо, как стая голодных волков, текла масса повстанцев в город. С неопишуемой легкомысленностью, без передового охранения и разведки»⁴⁵. Не имевшие боевого опыта рабочие попали под шквальный огонь, началась страшная паника и бегство. Таким образом и эта атака была отбита:

Весь город был охвачен воодушевлением, Улицы, сперва малолетние, наполнили любопытные обыватели, обступившие солдат, возвращавшихся с передовой, или собиравшихся у госпиталей, куда свозили раненых. Казаки, свистя нагайками, гнали группки пленных к казармам. С тротуаров их провожали по большей части неприязненные, но иной раз едва ли не сочувствующие взгляды. У гостиницы “Модерн” группа штабных офицеров громко обсуждала закончившийся бой, хотя ни один из них в нем не участвовал⁴⁶.

А вот и описание прибывших на подмогу городу семеновцев:

Публика на тротуарах встречала приветственными криками дикие фигуры, наводящие ужас на весь восток, в казацких шапках, лихо сдвинутых набекрень, из-под которых выбивались буйные кудри чубов. <...> Это было сборище всего худшего в крае, искатели приключений из казаков, буряты из самых дальних углов, беглые каторжники и люди без определенных занятий, готовые на все за деньги. В их облике, диком и грубом, не было ничего возвышенного. И шли они угрюмо, с каким-то тупым отвращением поглядывая на ликующую вокруг толпу.

Это весьма неприглядное описание было вовсе не случайным. Чехословаки и семеновцы, мягко говоря, не ладили. Между ними нередко вспыхивали вооруженные столкновения. Семенов грозил взорвать туннели, по которым легионеры следовали во Владивосток, требовал вернуть конфискованное, купленное и награбленное в России имущество. Под Иркутском семеновцы, вступив в бой, были окружены, вырвались и вынуждены были покинуть город на бронепоездах.

⁴⁵ Там же. С. 568.

⁴⁶ Там же.

Обстановка в городе сразу изменилась: «странная суета была заметна на улицах». Происходили эти события в зимнюю стужу. Земан описал даже погоду в городе:

Сам день был очень ясным и необыкновенно морозным. Вьюга закончилась и на голубом небе жарко горело солнце, освещая весь город своими лучами. Можно было видеть какие-то фигуры, с мрачным интересом спешившие к Ангаре. Вид у них был отрешенный, людей, расстроенных и замкнувшихся в себе⁴⁷.

Постепенно силы оборонявшихся слабели, а с ними и воля к борьбе. Ощущался недостаток продуктов и топлива, все стало дорожать.

По мере окружения города восставшими и скопления антиколчаковских сил усилились всевозможные слухи о возможном восстании в самом городе, о подготовке террористических актов, взрыве храма и т. п.

Беспокойство, неопределенность и ожидание террора владели всеми. Люди буквально умирали от страха и почти ничего не ели. Да и есть было особенно нечего. Доставка продуктов в город сделалась невозможной. Город был окружен со всех сторон. И все запасы в нем съедены. Торговцы, китайцы и татары, опасаясь грабежей, все вывезли из своих лавок и попрятали. Хлеба не хватало⁴⁸.

Оборонявшихся одолевала безнадежность и апатия, днем и ночью горстка защитников города отражала непрерывные атаки, «по улицам бродили, как стада потерявшихся овец, без всякой цели и смысла кучки обывателей. Время от времени возникала паника. Стоило в сумерках в какой-нибудь задней улице хлопнуть выстрелу, и люди в ужасе начинали разбегаться, запирали окна и двери и прятаться в подвалах»⁴⁹.

Между красными и белыми

И вот уже другая ситуация, после взятия города повстанцами:

Иркутск в одночасье изменился. С тротуаров его улиц исчезли привычные фигурки высокомерных русских чиновников <...>,

⁴⁷ *Земан А.* Васил Иннокентьевич. С. 573.

⁴⁸ Там же. С. 586.

⁴⁹ Там же. С. 585.

не светились больше золотом погоны на офицерских шинелях, и не блистали сопровождающие офицеров дамы элегантными нарядами. Улицы заполнились простыми людьми самого разного вида, бодро шагавшими по тротуарам и проезжей части, и громко разговаривавшими. На здании гостиницы “Модерн” уже развевался красный флаг, и по какому-то удивительному волшебству он же висел и на стенах других домов, на тех же самых местах, где вчера еще был русский трехцветный. Город словно окунули в красное. <...> Всеобщий шум и движение были неописуемыми. <...> Город ожил и ликовал. Люди снова могли свободно полной грудью вдыхать воздух нового времени, слушать горячие фразы митинговых ораторов, философствовать у горящих костров с извозчиками и сплевывать шелуху семечек подсолнуха на белый снег. Но это не было похоже на страстную бурю революции. Это была спокойная радость от добытого счастья. Не было никаких диких сцен мести, которых первоначально все с ужасом ждали⁵⁰.

Возможно, такая интерпретация событий зависела от политических взглядов Земана, но известно, что в своей массе, как уже говорилось, чехословацкие легионеры были ближе к эсерам, чем к Колчаку, отношения с которым складывались очень непросто. Однако власть эсеровского Политцентра оказалась очень слабой и временной, первоначальная эйфория сменилась совсем иными настроениями:

Улицы были пустынными. Тоскливо было на улицах Иркутска, а в комнате неприветливый холод. Очень трудно было найти уголь и дрова, и мы все сидели в нетопленных квартирах и кабинетах. <...> В продуктах и иных товарах ощущался недостаток. Крестьяне боялись везти в город продукты, потому что большевистские и повстанческие банды грабили их по дороге. В городе начинался голод. Были случаи грабежей с жестокими убийствами, которые вызывали панику. Множились бессмысленные нападения на улицах, пьяные солдаты избивали офицеров и нападали на прохожих. <...> Единственной силой, способной ныне оберегать жизни и имущество граждан, стал наш гарнизон, присутствие которого хоть как-то сдерживало большевиков⁵¹.

Но отношение местных жителей к чехословакам резко ухудшилось:

⁵⁰ Там же. С. 601–602.

⁵¹ Там же. С. 611.

Власти Политического центра относились к нам дружески и гарантировали свободу отхода на восток. Зато остро ощущалась та прохлада, с какой на тебя смотрели теперь глаза простых обывателей. <...> Что касается буржуазии, то она нас просто тихо ненавидела⁵².

Земан писал:

Обстановка в самом городе делалась все тревожнее. Власть понемногу уходила из рук Политического центра, который стремительно терял поддержку Народной армии. Властям пришлось разрешить <...>, чтобы в город вступили повстанческие банды <...>. Недисциплинированная, бандитская шайка не удержалась от грабежей и ничем не оправданных реквизиций, немедленно напугав обывателей⁵³.

И, наконец, описание Иркутска после передачи власти большевикам:

Трескучий мороз сковывал все, и в город идти не было никакого желания. Там немедленно организовался городской совет, он объявил выборы, и сейчас же взял все товары в магазинах на учет, иными словами, просто конфисковал, затем пошли реквизиции лошадей, автомобилей, продуктов, которые крестьяне везли в город, и так далее. Короче говоря, началось революционное хозяйствование. Партизаны Карандашвили⁵⁴ реквизировали все, что им попадалось под руку, стали нередкими обыкновенные грабежи и убийства. Ночной выход в город стал опасным предприятием⁵⁵.

Конечно, у Земана весьма заметно стремление оправдать выдачу Колчака Политцентру, «чтобы избежать кровопролития», ничего не говорится о и тех реквизициях, которые они сами устраивали и т. д. Но обстановку в городе и перемены в настроениях иркутян передать ему удалось.

⁵² *Земан А.* Васил Иннокентьевич. С. 614.

⁵³ Там же. С. 624.

⁵⁴ Речь идет о Несторе Александровиче Каландаришвили (1876–1922), революционере-анархисте, руководителе партизанского движения в Восточной Сибири во время Гражданской войны.

⁵⁵ *Земан А.* Васил Иннокентьевич. С. 631.

Саморефлексия и отношение к России

Прошедший через Дарницкий лагерь военнопленных легионер, участвовавший в запрещенном воинском съезде, В. Каплицкий, автор книги «Горностай», названной по мысу, где содержались 35 арестованных делегатов съезда, после которого некоторые роты сложили оружие и отказались охранять магистраль на стороне Колчака, не идеализировал легионеров в годы Гражданской войны, признал, что и среди них были «рвачи, пьяницы, преступники и убийцы», что легионеры «украли много ценных вещей, за которые потом выручили много денег», «некоторые вели себя недостойно»⁵⁶. Как это отличается от его первых впечатлений, когда после Дарницкого лагеря, записавшись в добровольцы, он попал в Борисполь, где проходил военную подготовку. Он, как и многие чешские и словацкие авторы, описывал не столько Борисполь, сколько чехословацких добровольцев в этом городе, неприкрыто любуясь ими:

Мы были бойцы, каких не сыскать во всей царской империи. Когда наши роты парадным маршем под музыку проходили по городку, это было прекрасное зрелище; местные обыватели могли остановить на нас взоры. Мы были молодые, шустрые, хорошо обмундированные, полные уверенности в себе. Мы разучили несколько украинских песен, и когда мы затягивали “У той нашей деревушки”, весь Борисполь был наш. А чешские песни позднее распевали и бори-соглебские девочки. Не удивительно, что многие из нас модничали: ушивали рубашки, брюки, сдвигали на ухо фуражку⁵⁷.

Но зимой стало намного хуже: землянки, в которых они жили, не отапливались, многие простудились, питания не хватало, поэтому у некоторых началась «куриной слепота» (плохо видели в сумерках). Каплицкий писал, что и в заштатный Борисполь доходили слухи о беспорядках в Петрограде, убийстве Распутина, дезертирстве и кражах в Русской армии, отречении царя. Вспоминал, что в Житомире было плохо со снабжением, приходилось покупать и есть конину. Пенза для него — это центр чехословацких коммунистов, где они открыли бюро пропаганды, но их агитацию вступать в Красную армию, а не уезжать во Францию, большинство легионеров воспринимали

⁵⁶ *Kaplický V.* Hrst vzpomínek z dospělosti. S. 16.

⁵⁷ *Ibid.* S. 10.

как провокацию. Вспоминал он и заключение, когда их привезли во Владивосток, а потом отправили на мыс Горностай, часть старого владивостокского укрепления:

После всех тягот войны и напряжения последних месяцев пребывание в казармах Горностая было для нас как в санатории. Просторные помещения, свободное передвижение в ограниченном пространстве, купание в море, неплохое питание, охрана, которая относилась к нам по-дружески и обеспечивала нам контакты с Владивостоком и армией. Мощное впечатление на нас произвело море. Мы все впервые в жизни его видели. На берегу моря мы проводили много времени, смотря на его бескрайний простор или на прибой. Море как бы было бесконечным, а где-то там далеко Америка, за ней Европа и в ее сердце наша маленькая Чехословакия⁵⁸.

Затем их переправили на Русский остров, где, по его словам, было еще лучше:

По правде говоря, никогда лучше жизни, чем на Русском острове, у меня не было. Мы жили там немного как Робинзоны, ходили там голыми, купались в море, ловили морских животных, совершали разведывательные прогулки по острову, собирали виноград с диких лоз и пытались сделать из него вино. Так же мы собирались, готовили материалы, отъезд домой, чтобы правильно информировать там народ. И не были бы мы чехами, если бы не создали певческий кружок, которым руководил позднее депутат парламента, учитель Вацлав Яша⁵⁹.

Удивительно, но после участия в жестокой Гражданской войне легионеры расставались с Россией с грустью, а некоторые просили у нее прощения, в последний раз глядя на сопки Владивостока, скалы Горностая и очертания Русского острова.

Нередко впечатления легионеров весьма разнились. Так, словацкий легионер Ян Шандор записал в дневнике 4 мая 1920 г.:

Владивосток — это центр спекулянтов со всего света; правительства союзников им не очень интересуются, а после того, как японцы захватили город, русские ежедневно несут большой урон. Японцы совершили в городе кровавый переворот <...>, и совершенно очевидно, что они хотят сами владеть всем Дальним Востоком⁶⁰.

⁵⁸ *Kaplický V.* Hrst vzpominek z dospělosti. S. 35.

⁵⁹ *Ibid.* S. 36–37.

⁶⁰ Křištofík 2022: 85.

Вскоре под нажимом союзников в городе была восстановлена русская администрация. Причем различное восприятие одних и тех же городов объяснялись не только разницей людских характеров и политических взглядов, но и быстро менявшейся ситуацией, в которую попадали легионеры.

Таким образом, воспоминания и дневники легионеров добавляют детали в историю Первой мировой и Гражданской войн, историю самих чехословацких частей, действий их союзников, позволяют почувствовать дух времени, городскую атмосферу, оценить не только складывавшуюся в указанный период обстановку в российских городах, но и отношения с местным населением, взаимодействие с армией Колчака, с эсерами и большевиками. Конечно, и это признавал тот же Каплицкий, в книгах легионеров было много правды, но много и полуправды.

Литература

- Борисенок (ред.) 2012 — Русские об Украине и украинцах / отв. ред. Е. Ю. Борисенок. СПб.: Алетейя, 2012. 456 с.
- Езерник 2017 — *Езерник Б.* Дикая Европа: Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017. 358 с.
- Клеванский 1965 — *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М.: Наука, 1965. 396 с.
- Липатов, Созина (ред.) 2014 — Россия и русский человек в восприятии славянских народов / отв. ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина. М.: Центр книги Рудомино, 2014. 608 с.
- Серапионова 2021 — *Серапионова Е.П.* Чехи и словаки в Российской империи (последняя треть XIX — начало XX вв.). М.: Институт славяноведения, 2021. 332 с.
- Старикова (ред.) 2023 — Топос города синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Н. Н. Старикова, под общ. ред. И. Е. Адельгейм, А. В. Усачёвой, Е. В. Шатько. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. 550 с.
- Татаров 2009 — *Татаров Б.А.* Чешская (Киевская) дружина август 1914 — декабрь 1915 г. Фонд «Русские витязи», 2009. 92 с.
- Узенева (ред.) 2011 — Славянский мир в глазах России: Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе / отв. ред. Е. С. Узенева. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. 448 с.

- Узенева (ред.) 2012 — Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах / отв. ред. Е. С. Узенева. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. 464 с.
- Хаванова, Ващенко (ред.) 2024 — «Есть город...»: локус — социум — образ в Центральной Европе и сопредельных регионах XVII–XXI вв. Тезисы конференции 5–6 ноября 2024 г. / Ред.-сост. О. В. Хаванова, Д. Ю. Ващенко. М.: Институт славяноведения РАН, 2024. 64 с.
- Хорев (ред.) 2000 — Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Индрик, 2000. 272 с.
- Хорев 2012 — *Хорев В. А.* Восприятие России и русской литературы польскими писателями: (Очерки). М.: Индрик, 2012. 240 с.
- Harbuľová 2001 — *Harbuľová E.* Vnútropolitický vývoj Ruska očami slovenských legionárov // *Československé légie v Rusku. Sborník příspěvku z kolokvia 9. 5. 2001 v Praze* / uspořádal V. Veber. Praha: Národní knihovna ČR; Slovanská knihovna, 2002. S. 80–96.
- Krištofík 2022 — *Krištofík J.* Denníkové zápisky legionára Jána Šándora v kontexte pôsobenia československých légii v Rusku // *Chorvát P., Posch M., a kol. Československé legie — Slováci — Slovensko*. Bratislava: Vojenský historický ústav; Historický ústav Slovenskej akadémie vied, 2022. S. 81–92.
- Galandauer a kol. 1993 — *Galandauer J., a kol.* Slovník prvního československého odboje 1914–18. Praha: Hermes, 1993. 165 s.
- Vaculík 2009 — *Vaculík J.* České menšiny v Evropě a ve světě. Praha: Libri, 2009. 320 s.

References

- Borisenok, Ye. Ju., ed., 2012. *Russkie o Ukraine i ukrainsakh* [Russians about Ukraine and the Ukrainians]. St. Petersburg: Aletheia, 456 p. (in Rus.)
- Galandauer, J., et al., 1993. *Slovník prvního československého odboje 1914–18*. Praha: Hermes, 165 p.
- Harbuľová, E., 2001. Vnútropolitický vývoj Ruska očami slovenských legionárov. In: Veber, V., ed. *Československé légie v Rusku. Sborník příspěvku z kolokvia 9. 5. 2001 v Praze*. Praha: Národní knihovna ČR; Slovanská knihovna, pp. 80–96.
- Jezernik, B., 2017. *Dikaia Jevropa: Balkany glazami zapadnykh puteshestvoennikov* [Savage Europe: The Balkans through the eyes of Western travellers]. Moscow: Lingvistika, 358 p. (in Rus.)
- Khavanova, O., Vashchenko, D., eds, 2024. *“Jest’ gorod...”: lokus — sotsium — obraz v Tsentral’noi Jevrope i sopredel’nykh regionakh XVII–XXI vv.* Tezisy konferentsii 5–6 noiabria 2024 g. [“There is a city...” Locus — society — image in Central Europe and the neighbouring Regions from the seventeenth to the twenty-first Centuries. Conference proceedings, 5–6 November 2024]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 64 p. (in Rus.)

- Khorev, V. A., 2012. *Vospriiatije Rossii i russkoi literatury pol'skimi pisateliami: (Ocherki)* [Perception of Russia and Russian literature by Polish writers (Essays)]. Moscow: Indrik, 240 p. (in Rus.)
- Khorev, V. A., ed., 2000. *Poliaki i russkije v glazakh drug druga* [The Poles and Russians in the eyes of each other]. Moscow: Indrik, 272 p. (in Rus.)
- Klevanskii, A. Kh., 1965. *Chekhoslovatskije internatsionalisty i prodannyi korpus. Chekhoslovatskije politicheskije organizatsii i voinskije formirovaniia v Rossii. 1914–1921 gg.* [Czechoslovak internationalists and the sold corps. Czechoslovak political organizations and military formations in Russia. 1914–1921]. Moscow: Nauka, 396 p. (in Rus.)
- Krištofík, J., 2022. Denníkové zápisky legionára Jána Šándora v kontexte pôsobenia československých légii v Rusku. In: *Chorvát P., Posch M., a kol. Československé legie – Slováci – Slovensko*. Bratislava: Vojenský historický ústav; Historický ústav Slovenskej akadémie vied, pp. 81–92.
- Lipatov, V. V., Sozina, Ju. V., 2014. *Rossii i russkii chelovek v vospriiatii slavianskikh narodov* [Russia and the Russian man in the perception of Slavic peoples]. Moscow: Tsentr knigi Rudomino, 608 p. (in Rus.)
- Serapionova, E. P., 2021. *Chekhi i slovaki v Rossiiskoi imperii (posledniaia tret' 19 – nachalo 20 v.)* [Czechs and Slovaks in the Russian Empire (from the last third of the nineteenth to the early twentieth centuries)]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 332 p. (in Rus.)
- Starikova, N. N., ed., 2023. *Topos goroda v sinkhronii i diakhronii: literaturnaia paradigma Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Jevropy* [The topoi of the city in synchrony and diachrony: Literary paradigm of Central and South-Eastern Europe]. Moscow: Institut Slavianovedeniia RAN, 550 p. (in Rus.)
- Tatarov, B. A., 2009. *Cheshskaia (Kijevskaia) družina: avgust 1914 – dekabr' 1915 g.* Fond «Russkije vitiazi», 2009. 92 p. (in Rus.)
- Uzeneva, E. S., ed., 2011. *Slavianskii mir v glazakh Rossii: Dinamika vospriiatii i otrazheniia v khudozhestvennom tvorchestve, dokumental'noi i nauchnoi literature* [Slavic world in the eyes of Russia. Dynamics of perceptopn and reflection in the arts, documentaries and scholarly literature]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 448 s. (in Rus.)
- Uzeneva, E. S., ed., 2012. *Slavianskii mir v tret'em tysyacheletii. Obraz Rossii v slavianskikh stranakh* [The Slavic world in the third millennium. The image of Russia in Slavic lands]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 464 p. (in Rus.)
- Vaculík, J., 2009. *České menšiny v Evropě a ve světě*. Praha: Libri, 320 p.

Elena P. Serapionova

DSc, Assistant Professor, Chief of the Department, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russia.
119334, Leninskii Prospect, 32A.
E-mail: e.serapionova@inslav.ru

Russian Cities and Towns as Perceived by Czechoslovak Legionnaires (1914–1920)

On the eve of the First World War, about one hundred thousand Czechs and Slovaks lived and worked in Russia. With the outbreak of the war, some of them came out in support of Russia and expressed their willingness to fight on its side. Soon the formation of the Czech Druzhina began in Kiev. Later it became replenished with captured soldiers and officers, and by the fall of 1917, Czechoslovak units counted about 30 thousand men. But the process of replenishment of the corps continued, and by the time of evacuation of the Czechoslovak army from Russia in 1920, its number exceeded 60 thousand people. Legionnaires spent several years in Russia, moving across its vast expanses, first as part of the Russian army to the Carpathian ranges, and then after the revolution and the coming to power of the Bolsheviks from Ukraine to Vladivostok. At the same time, they visited different cities, gathered first-hand experience of city life, got acquainted with the local population, and noticed the peculiarities of the urban environment everywhere. The purpose of the article is to depict the perception of the Russian reality by foreigners, which adds colour and unexpected details to the Russian history of the eve and period of the First World War and the Civil War. Recently, imagology (the science of the laws of creating and interpreting images of the “alien” and “strangers”) has been actively developing. The history of cities and their perception — part of local history, which combines elements of natural history, geography, culture, architecture, population and urban economy — is also at the centre of attention of both historians and literary critics. The memoirs, diaries and military journalism of Czechoslovak legionnaires reflect different periods and aspects of life in Russian cities: from the peaceful picture of a seaside resort town to Siberian large and small centres under the conditions of the revolution and the Civil War. From these sources it is possible to trace both the history of the corps itself and the history of Russia of the period in question. A whole kaleidoscope of cities and towns passes before the readers’ eyes, allowing them to trace the dynamics of the rapidly changing situation on the ground, to compare and classify cities, revealing the typology and specificity of each. The legionnaires did not forget to portray themselves as well, without hiding the truth about the changing attitudes of the local population towards them. Comparing these descriptions, one can conclude that their authors were sufficiently objective, although, of course, the difficult military situation, especially under the conditions of violent civil confrontation, would inevitably affect their narratives. The article uses material from different genres: diaries, memoirs, opinion journalism and autobiographical documentary prose.

Keywords: First World War, Civil War in Russia, Czechoslovak legionnaires, Russian cities and towns

Received: 28 February 2025

Accepted: 15 May 2025

How to cite: Serapionova, E. P., 2025. Rossiiskie goroda v vospriatii chekhoslovatskikh legionerov (1914–1920 gg.). *Central-European Studies*, 8, pp. 42–67. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.2>

Анна Николаевна Канарская

Младший научный сотрудник, Институт славяноведения
РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А.
E-mail: kanarska.anna@mail.ru

«Красная Москва — сердце пролетарской мировой революции»: политэмигранты в столице СССР в 1920–1930-е годы

В 1920–1930-е годы Советская Россия стала одним из мировых центров политической эмиграции. В первом социалистическом государстве нашли убежище многие участники безуспешных революционных выступлений, состоявшихся в Европе после Первой мировой войны. Прибыв в СССР и преодолев первоначальный шок от погружения в непривычную среду, иностранные коммунисты сформировали привилегированную и в значительной степени изолированную социальную группу. Внутри себя она делилась на замкнутые национально-партийные «общины», в которых проходила повседневная жизнь немецких, польских, китайских, болгарских и прочих «борцов революции», а также их семей. Индифферентные в бытность их в Москве к тому, что происходило за пределами их «гетто», по прошествии лет в воспоминаниях политэмигранты выражали весь спектр чувств и оценок в отношении советского общества, правящего режима и в целом окружавшей их действительности. Нелицеприятные описания Москвы и москвичей, бытовые сцены, жалобы на несправедливость государственной системы распределения благ и привилегий — все это служит ценным дополнением имеющихся представлений об эпохе и живших тогда людях. Большой террор второй половины 1930-х годов положил конец существованию политэмиграции в СССР как обособленной социальной группы. В конце концов иностранным коммунистам пришлось разделить со всем советским обществом страшные испытания второй половины 1930-х — начала 1950-х годов. Если бы не эта сопричастность судьбе страны, ее образы, оставленные немногими уцелевшими, не были бы столь искренними и, следовательно, исторически ценными.

Ключевые слова: политэмигранты, иностранные коммунисты, Коминтерн, Советский Союз, Москва, общежитие Коминтерна «Люкс», «Дом на набережной», Кремль, голод в СССР

Статья поступила в редакцию: 2 апреля 2025 г.

Статья принята к публикации: 7 августа 2025 г.

Цитирование: Канарская А. Н. «Красная Москва — сердце пролетарской мировой революции»: политэмигранты в столице СССР в 1920–1930-е годы // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 68–90. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.3>

С момента появления на карте Европы Советская Россия — первое «государство рабочих и крестьян» — стала одним из мировых центров политической эмиграции¹. Несколько волн переселения были следствием поражения революционных выступлений в Европе в годы после окончания Первой мировой войны. Вопрос численности перебравшихся в СССР революционеров, потерпевших неудачу в «своих» странах, до сих пор остается открытым. Ряд исследователей сходятся во мнении, что их общее количество не превышало нескольких десятков тысяч человек. По данным О. А. Деля, с 1923 по 1932 г. в Советском Союзе политическое убежище обрели более 10 тысяч иностранцев. Наиболее массовое переселение пришлось на 1923–1924 гг. С апреля по декабрь 1925 г. в СССР прибыли 1746 чел.; в 1926–1927 гг. — 1206. В 1934–1935 гг. было принято около 2045 чел.²

Следует, однако, учитывать, что статус политэмигранта получали далеко не все оказавшиеся в СССР иностранные коммунисты. На него могли рассчитывать только те, кто подвергался прямым преследованиям со стороны буржуазного правительства в своей стране, кто не имел более возможности заниматься революционной деятельностью, кому грозила смертная казнь или длительное тюремное заключение. Кроме того, иностранный коммунист мог покинуть свою страну лишь с разрешения национальной компартии. В соответствии с указанными критериями и решался вопрос о признании того или иного революционера-беженца политическим эмигрантом. Решение принималось так называемой Легитимационной комиссией Международной организации помощи борцам революции (МОПР). По данным С. В. Журавлева и В. С. Тяжельниковой, в 1931 г. политэмигрантами было признано 477 чел., в 1932 г. — 570, в 1933 г. — 688 чел.³ Получившие отказ составляли «до половины от всех обратившихся» иностранцев, приехавших в СССР вместе с семьями.

¹ Ватлин 2009; Ватлин 2012; Романова, Орлова (ред.) 2021.

² Дель 1997: 111–112; Иванова 2006.

³ Журавлев, Тяжельникова 1994: 181.

Практика, впрочем, несколько расходилась с формальными предписаниями. К политэмиграции относились отнюдь не только профессиональные революционеры, но и молодые члены иностранных компартий, прибывшие в советские коммунистические университеты для изучения марксизма-ленинизма и овладения «опытом русского пролетариата». Имелось немало представителей некоммунистических партий, а также беспартийных. О мотивах, по которым последние оказались в СССР, можно судить по мемуарам тещи Болеслава Берута (1892–1956)⁴ — польской политэмигрантки Марцианны Форнальской (1870–1963)⁵, описавшей судьбу некоего парижского ремесленника:

Пришло известие, что в России началась революция... Видно, нелегка была жизнь у портного, если он со всей семьей решил уехать с насиженного места в Страну Советов, надеясь найти там лучшую долю. После военной разрухи путешествовать, да еще с малыми детьми, было нелегко, а он даже не наметил определенного места назначения. По своей наивности эти люди полагали: раз была революция, значит сразу же начнется благополучие⁶.

Что касается *активистов* иностранных компартий, то они, отправляясь в Москву, руководствовались не столько бытовыми и материальными (хотя и это имело значение), сколько идейными соображениями:

В путь! В путь! К красному свету! Советская Россия — первая социалистическая республика XX века. О ней ходят различные слухи и всякого рода пропагандистские измышления. <...> Никто не знает, каково истинное положение вещей за “Воротами Свободы”. <...> Демократия, осуществляемая правящей коммунистической партией, партией большевиков, — все это представляет огромный интерес для

⁴ Берут Болеслав — польский партийный и государственный деятель, в 1947–1952 гг. президент Польской народной республики. С 1925 г. учился в Центральной школе КПП в СССР, затем в Международной ленинской школе. В 1930-е годы референт Балканского сектора Коминтерна. В 1932 г. направлен на нелегальную работу в Польшу, где был арестован и приговорен к семи годам заключения.

⁵ Форнальская Марцианна — участница польского рабочего движения, политэмигрантка в СССР с 1923 г., мать Малгожаты Форнальской. В 1944 г. вместе с внучкой при посредничестве Б. Берута вернулась в Польшу.

⁶ *Форнальская М.* Воспоминания матери / под ред. А. Ермонского, М. Игнатова, Б. Шуплецова. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. С. 469.

изучения. Скорей! Скорей! Скорее к цели! Советский строй — орган самовластия пролетариата; коммунизм, социализм, основанные на экономическом учении Маркса, — все это можно будет изучить там, на месте! Работы — непочатый край⁷.

Процитированные путевые заметки деятеля китайской компартии Цюй Цюбо (1899–1935)⁸ демонстрируют, что отношение будущих политэмигрантов к «новой России» было предопределено еще до личного знакомства с ней. Любая критика советского строя — исходила ли она от «буржуазии» или от разочаровавшихся бывших единомышленников — воспринималась как «пасквиль и клевета», как «контрреволюция». Лишь сообщения партийных и просоветских изданий заслуживали доверия. «А они, — вспоминал Владислав Гомулка (1905–1982)⁹, — о Стране Советов писали в самой превосходной степени»¹⁰.

За переезд, обустройство и адаптацию иностранных коммунистов в Советском Союзе отвечал МОПР. Тем, кто получил одобрение Легитимационной комиссии, полагались различные социальные льготы: трудоустройство, жилплощадь, денежные, продуктовые и вещевые пособия — пайки и талоны, а также медицинская помощь, курортно-санаторное лечение, «прикрепление к спецпитанию» и многое другое, зависевшее от положения конкретного человека в коммунистической иерархии. При этом, согласно директиве Красной помощи¹¹ 1923 г., даже тем, кто «не рассматривался как политический эмигрант»¹², следовало «оказывать поддержку».

Привилегированный статус приехавших по отношению к основной массе советских граждан нас интересует во вторую очередь.

⁷ Цюй Цюбо. Путевые заметки о новой России // Цюй Цюбо. Публицистика разных лет / ред. Л. П. Делюсин. М.: Главная редакция восточной литературы, 1979. С. 61.

⁸ Цюй Цюбо — китайский публицист, пропагандист марксизма, один из основателей и руководителей Коммунистической партии Китая, деятель Коминтерна. В 1920-е годы несколько раз посещал Советскую Россию.

⁹ Гомулка Владислав — польский коммунист, партийный и государственный деятель; во время Второй мировой войны и позднее 1-й секретарь ЦК ППР — ПОРП. В 1930-е годы неоднократно приезжал в СССР, учился в Международной ленинской школе. Впоследствии направлен на нелегальную работу в Польшу.

¹⁰ Gomułka W. Pamiętniki. Warszawa: Polska oficyna wydawnicza "BGW", 1994. T. I. S. 208.

¹¹ Так поначалу назывался МОПР.

¹² Директивы Центрального комитета красной помощи по вопросу о политической эмиграции от 27.II.1923 (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 205. Л. 1–3).

Более значимая «уникальность социальной категории иностранцев» состояла в том, что, в отличие от местных, «прибывшие из разных стран и являвшиеся носителями разных культур, ментальностей, политических традиций <...> бытовых привычек <...> имели возможность сопоставлять советскую действительность с Западом. В силу этого их взгляд на СССР был зачастую более острым и точным»¹³. К этому тезису С. В. Журавлева стоит добавить, что, судя по имеющимся воспоминаниям, разница между ожиданиями и реальностью могла оказаться весьма существенной¹⁴.

Не претендуя на изложение представлений политэмигрантов во всей их полноте, сфокусируемся на нескольких типичных образах Москвы 1920–1930-х годов. К таковым, безусловно, относятся впечатления от московских вокзалов, встречающиеся во всех без исключения мемуарах. Польская коммунистка и варшавянка Целина Будзинская¹⁵ (1907–1993) вспоминала свой приезд в Москву в 1926 г.:

Наконец-то нас приветствует долгожданная столица Страны Советов. Рижский вокзал <...> Кошмар. Маленькие, грязные заснеженные помещения, полные лежащих вповалку людей и узлов. Одни спят, прикрывая телом свой убогий багаж, другие хозяйничают на клочке грязного пола, кормят младенцев, вынимают их из мокрых тряпок. Женщины закутаны в рваные платки, мужчины в грязных истрепанных шинелях или ватниках. Храп спящих, плач детей, духота, зловоние. Мне кажется, что я оказалась в первом круге ада¹⁶.

Таким же предстает Белорусский вокзал в романе чешского писателя-коммуниста Иржи Вайля, находившегося в СССР в 1933–1935 гг.:

Первое, что ощутила Ри: все было совершенно чужое. Она знала вокзалы почти всех европейских больших городов, но ведь это вообще

¹³ Журавлев 2002: 188.

¹⁴ См.: Симкин 2022.

¹⁵ Будзинская Целина — польская коммунистка. С 1926 г. политэмигрантка в СССР. Жена деятеля Коммунистической партии Польши, участника Октябрьской революции Станислава Будзинского (1894–1937). Репрессирована. В 1945 г. освобождена и направлена на партийную работу в Польшу. Впоследствии занимала ответственные партийно-государственные посты в ПНР.

¹⁶ *Budzyńska C. Strzępy rodzinnej sagi.* Warszawa: Żydowski Instytut Historyczny, 1997. S. 213–214.

не было похоже на вокзал. Скорее это напоминало восточные базары с их шумом и гамом, на перроне стояли люди с длинными бородами, с грязными мешками за спиной, здесь было много людей, которые не могли иметь никакого отношения к дороге, поезду, отъезду, оставалось загадкой, что они здесь, собственно, делают, ведь куда-то же они должны были ехать¹⁷.

«Отгадку» мы обнаруживаем в воспоминаниях Леопольда Треппера (1904–1982)¹⁸, прибывшего в 1932 г. из Парижа на учебу в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ):

Вокзал и прилегавшие к нему площади и улицы кишели тысячами крестьян, их женами и детьми. Изможденные, прижимая к груди свои мешки, они ожидали прибытия нужного им поезда.

«Но куда же они едут?» — мысленно спросил я себя.

Изгнанные из своих деревень, они направлялись далеко-далеко на восток, в Сибирь, где не было недостатка в целинных землях.

Эстетический шок от «ворот города» послужил прелюдией к осознанию Треппером несоответствия заочных представлений о Советской России действительному положению вещей:

При выходе из вокзала я увидел милиционера и решил спросить его, как мне добраться до места. Поставив чемодан на пол, я подошел к нему.

— Вы кто? Вы — иностранец? — спросил он.

Я кивнул.

— Тогда вот вам мой совет. Всегда держите чемодан в руке. А то здесь, знаете ли, вор на воре!

Воры в Москве? Через пятнадцать лет после Октябрьской революции?! Это просто ошеломило меня. Я взял такси и попросил отвезти меня по адресу, где жил мой старый друг Эленбоген. <...> Мы проговорили всю ночь. Хоть и беспартийный, Эленбоген был далек от неприятия советского строя, но то, что он мне рассказал о коллективизации, о жизни в Москве, о судебных процессах, в корне отличалось от всего, что я читал или слышал. С первых же часов мне

¹⁷ Вайль И. Москва — граница. М.: Издательство «МИК», 2002. С. 36.

¹⁸ Треппер Леопольд — советский разведчик, организатор разведывательной сети в Западной Европе во время Второй мировой войны, известной как «Красная капелла».

открылась пропасть между пропагандой и реальной жизнью. Огромная пропасть¹⁹.

Что касается воровства и вообще преступности, не один Треппер пребывал в плену той иллюзии, что им нет места в стране, почти построившей социализм. Гомулка, прибывший в Москву в 1930 г., вспоминал, как однажды, сидя в «лимузине с задернутыми шторками», он услышал, как кто-то из прохожих сочно выругался по-русски и выкрикнул в его адрес: «Вот буржуи едут!» Сопровождающий попытался замять инцидент, пояснив, что это всего лишь хулиганы, не заслуживающие внимания.

Хулиганство существует во всех странах, но тогда мне казалось, что в Советском Союзе — в краю социализма — не может быть условий для возникновения такого рода явлений. Этот мой наивный, идеализированный взгляд на первую страну социализма постоянно пересматривался²⁰.

Мемуары Гомулки — пример того, как политэмигранты сопоставляли советские порядки и нормы поведения с тем, что было принято в их странах. Выразительно описание знакомства автора с московской милицией в первый день пребывания в столице. Пытаясь отыскать «дом Коминтерна», фасад которого обращен на Манежную площадь, он обратился к постовому, который крайне грубо ответил, что не знает. От второго милиционера Гомулка тоже ничего не добился. Третий, увидев, что перед ним «не советский гражданин», посоветовал ему пройти в отделение милиции и там задать свой вопрос:

Почему милиционер так со мной обращался, почему он не заглянул в информатор, как это делают полицейские в Варшаве? В Варшаве каждый полицейский имел при себе план города, список всех улиц и крупных учреждений. И всем, кто обращается, дают полную информацию²¹.

Возвращаясь к диссонансу ожидаемого и увиденного, отметим, что он далеко не всегда приводил к кардинальному переосмыслению

¹⁹ *Треппер Л.* Большая игра: Воспоминания советского разведчика. М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 39–40.

²⁰ *Gomułka W.* Pamiętniki. S. 217.

²¹ *Ibid.* S. 206–207.

иностранцем заочных превратных представлений об СССР. Как правило, под воздействием средств советской пропаганды, а также в силу нежелания признаваться в собственных заблуждениях политэмигранты «успешно» преодолевали кратковременный «кризис веры». Переживания такого рода, чаще всего вызванные картинами крайней нужды и детской беспризорности, много лет спустя описывала жена видного деятеля немецкой компартии, а также узница советских и нацистских концлагерей Маргарете Бубер-Нейман (1901–1989)²², оказавшаяся в СССР в 1931 г.:

Первым делом мы поехали по городу, чтобы я могла получить впечатление обо всех московских достопримечательностях. Но я в изумлении взидала на улицы, которые напоминали копошащийся муравейник — потоки людей непрерывно струились во всех направлениях. И все эти люди походили друг на друга: убогая, серая, плохо сшитая одежда и озабоченные лица. Мне с трудом удалось скрыть замешательство и подавленность <...>. На заводах, куда меня возили на автомобиле, тоже нашлось, чему подивиться, и я судорожно старалась не замечать мусора и беспорядка во дворах, где ржавели под дождем наполовину ушедшие в землю детали станков и даже целая динамо-машина. Но когда я заметила, как на одной из центральных улиц перед витриной толпятся оборванные ребятишки, я больше не могла сдерживаться и спросила — неужели на всех детей еды не хватает? Мне был дан ответ, который одним махом развеял все мои сомнения и возродил прежнюю веру в идеальную Советскую Россию <...> — советский народ охотно мирится с временным дефицитом, потому что знает, какое светлое будущее его ждет. Эти объяснения подействовали как заклинание; мне показалось, что даже солнце стало светить совсем иначе²³.

Среди иностранных коммунистов имелись, разумеется, те, кто, в отличие от Бубер-Нейман, не довольствовался одним ответом на неудобные вопросы, множившиеся при столкновении с реальностью. Для таких неокрепших в вере советская власть предусмотрела целую систему перевоспитания, которую в конце 1920-х годов описывала ректор КУНМЗ Мария Я. Фрумкина (1880–1943):

²² Бубер-Нейман Маргарете — немецкая коммунистка, жена Гейнца Неймана. С 1935 г. в политэмиграции в СССР. Репрессирована. В 1940 г. Бубер-Нейман депортирована в Германию и заключена в концентрационный лагерь Равенсбрюк.

²³ *Бубер-Нейман М.* От Потсдама до Москвы // Иностранная литература. 2015. № 4. С. 46, 48–49.

Приезжают люди из-за границы и становятся ультралевыми. Они совершенно не ожидали видеть нищету, проституцию, беспризорных, в университете они видят тяжелую материальную нужду. Они попадают сначала в состояние глубокого разочарования. Когда посылает на русскую фабрику, они тоже приходят с настроением, что плохо работают, везде волокита и т.д. <...> Мы убедились, что это болезнь, которую должен пережить каждый приехавший из-за границы. Тогда при достаточно умелом воздействии эти настроения постепенно слабеют. <...> Мы привыкли не приходить от этого в ужас. Мы не предпринимаем репрессивных мер, мы прикрепляем всех к фабрикам и заводам <...>, посылаем в Совхоз <...>, мы считаем, что это лучше, чем репрессии²⁴.

Что касается беспризорников, без их упоминания не обходится ни один автор воспоминаний о Москве. Приехавшая в 1919 г. из Швейцарии Софья Дзержинская (1882–1968) признавала, что было «трудно найти во всей республике города или селения, откуда бы не было паломничества в Москву выброшенного за борт ребенка. <...> Изнемогая под этой тяготой, Москва бьет в набат и бросает громкий призыв [о помощи]»²⁵.

Свою первую встречу с московскими беспризорниками в 1927 г. описала Будзинская:

Вдруг распахиваются двери и с криком, свистом, топотом влетает ватага полудьяволят — мальчишек малых и постарше, черных, как негры, обшарпанных <...> полуголых. Из драных штанов проглядывали голые, сине-черные зады, босые или в огромных калошах. Я почувствовала себя уже не в первом, а в десятом круге ада и смотрела на это зрелище совершенно одуревшая. Откуда могла я знать, что это обычное для Москвы явление — тучи бездомных детей, проводивших ночи в котлах из-под асфальта. А под утро они, промерзшие, брали штурмом вокзалы, лестничные клетки домов и всякие другие места, хоть немного хранящие тепло²⁶.

²⁴ Выступление ректора КУНМЗ М.Я. Фрумкиной о начале и причинах конфликта и работе по адаптации студентов-иностранцев к жизни советского общества, см.: Москва — Сербия; Белград — Россия. Сборник документов и материалов / авторы-составители А. Тимофеев, Г. Милорадовић, А. Силкин. М.; Белград: Главное архивное управление города Москвы, Центральный государственный архив города Москвы, Архив Србије, 2017. Т. 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. С. 295.

²⁵ *Дзержинская С.С.* В годы великих боев. М.: Издательство «Мысль», 1975. С. 363, 375.

²⁶ *Budzyńska C.* Strzępy rodzinnej sagi. S. 214.

Подобные сцены, как и все прочие проявления социально-экономического неблагополучия, трактовались советской властью как пережитки прошлого, последствия Первой мировой и Гражданской войн, подлежащие скорому преодолению. Обратимся еще раз к воспоминаниям Бубер-Нейман, чтобы оценить эффективность официальной пропаганды:

Я питала иллюзии, особенно после того, как посмотрела советский фильм «Путевка в жизнь»²⁷, что с этими бездомными детьми все обстоит так, как показано в киноленте. Я верила, что их отвозят в прекрасные приюты, где умелые педагоги воспитывают из них достойных членов советского общества²⁸.

Степени сочувствия наших героев сырым и убогим мы коснемся позже. Пока лишь отметим, что в целом сопричастность политэмигрантов происходившему с советским обществом оставалась ограниченной в силу того, что их жизнь в Москве протекала в замкнутых национально-партийных «общинах» — польской, немецкой, болгарской, китайской и т.д. Языковой барьер, компактное проживание, обязательная «конспирация» (запрет рассказывать о причинах и обстоятельствах приезда в СССР), постоянный контроль со стороны советских надзирающих органов — все это не способствовало установлению неформальных, доверительных связей с местным населением. Кроме того, отношения внутри «общин» отличал выраженный налет семейственности. Представление об этом, в частности, дают мемуары польской коммунистки Ядвиги Секерской (1903–1984)²⁹: «Трудно было различить, где заканчивались партийные дела и начинались личные. Все между собой переплеталось: партия, семья, дружба»³⁰.

Имели значение и идеологические барьеры. По словам Бубер-Нейман:

²⁷ «Путевка в жизнь» — советский художественный фильм 1931 г. о перевоспитании беспризорных подростков в первые годы советской власти.

²⁸ Бубер-Нейман М. От Потсдама до Москвы. С. 48–49, 59–61.

²⁹ Секерская Ядвига — польская коммунистка. В СССР с 1921 г. Жена деятеля польского и российского революционного движения С.Я. Бобинского. Репрессирована. В 1945 г. освобождена и направлена на партийную работу в Польшу.

³⁰ *Siekierska J.* Kartki z przeszłości. Warszawa: Wydawnictwo Iskry, 1960. S. 64.

[К]оммунисты редко дружили с людьми за пределами партии. Этому препятствовало их политическое убеждение, прежде всего — нетерпимость к инакомыслию. Это приводило к общественной замкнутости и к своего рода близкородственным отношениям. Внутри партии коммунист тоже был ограничен в выборе друзей, они должны были принадлежать к одной фракции³¹.

Отчасти изолированность политэмигрантов была обусловлена их неадекватным представлением о том, какого мнения о них окружающие. Советская пропаганда, в 1920–1930-е годы воспевавшая героизм «борцов революции за освобождение мирового пролетариата от гнета буржуазии», у многих из этих «борцов» сформировала представление о собственной значимости и всеобщей признательности за вклад в дело мировой революции. Столкновение подобной иллюзии с реальностью не могло не вызвать у иностранцев чувство отчужденности в отношении местного населения. Для упоминавшийся Секерской стало неприятным сюрпризом, что в середине 1920-х годов москвичи делились на «горячих сторонников и противников революции». Если первых отличало «состояние эйфории и пламенные речи», то вторые шокировали ее «красноречивым мрачным молчанием, ожесточенным выражением лица, и огнем ненависти, которым светились их глаза»³².

Отметим, «огонь» этот мог разгореться в силу не только идейных, но и сугубо бытовых, материальных соображений, о чем вспоминал В. Гомулка. В 1930 г. на банкете по случаю конгресса Профинтерна он невольно подслушал разговор двух официанток, обсуждавших иностранных гостей:

“Обжираются русским маслом, в то время, когда русские не имеют даже хлеба”, — эти оскорбления произвели на меня печальное впечатление. Ведь каждый из этих делегатов был горячим другом Советского Союза, прославлял его среди рабочих в своей стране. А вот советский обслуживающий персонал столовой с такой ненавистью высказывается о них. Мое тогдашнее мнение о советских людях отличалось немалой долей наивности. Я просто идеализировал их, как и вообще весь Советский Союз³³.

³¹ Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим. Записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920–1930-х гг. М.: «АИРО — XX», 1995. С. 108.

³² *Siekierska J.* Kartki z przeszłości. S. 30.

³³ *Gomułka W.* Pamiętniki. S. 208.

На плохо завуалированную ксенофобию и неприязнь со стороны жителей столицы жаловался Шэн Юэ (1907–2007)³⁴ — студент Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена:

Люди часто оскорбляли нас на улицах, спрашивая по-русски: “Друг, соли не надо?” Сначала мы не знали, что это значит. Спрашивали преподавателей в университете, но они смущались и не отвечали на наш вопрос. Только позднее мы узнали, что это было связано с сообщением о китайце, умершем летом в Санкт-Петербурге. Чтобы тело можно было увезти в Китай для погребения, родственник его, вероятно, был вынужден упаковать тело с солью, чтобы предохранить от разложения. <...> Нечего и говорить, что мы всегда злились, когда нас спрашивали: “Соли надо?” А спрашивали нас об этом все слои русских людей — взрослые, подростки, бывшие знаменитости и “советские граждане нового типа”. И еще одно нас злило и возмущало — куда бы мы ни пришли, всегда находились люди, которые вызывающе спрашивали нас, где мы взяли деньги на учебу в Москве. Обычно мы отвечали, что получаем поддержку от революционного правительства. Но иногда стерпеть такие нападки было невозможно, и мы отвечали резко, что это не их дело, пусть успокоятся — не из их кармана³⁵.

Отметим, что раздражение не заглушило у Шэн Юэ сочувствия к советским гражданам и не умалило мужества признать *post factum*, что неудобные вопросы имели под собой основание:

Ситуация волновала меня, потому что мы в Университете им. Сунь Ятсена пользовались роскошным содержанием, нас замечательно кормили и хорошо одевали. В то же время я не мог не замечать душевнораздирающие очереди русских, стоявшие целую ночь перед магазинами, где они надеялись, часто напрасно, получить утром крохотный кусочек мяса. Не мог я не замечать русского студента из Московского университета, работавшего у нас часть времени на пилке дров для печей <...>. При температуре намного ниже нуля он был одет только в поношенный бумажный пиджак. Я видел, как он дрожал от холода и знал, что вернется он, по всей вероятности, в нетопленный дом. Кроме того, каждый день, когда мы поглощали превосходную пищу,

³⁴ Шэн Юэ — китайский коммунист, один из первых лидеров Коммунистической партии Китая. В 1926–1930 гг. учился в СССР.

³⁵ Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания / отв. ред. Ю. В. Чудодеев. М.: Издательство «Крафт+», 2009. С. 46.

я знал, что наши профессора о такой хорошей еде и мечтать не могли <...>. Некоторые из нас просили преподавателей объяснить, почему Советский Союз помогает другим за счет своего народа. Один профессор <...> ответил нам, что революционная партия не должна быть скупой, а революционер не должен быть скрягой³⁶.

В отличие от китайского студента, М. Бубер-Нейман, как и большинство политэмигрантов, предпочитала «не знать», как живут жители страны, их принявшей. «Во время своего пребывания в Москве я не имела понятия о том, что творится всего лишь в нескольких сотнях километров от окраины города»³⁷, — в книге, опубликованной в 1967 г., мемуаристка утверждала, что пребывала в полном неведении о голоде, вызванном коллективизацией. В начале 1980-х прошлое вспоминалось уже чуть более отчетливо, поэтому она признала, что даже в «гетто коминтерновских функционеров» проникали «пугающие вести из неведомого мира». При случайной встрече «с оборванными крестьянами» или беспризорниками у Бубер-Нейман «возникло чувство страха и отчаяния», и она начинала мучиться вопросом:

Неужели все было напрасно, неужели не оправдались надежды на богатую, счастливую жизнь при социализме? Но эти приступы отчаяния причудливым образом проходили так же быстро, как и накатывали. Разумеется, утешала я себя, скоро кризис будет преодолен <...> мир, в котором свирепствовал голод, жестокий, косящий людей голод, не имел ничего общего с моей повседневной жизнью³⁸.

Изолированность Бубер-Нейман и ей подобных от «мира» во многом поддерживалась советской властью, пресекавшей несанкционированное общение и любые неформальные связи между эмигрантами и «местными». Показательна история, произошедшая с польской коммунисткой Камиллой Канцевич (1879–1952)³⁹, работавшей психиатром в подмосковной больнице для душевнобольных⁴⁰. Будучи един-

³⁶ Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена. С. 110–111.

³⁷ Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим. С. 125.

³⁸ Бубер-Нейман М. От Потсдама до Москвы. С. 71.

³⁹ Канцевич Камилла — член Коммунистической партии Польши. С 1930 по 1945 г. — в политэмиграции в СССР.

⁴⁰ В настоящее время — Психиатрическая клиническая больница № 5 Департамента здравоохранения г. Москвы. Находится в поселке Троицкое, неподалеку от Чехова.

ственным членом партии, она попыталась заступиться за остальных беспартийных врачей, страдавших под пятой руководителя больницы — «настоящего пролетария и бывшего кавалериста-буденновца»:

На ближайшем же партийном собрании Камилла доложила о жалобах персонала и предложила отправить в соответствующее министерство в Москве делегацию, которая поставит власти в известность о трудном положении учреждения и попросит помочь. На следующий день в райком партии пришло донесение, что товарищ Концевич открыто призывает персонал к бунту. Райком исключил ее из партии. Ее бы и из больницы выгнали, да Макс⁴¹ удалось спасти ее от неприятностей, пояснив, что она привыкла в капиталистической Польше защищать работников наемного труда⁴².

Описанная сердобольность представляла собой исключение из правила. Судя по воспоминаниям политэмигрантов, гораздо больше, чем положение советских граждан, их волновало социальное и имущественное неравенство в собственной среде, наиболее отчетливо проявлявшееся при распределении жилплощади. В Москве политэмигранты, как правило, получали жилье в центре. Это могли быть ведомственные квартиры или комнаты, принадлежавшие тем учреждениям, где они были трудоустроены⁴³. Студентам предоставлялось «койко-место» в общежитии, а высокооплачиваемые специалисты могли снимать жилье по своему карману и нанимать прислугу.

⁴¹ Горвиц (Хорвиц) Максимилиан Генрик (он же Генрик Валецкий) (1872–1937) — один из организаторов компартии Польши, член ВКП(б), высокопоставленный функционер Коминтерна. Брат Камиллы Канцевич.

⁴² *Ольчак-Роникер И.* В саду памяти. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 229.

⁴³ Немецкий коммунист Маркус Вольф вспоминал, что в 1933 г. его отцу Фридриху Вольфу сразу, по приезде в СССР «как писателю-революционеру предоставили двухкомнатную квартиру с ванной и кухней в Нижнем Кисловском переулке, что по тем временам считалось невообразимой роскошью. Наш дом находился неподалеку от Арбата, в нескольких минутах ходьбы от Кремля». См.: *Вольф М.* Трое из 30-х: История несозданного фильма. М.: Прогресс, 1990. С. 28–29. Иным по комфортабельности было жилье страдавшего туберкулезом рядового чехословацкого коммуниста Рудольфа Кольмана — бывшего узника каторжной тюрьмы Цухтгаус, обмененного через МОПР при посредничестве Вильгельма Пика в 1930 г. «В Москве этому политэмигранту дали жалкую комнату на Красной Пресне, в районе, где тогда в домах не было водопровода — воду ему приходилось носить из уличной колонки. На работу его устроили в редакцию издававшейся тогда в Москве газеты на немецком языке» (*Кольман А.* Мы не должны были так жить / предисл. Ф. Яноуха. New York: Chalidze Publications, 1982. С. 195).

Вновь прибывшие в СССР политэмигранты, как правило, расселялись МОПром. Наиболее известным местом временного проживания считался «Дом политэмигрантов» на Воронцовом поле. Однако на практике некоторые политэмигранты могли проживать в нем годами.

Наиболее часто в доступных нам текстах упоминается общежитие Коминтерна, известное как «Отель Люкс». Находившееся на Тверской улице здание до 1917 г. принадлежало семье булочников Филипповых. На первом этаже находилась знаменитая булочная, сохранившаяся и в советское время. На верхних этажах размещалась гостиница «Франция», отличавшаяся самым современным оснащением. После революции в ней разместилось общежитие ВЧК, а летом 1920 г. ее передали Коминтерну для расселения сотрудников аппарата и представителей зарубежных компартий.

Распределение номеров и квартир в «Люксе» строго регламентировалось. Бельэтаж с его «красавцем-вестибюлем»⁴⁴, где, по выражению Елены Боннэр, можно было «барствовать» в креслах, предназначался для «ответственных» товарищей с семьями или без, а верхние этажи — для рядовых работников аппарата. Бубер-Нейман, проживавшая в большой светлой комнате по соседству с Андре Марти (1886–1956), вспоминала:

На нижних этажах обитали «сливки» Интернационала. Первый номер этого коминтерновского дома, состоявший аж из нескольких комнат, занимал теоретик Коминтерна Варга с женой и сыном; но от этажа к этажу персоны становились все менее важными, и на самом верху ютились, по несколько человек в одной комнате, стенографистки и технические работники. Комендант — так именовался директор «Люкса» — строго придерживался новых советских понятий о верхах и низах и в соответствии с ними обустроивал свое хозяйство⁴⁵.

Жена шефа финской компартии Айно Куусинен (1880–1970)⁴⁶, предпочитавшая «Люкс» кремлевским квартирам, отметила, что в нем

⁴⁴ Боннэр Е. Г. Дочки-матери. М.: Прогресс, Литера, 1994. С. 98.

⁴⁵ Бубер-Нейман М. От Потсдама до Москвы. С. 56.

⁴⁶ Куусинен Айно — финская и советская коммунистка, жена Отто Куусинена, финского революционера и основателя Коммунистической партии Финляндии, высокопоставленного советского государственного деятеля. С 1922 г. проживала в Москве, работала в Коминтерне. Репрессирована в 1938 г. Реабилитирована. Вернулась в Финляндию в 1965 г.

«условия были первоклассные»⁴⁷. Не лучше стенографисток жила семья Б. Берута в бытность его референтом аппарата Коминтерна с конспиративным именем Ян Иванюк. По воспоминаниям М. Форнальской, ее зятю предоставили комнату «на пятом этаже, [которая] была рассчитана на двоих, а нас там четверо с маленькой [дочкой] <...> длинная и такая узкая, что две кровати рядом не поставишь»⁴⁸.

Особенно остро квартирный вопрос стал восприниматься жителями политэмигрантского «гетто» после 1931 г., когда наиболее высокопоставленные иностранные коммунисты переселились в свежестроенный «Дом на набережной». Шариковская тирада — «один в семи комнатах расселился, штанов у него сорок пар» — приходит на ум при знакомстве с впечатлениями Бубер-Нейман от посещения жилища руководителя информационно-пропагандистского отдела Коминтерна Вильгельма Кнорина (1890–1938):

Квартира была обставлена унылой, но совершенно новой мебелью, чего я до сих пор ни разу не видела в Москве. Из вежливости я сказала, что мне нравится обстановка, а Кнорин объяснил, что ее полностью меняют, по крайней мере, четыре раза в год. Через определенные промежутки времени мебельная фабрика все вывозит из квартиры и заново обставляет ее новейшей продукцией. Я сперва подумала, что неправильно поняла его, <...> это никак не сочеталось с тем, что рассказывали мне о жизни в Москве друзья и знакомые. В 1932 г. в этом городе было попросту невозможно купить хоть что-то из обстановки⁴⁹.

Разумеется, советская система льгот и привилегий не ограничивалась распределением мебели и квадратных метров. Рацион иностранных коммунистов тоже зависел от места в партийно-государственной иерархии, как следует из воспоминаний того же автора о ее житье-бытье в «Люксе»:

В один прекрасный день заднюю часть столовой отгородили большой занавеской, и удивленные работники Коминтерна узнали, что отныне функционеры с «более высокой» ответственностью будут вкушать еду несравнимо лучшую, нежели большинство рядовых

⁴⁷ Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов: Воспоминания, 1919–1965. Петрозаводск: Карелия, 1991. С. 18–19.

⁴⁸ Форнальская М. Воспоминания матери. С. 478, 484.

⁴⁹ Бубер-Нейман М. От Потсдама до Москвы. С. 57.

сотрудников, рабочих и домохозяек — эти будут питаться еще хуже, чем раньше. Дисциплинированные сотрудники Коминтерна безропотно подчинились этим “социалистическим требованиям”, да и не только они — по всей стране творилось то же самое⁵⁰.

Подлинные чувства, которые испытывало «дисциплинированное» большинство в связи с продовольственной сегрегацией, прорываются даже со страниц официальной книги тещи Берута:

Я жила в одном коридоре с семьей товарища Пика — покойного президента ГДР; пользовалась вместе с ними общей кухней. Однажды я зашла на кухню и застала там супругу товарища Пика, которую обступила тройка ее рослых, *упитанных* (курсив мой. — А.К.) детей. Товарищ Пик маленькая, а дети высокие, и поэтому она смотрела на них снизу вверх⁵¹.

Сыновей Вильгельма Пика (1876–1960)⁵² Форнальская вспомнила в связи со своими тремя детьми, которых вскоре после описанной сцены арестовали в Москве. Берут с женой Малгожатой Форнальской (1902–1944)⁵³ к этому времени находились в польской тюрьме. Туда они попали, будучи заброшенными на нелегальную работу «в страну». На иждивении мемуаристки, подрабатывавшей в «Люксе» уборщицей, осталась внучка⁵⁴, довести которую до состояния «упитанности» не представлялось возможным, ведь приходилось еще оплачивать проживание в «узкой» комнате:

Я словно очнулась от сна, и первая моя мысль была о том, что теперь я осталась одна в этом городе [Москве]. Надо было прикинуть, как жить, чтобы хватало на ребенка очень маленькой пенсии. <...> Денег <...> было маловато, но голодные мы не ходили; одевались скромно, но чисто. Я покупала только самые необходимые вещи⁵⁵.

⁵⁰ Бубер-Нейман М. От Потсдама до Москвы. С. 72.

⁵¹ Форнальская М. Воспоминания матери. С. 493, 487, 517.

⁵² Пик Вильгельм — немецкий коммунист, один из основателей Коммунистической партии Германии. Высокопоставленный функционер Коминтерна. В 1949–1960 гг. — первый президент ГДР.

⁵³ Форнальская Малгожата — польская коммунистка, политэмигрантка. В 1920–1930-е годы училась и работала в СССР; гражданская жена Б. Берута. По заданию Коминтерна находилась на нелегальной работе в Польше.

⁵⁴ Александра Ясинская-Каня (род. в 1932 г.).

⁵⁵ В конце концов внучку Александру удалось пристроить в так называемый Интернациональный детский дом в Иваново, о посещении которого Форнальская

Картину жизни впроголодь рисует еще одна польская коммунистка — в то время студентка КУНМЗ Ц. Будзинская:

Наши друзья из “Люкса” по сравнению со “студенческой беднотой” были магнатами. Они получали “партмаксимум”, а иногда и гонорары за статьи. Время от времени они забирали нас, “голодную губернию”, в рестораны на шашлык и сухое грузинское вино⁵⁶.

Как видно из приведенной выше цитаты Бубер-Нейман, сословный характер советского общества и вытекавшее из него имущественное расслоение годы спустя стали очевидны многим политэмигрантам, которым удалось пережить конец 1930-х годов. Некоторые крепкие задним умом мемуаристы утверждали, что им все было ясно едва ли не сразу по прибытии в СССР. Как, например, А. Куусинен, которая, оказавшись в Москве в 1922 г., «скоро поняла, [что] между уровнем жизни советской элиты и рабочего класса была пропасть, заставившая <...> утратить веру в преимущества бесклассового общества»⁵⁷.

Более объективным свидетельством эпохи кажутся воспоминания Будзинской, которая проследила, как постепенно менялся образ жизни советской номенклатуры: «В 1920-е гг. еще что-то оставалось от атмосферы первых революционных лет, наблюдалась определенная аскеза в стиле жизни партийного руководства». В качестве иллюстрации она привела описание бытовой сцены, подтверждавшей «простые» нравы последнего:

Еще в конце 1920-х гг. по воскресеньям я часто прогуливалась с детской коляской в Кремль в гости к “тете Броне” Мархлевской⁵⁸. В кремлевских воротах дежурный звонил, чтобы узнать, дома ли хозяева, и пропускал меня без всяких формальностей. На кремлевском дворе я обычно встречала полную, добродушную няню, а рядом с ней играли двое детей: пухлый, надутый мальчик и веснушчатая девчушка с развивающейся шевелюрой — Василий и Светлана

вспоминала с восторгом: «Меня угостили завтраком. Он был великолепен <...> Я никогда бы не могла так обильно кормить Оленьку». См.: *Форнальская М.* Воспоминания матери. С. 506.

⁵⁶ *Budzyńska C.* Strzępy rodzinnej sagi. S. 233.

⁵⁷ *Kuusinen A.* Господь низвергает своих ангелов. С. 19.

⁵⁸ Мархлевская Бронислава (1866–1952) — польская коммунистка, жена видного деятеля международного, польского и российского революционного движения, организатора и председателя ЦК МОПР Ю. Ю. Мархлевского. Политэмигрантка с 1918 г., впоследствии советская гражданка.

Джугашвили. Под опекой их няни я оставляла своего спящего ребенка и шла поболтать к тете Броне. Но идиллия длилась недолго⁵⁹.

С начала 1930-х годов, когда на противоположенном берегу Москвы-реки выросло здание Дома правительства, в него переехали обитатели Кремля и «Люкса». В партийных и правительственных зданиях повсеместно стали вводиться пропуска, а «власти все больше и эффективнее отгораживались от масс». Расширялась система спецраспределения, множились магазины «за желтыми шторами», в которых партийные работники отоваривались в соответствии с собственной категорией. Расслоение, по мнению Будзинской, происходило на удивление быстро:

Люди номенклатуры имели не только власть, но и материальные выгоды <...>. Кусок мяса, масла, рыбы, новая обувь, отрез ткани — все это были отличительные признаки, символы привилегий, обладание которыми означало принадлежность к новой касте⁶⁰.

Политэмигрантов это положение вещей устраивало до тех пор, пока они оставались по нужную сторону «желтых штор». Как много лет спустя признался «научный» работник и партийный пропагандист Эрнест Кольман (1892–1979)⁶¹:

Мы считали тогда все это само собой разумеющимся, не требующим никакого оправдания, никакие угрозыenia вести нас не тревожили. Раз мы так напряженно работаем, то, естественно, имеем право хорошо отдохнуть. Над тем, что миллионы советских людей, работавших не только так же напряженно, но многие из них в несравненно более трудных условиях, ни малейшими привилегиями не пользуются, над тем, что вся эта наша роскошь оплачивается их же тяжелым трудом, мы не задумывались⁶².

⁵⁹ *Budzyńska C.* Strzępy rodzinnej sagi. S. 260–261.

⁶⁰ *Ibid.* S. 260.

⁶¹ Кольман Эрнест (Арношт) родился в Праге в еврейской семье. Во время Первой мировой войны направлен на Восточный фронт, где в 1915 г. попал в плен. После Октябрьской революции остался в Советской России, вступил в Красную армию и РКП(б), в 1918 г. принял советское гражданство. По заданию Коминтерна в 1920-е годы находился в Германии. Вернувшись в СССР, перешел на партийную работу. После Второй мировой войны направлен в Прагу на пост заведующего отделом пропаганды ЦК Коммунистической партии Чехословакии. Родной брат политэмигранта Рудольфа Кольмана, погибшего в советских лагерях.

⁶² *Кольман А.* Мы не должны были так жить. С. 193.

Оговоримся, конформизм — характерная черта любой замкнутой эмигрантской общины, полностью зависимой от оказавшего ей гостеприимство правящего режима. Безразличие иностранных коммунистов к местному населению — следствие привилегированного положения, в котором они «заслуженно» находились. Прибыв в СССР и преодолев первоначальный эстетический шок от погружения в новую некомфортную среду, большая их часть быстро усвоила установленные властью правила и нормы, соблюдение которых, казалось, гарантировало беззаботное существование. Скорости адаптации в том числе способствовал «политический настрой» тех, кто, по словам отечественного исследователя О. А. Деля, «изначально рассматривал страну иммиграции как свою вторую родину и планировал остаться здесь на постоянное жительство»⁶³.

Однако начавшийся так называемый Большой террор практически свел к нулю результаты интеграции иностранных коммунистов в советское общество. Национально-партийные «диаспоры», сформировавшиеся в 1920–1930-е годы, были ликвидированы. Показательна судьба шести детей М. Формальской. Из пяти, проживавших в СССР, никто не избежал ареста, и только одна дочь пережила лагерь. Карающего меча революции избежал шестой ребенок — жена Берута, которая во время Большого террора находилась в польской тюрьме. В сентябре 1939 г. она освободилась и перешла на советскую территорию. После начала Великой Отечественной войны Коминтерн снова забросил ее в Польшу, где она и погибла, попав в руки немецкой полиции.

Лишь немногим из тысяч иностранцев, сформировавших политэмиграцию в СССР, удалось в конце концов уцелеть и дожить до того возраста, когда им захотелось оставить воспоминания о пережитом. Дошедшие до нас образы Советского Союза и его столицы не были бы столь искренними и, следовательно, исторически ценными, если бы их создателям не пришлось разделить со всем советским обществом страшные испытания второй половины 1930-х — начала 1950-х годов.

⁶³ Дель 1997: 82–83, 91.

Список сокращений

- КУНМЗ — Коммунистический университет национальных меньшинств Запада
МОПР — Международная организация помощи борцам революции
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, Москва

Список литературы

- Ватлин 2009 — *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 374 с.
Ватлин 2012 — *Ватлин А.Ю.* «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 342 с.
Дель 1997 — *Дель О.А.* От иллюзий к трагедии. Немецкие эмигранты в СССР в 30-е годы. М.: Нойес Лебен, 1997. 146 с.
Журавлев, Тяжельникова 1994 — *Журавлев С.В., Тяжельникова В.С.* Иностранная колония в Советской России в 1920–1930-е годы (Постановка проблемы и методы исследования) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 179–189.
Журавлев 2002 — *Журавлев С.В.* Иностранцы в советском обществе 1920–1930-х годов // Труды Института российской истории РАН. 1999–2000 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2002. Вып. 3. С. 186–209.
Иванова 2006 — *Иванова О.В.* Социокультурная адаптация политических эмигрантов в СССР в 1920–1930-е годы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Т. 8. № 3. С. 781–788.
Романова, Орлова (ред.) 2021 — Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна / отв. ред. Н.Г. Романова, К.В. Орлова. М.: Институт востоковедения РАН, 2021. 456 с.
Симкин 2022 — *Симкин Л.С.* Великий обман. Чужестранцы в стране большевиков. М.: Эксмо, 2022. 416 с.

References

- Del', O. A., 1997. *Ot illiuzii k tragedii. Nemetskie emigranty v SSSR v 30-e gody* [From illusions to tragedy. German Emigrants in the USSR in the 1930s]. Moscow: Noies Leben, 146 p. (in Rus.)
Ivanova, O. V., 2006. *Sotsiokul'turnaia adaptatsiia politicheskikh emigrantov v SSSR v 1920–1930-e gody* [Sociocultural adaptation of political emigrants in the USSR in the 1920s and 1930s]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 8, 3, pp. 781–788. (in Rus.)

- Romanova, N. G., Orlova, K. V., eds, 2021. *Komintern i Vostok: k 100-letiiu Kominterna* [Comintern and the East: on the centenary of the Comintern]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 456 p. (in Rus.)
- Simkin, L. S., 2022. *Velikii obman. Chuzhestранtsy v strane bol'shevikov* [The great deception. Foreigners in the Land of the Bolsheviks]. Moscow: Eksmo, 416 p. (in Rus.)
- Vatlin, A. Iu., 2009. *Komintern: Idei, resheniia, sud'by* [Comintern: Ideas, decisions, destinies]. Moscow: ROSSPEN; Foundation of the First President of Russia B.N. Yeltsin, 374 p. (in Rus.)
- Vatlin, A. Iu., 2012. "Nu i nechist". *Nemetskaia operatsiia NKVD v Moskve i Moskovskoi oblasti 1936–1941 gg.* ["What evil spirits". German NKVD operation in Moscow and Moscow region 1936–1941]. Moscow: ROSSPEN, 342 p. (in Rus.)
- Zhuravlev, S. V., Tiazhel'nikova, V. S., 1994. Inostrannaia koloniia v Sovetskoii Rossii v 1920–1930-e gody (Postanovka problemy i metody issledovaniia) [Foreign colony in Soviet Russia in the 1920s and 1930s (Statement of the problem and research methods)]. *Otechestvennaia istoriia*, 1, pp. 179–189. (in Rus.)
- Zhuravlev, S. V., 2002. Inostrantsy v sovetskom obshchestve 1920–1930-kh godov [Foreigners in Soviet society in the 1920s and 1930s]. In: Sakharov, A. N., ed. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN. 1999–2000*, 3. Moscow: IRI RAN, pp. 186–209. (in Rus.)

Anna N. Kanarskaya,

Junior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow,
Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.

E-mail: kanarska.anna@mail.ru

“Red Moscow is the Heart of the Proletarian World Revolution”: Political Emigrants in the Capital of the USSR in the 1920s and 1930s

In the 1920s and 1930s, Soviet Russia became one of the world's centres of political emigration. Many of those who took part in the failed revolutionary uprisings in Europe after World War I. found refuge in the first socialist state. Having arrived in the USSR and having overcome the initial shock of immersion in an unfamiliar environment, foreign communists formed a privileged and largely isolated social group. Within itself, it was divided into closed national-party “communities”, in which the daily life of German, Polish, Chinese, Bulgarian, and other “revolutionary fighters” and their families took place. Indifferent during their stay in Moscow to what was happening outside their “ghetto”, years later, political emigrants in their recollections would express a whole range of feelings and assessments regarding Soviet society, the ruling regime, and, in general, the environment they had lived in. Unflattering descriptions of Moscow and Muscovites, everyday scenes, complaints about the injustice of the state system of distribution of goods and privileges — all this serves as a valuable addition to prevalent ideas about the era and the people who lived in it. The Great Terror of the second half of the 1930s put an end to political emigration into the USSR as a social group. In the end, foreign communists had to share with the entire Soviet society the terrible trials of the second half of the 1930s and early 1950s. If it had not been for this involvement in the fate of the country, its images, left by the few who survived, would not have been so sincere and, therefore, historically valuable.

Keywords: political emigrants, foreign communists, Comintern, Soviet Union, Moscow, Hotel Lux, Kremlin, famine in the USSR

Received: 2 April 2025

Accepted: 7 August 2025

How to cite: Kanarskaya, A. N., 2025. “Krasnaia Moskva — serdtse proletarskoi mirovoi revoliutsii”: politemigranty v stolitse SSSR v 1920–1930-e gody. *Central-European Studies*, 8, pp. 68–90. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.3>

Ирина Евгеньевна Адельгейм

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект 32А. E-mail: adelgejm@yandex.ru

Отсроченная любовь: Неаполь Густава Герлинга-Грудзиньского

В статье анализируется место, которое занимал Неаполь в творчестве крупнейшего польского писателя-эмигранта XX в. Густава Герлинга-Грудзиньского (1919–2000). Герлинг провел в этом городе почти столетия (1955–2000), и его проза отразила сложный путь от внутреннего противостояния к приятию Неаполя. Материалом для анализа послужил прежде всего опубликованный в 1971–2000 гг. дневник писателя («Дневник, писавшийся ночью»). В статье также рассмотрены значимые для понимания формирования мировоззрения и мироощущения Герлинга биографические факты (ГУЛАГ, армия Андерса, эмиграция). Дневник Герлинга, включающий эссе и рассказы, является поразительным примером взаимопроникновения документального и художественного, поступательного и ретроспективного, опытом создания единого референтного поля, всегда незаконченного и открытого для самого автора. Ментальность неаполитанцев оказалась созвучна вектору художественной рефлексии писателя, а структура Неаполя (города, открытого подземному миру и общающегося с ним; города-лабиринта; города, стоящего у подножия вулкана) — близка нарративной стратегии Герлинга. Неаполь (повседневные наблюдения, архитектура, живопись, скульптура, городские хроники, легенды, слухи и пр.) являлся для него прежде всего *источником* вдохновения и рефлексии — основой, на которой Герлинг, манипулируя границей между вымыслом и документальностью, создавал рассказы-притчи о человеческих страстях и судьбах, а также исторические рассказы-параболы. Обращение к прошлому Неаполя было для писателя-эмигранта и способом адаптации. С точки зрения художественно-психологических механизмов обживания чужого пространства наиболее значимыми в диалоге с городом представляются две функции. Неаполь играл для Герлинга роль пространства-посредника, которое позволяло пережить в тексте невозможное (встречу с умершей женой) или замалчиваемое (еврейское происхождение), а также пространства-двойника, которое утешало и примиряло с собственной драматической судьбой, представавшей не исключением.

Ключевые слова: дневник, документ, вымысел, адаптация, пространство-посредник, пространство-двойник

Статья поступила в редакцию: 28 февраля 2025 г.

Статья принята к публикации: 12 апреля 2025 г.

Цитирование: Адельгейм И.Е. Отсроченная любовь: Неаполь Густава Герлинга-Грудзиньского // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 91–114. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.4>

Понимание того, как складывались отношения крупнейшего польского писателя-эмигранта XX в. Густава Герлинга-Грудзиньского (1919–2000) с Неаполем, где он провел чуть меньше половины столетия и чуть больше половины своей жизни, невозможно без знания предыстории этого «благополучного изгнания»¹.

Герлинг-Грудзиньский родился в уже независимой Польше, до Второй мировой войны успел два года проучиться в университете имени Юзефа Пилсудского в Варшаве. Тогда же он начал активно заниматься литературной критикой под руководством Людвика Фрыде — «гуру молодых полонистов того времени»², оказавшего на юношу огромное влияние³.

В 1939 г. Герлинг участвовал в создании одной из первых варшавских подпольных организаций (*Polska Ludowa Akcja Niepodległościowa* («Польская народная акция независимости»)). В связи с этой деятельностью в 1940 г. он оказался в Гродно, откуда, узнав, что им интересуется НКВД, попытался перебраться в Литву, однако был арестован (март 1940 г.). После пересыльных тюрем в Витебске, Ленинграде и Вологде Герлинг получил пятилетний срок и попал в Каргопольский исправительно-трудовой лагерь.

Так для двадцатилетнего Герлинга начался период, позже описанный им в книге «Иной мир. Советские записки» (1949–1950 гг.), первая часть названия которой до сих пор является в Польше знаковой. По словам Б. Скарги, Иной мир — это «мир человеческих ценностей, вывернутых наизнанку, мир, лишенный надежды, лишенный сострадания <...>, заключенный в панцирь безразличия»⁴. Р. Лахманн, отталкиваясь от формулы Х. Арендт, определяет опыт

¹ Набоков В. Расстрел // Набоков В. Стихотворения. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. С. 186.

² Herling-Grudziński G. Wyjścia z milczenia // Kultura. 1961. № 11/169. S. 31.

³ Kudelski 1991: 12.

⁴ Цит. по: Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012. Т. 2. 1982–1992. S. 359.

Герлинга как «“практику” зла»⁵. Российский исследователь творчества писателя Л. А. Мальцев называет двухгодичное пребывание Герлинга в ГУЛАГе «реализацией дантовского хронотопа, связанного с путешествием в загробный мир»⁶.

После подписания пакта Сикорского — Майского (Лондон, 30 июля 1941 г.) о создании на территории СССР польской армии Герлинг — из-за доноса товарища — не был амнистирован и вышел из лагеря только в конце января 1942 г. в результате голодовки, едва не закончившейся смертью. Добравшись до военной миссии в Челябинске, он присоединился к «войску узников под предводительством узника», армии «полуживых скитальцев, вчерашних заключенных и ссыльных»⁷. В конце марта 1942 г. полк, в который был зачислен Герлинг, покинул СССР. О дальнейшем своем пути, который вел через Персию, Ирак, Палестину, Египет и Италию, Герлинг напишет в эпилоге «Иного мира», что это были — после «глубочайших бездн (лагерного. — И. А.) ада»⁸ — «три года свободы, <...> три года обычных человеческих чувств», и добавит: «Время нашей жизни не похоже на время нашей смерти»⁹. Тем не менее это были три военных года, и Герлинг, хоть и продолжал писать, провел их на фронте, дважды отклонив предложение (в 1943 г. — Ежи Гедройца, в 1944 г. — Юзефа Чапского) перейти в Отдел прессы и пропаганды.

В Италии он оказался на рубеже 1943–1944 гг. Судьба распорядилась так, что до битвы под Монте-Кассино (1944 г.), за которую Герлинг получил орден *Virtuti Militari*, и дальнейшего участия в Итальянской кампании он успел познакомиться (находясь в военном реабилитационном центре в Сорренто) с крупнейшим итальянским философом Бенедетто Кроче, чьими текстами интересовался еще в студенческие годы.

⁵ Лахманн 2024: 391.

⁶ Мальцев 2022: 134. Характерно, что рабочим названием будущей книги было «Мертвые при жизни», и Герлинг на протяжении всего текста неоднократно пытался описать именно опыт соприкосновения со смертью.

⁷ *Czapski J., Herling-Grudziński G. Dialog o Dowódcy // Kultura. 1970. № 7/274–8/275. S. 16. Цит. по: Kudelski 1991: 16.*

⁸ *Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир. Советские записки / пер. Н. Горбаневской. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. С. 187.*

⁹ Там же. С. 342.

После окончания Второй мировой войны Герлинг принял решение остаться на Западе, однако от Неаполя его отделяли еще два очень разных отрезка судьбы.

Первый — счастливый — римский. Герлинг активно печатается (в это время состоялся его книжный дебют¹⁰), участвует вместе с Е. Гедройцем в создании будущей легенды польской эмиграции — издательства *Instytut Literacki* («Литературный институт») и выпускавшегося им журнала *Kultura* («Культура»)¹¹, женится на художнице Кристине Доманьской, с которой познакомился во время войны. Спустя много лет в дневнике он напишет:

[М]ы оттаивали, мы были счастливы. <...> Уже знали, что не вернемся, что начинаются наши эмигрантские скитания, и все же это было подлинное счастье после нескольких лет тюремных нар и армейских палаток¹².

И второй — самый тяжелый (не считая лагеря) период, связанный с Лондоном (1948–1952 гг.; работа в эмигрантском еженедельнике *Wiadomości* («Известия»)), где покончила с собой жена Герлинга, и Мюнхеном (1952–1955 гг.; работа в польской редакции «Радио Свобода»). Тем не менее именно в Лондоне Герлинг познакомился с А. Вайсбергом (1901–1964), и дружба с физиком, прошедшим через советский и нацистский лагеря, а также помощь ему в работе над мемуарами укрепили решимость написать собственное свидетельство¹³.

¹⁰ Высоко оцененный Ю. Чапским сборник эссе «Живые и умершие» (1945 г.).

¹¹ По словам А. Михника, они «сопутствовали польской интеллигенции во всех ее радостях и горестях» (цит. по: *Giedroyc J., Jeleński K. A. Listy 1950–1987. Warszawa: Czytelnik, 1995. S. 478*). Сам Герлинг вспоминал: «Я отлично понимал весь масштаб задачи, за которую взялся Гедройц. Когда мы решили не возвращаться в Польшу, перед нами встал вопрос: “Что делать?” *Instytut Literacki* был весьма конкретным ответом» (*Гроховская М. Ежи Гедройц. К Польше своей мечты. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. С. 164*).

¹² *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 2. S. 199.*

¹³ Эта потребность возникла еще в лагере, а писать Герлинг начал сразу после освобождения: «Еще одним доказательством моего быстро идущего выздоровления стал тот факт, что сразу по приезде в Свердловск мне захотелось писать и на последние копейки я купил на станции блокнот с карандашом» (*Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир. С. 323*). В 1949 г. он за один месяц написал шесть глав будущей книги, законченной в следующем году. Работу над «Иным миром» Герлинг считал началом своего писательского пути: «В тот момент, можно сказать, я родился как писатель» (*Herling-Grudziński G., Bolecki W. Rozmowy w Dragonei. Warszawa: Szpak, 1997. S. 94*).

В 1955 г. вместе с женитьбой на дочери Б. Кроче Лидии начинается неаполитанский этап жизни Герлинга, продлившийся сорок пять лет.

Герлинг прекрасно знал итальянский язык¹⁴, дружил с Иньяцио Силоне и Николо Кьяромонте, печатался в итальянской периодике¹⁵, в 1958 г. на итальянском языке вышел сборник его эссе о русской и советской литературе «От Горького до Пастернака. Размышления о советской литературе»¹⁶. Он сотрудничал с польскими эмигрантскими изданиями, его книги публиковались в издательстве *Instytut Literacki*, в деятельности которого писатель сам в разные годы принимал активное участие. Герлинг выступал как авторитетный критик и литературовед, специалист по польской, русской и советской литературам, переводчик с английского, итальянского и русского языков. О нем писали (в том числе Ю. Чапский, Е. Стемповский, К. Вежиньский, Ю. Витлин), он получал премии. Писатель поддерживал постоянные контакты с представителями польской культурной элиты, с эмигрантами и теми, кто приезжал из Польши¹⁷. Хотя в ПНР, за исключением периода польской «оттепели» и так называемого карнавала «Солидарности» (август 1980 г. — введение военного положения 13 декабря 1981 г.), само имя Герлинга в официальной печати было под запретом (кроме упоминаний, сопровождавшихся негативными комментариями), тексты его проникали в страну, а после создания в 1978 г. «второго круга обращения» (развернутой системы

¹⁴ Однако всю жизнь он ощущал дистанцию по отношению к неродному языку: «Итальянский — первый встреченный мною в скитаниях по миру иностранный язык, с которым меня связывают личные отношения, опирающиеся не только на беглое и хорошее знание, но и на более глубокое чувство. Это язык, который все больше меня очаровывает. Время от времени я пишу для итальянской периодики и вижу, что мои тексты не требуют особой правки. И все же <...> у меня чувство, что я касаюсь этого языка рукой в толстой перчатке. А не так, как родного языка, напрямую — голой ладонью, тонкой чуткой кожей» (*Herling-Grudziński G. Dziennik pisany poć. T. 2. S. 783*).

¹⁵ Прежде всего в антикоммунистическом издании *Tempo Presente* («Настоящее время»), а также в *Il Monde* («Мир»), *Elsinor* («Эльсинор»), *L'Espresso* («Экспресс»), *La Fiera letteraria* («Литературная ярмарка»), *Settanta* («Семьдесят»), *Corriere della Sera* («Вечерний вестник»), *Il Giornale* («Газета»).

¹⁶ В 1969 г. эти эссе вышли по-польски в Париже под названием «Призраки революции» (*Upiory rewolucji*).

¹⁷ Он также общался с представителями русской эмиграции, а в середине 1970-х годов вместе с Ю. Чапским и Е. Гедройцем вошел в редакционный комитет журнала «Континент».

самиздата) издавались там подпольно и были весьма востребованы¹⁸. Однако практически до второй половины 1980-х годов писатель не ощущал себя *естественной* частью общественной жизни и круга чтения — ни итальянского, ни польского.

Если в ПНР трудности были связаны со статусом писателя-эмигранта, то в Италии они объяснялись левыми настроениями первых послевоенных десятилетий и ситуацией с публикацией «Иного мира». Английская версия книги, вышедшая в 1951 г. в Лондоне с предисловием Бертрانا Рассела (отметившего как исключительность свидетельства Герлинга, так и художественные достоинства текста), была высоко оценена и в течение двух лет несколько раз переиздана в Великобритании и США, появилось также девять переводов на другие языки. Однако, по словам Р. Лахманн, «всерьез его книгу, на десятилетия опередившую “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына, восприняли только после выхода последнего»¹⁹. По-итальянски «Иной мир» был издан в 1958 и 1965 гг., однако, по словам П. Синатти:

[О]бе публикации прошли почти незамеченными²⁰. <...> Для Итальянской коммунистической партии, в то время пользовавшейся большим влиянием в сфере издательского дела и среди итальянской интеллигенции, обсуждение советских лагерей находилось под негласным запретом, за редкими исключениями²¹.

На польском языке «Иной мир» вышел в Лондоне (1953 г.), затем в Париже в издательстве *Instytut Literacki* (1965, 1972, 1979, 1982 гг.) и в Польше (1980 г. — подпольное издание, 1989 г. — первое официальное).

Положение начало меняться лишь во второй половине 1980-х годов, а 1990-е годы стали, по выражению Э. Беньковской, «поразительной

¹⁸ По воспоминаниям Э. Беньковской, ее поколение «зачарованно впитывало» то, как Герлинг писал «о сегодняшнем дне, о дне вчерашнем — еще не остывшем, о современном Западе, о Польше, о России» (Biełkowska 2002: 34).

¹⁹ Лахманн 2024: 392. Во Франции «Иной мир» был опубликован спустя десятилетия, именно после издания «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына. Подробнее о переписке с А. Камю, который прилагал усилия для издания книги Герлинга во Франции, см.: *Herling-Grudziński G., Marrone T. Pod światło*. Kraków: Baran i Suszczyński, 1998. S. 46.

²⁰ Первое издание, по словам Т. Марроне, «бойкотировалось» (*Herling-Grudziński G., Marrone T. Pod światło*. S. 14), реакцией на второе стало «требование римской левой газеты выдворить Герлинга из страны» (*Гроховская М. Ежи Гедройц*. С. 307).

²¹ Синатти 2013.

компенсацией²² за беды и горести судьбы, за годы немоты, за все сомнения, за упорный труд над собой», «чудесным финалом»²³ писательской судьбы — и в Польше, и в Италии, и на Западе в целом²⁴. В 1991 г. Герлинг написал, что «перестал быть польским писателем в изгнании и стал польским писателем, живущим в Неаполе»²⁵.

Эта не удовлетворявшаяся десятилетиями потребность быть услышанным в полной мере («Я постоянно осознавал, что есть границы, которые я не могу переступить»²⁶) определяла очень многое в мироощущении Герлинга:

[М]оя жизнь в Неаполе была пустынно и одинока. <...> Я отчетливо ощущаю утрату тени. <...> Не в том смысле, что на родине тени политических эмигрантов подвергаются преследованиям, их кромсают чиновничьи ножницы. Есть еще нечто неуловимое, что наполняет меня <...> горечью и завистью, когда я всматриваюсь в свое итальянское окружение²⁷.

Осев в Неаполе в 1955 г., Герлинг систематически вел дневник, который с 1971 г. публиковал (под названием «Дневник, писавшийся ночью», 1971–2000 гг.) в эмигрантском журнале *Kultura*, а затем, после окончательного разрыва с Е. Гедройцем в 1995 г. — в варшавской газете *Rzeczpospolita* («Речь Посполитая»). Ранее на протяжении полутора десятилетий (1953–1969 гг.) в *Kultura* печатались дневниковые записи другого польского эмигранта — Витольда Гомбровича. Это два знаковых для польской литературы писательских дневника, повлиявших на представления о границах автобиографического нарратива.

Гомбрович, открывший жанр «дневника-вызова (читателю. — И.А.)», «весь свой дневник превратил в литературу»²⁸. Герлинг

²² Сам Герлинг в беседе с Т. Марроне заметил, что его признание в Италии в эти годы нельзя считать компенсацией, так как «культурный остракизм, которому он подвергся, компенсировать невозможно» (*Herling-Grudziński G., Marrone T. Pod światło*. S. 19).

²³ Bieńkowska 2002: 13.

²⁴ Подробнее см.: Kudelski 1991: 27–29.

²⁵ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 2. S. 783.

²⁶ *Herling-Grudziński G., Marrone T. Pod światło*. S. 19.

²⁷ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 1. 1971–1981. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2011. S. 290.

²⁸ Czermińska 2000: 24. «Он был суверенным властителем своего творчества, разыгрывал от первой до последней книги грандиозную шахматную партию, зная, какую

сделал следующий шаг, заставив адресата «играть одновременно две взаимоисключающие роли: читателя документа и читателя вымышленного повествования»²⁹. Если, перефразируя Э. Ожешко, которая определяла роман как зеркало, а новеллу — как осколок зеркала³⁰, назвать жанр дневника зеркалом, составленным из осколков, то у Гомбровича — это кривое зеркало, почти полностью «обернутое» вокруг него самого, а в случае Герлинга — зеркало, отражающее автора на фоне эпохи³¹. Идеал дневника Герлинг формулирует как полотно, запечатлевающее «историю, сорвавшуюся с цепи», в углу которого едва намечен «крошечный <...> автопортрет наблюдателя и хрониста»³² — автора. Эта формула не могла быть реализована им в полной мере: «полемический темперамент, <...>, страстная любовь к искусству и нежность по отношению к итальянскому пейзажу» наполняют строки того, кто вызвался быть лишь «наблюдателем и хронистом», мощным личностно-эмоциональным началом, так что его автопортрет из наброска постепенно превращается «в огромную, яркую фреску»³³. По словам Э. Беньковской, «Хроника, писавшаяся ночью — буквально или метафорически — это нечто большее, чем “хроника”»: в ночной тиши <...>, ее мнимая летописная дистанция оборачивается страстью, гневом, страданием»³⁴. Л. А. Мальцев, предлагающий подробную классификацию дневникового жанра³⁵, приходит к неизбежному в случае Герлинга выводу: попытка рубрикации

фигуру, почему и зачем передвигает в данный момент на доске; поэтому его дневник был не мрачным и разрытым “писательским подпольем”, но автономным <...> *законченным* повествованием о себе и собственном творчестве. Когда Гомбровича в конце жизни спросили о планах на будущее, он ответил одним словом: “Смерть”» (*Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 1. S. 745).

²⁹ Czermińska 2000: 24, 50.

³⁰ «Если роман — это зеркало, в которое человек, поколение, человечество могут смотреться снаружи и изнутри, с ног до головы, то новеллу можно считать таким осколком зеркала, в котором отражается один глаз, одна улыбка, одна слеза, одна гримаса, одно движение души» (Orzeszkowa 1985: 383).

³¹ Неслучайно И. Фуриал называет дневник Герлинга «хроникой Европы» (Furial 1997: 156), а З. Кудельский, отсылая к рассуждениям М. Черминьской о двух полюсах автобиографизма — интроверсии и экстраверсии (Czermińska 1982: 229), «размещает» на них соответственно дневники Гомбровича и Герлинга (Kudelski 1991: 118–119).

³² *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 1. 1971–1981. S. 547.

³³ Czermińska 2000: 36.

³⁴ Bienkowska 2002: 35–36.

³⁵ Он выделяет три «дневниковых рода» (экстравертный, интровертный, комбинированный) и семь видов (дневник-хроника, дневник-публицистика, дневник-исповедь,

«Дневника, писавшегося ночью» «обречена на неудачу» — в зависимости от интересов читателя, его «можно счесть “интровертным”, “экстравертным” или “диалогическим”, отнести к любому из семи видов»³⁶.

Э. Беньковская неслучайно назвала текст Герлинга «одним из самых удивительных дневников на свете»³⁷. Это блестящая демонстрация гибкости дневникового жанра, поразительный пример взаимопроникновения документального и художественного, поступательного и ретроспективного³⁸, с разной, иногда парадоксальной, степенью открытости, разной степенью этической непримиримости. Дневник Герлинга постепенно «обрастал» эссе и рассказами, вбирал их в себя, взаимодействовал с ними. Грань между рассказом, эссе и дневниковой записью нередко оказывается размыта, но в целом следует согласиться с Л. А. Мальцевым: рассказы, как правило, выполняют «кристаллизационную функцию в хаосе событий»: если «на уровне простых записей авторская мысль движется по кругу до бесконечности», то на уровне рассказов — «восходит по спирали: от факта к метафоре, от репортажа к параболе»³⁹.

Служа тому, что Герлинг считал задачей литературы — поиску «узора судьбы»⁴⁰, гармонии, которую можно вычитать во фрагменте реальности, — различные типы нарратива в его дневнике сплетаются, художественное и документальное, автобиографическое и псевдоавтобиографическое соприкасаются, пересекаются, отзываются эхом. Одно комментирует, интерпретирует, продолжает, переписывает другое; между автором, нарратором и героем идет «сложная игра схождения, мистификации, правды и вымысла»⁴¹. Представляется, что внутренней сверхзадачей при этом является не вызов читателю, не игра с ним, но создание некоего единого референтного поля, всегда незаконченного и открытого для самого автора.

дневник-лаборатория, дневник-корреспонденция, дневник-игра, дневник о дневниках) (Мальцев 2008: 28–29).

³⁶ Мальцев 2008: 36.

³⁷ Bieńkowska 2002: 89.

³⁸ Л. Я. Гинзбург противопоставляет «поступательную динамику» дневниковых записей «ретроспективной динамике» романа (Гинзбург 1989: 171).

³⁹ Мальцев 2008: 25.

⁴⁰ *Herling-Grudziński G., Bolecki W. Rozmowy w Dragonei*. S. 48.

⁴¹ Bolecki 1998: 65.

На протяжении почти полувека ежедневные прогулки по Неаполю спасали Герлинга от депрессии и одиночества, а позже, после нескольких инфарктов, стали лекарством в буквальном смысле. В Неаполе писатель ощущал и целительную противоположность пезрежитому⁴², и то, что позволяло внутренне сблизиться с городом.

Никогда не забуду, что в 1943 году, когда я впервые попал сюда, для меня было подлинным утешением бродить по неаполитанским переулкам, жители которых, вовсе не купавшиеся в роскоши, зазывали в гости, угощали вином, делились куском хлеба. Эта сердечность повседневной жизни <...> потрясала⁴³,

— заметил он в беседе с Т. Марроне и в дневнике не раз возвращался к этой теме. В восприятии Герлинга Неаполь — город, знающий страдание, однако страдание человеческое и имеющее голос (в отличие от лагерного — бесчеловечного и безмолвного): «В Неаполе, особенно в небольших церквях в “рабочих районах”, нередко можно услышать громкие мольбы и жалобы у алтаря»⁴⁴.

Неаполь стал для Герлинга прежде всего естественным источником вдохновения и рефлексии. Неаполитанские сюжеты, наряду с польскими, — наиболее частая тема его творчества, материал дневниковых записей, пространство действия многих рассказов.

Герлинг пишет о повседневности Неаполя, «хитросплетении закоулков»⁴⁵, дольше всего хранивших дух прежнего города, описывает суеверия и обычаи (например, *iettatura*, то есть дурной глаз, или Чудо святого Януария), с удивительной тонкостью и живописностью запечатлевает сценки, звуки, цвета, ощущения воздуха и светотени. В текстах отражены топонимика и архитектура, фигурируют любимые или особенно интересовавшие писателя места, фрагменты их истории: церковь Санта-Кьяра, церковь Санта-Мария-Донна-Реджина (к которой «неизменно вели»⁴⁶ все его прогулки), Пинакотекa

⁴² Л. А. Мальцев сделал интересное замечание о дополняющем «мировоззренческую оппозицию Восток — Запад» «лично-психологическом противопоставлении Север — Юг», в котором «русский и британский Север пространственно образуют единый трагический мир» (Мальцев 2004: 272).

⁴³ *Herling-Grudziński G., Marrone T. Pod światło*. S. 103.

⁴⁴ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 1. S. 673.

⁴⁵ *Ibid.* S. 95.

⁴⁶ *Ibid.* S. 40.

во дворце Каподимонте и вид оттуда на город, Испанские кварталы, оссуарий Фонтанелле и кладбище Поджореале (где теперь — рядом с Бенедетто Кроче — покоится и он сам), мост Санита, «вырастающий, словно костыль, на который опирается спящий город»⁴⁷, Чертоза-ди-сан-Мартино, собор Сан-Дженнаро и Чудо святого Януария, Спакканаполи, площадь и церковь Джезу-Нуово и др. Герлинг создает «оригинальный вариант топографической хроники (“топо-хроники”», раскрывая перед читателем «разномасштабную “карту” городской архитектуры»⁴⁸ (особенно выразительные образцы которой можно обнаружить в рассказах «Мост», «Арка Правосудия», «Suog Strega», «Перстень», «Чудо», «Чума», «Траурный мадригал»). Фрагмент Неаполя оказывается объектом самостоятельной рефлексии, пространством действия, персонажем, исходной и/или финальной точкой повествования, метафорой (так, мост Санита — метафора перехода из Иного мира к витальности южного города и одновременно перехода из этого мира на тот свет; арка у церкви Сант-Элиджо-Маджоре олицетворяет «эталонное правосудие»⁴⁹; Фонтанелле — символ человеческого желания «заставить загробный мир принять участие в жизни мира земного»⁵⁰ и др.).

Важнейшее место в «Дневнике, писавшемся ночью» занимает итальянская живопись, являющаяся, по словам Э. Беньковской, «прославлением красоты мира и приятием его открытости “другому измерению”, столь значимому для Герлинга»⁵¹, фрески и скульптуры неаполитанских церквей. Рассыпанные по тексту экфрасисы оборачиваются рефлексией по поводу исторических событий прошлого и современности, психологическим этюдом в попытке разгадать ощущения автора, проекцией собственных состояний. Так, один из постоянных мотивов дневника — мрачное «Распятие» Мазаччо в галерее Каподимонте, с которым Герлинг соотносит впечатления текущей жизни. Рассуждения о неаполитанском барокко, являющемся «выражением подлинной души Неаполя», порождают

⁴⁷ Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись / пер. И. Адельгейм. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. С. 65.

⁴⁸ Мальцев 2008: 69.

⁴⁹ Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012. T. 3. 1993–2000. S. 129.

⁵⁰ Ibid. S. 429.

⁵¹ Bieńkowska 2002: 93.

«метафизическую интерпретацию знаков»⁵² и одновременно психологическое откровение:

У истоков неаполитанского барокко лежит спонтанность. <...> Спонтанность цветов, форм, композиций, борьбы света и тени, пульсирующего, почти судорожного сплетения зримого и незримого. <...> В готической церкви Санта-Кьяра, одной из самых красивых в Италии, я всегда чувствовал себя словно бы вне города, словно на давно затопленном острове, вдруг вынырнувшем из моря. <...> Не исключено, что моя привязанность к Санта-Кьяре — инстинктивное бегство от барочного неаполитанского безумия⁵³.

Герлинг постоянно обращается к городским хроникам⁵⁴, легендам, слухам⁵⁵, сообщениям в прессе. При этом его интересует то, что находится за пределами прочитанного и услышанного: в рамках очевидного помещается (а точнее — извлекается в процессе повествования) загадочное, зачастую — необъяснимое. Руководствуясь «реалистической дисциплиной и барочной изобретательностью»⁵⁶, манипулируя границей между вымыслом и документальностью, превращая «обманчивую действительность в правду воображения»⁵⁷, Герлинг создает рассказы-притчи о человеческих страстях и силах, воздействующих на человеческую судьбу. Работа с хрониками оказывается также лабораторией политических и метафизических гипотез и параллелей. Наиболее яркими примерами могут служить рассказы «Чудо» и «Чума в Неаполе. Рапорт о чрезвычайном положении»,

⁵² Мальцев 2004: 271.

⁵³ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 2. S. 269.

⁵⁴ Он называл себя «страстным читателем старых хроник» (*Radość daje pisanie we własnym języku. Rozmowa z Gustawem Herlingiem-Grudzińskim // Kontakt*. 1985. № 7/8 (39–40). S. 43. Цит. по: Kudelski 1991: 109) и полагал, что «некоторые главы темной истории человечества <...> могут быть переданы только пером совершенно бесстрастного хрониста» (*Bolecki 1991: 21*). Однако образцом для Герлинга служили скорее ««горячие» апокрифические «Итальянские хроники» Стендаля» (*Bieńkowska 2002: 118*). О «целенаправленной трансформации» Герлингом модели стендалевских «Итальянских хроник» см.: Мальцев 2008: 66–84. В любом случае на протяжении всего творчества именно хроника оставалась для Герлинга излюбленной моделью повествования.

⁵⁵ М. Вильк писал о «пересыпанных слухами неаполитанских сюжетах» Герлинга (*Wilk M. Przechadzki z cieniem. Śladami Herlinga po Neapolu*. Pyrzany: Mykietów, 2024. S. 49).

⁵⁶ Мальцев 2008: 68.

⁵⁷ *Wilk M. Przechadzki z cieniem*. S. 120.

повествующие соответственно о бунте Мазаньелло 1647–1648 гг. и о неаполитанской чуме 1656 г., предстающие параболами событий в Польше и одновременно универсальными притчами о механизмах манипуляции власти, о болезни и гибели общества, о «победе чумы над миром»⁵⁸.

Но очевидно, что использование неаполитанских хроник также способствовало адаптации эмигранта: ранний рассказ «Мост» имеет подзаголовок «Из хроники нашего города», назван «нашим городом»⁵⁹ Неаполь также в «Руинах». Обращение к городским хроникам, включение себя (посредством использования излюбленного Герлингом условно-автобиографического рассказчика) в число хронистов, выработанный писателем жанр рассказа-гипотезы, рассказа-расследования, реконструкции частной истории, связанной с Неаполем, и разгадывания «узора судьбы» человека и города — это и способ освоения чужого пространства.

Мироощущение неаполитанцев оказалось созвучно вектору художественной рефлексии писателя. Его привлекали ориентация на универсальное (в противовес польскому национальному «эгоцентризму»), интенсивность и открытость переживания, свобода сосуществования языческого с христианским и рационального с мистическим, занимали и поражали фамиллярные отношения со смертью:

На кладбище Поджореале <...>. Шумная, пестрая толпа с букетами и сумками с едой, повсюду дети, которым покупают у кладбищенских ворот сладости, шарики, пластмассовые вертушки. День поминовения усопших? *Festa*, совместный праздник живых и мертвых! <...> В этом городе отношение к физической и естественной смерти настолько доверительно, словно Поджореале — не кладбище, но особый, “специальный” район Неаполя⁶⁰.

Структура Неаполя (города, открытого подземному миру и общающегося с ним; города-лабиринта; города, стоящего у подножия вулкана) близка нарративной стратегии писателя. Следуя «одновременно по двум дорогам» (документа и художественного вымысла), Герлинг выстраивает между ними «все новые разнообразные

⁵⁸ Bolecki 1998: 102.

⁵⁹ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 1. S. 711.

⁶⁰ *Ibid.* S. 595.

мостики, заставляет пересекаться и сплетаться, загоняет читателя в тупик и предоставляет самому выбирать из него, а затем открывает новые перспективы, оборачивающиеся иллюзией, подобно тому, как барочный плафон притворяется открытым небом»⁶¹. Эта полярная двойственность Неаполя («подвешенное состояние между Чудом и Вулканом»⁶²) необычайно созвучна самому мироощущению писателя, в основе которого лежит опыт Иного мира: лагерь породил не только «беспощадный морализм» Герлинга, но и «чувствительность <...> сродни манихейству», предполагающему «наличие двух четко разделенных принципов, на конфликте которых строится история мира: добра и зла, света и тьмы»⁶³. Очевидно, Неаполь, главными чертами которого Герлинг полагал «достоинство, сочетающееся с горечью»⁶⁴, сформировал или укрепил экзистенциальную антропологию польского писателя и помог ему выжить:

Можно сказать, что Герлинг возродился после войны — и личной потери — благодаря этим двум принципам. Что человек обладает судьбой и должен ее принять и как-то познавательно и творчески использовать; и что мир существует — реальный, плотный, неподатливый — и в то же время изредка позволяет разглядеть сквозь себя нечто иное, нечто “сверх”⁶⁵.

С точки зрения художественно-психологических механизмов адаптации, обживания эмигрантом чужого пространства в слове и жизни, наиболее значимыми в этом диалоге писателя и города представляются две функции — посредничества и двойничества.

В качестве пространства-посредника Неаполь дарит возможность пережить в слове невозможное или замалчиваемое. Город порождает персонажей-призраков:

[Я] едва добрел до Санта-Кьяры. Там было пусто, ни души. Я рухнул на скамью возле единственного освещенного бокового алтаря и тут

⁶¹ Czermińska 2000: 50.

⁶² *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą. T. 2. S. 169. Т. Бурек предложил для дневника Герлинга альтернативное название: «Дневник, писавшийся под вулканом» (*Sawicka E.* Widok z wieży. Rozmowy z Gustawem Herlingiem-Grudzińskim. Warszawa: Most, 1997. S. 64).

⁶³ Pomian 2000: 47.

⁶⁴ *Herling-Grudziński G., Marrone T.* Pod światło. S. 101.

⁶⁵ Bienkowska 2002: 125.

же погрузился в привычное уже для меня состояние полудремоты-полугаллюцинации. <...> Кто-то легонько толкнул меня. Рядом стоял звонарь Санта-Кьяры, маленький высохший францисканец <...>. Он шепнул мне на ухо: “Они говорят, что у меня большое сердце, хотят отобрать мой колокол. <...> Я умру без моего колокола <...>”. Мне захотелось утешить его и обнять, однако, когда я сделал энергичное движение, собираясь встать со скамьи, рядом уже никого не было⁶⁶.

Главный из этих признаков — тень первой жены⁶⁷, которую Герлинг почти никогда не называет в тексте по имени, обращаясь к ее памяти лишь при помощи аллюзий или мистификаций. Так, в приведенной сцене покойная жена является повествователю, словно бы просвечивая через реальную фигуру неаполитанского звонаря (которая также затем обретает автобиографическое измерение):

[М]не показалось, будто кто-то обращается ко мне едва слышным голосом. Кто? Человек, смерть которого я оплакивал. <...> Быть может, это она — та, что бежала от меня в страну теней, — жаловалась в Санта-Кьяре, что умрет без своего колокола?⁶⁸

Неаполь-посредник дает Герлингу возможность, не открываясь, сказать о замалчиваемом еврейском происхождении⁶⁹ — «комплексе происхождения»⁷⁰, в котором писатель сам признавался в опубликованном посмертно (2018 г.) личном дневнике 1957–1958 гг. Причины этого молчания могли быть разными (это отдельная тема, связанная с польско-еврейскими отношениями в XX в.), однако в любом случае речь идет об отсутствии такой формулы идентичности, которая позволила бы естественно и свободно принять одновременно и польскость, и еврейскость — не только без опасений, связанных

⁶⁶ Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. С. 446.

⁶⁷ Мальцев, проводя параллель с дневником-письмом Ежи Стемповского «Записки для призрака» (1940–1941 гг.), адресатом которого была покойная подруга автора, заметил, что «точно так же в “подводном течении” “Дневника, писавшегося ночью” спрятан “секретный” адресат — “тень К.”» (Мальцев 2008: 74).

⁶⁸ Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. С. 455.

⁶⁹ О комплексе происхождения Герлинга, месте в его творчестве еврейской проблематики и возможных связях между ними см.: Tomassucci 2020; Tokarska-Bakir 2015; Przybylska 2011. См. также попытку реконструировать детские годы писателя: Furnal 2020.

⁷⁰ Herling-Grudziński G. Dziennik 1957–1958. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2018. S. 165.

с антисемитизмом (межвоенным, военным — в том числе в армии Андерса, послевоенным), но прежде всего без риска оказаться помещенным в определенную «нишу», схему восприятия.

Именно это, очевидно, обрекло на неудачу попытки Герлинга написать автобиографический роман, о чем он мечтал: «Счастлив тот, кто смог ее (реальность детства. — И.А.) описать и запечатлеть навсегда. Я завидую Милошу, что у него есть “Долина Иссы”»⁷¹.

Во время одного из моих приездов в Неаполь он с огромным сожалением сказал, что не смог написать такой роман, как “Долина Иссы” Милоша, прекрасную историю о детстве и взрослении мальчика. Я ответила: “Потому что пришлось бы написать всё...”. Он внимательно взглянул на меня. Мы не произносили слов “происхождение”, “еврейские корни”, но было понятно, что имеется в виду. <...> Видимо, он был убежден, что польский писатель не может быть евреем⁷².

Однако последний законченный рассказ Герлинга — «Погребальный звон по звонарю» — удивительная попытка коснуться и невысказанного, и самой боли этой невысказанности. Герой его — чудом спасенная жертва Хрустальной ночи, «недосгоревший еврейский мальчик, немое существо и продукт нашего проклятого века»⁷³, впоследствии звонарь в неаполитанской церкви Санта-Кьяра, навсегда сохранивший печать травмы и инакости. Авторской проекцией являются здесь одновременно и рассказчик, собирающий крохи биографии героя, и сам герой, не способный рассказать о себе, «замурованный»⁷⁴ внутри себя, лишь на время отчасти открывающийся миру и спустя десятилетия восстанавливающий свою идентичность. Автор «дарит» ему происхождение из рода Нафтали — эта фамилия встречается в семье писателя⁷⁵.

Неаполь, воспринимаемый Герлингом как город, знающий цену страданию, становится также пространством-двойником, которое примиряет с собственной судьбой, уже не представляющей трагическим исключением (эта перспектива была заложена еще в лагере — писатель ощущает, а затем описывает свой опыт как экзистенциальный,

⁷¹ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 88.*

⁷² *Гроховская М. Ежи Гедройц. С. 314.*

⁷³ *Герлинг-Грудзинский Г. Неаполитанская летопись. С. 503.*

⁷⁴ Там же. С. 483.

⁷⁵ *Bolecki 2005: 224.*

общий с другими узниками). Это восприятие города воплощается в персонажах и сквозных мотивах — своеобразных автобиографических мини-параболах:

— Образы неприкаянных обитателей Неаполя разных эпох и статусов — будь то нищий по прозвищу *Il Pipistrello* («летучая мысль среди людей»⁷⁶) в рассказе «Мост», полувзрослый-полуребенок звонарь в рассказе «Погребальный звон по звонарю», «блуждающий памятник одиночеству»⁷⁷ Ренато Каччополи, узник Каstellь Нуово Томмазо Кампанелла с его «бесконечным одиночеством заключения»⁷⁸ или Хусепе де Рибера — закончивший свои дни в Неаполе уроженец Валенсии.

— Мотив ветшания Неаполя с его «тайной горькой улыбкой королевского града, постепенно превращающегося в помойку истории»⁷⁹, города «больного и измученного», «смертельно больного и печально прекрасного». Герлинг неслучайно рекомендует иностранцу почаще ходить на Позиллипо, откуда в солнечные дни можно увидеть «горячечный румянец на бледных щеках» Неаполя — именно страдания города «примирают»⁸⁰ с ним как местом изгнания.

— Родственный предшествующему мотив «умирания» моря: «Но и здесь, в пятидесяти километрах от Неаполя, море постепенно умирает»⁸¹; «Агонизирующее море плеснуло мертвой волной»⁸².

— Мотив феррагосто и самоубийств — космологическая параболла, воплощающая зависимость индивидуального бытия от природного цикла, также акцентирующая неуникальность личного отчаяния, утраты, ощущения пустоты («Мне известны случаи, когда августовская пустота Неаполя убивала человека. И по собственному опыту знаю облегчение, которое приносит постепенное оживление улиц и закоулков к концу месяца»), переживание «мертвенности, словно после стихийного бедствия, подталкивающей к воспоминаниям»⁸³.

— Тяготение над мироощущением неаполитанцев тени «Везувия-убийцы»⁸⁴, осмысляемое как ситуация постоянного напряжения,

⁷⁶ *Wilk M. Przechadzki z cieniem*. S. 44.

⁷⁷ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 2. S. 148.

⁷⁸ *Ibid.* S. 906.

⁷⁹ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 1. S. 39.

⁸⁰ *Ibid.* S. 212.

⁸¹ *Ibid.* S. 246.

⁸² *Ibid.* S. 252.

⁸³ *Ibid.* S. 459–460.

⁸⁴ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 2. S. 691.

в какой-то степени отражающая собственную судьбу. «Сверкание глаз»⁸⁵ вулкана сопровождало Герлингу начиная с первой встречи с Италией: «Я впервые шагнул на итальянскую землю в 1944 году, в зареве проснувшегося Везувия, под дождем пепла и зловеще потемневшим небом»⁸⁶. Писатель не раз обращается к этому феномену «атавистической подготовленности» неаполитанцев к землетрясению и одновременно испытываемому ими «атавистическому ужасу»⁸⁷, постепенно включая себя в их число⁸⁸. В землетрясении Герлинг видит слепую и равнодушную к человеческой воле и человеческому страданию силу, воплощение бесчеловечности:

Войны, революции, бойни, пожары, эпидемии, наводнения — все это не настолько пугает человека своей грандиозностью, не наполняет его ужасом столь концентрированным и бессильным, как дрожащая под ногами земля, не оспаривает в нем природного, архаичного чувства собственного бытия. Есть в землетрясении нечто метафизическое, ускользающее от органов чувств⁸⁹.

Писатель, с одной стороны, разделяет исторические катаклизмы, которые постижимы человеком, словно бы скроены по его мерке, поскольку им же спровоцированы, — и землетрясение:

Война приучила нас к видам разрушенных городов, местечек и деревень, к пустыням щебня, из которых торчат скелеты домов, к кладбищам, образовавшимся под горами камня и железа. Почему же эта картина так потрясала? Если бы я умел это сказать! Если бы умел несколькими словами указать разницу между “человеческими” войнами и ударом “ниоткуда”!⁹⁰

С другой — не раз проводит параллель между ощущением бессилия человека по отношению к Судьбе как таковой, воплощением которой являются и землетрясение («Тот, кто здесь родился или давно живет, видимо, наделен врожденным или привитым ощущением

⁸⁵ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 2. S. 691.

⁸⁶ *Герлинг-Грудзинский Г. Неаполитанская летопись*. С. 74.

⁸⁷ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 1. S. 677.

⁸⁸ Подробнее см.: Адельгейм 2020.

⁸⁹ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 1. S. 386.

⁹⁰ *Ibid.* S. 719.

непрочности земли и человеческой жизни»⁹¹), и исторические катастрофы («Лучше об угрозе Иного мира помнить ежедневно, ходить по земле <...> словно по тонкой корке едва застывшей лавы, чем предаваться иллюзиям»⁹²).

Проза писателя отразила сложный путь от внутреннего противостояния к приятию города. З. Кудельский назвал Герлинга «одним из немногочисленных писателей-эмигрантов, которые сумели врас-ти в место своего изгнания»⁹³. По словам Ю. Виттлина, «Неаполитанская “нашесть” Герлинга — ценный трофей, которому может позавидовать любая политическая эмиграция и любая литература»⁹⁴. Неаполь постепенно все же стал той самой вожаделенной «тенью», которой, по мнению Герлинга, лишается эмигрант.

Читая дневник «насквозь», можно заметить, что писатель периодически словно бы подводит итоги своего доверия / недоверия к Неаполю, близости / отъединенности от города:

Я думал о семнадцати проведенных здесь годах. Иностранец, долгое время живущий в Неаполе, пусть даже не мечтает укорениться⁹⁵ (1972 г.).

Двадцать два года в этом городе, не красивом и не уродливом, не любимом мною и не ненавистном, безразличном мне⁹⁶ (1977 г.).

[Н]еизлечимо чужой, к которому ты адаптировался лишь по вер-хам и в глубине души его ненавидишь⁹⁷ (1978 г.).

[Ч]то осталось на двадцать пятом году жизни в Неаполе от моей давней к нему антипатии. <...> Я очень долго жил ностальгией, а может, намеренно внушал ее себе. И не допускал мысли, что годы безжалостно уничтожат сохраненное памятью, подобно тому, как дождь смывает нарисованные на стекле картины. <...> В какой-то момент это стало происходить само собой и вот к сегодняшнему дню свершилось. <...> Нет смысла упорно сопротивляться возможности по-любить Неаполь⁹⁸ (1980 г.).

⁹¹ Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. С. 74.

⁹² Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 2. S. 360.

⁹³ Kudelski 1991: 88.

⁹⁴ Wittlin 1997: 267.

⁹⁵ Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 212.

⁹⁶ Ibid. S. 460.

⁹⁷ Ibid. S. 477.

⁹⁸ Ibid. S. 638.

Наконец, в 1992 г. устами Хусепе де Рибера Герлинг признается в любви к городу:

В сумерках Рибера с трудом, осторожно спускался на землю; церкви, опасаясь воров, запирали рано. Домой шел не сразу. У него была привычка стоять у стены на площади и подолгу вглядываться в панораму Неаполя <...>. Любил ли он этот город спустя столько проведенных здесь лет, любил ли место, где родились его жена и его дети? Или же втайне тосковал по родной Валенсии? Рибера не сумел бы однозначно ответить на эти вопросы. Бывало и так и эдак. Но однажды летним вечером, глядя сверху, как на Неаполь клубами опускается остывающий воздух, Рибера, который уже ясно предчувствовал, что месяцы его сочтены, понял, что Валенсия превратилась в мираж, в то время как город его живописных молитв и приближающейся смерти требовал примирения и безусловной любви⁹⁹.

Литература

- Адельгейм 2020 — Адельгейм И.Е. «У подножия трона властителя»: «Везувий-убийца» как катализатор прития судьбы у Густава Герлинга-Грудзинского // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 419–433.
- Гинзбург 1989 — Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом. Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. Ленинград: Советский писатель, 1989. 608 с.
- Лахманн 2024 — Лахманн Р. Лагерь и литература. Свидетельства о ГУЛАГе. М.: НЛО, 2024. 584 с.
- Мальцев 2004 — Мальцев Л.А. Итальянские мотивы в «Дневнике, написанном ночью» Г. Херлинга-Грудзинского // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М.: Индрик, 2004. С. 271–280.
- Мальцев 2008 — Мальцев Л.А. Между Россией и Западом: традиция экзистенциализма в творчестве Г. Херлинга-Грудзинского. Калининград: Издательство РГУ им. Иммануила Канта, 2008. 244 с.
- Мальцев 2022 — Мальцев Л.А. Преодоление стереотипов: Ф.М. Достоевский в восприятии польских писателей-эмигрантов XX века. Калининград: Издательство БФУ им. Иммануила Канта, 2022. 214 с.
- Синатти 2013 — Синатти П. Густав Херлинг-Грудзинский и отвергнутое предисловие // Варлам Шаламов. URL: <https://shalamov.ru/research/363/> (дата обращения: 12.03.2025).
- Bieńkowska 2002 — Bieńkowska E. Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Warszawa: Zeszyty Literackie, 2002. 176 s.

⁹⁹ Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 2. S. 905.

- Bolecki 1991 — *Bolecki W.* Ciemny staw. Warszawa: Plejada, 1991. 88 s.
- Bolecki 1998 — *Bolecki W.* Posłowie // *Herling-Grudziński G.* Cud. Dżuma w Neapolu. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1998. S. 61–102.
- Bolecki 2005 — *Bolecki W.* Ciemna Miłość. Szkice o twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. 286 s.
- Czermińska 1982 — *Czermińska M.* Postawa autobiograficzna // *Studia o narracji.* Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1982. S. 220–234.
- Czermińska 2000 — *Czermińska M.* Autobiograficzny trójkąt. Świadectwo, wyznanie i wyzwanie. Kraków: Universitas, 2000. 352 s.
- Furnal 1997 — *Furnal I.* Między kroniką a mitem // *Herling-Grudziński i krytycy.* Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1997. S. 145–161.
- Furnal 2020 — *Furnal I.* Dobryś Bryczkowska i Jacob Josef Herling-Grudziński // *Gustaw Herling-Grudziński. Między Wschodem a Zachodem.* Krosno: Wydawnictwo Humanistyczne Pigionianum, 2020. S. 53–91.
- Kudelski 1991 — *Kudelski Z.* Pielgrzym Świętokrzyski. Szkice o Herlingu-Grudzińskim. Lublin: Wydawnictwo FIS, 1991. 151 s.
- Orzeszkowa 1985 — *Orzeszkowa E.* Powieść a nowela // *Programy i dyskusje literackie okresu pozytywizmu.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Ossolineum, 1985. S. 383.
- Pomian 2000 — *Pomian K.* W kręgu Giedroycia. Warszawa: Czytelnik, 2000. 218 s.
- Przybylska 2011 — *Przybylska A.* „Don Ildebrando” w świetle „iettatury”. Próba interpretacji etnologicznej opowiadania Gustawa Herlinga-Grudzińskiego // *Teksty Drugie.* 2011. № 1–2. S. 289–312.
- Tokarska-Bakir 2015 — *Tokarska-Bakir J.* Gustaw Herling-Grudziński i legenda o krwi, czyli czy istnieje obowiązek bycia pisarzem żydowskim // *Studia Litteraria et Historica.* 2015. July. S. 312–334.
- Tomassucci 2020 — *Tomassucci G.* „Tymczasem palono Żydów”... Kilka uwag o stosunku Gustawa Herlinga-Grudzińskiego do żydowskości // *Włoskie Konteksty.* Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne, 2020. S. 41–76.
- Wittlin 1997 — *Wittlin J.* Dar intelektu // *Herling-Grudziński i krytycy.* Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1997. S. 263–268.

References

- Adel'geim, I. Je., 2020. “U podnozhii trona vlastitelia”: “Vezuvii-ubiitsa” kak katalizator priiatii sud'by u Gustava Gerlinga-Grudzin'skogo [“At the foot of the throne of the ruler”: “Vesuvius the Killer” as a catalyst for the accepting one's fate in Gustaw Herling-Grudziński's oeuvre]. In: *Slavianskii al'manakh*, 1–2, pp. 419–433. (in Rus.)
- Biełkowska, E., 2002. *Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego.* Warszawa: Zeszyty Literackie, 176 p.

- Bolecki, W., 1991. *Ciemny staw*. Warszawa: Plejada, 88 p.
- Bolecki, W., 1998. Posłowie. In: Herling-Grudziński, G., *Cud. Dżuma w Neapolu*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, pp. 61–102.
- Bolecki, W., 2005. *Ciemna Miłość. Szkice o twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 286 p.
- Czermińska, M., 1982. Postawa autobiograficzna. In: *Studia o narracji*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, pp. 220–234.
- Czermińska, M., 2000. *Autobiograficzny trójkąt. Świadectwo, wyznanie i wyzwanie*. Kraków: Universitas, 352 p.
- Furnał, I., 1997. Między kroniką a mitem. In: *Herling-Grudziński i krytycy*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 145–161.
- Furnał, I., 2020. Dobryś Bryczkowska i Jacob Josef Herling-Grudziński. In: *Gustaw Herling-Grudziński. Między Wschodem a Zachodem*. Krosno: Wydawnictwo Humanistyczne Pigionianum, pp. 53–91.
- Ginzburg, I. Ia., 1989. *Chelovek za pis'mennym stolom. Esse. Iz vospominanii. Chetyre povestvovaniia* [A man at a desk. Essays. Memoirs. Four narratives]. Leningrad: Sovetskii pisatel', 608 p. (in Rus.)
- Kudelski, Z., 1991. *Pielgrzym Świętokrzyski. Szkice o Herlingu-Grudzińskim*. Lublin: Wydawnictwo FIS, 151 p.
- Lachmann, R., 2024. *Lager' i literature. Svidetel'stva o GULAge* [Camp and Literature: Testimonies of the Gulag]. Moscow: NLO, 584 p. (in Rus.)
- Mal'tsev, L. A., 2004. Ital'ianskie motivy v "Dnevnikie, napisannom noch'iu" G. Herlinga-Grudzin'skogo [Italian motifs in 'Diary Written at Night' by G. Herling-Grudziński]. In: *Mif Jevropy v literature i kul'ture Pol'shi i Rossii*. Moscow: Indrik, pp. 271–280. (in Rus.)
- Mal'tsev, L. A., 2008. *Mezhdru Rossije i Zapadom: traditsiia ekzistentsializma v tvorcestvie G. Kherlinga-Grudzin'skogo* [Between Russia and the West: The Existentialist Tradition in the Work of G. Herling-Grudziński]. Kaliningrad: Izdatel'stvo RGU im. Immanuila Kanta, 244 p. (in Rus.)
- Mal'tsev, L. A., 2022. *Preodolenije stereotipov: F.M. Dostojevskii v vospriatii pol'skikh pisatelei-emigrantov XX veka* [Overcoming stereotypes: F.M. Dostoevsky in the perception of Polish emigrant writers of the twentieth century]. Kaliningrad: Izdatel'stvo BFU im. Immanuila Kanta, 214 p. (in Rus.)
- Orzeszkowa, E., 1985. Powieść a nowela. In: *Programy i dyskusje literackie okresu pozytywizmu*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Ossolineum, p. 383.
- Pomian, K., 2000. *W kręgu Giedroycia*. Warszawa: Czytelnik, 218 p.
- Przybylska, A., 2011. „Don Ildebrando” w świetle „iettatury”. Próba interpretacji etnologicznej opowiadania Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. *Teksty Drugie*, 1–2, pp. 289–312.
- Sinatti, P., 2013. Gustav Herling-Grudzinski i otvergnutoje predislovije [Gustaw Herling-Grudzinski and rejected preface]. In: *Varlam Shalamov*. URL: <https://shalamov.ru/research/363/> (accessed: 12.03.2025).

- Tokarska-Bakir, J., 2015. Gustaw Herling-Grudziński i legenda o krwi, czyli czy istnieje obowiązek bycia pisarzem żydowskim. In: *Studia Litteraria et Historica*, July, pp. 312–334.
- Tomassucci, G., 2020. “Tymczasem palono Żydów”... Kilka uwag o stosunku Gustawa Herlinga-Grudzińskiego do żydowskości. In: *Włoskie Konteksty*. Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne, pp. 41–76.
- Wittlin, J., 1997. Dar intelektu. In: *Herling-Grudziński i krytycy*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 263–268.

Irina Ye. Adel'geim

DSc, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies
RAS, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
E-mail: adelgejm@yandex.ru

Deferred Love: Gustaw Herling-Grudziński's Naples

The article analyses the role of Naples in the work of Gustaw Herling-Grudziński (1919-2000), one of the most eminent Polish emigrant writers of the twentieth century. Herling spent here almost half a century (1955–2000) and his prose reflects a complex path from confrontation to acceptance of the city. The analysis is primarily based on the writer's diary (*Diary Written at Night*), published between 1971 and 2000. The article also considers biographical facts (Gulag, Anders' army, emigration) that are significant for understanding the formation of Herling's worldview and perspective. Herling's diary, which includes essays and stories, is a striking example of the interpenetration of the documentary and the artistic, the progressive and the retrospective, the experience of creating a single field of reference, always unfinished and open. The mentality of the Neapolitans was in tune with the vector of the writer's artistic reflection; the structure of Naples (a city open to the underworld and communicating with it; a labyrinthine city; a city standing at the foot of a volcano) is closely resemblant to Herling's narrative strategy. Naples (everyday observations, architecture, paintings, sculptures, city chronicles, legends, rumours, etc.) is above all a source of inspiration and reflection for Herling, on the basis of which, manipulating the boundary between fiction and documentary, he creates allegoric stories about human passions and destinies, as well as historical similes. Turning to the city's past was also a way of adaptation for the emigrant writer. From the point of view of artistic and psychological mechanisms of inhabiting a foreign space, two functions seem to be the most significant ones in the dialogue between the writer and the city: Naples plays the role of an intermediary space, which allows us to experience in the text the impossible (meeting with the dead wife) or the silenced (Jewish origin), as well as a doppelganger space, which comforts and reconciles us with our own dramatic fate, which thus appears not as an exception, but as a variant of the universal.

Keywords: diary, document, fiction, adaptation, mediating space, doppelganger space

Received: 28 February 2025

Accepted: 12 April 2025

How to cite: Adel'geim, I.Ye., 2025. Otsrochennaia liubov': Neapol' Gustava Gerlinga-Grudzin'skogo. *Central-European Studies*, 8, pp. 91–114. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.4>

**БЫТЬ ПОГРАНИЧЬЕМ —
БЫТЬ ГОРОДОМ —
БЫТЬ СТОЛИЦЕЙ**

Кирилл Александрович Кочегаров

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

Запорожская Сечь во второй половине 1680 г.: от смерти кошевого атамана Ивана Серко до Бахчисарайского мира 1681 г.

К середине 1680 г. отношения царского правительства и подвластного России украинского гетмана, с одной стороны, и Запорожской Сечи (центра Войска Запорожского Низового, или Низового войска), с другой, находились в определенном упадке. Этот упадок был связан с политикой кошевого атамана Ивана Серко, который враждовал с гетманом Иваном Самойловичем и пытался проводить независимую политику в отношении Крымского ханства и Речи Посполитой. Политика эта ухудшила общее политическое положение Сечи, поэтому смерть Серко в начале августа 1680 г. открыла возможность для восстановления отношений запорожцев с Москвой и Батуриным (ставка украинского гетмана). Для Сечи это было важно в том числе и на фоне стремления османских и крымских властей поставить Запорожье под свой контроль. Царское правительство и гетман Самойлович также стремились укрепить свое влияние на Войско Запорожское Низовое ввиду продолжавшихся мирных переговоров с Османской империей и Крымским ханством. Поэтому посольство запорожцев, отправленное в Москву после смерти Серко с просьбой о прощении Сечи самовольных контактов с иными государствами и о возобновлении выплаты царского жалования, встретило в Москве весьма теплый прием. Казаки получили требуемое жалование, но взамен Войско Запорожское Низовое должно было принести присягу на верность русскому царю (вторую в истории). Это имело большое значение для позиции России в ходе мирных переговоров в Крыму, результатом которых стало заключенное в начале 1681 г. Бахчисарайское перемирие.

Ключевые слова: русско-украинские отношения, Крымское ханство, Османская империя, Россия, гетман Иван Самойлович

Статья поступила в редакцию: 1 июля 2025 г.
Статья принята к публикации: 31 июля 2025 г.

Цитирование: Кочегаров К.А. Запорожская Сечь во второй половине 1680 г.: от смерти кошевого атамана Ивана Серко до Бахчисарайского мира 1681 г. // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 117–160. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.5>

*Со смертью Сирка слава низовых казаков надолго померкла, и запорожцы уже не играли никогда такой выдающейся роли в истории южной России, какую они играли при своем знамени-
том кошевом¹.*

Завершающий этап русско-турецкой войны 1672–1681 гг. принес ряд важных изменений в положение Войска Запорожского Низового — автономной военно-политической организации украинских казаков, уже больше столетия группировавшихся вокруг Сечи, или Коша — укрепленного поселения в низовьях р. Днепр, к югу от его порогов. На эти изменения обратил внимание такой выдающийся исследователь истории запорожского казачества, как Дмитрий Иванович Яворницкий (1855–1940), о чем свидетельствует и эпиграф статьи, однако их значение и последствия для истории Запорожской Сечи, как представляется, еще не до конца оценены и проанализированы в науке. Так, например, известная советская исследовательница истории днепровского казачества Елена (Олена) Михайловна Апанович (1919–2000) закончила монографию, посвященную участию запорожцев в борьбе против турок и татар в 1650–1670-е годы, скорее на мажорной ноте — Бахчисарайское перемирие, по ее мнению, стало «большой победой России, дипломатической и военной», достигнутой при активном участии запорожцев. По условиям мира Запорожская Сечь якобы была закреплена за Россией, признавалось право запорожцев заниматься промыслами в низовьях Днепра². В действительности все было совсем не так радужно. По условиям русско-крымско-османских соглашений 1681–1682 гг. России не удалось добиться признания царского суверенитета над Запорожьем, а сами казаки должны были отныне платить пошлины за промыслы в низовьях Днепра в османскую казну³. Современный специалист по истории запорожского казачества В.В. Станиславский справедливо обратил внимание на значительные экономические трудности, с которыми Сечь столкнулась после заключения в 1681 г. Бахчисарайского перемирия⁴. Однако указанная проблема не сводилась лишь к экономике и в даже в большей степени лежала в военно-политической плоскости. Все это лишний раз подчеркивает необходимость

¹ Эварницкий 1895: 581.

² Апанович 1961: 296.

³ Яфарова 2024: 509–521.

⁴ Станіславський 2004: 20–21; Станіславський 2006: 570.

дальнейшего изучения политики самих запорожцев в решающие для них 1680–1681 гг., степени осознания ими изменений своего положения и предпринятых в связи с этим конкретных шагов.

Объективный для Сечи фактор — расширение системы османских крепостей на Нижнем Днепре с центром в Казыкермене, перекрывших реку для прохода запорожских судов в Черное море, совпал с субъективным — болезнью и смертью знаменитого кошевого атамана Ивана Дмитриевича Серко (ок. 1610–1680). Его нереализованные политические амбиции, крах попыток договориться об обмене пленными с Крымским ханством, контакты с Речью Посполитой не принесли в итоге ничего, кроме еще большей дестабилизации положения Сечи⁵. Осознание подступавшей старческой немощи находило выражение в конфликтах с заслуженными казаками, в стремлении кошевого к замкнутости, что при сохранении им формального лидерства над запорожцами лишь усиливало разброд в их рядах.

Смерть Серко поставила Запорожскую Сечь перед необходимостью скорейшего пересмотра оставленного им политического наследства и в первую очередь налаживания испорченных отношений с гетманом Войска Запорожского Иваном Самойловичем (1672–1687 гг.) и русским правительством. Москва и Батурин также осознали политическую важность момента в условиях, когда переговоры о мире с Крымским ханством и Османской империей входили в завершающую фазу. Вопрос о Запорожской Сечи был на них одним из важнейших.

Наиболее подробное освещение события истории Запорожья в августе 1680 — январе 1681 г. получили в фундаментальном труде Сергея Михайловича Соловьева (1829–1879)⁶. Это изложение стало основной для последующих исследователей, в том числе для Д. И. Яворницкого⁷. Соловьев в целом верно охарактеризовал основную суть событий, однако ряд деталей и важных нюансов, имеющих для избранной проблематики существенное значение, по очевидной причине остались за рамками его исследования. Расширенное использование сведений как введенной им в оборот книги Малороссийского приказа № 52, так и ранее неизвестных исследователям документов фонда № 124 Российского государственного архива древних

⁵ См. подробнее: Кочегаров 2019: 54–127.

⁶ Соловьев 1991: 222–224.

⁷ Эварницкий 1894: 141–139; 1895: 581–582.

актов позволяет представить политику Запорожской Сечи, ее отношения с Москвой и Батуриным в столь судьбоносное для нее время с максимально возможной полнотой.

Смерть И. Д. Серко и события в Сечи в августе — начале сентября 1680 г.

Уникальные подробности последних месяцев жизни Ивана Серко, которые дают ключ к пониманию событий в Сечи в августе-сентябре 1680 г., содержатся в записи показаний сечевого писаря Петра Быхоцкого, допрошенного в Малороссийском приказе в Москве около 21–23 сентября 1680 г. Этот источник был пересказан С. М. Соловьевым и с тех пор не верифицировался⁸.

Говоря о всевластии Серко в Сечи, перечисляя причины его недовольства царем и гетманом, Быхоцкий подчеркивал, что покойный кошевой

[С]тавил себе за великую обиду, что и настоящей ласки себе от него (Самойловича. — *К.К.*) никакой не имел, еще ж и опасался всякого зла, как к нему о том вести доходили и по тем по всем причинам великою злобою дышал, как бы заплатить то злом ж, не памятуя на обещание свое, как во всякой своей верности поставлял свидетеля Бога.

Первое проявление этой вражды Быхоцкий видел в контактах кошевого с Крымским ханством с целью обмена пленными. В ходе встречи Серко с ханским визирем Ахмед-агой последний будто бы заявил ему о запорожцах, что «три государства об них таргуют, кому де они буде достанутца», а атаман на это ответил: «Хто их станет жаловать и оборонять, тому будет и служить». «А знатно де то везирь всчал с ним ту речь по прежним тайным пересылкам», — предположил Быхоцкий. После крымской интриги появилась и польская. Контакты с Речью Посполитой, по словам Быхоцкого, придали планам Серко более конкретное направление, «и он де учал к намерению своему прилагати надежду и мыслить, как бы в Украине учинить кроворазлитие». Когда эти известия дошли до польского короля Яна Собеского (1674–1696 гг.), он резко активизировал политику в отношении Сечи, направив туда с секретной миссией священника из Белой

⁸ Соловьев 1991: 222–223.

Церкви Семена Зарембу, который «приехал на Кош будто для окупы ис Крыму сродников своих». Заремба начал кошевого

[П]риводить к тому, чтоб он с Войском Низовым служил королю полскому, и Серко де чрез того попа обнадежился и, хотя злое свое намерение привести к совершению, послал х королю сына своего, а с ним сто человек казаков, отзываясь к нему с верною своею службою и с таковым замыслом, чтоб король полской чрез пересылки свои учинил то, чтоб хан крымской с ордою шол на слободские украинные города войною, а король бы послал войска свои по Задесенью на малороссийские города.

Серко в это время, получив королевское знамя и булаву, должен был вторгнуться в слободские города со своим отрядом и, став рядом с границей Малой России, попытаться разжечь в ней бунт против Самойловича, добиться его убийства и стать гетманом самому. Доводом в пользу Серко для малороссийского населения должно было послужить то, что он «чрез полского короля от турков и от татар учинит им покой». Быхоцкий указал, что именно он вместе с писарем Яковом Константиновым сумели успешно противодействовать планам атамана и не допустить их реализации. В частности, они якобы «не дали ему с везирем крымским договорных статей совершить, что было быть им под обороною салтана турецкого и хана крымского». Не сумев добиться желаемого, Серко пришел в отчаяние и заболел. При этом «учал болеть у него левой бок и от того безмерно учинился худ». На фоне болезни и депрессии он замкнулся и уехал жить на свою укрепленную пасеку, располагавшуюся в 10 верстах от Сечи «в днепровых заливах». Отход Серко от непосредственного руководства жизнью запорожцев при формальном сохранении им поста кошевого вызывал серьезный военно-организационный кризис в Низовом войске. С. М. Соловьев не придавал данному сюжету значение, между тем как Быхоцкий изложил его весьма подробно.

Первоначально войско выразило «негодование» фактическим устранением Серко от атаманства, однако кошевой, пользуясь своим авторитетом, сумел подавить ропот недовольных, «говаривал им, чтоб они ево слушали, он человек старой и воинской и знает, что в которое время делать». Ситуацию осложняло то, что даже по признанию Быхоцкого Серко был прав, когда укорял «в самое лицо» не названных по имени «старых казаков» за отправку по старому обычаю «ис куреней своих казаков в степь для добычи», а сам настаивал,

«чтоб в степь малыми людьми не посылать». В результате такие «ватаги во многих местах пропали безповоротно», а Низовое войско лишилось многих «добрых молотцов». Происходило это потому, что турки и татары сменили тактику:

[В]ымыслили вновь такую хитрость, что многими людьми учили выходить в степь и на причинных местах стоять тайно, и пропуская запорожские малые посылки за крепости, обступят их кругом и побивают, а на Коше того и не сведают. И для де того неприятельского вымыслу в нынешние два годы (1679–1680 гг. — К. К.) безмерно много пропало людей, — резюмировал Быхоцкий.

Противостояние Серко и других авторитетных казаков, начавшееся, судя по всему, еще даже до контактов кошевого с польским королем, спровоцировало дальнейшее ухудшение положения Сечи, которое уже и так было незавидным в результате строительства турками новых крепостей в низовьях Днепра и их активное противодействие любым вылазкам запорожцев с опорой на возведенные твердыни. Более того, в конфликте со старыми казаками атаман стал опираться на «лехкомысленных» запорожцев, которые

[К]репко на него, Серка, имели надежду и мимо его слова отнюдь ничего делать не хотели, а верили тому и делали те дела так, как Серку угодно. А на Коше де не столько разсудительных людей, — делился своими наблюдениями Быхоцкий, — сколько безразсудных, и хотя де кто и разум имеет, не скоро объявит себя неразсудным человеком, потому что ставят себе то в обман.

Эти люди, по мнению сечевого писаря, были питательной средой для авантюристических планов польского короля, который направил в Сечь нового посланца — «волоха» (молдаванина) Павла Апостола. Последний «всякими тайными розговорами приводил его, Серка, ко исполнению тех вышеописанных злых дел». И здесь Быхоцкий вновь акцентировал внимание на своих попытках вместе с войсковым судьей расстроить планы кошевого:

А уведали они то от Апостола, а не от Серка, потому что тот Апостолец стоял у него, писаря, в курене и при разговорах многих учал им говорить тайно, не объявляя дела толком, приводя к тому, чтоб они, судья и писарь, слушали того старого воина Серка, что им прикажет,

так бы и делали. И они де в войску явно того сказать не смели, а Серку на одине говаривали, чтоб он им объявил, для чего к нему король прислал. И Серко де отговариваясь от них лукавством, много время им того не объявил, толко вычитал свои и войсковые обиды, о чем объявлено выше сего и приводил их к тому лукавству, чтоб они мыслили о добре Войску Низовому.

К этому моменту (пребывание П. Апостола в Сечи датируется весной — летом 1680 г.⁹) Серко, видимо, окончательно разочаровался в своих прожектах, поняв, что в его нынешнем состоянии цепляться за булаву не имеет смысла, и стал думать об уходе на покой и поиске преемника. Он заявлял судье и писарю, что «устарел и хочет болши всего жить у себя в пасеке», а на свое место прочил «старого казака» Ивана Яковлевича Стягайло. Серко все чаще покидал Сечь и жил на пасеке, в результате чего терзавшая его болезнь несколько отступила («и от болезни де своей учал обмогатца»). Тем не менее окончательно должность кошевого он не оставил. Чувствуя близящийся конец, Серко «велел себе сделать гроб и в том гробу ложился, а сказал, что он прежнего себе здоровья не чает». Сечевой старшине он оставил нечто вроде устного завещания относительно своего имущества: «если он умрет и по смерти б ево половину ульев отдать в Межигорской монастырь, а другую отдать жене ево и детям». Правда, по едкому замечанию Быхоцкого, «ульев де у него ныне не родилось, малым де болши двусот».

Писарь подробно описал кончину Серко, которая в труде Соловьева опущена:

И июля де в последних числах пошел он, Серко, в пасеку, а с собою взял толко четырех человек. И в первую де ночь стали начевать в пасеке, легли, всякой в своем пологу. И по утру, как время пришло вставать, казаки встали, а Серко многое время к ним не выдет. Пришли к ево пологу, и Серко де лежит мертв на левой руке. И испужався того, что ему так скорая смерть случилась, послали в Сечю сказать, и ис Сечи де для осмотру и розыску той ево смерти послали ево, писаря Петра. И по осмотру де у него Серка левой бок весь местами сине и багрово, и черно. И взяв ево, привезли в Сечю и погребли.

По завету славного атамана «приговорили быть кошевым Ивану Стегайлу, которого оставил, идучи в пасеку, Серко наказным».

⁹ Кочегаров 2019: 97–98, 117–118.

Быхоцкий говорил, что сечевая старшина не стала оспаривать статус преемника и отзывался о новом атамане в целом положительно: «Он, Стегайло, человек доброй и зла никакова в нем не видали, а разум есть и слово разсудное есть ж, толко де грамоте не умеет, а родился он в Торговице»¹⁰.

Быхоцкий в целом верно охарактеризовал канву польско-запорожских отношений, однако что касается Крыма, то здесь сечевой писарь явно лукавил, очерняя Серко в угоду гетману Самойловичу. И фактический материал, и эпистолярное наследие самого кошевого последних полутора лет жизни со всей ясностью показывают его верность идее существования Сечи как *antemurale christianitatis* в борьбе с мусульманской экспансией в Северном Причерноморье. Переговоры с Крымом велись атаманом для обмена значительного количества пленных, скопившихся в Сечи, а все попытки крымской стороны навязать ему политический протекторат были отвергнуты¹¹. По-прежнему невозможно проверить информацию Быхоцкого о планах Серко поднять восстание на Левобережной Украине при поддержке Речи Посполитой. За этими речами сечевого писаря маячит призрак интриг гетмана Самойловича. Подлаживаясь под его настроения, Быхоцкий вполне мог раздуть имевшие место в курене кошевого разговоры, включая хмельную похвальбу, отомстить Самойловичу за прошлые обиды (реально имевшие место) до более-менее ясно очерченных планов свержения гетмана при помощи Польши. Естественно, не обходилось без выпячивания писарем собственной роли в демонтаже якобы коварных намерений кошевого. Помимо прочего подобные сведения формировали нужный Батурину контекст политики русского правительства в отношении Запорожской Сечи. Одно из важнейших сообщений Быхоцкого, ранее не замеченных, это описание военно-организационного кризиса в Войске Запорожском Низовом — как в результате внутренних раздоров, так и вследствие изменения тактики борьбы турок и крымцев с нападениями мелких казачьих отрядов. Если первая причина была временным явлением и вскоре могла быть устранена, то вторая имела более долгосрочный характер, являясь частью амбициозных планов Османской империи

¹⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 37–43. Торговица — местечко Брацлавского воеводства, ныне село в Кировоградской области Украины.

¹¹ См. подробнее: Кочегаров 2019: 54–127.

по установлению полного контроля над Нижним Днестром. Осознание этого запорожцами дополнительно подталкивало их к налаживанию отношений с Батуриным и Москвой.

Смерть Серко, как известно, наступила 1 августа 1680 г. Уже 9 августа выбранный на его место И. Я. Стягаило сообщил об этом стольнику и полковнику Василию Федоровичу Перхурову, который второй год нес службу со своим полком в низовьях Днепра и квартировал летом 1680 г. в городке Орель (у впадения р. Орель в Днепр). По словам Стягаило:

[3] воле Божей славной памяти на пана Ивана Серка, атамана кошового нашего, в сем году августа 1 пришедши час смертный, взял од нас его из земного мешканя, которого мы з жалем нашим отстрадавши, обичаем христианским з набожным обрядом церковним поховалисмо тело его при Коши на поли августа 2¹².

На следующий день письмо с аналогичным сообщением было отправлено гетману Самойловичу¹³.

Поскольку И. Д. Серко не смог договориться о перемирии и обмене пленными с Крымом весной 1680 г., вялотекущие боевые действия запорожцев в отношении турок и татар продолжились и летом. После смерти кошевого сечевые казаки особенно стремились преподнести их как свидетельство своей службы царю. В этом Стягаило уверял и стольника Перхурова, и гетмана Самойловича, сообщая о захвате запорожцами турецкого корабля на Азовском море, истреблении его экипажа и взятии девяти пленных, которые были доставлены в Сечь 8 августа. Пленники сообщили, что «поголоска есть, якобы орды мают зимою пойти войною на Вкраину». Одного из пленников с турецкого корабля, который оказался молдаванином, запорожцы отправили к гетману с казаками Кузьмой и Семеном Ганженко. В направленном с ними письме, написанном 10 августа, кошевой Стягаило объяснял гетману, что в данный момент запорожцы не готовы

¹² РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 379. Л. 1–2. Письмо это с небольшими искажениями цитировал Н. И. Костомаров, ошибочно утверждая, что оно было адресовано гетману И. Самойловичу. См.: Костомаров 1882: 608. Письмо запорожцев гетману действительно было выслано, но на следующий день. Его текст приводит казацкий летописец С. Величко (см. след. прим.).

¹³ Текст письма см.: *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Киев, 1851. Т. 2. С. 498.

направить посланников к царю в Москву, поскольку их ватаги, разошедшиеся для промыслов и добычи, еще не вернулись в Сечь.

В то же время казаки просили гетмана хлопотать для них о «милости» великого государя. Самойлович официально уведомил царское правительство о событиях в Запорожье, в том числе о смерти Серко и захвате турецкого судна через войскового канцеляриста Василия Леонтьевича Кочубея (ок. 1640–1708), который 1 сентября доставил в Москву гетманские статьи, а также молдаванина (его гетман просил вернуть) и сопровождавших его запорожцев¹⁴. Последние рассказали в Малороссийском приказе «о погроме в розных местех татар»; о походе турецкого войска во главе с пятью пашами к Южному Бугу, где они «у Чапчаклия обретаютца и городок над Богом поставили, где и сын ханской обретаецца с ордою»; о сборе турецко-татарских войск для участия в разграничении Подолья, об угрозе татарского набега на Левобережье.

В конце запорожцы сообщили, что их отряд из 60 человек прибыл «для отпочиву» в Переяславский полк¹⁵. Доставленный сечевиками в приказ «волошанин» Юшка Николаев оказался выходцем из Азова, где находился еще семь недель назад. Он рассказал о прибытии туда 100 калмыков, чтобы принять ислам («веру турскую») и подданство османского султана, при условии, что им будет дано «довольное жалование», в результате чего, «на них смотря, и все калмыки под державу его приклонятца». Азовский паша оставил половину калмыцкой делегации у себя, а остальных 50 человек отправил к султанскому двору. Николаев полагал, что султан «войск своих на Московское государство и в Полшу никою ныне не пошлет для того, что учинился у них задор с венгры и послали крицкого пашу с войски на венгров»¹⁶. 7 сентября датирован отпуск царской грамоты, с которой Кочубей был отпущен из Москвы вместе с запорожцами и Николаевым. Гетману предписывалось писать на кош, «обнадеживая» сечевых казаков царской милостью¹⁷.

Тем временем 19 августа в Сечь возвратился один из конных полевых отрядов, который «труждаяся» целое лето «о языках

¹⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 379. Л. 1–2; Там же. Оп. 1. 1680 г. Д. 22. Л. 21–22; *Величко С.* Летопись. С. 498–500. Ср.: Костомаров 1882: 608–609 (на основе д. 379).

¹⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 22. Л. 23–24.

¹⁶ Там же. Л. 24–25.

¹⁷ Там же. Л. 33–35.

неприятельских», наконец смог захватить пленных «на низовом шляху, через Стрелицу лежащую». Нападению запорожцев подвергся якобы небольшой татарский отряд Аслам-мурзы, который возвращался «с своими татарами» от подвластного Турции гетмана Юрия Хмельницкого (ок. 1640 г. — после 1685 г.) в Крым. В результате погрома «тот мурза, потеряв своих татар, с малую частью едва сам в Крым ушел». Были захвачены двое языков — Мустафа Сеферлеев и Адрахман Аджи Мустафин¹⁸. После их доставки в Москву выяснилось, что они были простыми татарами, промышлявшими различной работой в Бахчисарае и нанятыми для подобной же деятельности неким Ахмед-агой, посланным ханом в Аккерман (Белгород) «на воеводство».

Прожив при Ахмед-аге около трех месяцев и не получив никакой платы, Мустафа и Адрахман вместе с другими такими же бедолагами (25 человек) решили вернуться в Крым. За два дня пути до Перекопа они-то и стали объектом нападения запорожцев, которым удалось захватить только их двоих («а товарищи де их все ушли»)¹⁹. Этот «военный успех» был еще менее значительным, нежели захват корабля на Азовском море. Однако понимая, что в ближайшем будущем, вероятно, никаких более славных подвигов не предвидится, в то время как необходимость наладить отношения с Москвой и Батурином становилась все более острой, запорожцы все-таки решили отправить посольство в Москву с оповещением о вышеописанной стычке, значительно гиперболизирував ее значение. Посольство возглавили предводители возвратившейся полковой ватаги и полковник Григорий (Грицко) Щербиновский, есаул Демьян Редька, знатные казаки Федор (Хвеско) Рубан и Иван Бoryш. С ними «в помощь» отправился сечевой писарь Петр Быхоцкий. Посольство ехало в Москву через Батурин, и новый кошевой И. Я. Стягайло просил гетмана Самойловича в письмах, написанных 22 августа, пропустить казаков в столицу безотлагательно, подержав все их прошения²⁰.

Сведения о вражеских приготовлениях, циркулировавшие на Нижнем Днепре во время подготовки посольства Щербиновского

¹⁸ Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 9–9об.

¹⁹ Там же. Л. 29об.–30.

²⁰ Там же. Л. 9об.–12.

или вскоре после его отправки, тем более подталкивали запорожцев к скорейшему восстановлению отношений с Москвой и Батуриным. В послании, отправленном 30 августа 1680 г. «с Коша над Чертомликом» кошевой Стягайло, желая гетману «от Господа Бога доброго здравия» и «над всеми неприятели <...> побеждение», сообщил, что запорожцы узнали от прибывших из Крыма «невольников» о выходе с полуострова крупного войска во главе с калгой²¹, которое расположилось на р. Каланчак, «ожидая самого хана». Якобы в ближайшее время все крымские и белгородские орды двинутся в набег, но куда — сечевые казаки точно сказать не могли. С этим письмом к Самойловичу двинулись казаки Семен Вергун, Тимош Пиковец и Иван Царский²². В знак лояльности Стягайло и Низового войска они доставили Самойловичу копии трех документов: адресованного Серко письма коронного польного гетмана Станислава Яблоновского, а также двух проезжих грамот, данных П. Е. Апостолу для проезда в Сечь и обратно; первая была выдана от имени польского короля, а вторая подписана уже новым кошевым 11 августа²³.

Стягайло вторил кодацкий полковник (командир запорожской крепости Кодак) Василий Прокофьев, который 3 сентября отправил в Батурин писаря и церковного служку «с товарищем», прося ввиду возможного нападения турок или татар «о присылке войска в крепость городовую кодацкую». Мелкие отряды неприятеля, по словам Прокофьева «мало что не повседневно подбегают и около крепости и нас самих замыслы поганские на него (так в рукописи. — К. К.) добре имеют». Полковник и кодацкие казаки якобы получили «подлинное» известие от кошевого атамана, «что вышла орда ис Крыму», но только не знали, «куда поворот и замыслы свои поганские будет имети». Прокофьев полагал, что в случае приступа неприятеля ему с имеющимися силами (часть казаков разбрелись «по городам за промыслы своими») будет трудно удержать крепость, поскольку людей не хватает даже на то, чтобы «осадить валы». Кроме того, в Кодаке подходили к концу запасы, данные по приказу гетмана из Полтавского полка, и теперь полковник просил Самойловича распорядиться

²¹ *Калга* — второе по значимости лицо после хана в иерархии Крымского ханства.

²² РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 24. Л. 12–13.

²³ Там же. Л. 5, 11, 14–15, 17–22. См. подробнее: Кочегаров 2019: 118.

доставить новые, а также прислать церковное вино, оказавшееся дефицитом в ближайших городах²⁴. 20 сентября 1680 г. указанные письма Стягаило и Прокофьева доставил в Москву стрелецкий полковник Максим Лупандин²⁵.

3 сентября стольник Перхуров сообщил гетману Самойловичу, что в Батурин было послано очередное посольство из Сечи — пять казаков во главе с Тимофеем Стрункой, с сообщением о выходе хана Мурад-Гирея (1678–1683 гг.) из Крыма «со всею ордою» и переправе двух крымских султанов на правый берег Днепра возле османских крепостей. Этих запорожцев «выше Кадаку против Саврановой пасеки» атаковал и разгромил татарский отряд. Один из казаков — Иван Семенов — спасся и прибыл 2 сентября в Орельский городок к Перхурову, который отправил его к Самойловичу²⁶. Напряженность складывавшейся вокруг Сечи обстановки подчеркивает и письмо переяславского полковника Войцы Сербина, который 17 сентября 1680 г. сообщил гетману, что давно не имеет вестей о ватаге запорожцев, которая вместе с «охотными людьми» из Переяслава пошла выслеживать неприятеля в степи²⁷.

Наступление осени, близящаяся зима, когда часть запорожцев уходила в города Среднего Поднепровья, угроза крымского нападения, отсутствие в Сечи достаточного количества военных запасов при неурегулированных отношениях с царем и гетманом не способствовали решению накопившихся проблем, а скорее провоцировали дальнейшее брожение среди запорожских казаков. Отголоски этого донесли до Перхурова, который сообщил Самойловичу 13 сентября 1680 г., что «запорожцы мыслят себе, чтоб бити челом великому государю нашему, его царскому величеству, о Дорошенке, чтоб быть кошевым Дорошенку»²⁸. Речь шла о жившем в Москве бывшем правобережном гетмане.

Гетман Самойлович прекрасно отдавал отчет в сложившейся ситуации и предпринял энергичные действия, чтобы усилить контроль над Запорожской Сечью прежде, чем посольство Щербиновского достигнет Батурина.

²⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 24. Л. 6–10, 16.

²⁵ Там же. Л. 1–6.

²⁶ Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 21об.–23.

²⁷ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 26. Л. 34.

²⁸ Там же. Ф. 229. Оп. 5. Д. 209. Л. 15.

Поездка в Сечь нежинского полкового судьи С. П. Гречаного

В донесении на имя царя Федора Алексеевича 7 сентября 1680 г. гетман Самойлович сообщил, что по получении известия о смерти Серко немедленно отправил в Сечь доверенного человека и «знатную особу» — гадяцкого полкового судью Степана Прокофьевича Гречаного (ум. до 1697). Ему было поручено убедить запорожцев отказаться от контактов с Польшей и от деклараций подданства в адрес польского короля, а также добиться высылки из Сечи его «тайного резидента» П. Апостола²⁹. С. П. Гречаный повез в Сечь обширное послание гетмана, написанное 1 сентября. В документе четко очерчивались текущие задачи политики Батурина в отношении Запорожья, а также подробно излагались взгляды Самойловича на суть его отношений с Сечью, в том числе с опорой на экскурсы в недавнее прошлое.

В своем послании гетман несколько притворно (учитывая прежнюю взаимную вражду) сожалел по поводу смерти кошевого без исповеди и причастия:

Немалую жалость одержал от вас, братии нашей милой, тою ведомостью чрез посланных ваших, что Иван Серко, атаман ваш Войска Низового Запорожскаго кошевый, 1-го дня августа, оставивши сей свет временный, умре, и то нам болезненное было дело, что отходя сего света, яко ж мнится, что напрасною смертию. Не сподобил его Господь Бог неведомо для чего так, яко належит православному христианину в тот путь приготовиться, понеж исповеди святой не имел и причащения пречистых христовых тайн принять не сподобился.

Впрочем, философствовал далее Самойлович, бывший сыном священника:

Каждый из вас, молодцов добрых, ведает, что никто не может того смертного часа, живучи на сем свете, временно уклониться, но все, хто ни есть толко родится на нем, может умерети. Також и помяненнаго атамана вашего, кошевого Ивана Серка, друга нашего, пришло час смертный, неначаемо взял его от нас, что ж имеем чинити, должны есмы судьбам Божиим вручити, понеж всякому от нас неминующей тот путь есть, толко дай Боже, чтоб не так напрасно, как

²⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 5об.–6.

покойник, которого души желаю, дабы дал Господь Бог на том свете вечный покой.

Закончив проповедь, гетман сделал выговор запорожцам за то, что они избрали нового кошевого без его утверждения, нарушив традицию, которая якобы повелась еще со времен Богдана Хмельницкого (1648–1657 гг.):

А хотя ведаем, что по смерти Серка не мочно вам было, Войску Запорожскому, и одного дни без старшего на Коше прожити, однако ж тому отчасти удивились есмы, что вы тотчас наемднн себе выбрали кошевым атаманом доброго молотца господина Ивана Стегайла, не дали есте нам прежде о нем ведомости, чтоб мы к тому избранию к вам, Войску Запорожскому, с советом нашим региментарским могли прислужиться, как во время старого Хмельницкого бывало, понеже во время его без соизволения его кошевым никого не становлено, что и ныне годилось было учинити.

Самойлович тем не менее выразил готовность не раздувать из-за этого конфликт. Демонстративно подчеркнув, что Стягайло ему мало известен, он все же направил ему официальное поздравление в связи с избранием в атаманы³⁰.

Смерть знаменитого кошевого и выбор человека менее влиятельного, хотя и заслуженного в среде запорожцев, давали гетману весомую надежду на решение давно волновавшего его вопроса — прекращения сепаратных контактов Сечи с соседними державами и политическими образованиями, когда Серко «послов своих для особой своей корысти х которому ни есть <...> монархом посторонним мимо своего монарха посылал». Этим покойный атаман Войско Запорожское «к великой неславе и к лехкому у его царского пресветлого величества приводил поразумению», что доставляло немало хлопот Самойловичу. Он считал, что Серко лишь «пред смертию добрым своим намерением утешил, когда в том умер, что разорвав с татары свой мир, никогда уж не имел посылати ни до одного босурманского монарха особо и х королю полскому, за что будет имети себе мзду от Бога». Требуя от Сечи не направлять впредь никаких послов «к посторонним монархом» и не просить «никакой от них обороны»,

³⁰ «Чтоб в том чину своем, которые вверили ему, многолетно купно с вашим войском запорожским живучи, здрав был, а неприятелей Креста Святого при помощи Божии и счастием его царского пресветлого величества, где лучится, знатно громил».

гетман подчеркивал, что новый кошевой «купно с вами, рыцерами храбрыми», должен верно служить «одному православному монарху христианскому, его царскому пресветлому величеству». Самойлович призывал запорожцев, чтобы они турецкому султану, крымскому хану и польскому королю «служб своих обещати перестали», храня верность русскому царю:

Никогда вы купно всем тем монархом служити не можете, но надобно одному по Бозе благочестивому царю, которому присягу учинили есмы, держатися его и всего добра ему, великому государю, неложно должны есмы желати, который нас для одной с собою веры православной христианской на вечное подданство присяглых милостивно приняв под свою высокодержавную руку, всегда в непремennom призрении своем блюдет и от всех неприятелей войски своими царскими обороняет и боронити не престанет.

Особенно волновали Самойловича контакты запорожцев с Крымом, учитывая, что подобные связи имели давнюю традицию. Это заставило гетмана сделать обширный экскурс в историю, имеющий существенное значение не только в качестве отражения взглядов Самойловича на конкретные проблемы в отношениях с Сечью в текущий момент, но и как иллюстрация его общих оценок истории Украины второй половины XVII в. Поскольку в историографии этот текст совершенно неизвестен, приведем данный фрагмент письма Самойловича запорожцам полностью.

Надобно нам и всякому доброму пожив, при доброй славе умирати, дабы есмы страшно пред Богом присяглой и душами нашими закрепленной верности нашей его царскому пресветлому величеству с постоянием без нарушения додержали и душам своим за то спасение получили, в чем способом покойного Богдана Хмельницкого последовати будем, понеж он, покойный, видя несповедимое и нестерпимое от поляков деющиеся жителем на Украине тягости, в то время за помощию Божию оборонною рукою и смелостью Войска Запорожского, садружась с татары, отбились ис тяжкого ига полско-го и жителей украинских всех от нево освободил. После того, видя он, Хмельницкий, что не возмог уже с ними никоими мерами жити и хотел николижкоды уговоритись задоров ради кровавых, которых они, поляки, многожды над жителями украинскими, миром обнадеженными, вбегаючи в Украину, мстились, договорился с старшиною своею, которых немалое было число в то время по обоим сторонам Днепра, поддаться его царскому пресветлому величеству. И так

по совету умных людей и старшины войсковой, поддався ему, великому государю, присягу со всем Войском Запорожским и народом общим украинским учинил, что уже вечно под высокочудотворною его царского пресветлого величества рукою имел обрестися, а к полской обороне никогда возвращатися не имел и с татары розорвал дружбу, впредь болши к ним приставати не имел же не токмо он сам, но и иные по нем наследующие гетманы, на что как покойных присяг ему, великому государю, так и постоянно додержал ни в чем сумнительства своего не нарушил. За то Господь Бог его благословил и яко христианину пристойно на сем свете век свой скончал. По нем також де бывшие гетманы, имянно Выговский³¹, Тетеря³², Брюховецкий³³ и иные, також де и сын его, не додержав ему, великому государю учиненную присягу, всяк искал себе из них у розных господ обороны, тогда тотчас все вскоре с сего света отидоша и память их погибе с шумом. Токмо еще Господь Бог сына его, ожидая на покаяние, на сем свете держа, но и то аще ли не покаетца. Узрите милость ваша, но каков придет скорым временем конец, бо не терпит Господь никогда неправдою присягающим и имя его напрасно зывающим.

Настаивая на прекращении контактов Сечи с Крымом, Самойловичу пришлось объяснять запорожцам вынужденный характер союза с ханом, заключенного некогда Б. Хмельницким. Все последующие попытки его преемников обратиться к татарам, а также к полякам и туркам за помощью привели этих гетманов к печальному концу. Историческими примерами и указанием на грех клятвопреступления Самойлович рассчитывал воздействовать на умы запорожцев и нового кошевого, одновременно обещая им всевозможные милости царя и свое неизменное «регентарское радение», которое должно было выразиться в поставках продовольствия в Сечь («кормовое вспоможение») и хлопотах в Москве в поддержку просьб запорожских казаков³⁴.

Гетман выразил надежду, что миссия Гречаного будет удачной. Его обнадеживали полученные к 7 сентября известия, что в результате «увещания» гадячского судьи запорожцы якобы решили выслать

³¹ Иван Евстафьевич Выговский — гетман Войска Запорожского в 1657–1659 гг.

³² Павел Иванович Тетеря — гетман Войска Запорожского (Правобережной Украины) в 1663–1665 гг.

³³ Иван Мартынович Брюховецкий — гетман Войска Запорожского (Левобережной Украины) в 1663–1668 гг.

³⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 12–18.

из Сечи П. Апостола «ни с чем»³⁵. Однако его выдворение из Сечи состоялась еще до прибытия туда Гречаного. Последний же появился в Запорожье лишь во второй половине сентября. Нам неизвестно содержание переговоров Гречаного и запорожцев, но сохранился ответ кошевого Стягаило и Низового войска 27 сентября на процитированное выше гетманское письмо, выдержанный в целом в компромиссном духе.

Кошевой и сечевые казаки подчеркивали, что их войско готово «всеми силами» исполнять присягу «на вечное и верное подданство», данную царю несколько лет назад. Признавая гетманский нарратив о добровольном принятии российского подданства населением Украины во времена Хмельницкого, запорожцы просили о сохранении царской милости к ним. При этом они подчеркивали, что как

Иван Серко, атаман кошевой, славной памяти, бывший, до смерти своей, присягу учинив, служил ему великому государю, так и нынешняго времени Войско Запорожское истинно и верно ему, великому государю, в неотменных услугах пребывает.

Только после этого запорожцы упомянули о своей готовности служить и гетману. Жалуясь ему, что «казна войсковая скудно пребывает», они просили у него материальной поддержки. Отвечая на требование прекратить контакты с Крымом и Польшей, Низовое войско и кошевой атаман пытались лавировать, опосредованно давая понять, что не могут запретить соседним правителям отправлять в Сечь своих посланцев.

Мы от сего времени послов своих с Коша не пустим и посылати не будем, — писали сечевики Самойловичу, — а буде б имели послы некоторые к нам на Кош прийти, хотя салтана турецкого или хана крымского, или короля польского, тогда мы без совету велможности вашей не будем их отпущати.

В сложившихся условиях запорожцы посчитали не лишним напомнить, что уже отправленное в Москву посольство должно было попросить прощения за «прошлые бесчинства» и добиться возобновления выплаты царского жалованья, которое не посылалось в Сечь уже два года. Более того, они просили гетмана похлопотать об этом

³⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 6.

в столице. В отдельной цидуле Самойловичу Стягайло, впрочем, довольно дерзко комментировал упреки в том, что его избрали кошевым без утверждения гетманом, что якобы нарушало обычай выбора «за ведомым гетманским» эпохи «старого Хмельницкого». Стягайло заявил, что и сейчас может быть так, «как при Хмельницком», если Самойлович будет заботиться о Низовом войске «как Хмельницкий»³⁶. Этот ответ запорожцев гетману был прислан в Москву 15 октября 1680 г.³⁷ Он свидетельствовал, что Сечь готова к развитию отношений с Москвой и Батурином, что, собственно, продемонстрировал и прием в столице делегации запорожских казаков во главе с Г. Щербиновским.

Посольство Г. Щербиновского и его прием в Москве

5 сентября 1680 г. посольство Щербиновского прибыло в Батурин³⁸. Гетман немедленно отпустил его в Москву практически в исходном составе («в великом множестве»), не желая раздражать запорожцев сокращением численности их миссии. В посланной с ними грамоте от 7 сентября Самойлович просил царя Федора ради своей верной службы предать «вечному забвению» все прежние «нерадения» запорожцев, возвратить им «государскую милость» и незамедлительно отпустить обратно в Сечь с традиционным царским жалованьем и подарками для кошевого и старшины. Самих запорожских посланцев гетман предлагал одарить и привести к присяге с обещанием верной службы. После этого, писал Самойлович, царским представителям следует добиваться аналогичной присяги уже всего Войска Запорожского Низового. Сделать это необходимо для утверждения в верности царю еще колеблющихся запорожцев, якобы убежденных Гречаным отказаться от контактов с Польшей («чтоб тот же Апостолец потом туды к ним от короля не прибежал с такими ж прелестми»), и чтобы они «в предбудущее время в своих услугах лутче охотны были». Отдельно гетман рекомендовал царю П. Быхоцкого, от которого получил ценную информацию о событиях в Сечи³⁹.

³⁶ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 27. Л. 29, 32–35.

³⁷ Там же. Л. 22.

³⁸ Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 4об.–5.

³⁹ Там же. Л. 5–8.

20 сентября⁴⁰ Щербиновский и его товарищи прибыли в Москву. В посланной с ними грамоте запорожцы сообщали о смерти «верного слуги» царя — кошевого Серко, который «посланной ему от Бога смертию оставя свет, соверша вашему царскому пресветлому величеству свою службу». Они искали царского милосердия за то, что «нужд наших ради и утеснения в прошлых временах учинилось нерадением, которым дабы есмы от милости вашей, великого государя не отлучились, имеем опасение». Сечевые казаки просили у Федора Алексеевича прощения за действия Серко и выдачи царского жалования («которого два года не имея, в великом утеснении нашего убожества живем»): денег, сукна, свинца, пороха, обещая взамен «верно служить и по достоинству вашего царского пресветлого величества против всякого врага стояти нещадно и умирати», и более не начинать «без ведомости вашего царского пресветлого величества никакова противного отговору»⁴¹.

Привезенная запорожскими представителями инструкция из десяти пунктов, врученная им на сечевой раде, 21 сентября была подана в Малороссийский приказ. Согласно ей, посланцы должны были перед лицом царя засвидетельствовать свою «верную и неотменную службу» (пункт 1) и просить прощения за «какие ни есть противные нерадения», в частности — за заключение перемирия с турками и татарами без санкции Москвы, за сношения «без воли» царя и «без ведома» гетмана с «посторонними монархами» (пункт 2). В последнем случае речь шла о польском короле, и здесь казаки сваливали все на Серко, которому, как они писали, «не были <...> яко старшему нашему противны» (пункт 4). Вновь повторялись обещания верно служить царю и жить «во единой мысли» с гетманом Самойловичем, не посылать посольств «ни х кому к посторонним монархом — к турецкому салтану и х крымскому хану, особно х королю полскому», и не просить у них «обороны и милости», а все послания от них «доносить до ведомости» царю и гетману (пункты 5, 6 и 7). Причитающееся им жалование запорожцы просили прислать вместе с возвращающимся посольством Щербиновского и царскими представителями либо несколько позже (пункт 9). Пункт десятый констатировал, что инструкция обязательно должна быть предъявлена

⁴⁰ О дате приезда посольства см.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 74об., 79.

⁴¹ Там же. Л. 22об.—25.

гетману Самойловичу («предводителю всех нас, сынов малороссийских») и одобрена им (в том числе потому, что не имела печати Низового войска⁴²). Об исполнении этой процедуры свидетельствовала гетманская помета в конце документа⁴³.

Наиболее содержательным был третий пункт инструкции, о котором стоит сказать отдельно. Сечевые казаки жаловались, что «за усилованием неприятельским бусурманским удержаны наши казацкие на Днепре реке ходы к морю». Если раньше запорожцы «пробивались» вниз по Днепру «чрез два городки турецкия», то теперь османы построили «пять городов, и те на премых наших переходах с военными людьми и з доволством пушек поставлены», из-за чего казаки могли попасть «к полям низовым» лишь «полевым переходом». В результате запорожцы испытывали «великое утеснение» и больше не могли ловить в низовьях Днепра рыбу и разбойничать, нападая на турецкие и татарские отряды в поисках добычи. Казаки открыто признавали неспособность собственными силами устранить возникшие препятствия: «тех ради мер усиловствовали многажды мы о нашем угодье с поганы воеватися, разумели есмы свою несилу против большого их поганского размножения». Они вспоминали, как активно сражались на стороне России до построения крепостей, когда во время первой обороны Чигирина (1677 г.) «суды морские взяв, неволников имели есмы турков несколько сот», которых было весьма накладно содержать («и тех у себя два годы держачи, прискучили есмы нашим недостатком кормити их»). Запорожцы подчеркивали, что потребность в обмене пленными стала одним из главных факторов, заставивших Серко искать перемирия «з бусурманы»⁴⁴.

Помимо официальных посланий на имя царя Федора, гетман и кошевой атаман сочли необходимым отдельно написать руководителю Малороссийского приказа думному дьяку Лариону Иванову

⁴² Из грамоты царя Федора Алексеевича к гетману И. Самойловичу, высланной по результатам посольства, следует, что «войсковая печать» у инструкции была. Следовательно, она была приложена уже в гетманской канцелярии (Там же. Л. 75, 76).

⁴³ Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 25–29об. В неполном столбце Малороссийского приказа сохранились четыре листа, включающих два начальных листа инструкции (содержат начало 1-й статьи), а также два разрозненных листа письма И. Я. Стягаило 21 августа. См.: Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 25. Л. 1–4.

⁴⁴ Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 26–26об.

(ум. 1682). Самойлович в письме 7 сентября особенно рекомендовал «роспросить о тамошнем поведении» сечевого писаря Петра Быхоцкого, в том числе о деятельности покойного Серко и его польских контактах. По мнению гетмана, рассказ писаря должен был убедить Л. Иванова настоять на том, чтобы прибывшие в Москву запорожцы, а позднее и кошевой со старшиной (без участия «черни Войска Низового Запорожского») в обмен на удовлетворение их просьб присягнули на верность царю и гетману. Отдельно Самойлович настаивал на том, чтобы глава Малороссийского приказа самолично сделал запорожцам выговор за самовольное избрание кошевого атамана без санкции гетмана⁴⁵. В письме Стягайло и сечевых казаков более кратко излагалось содержание грамоты к царю Федору с просьбой об оказании протекции в их нуждах⁴⁶.

Официальных переговоров с посольством Щербиновского не велось, но русское правительство в соответствии с рекомендацией Самойловича сочло необходимым допросить прибывшего в столицу в составе запорожской миссии писаря П. Быхоцкого. Дата этого допроса неизвестна, но, судя по всему, он состоялся 21–22 сентября — в день прибытия запорожцев в Москву либо на следующий день и до заседания Боярской думы, где обсуждалась политика в отношении Запорожской Сечи. Основное содержание беседы, которая в значительной степени формировала взгляды на события последних месяцев в Сечи как в Москве, так и в Батурине, уже излагалось выше. Следует отметить попытки Быхоцкого убедить русские власти в необходимости и возможности привлечь нового кошевого на свою сторону, обнадеживая «ево государскою милостью». В этом деле писарь выражал готовность послужить, предлагая, чтобы царское жалованье было отправлено в Сечь вместе с возвращающимся туда запорожским посольством (надо понимать, как можно скорее), чтобы ему с единомышленниками было «надежнее <...> приводить ево, Стегайла, и Войско Низовое к его государской милости». Быхоцкий считал это весьма важным, утверждая, что возвращение запорожской делегации без жалования вызовет в адрес него обвинения со стороны запорожцев:

⁴⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 32–35. Еще один список письма см.: Там же. Оп. 1. Д. 157. Л. 1–6.

⁴⁶ Там же. Оп. 2. Д. 52. Л. 35–37. Еще один список письма см.: Там же. Оп. 1. Д. 157. Л. 7–10.

Паче всех будет нареканье на него, писаря, потому что он всегда при Серке и после Серка удерживал их непостоянство обнадеживаньем милости государской, а ежли де без того приехать, то де ему впредь ни в чем не поверят и опасно того, чтоб над ним и беды какой не зделали.

Под конец разговора он прямо заявил, что если жалованье не будет послано сейчас, то он на Запорожье не поедет, а останется жить у гетмана Самойловича⁴⁷.

Запорожский вопрос показался в Москве настолько важным и срочным, что для его обсуждения в Золотой палате Боярская дума собралась уже 23 сентября, в отсутствие государя, который выехал на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. Заслушав инструкцию запорожского посольства, показания П. Быхоцкого, письма кошевого и гетмана, бояре вынесли приговор, оформленный в семи статьях. Согласно ему представителей Сечи следовало призвать в Малороссийский приказ, объявить «государское милостивое слово», напомнить им о присяге на верность царю, данной всем Низовым войском ранее (в 1676 г.), отчитать их «против гетманского челобитья» за самовольное избрание кошевого, но «слехка, не имянуня гетманского имени в том выговоре, толко то сказать, что довелось было им о том по прежним войсковым обычаем о том согласитца з гетманом». Одновременно следовало подчеркнуть, что когда сечевые казаки «инструкцию свою по должности своей прислали с посланцы своими к гетману, и тем они то дело исправили, а впредь бы в таких мерах были остерегательны и противно праву ничего не чинили». Пожурив, Щербиновского и его товарищей предполагалось немедленно «обнадежить <...> государскою милостию» и объявить, что царь Федор Алексеевич прощает запорожцам «прежние вины и преступления», при условии, что впредь они будут служить верно и «никаким плевосеятелным речам, хто будет чинити на ссору меж войском не принимали и не верили так же бы ни на какие прелести салтана турецкого и хана крымского и на иных и на лстивые их присылки <...> не склонялись». После этого все посольство должно было присягнуть на верность государю «пред святым Евангелием» в Архангельском соборе Кремля. Было решено и инициировать присягу всей Сечи перед московским посольством, которое доставит туда жалованье.

⁴⁷ Там же. Оп. 2. Д. 52. Л. 43–43об.

Постановив выдать приехавшим в Москву казакам жалованье за проезд, дума оставила на усмотрение самодержца вопрос: давать ли посланцам повторную аудиенцию («видеть <...> государские очи в другой ряд»)⁴⁸, чтобы еще раз «вины их выговорить пред лицом его царского величества», либо же немедленно отпустить во свояси «со обнадеживанием его государские милости». Бояр волновало, что П. Апостол вновь может прибыть в Сечь «с прежними прелестями», поэтому они предлагали отправить царское жалованье туда как можно скорее, «и то им будет великая надежда, и как запорожяны в той надежде будут, то и делу ево, государеву, для которого послан Василей Тяпкин, будет при помощи Божии помочь немалая». Стольник и полковник Василий Михайлович Тяпкин был недавно отправлен в Бахчисарай в качестве посланника для заключения мирного договора с крымским ханом и османским султаном, и в Москве полагали, что стабильность в Запорожье и лояльность Сечи царским властям послужит скорейшему подписанию соглашения на выгодных для России условиях. На челобитье казаков о выплате жалованья за три года решили ответить уклончиво: «и о том в ево государеве грамоте написать, что впредь ево государская милость к ним будет, смотря по их службе». То есть на данный момент решили жалованье за три года сразу не выдавать, но и не объявлять категорично о его отмене, чтобы мотивировать лояльное поведение запорожцев по отношению к Москве и Батурину в ближайшем будущем. Более того, дума полагала возможным отпустить посланцев в Сечь, «увеселя их настоящим государским жалованьем дачею, хотя б что и излишнее дать». Годовое жалованье предлагалось послать вместе с Щербиновским, как и рекомендовал Быхоцкий, в сопровождении царского представителя. По традиции, богатое жалованье предназначалось старшине. Самому кошевому следовало отправить две пары соболей стоимостью по 7 руб.

⁴⁸ Это упоминание как будто свидетельствует, что сразу после прибытия казаки Щербиновского были допущены к царской руке. Дело, однако, в том, что уже 21 сентября царский двор выехал в Троице-Сергиеву лавру (Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4. (С 1676 по 1701 г.). Стб. 177–187). Описания царской аудиенции 20 сентября в деле нет. Более поздние свидетельства о допуске казаков «пред царские очи» имеются в царских грамотах гетману и кошевому, врученных Щербиновскому и его товарищам перед выездом (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 75об., 80об.). Но не исключено, что это, как и упоминание в приговоре думы, лишь дань приказному формализму, а в реальности аудиенции не было.

каждая, два сорока соболей по 50 руб., «два вершка бархатных червчатых на шапки», а также «камки куфтеру жаркой да отласу глаткого червчетого по десяти аршин, по пяти аршин сукна багрецкого, одно малиновое, другое красное». Сечевым судье и есаулу планировалось пожаловать «против того в полы» (то есть, например, одна пара соболей в 7 руб. и один сорок соболей в 50 руб.), а писарю выдать в Москве такую же, как им, «дачу тайно сверх настоящей ему дачи»⁴⁹. Всему войску было выделено: 1 тыс. ефимок или 500 золотых, 150 половинок «сукон амбурских», 50 пудов пороха и столько же свинца. Обо всех принятых решениях государевой грамотой «с милостивым словом» следовало уведомить И. Самойловича. Как видно, в общем и целом дума действовала в русле его рекомендаций.

Боярское решение было немедленно отправлено в Троице-Сергиеву лавру. Оттуда уже 25 сентября был послан ответ на имя ближнего боярина князя Якова Никитича Одоевского (ум. 1697), управлявшего Москвой в отсутствие самодержца, с утверждением думского приговора и распоряжением отпустить из столицы посольство Щербиновского, приведя казаков к присяге на верность царю и по умолчанию — без прощальной аудиенции. Государево жалование предписывалось отправить в Сечь с дворянином Ионой Леонтьевым (или его братом Борисом) немедленно⁵⁰. Обоих, впрочем, в Москве не оказалось («съехали в монастырскую свою деревню для розделу»), поэтому князь Одоевский с товарищами назначил в «запорожскую посылку» дворянина Семена Аверкиева сына Бердяева и подьячего Малороссийского приказа Михаила Савина. Оба были отправлены к царю для пожалования к «государской руке» перед выездом⁵¹. 27 сентября Малороссийский приказ отправил памяти в иные ведомства о выдаче жалованья запорожцам в соответствии с утвержденными думой нормами: в Большую казну — о выдаче денежной части жалованья Низовому войску (1 тыс. ефимков или 500 золотых), в Сибирский и Казенный приказы — об отпуске

⁴⁹ В грамоте гетману И. Самойловичу указывалось, что жалование П. Быхоцкому составило «сорок соболей в пятьдесят рублей, пара соболей в семь рублей, вершок на шапку бархатной, пять аршин сукна багрецового, десять аршин отласу» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 76об.).

⁵⁰ Там же. Л. 44–49об.

⁵¹ Там же. Л. 70–70об.

соответственно соболей и дорогих тканей, в Пушкарский приказ — о выделении по 50 пудов пороха и свинца⁵².

В рамках принятых думой решений и общей тактики правительства на «увеселение» прибывших в Москву запорожцев Малороссийский приказ приложил значительные усилия, чтобы посольство Щербиновского ни в чем не знало нужды и отказа. 21 сентября состоялся царский указ о выдаче казакам «харчу» на 2 руб деньгами (за два дня, в том числе за вчерашний) и отдельно «питья» — 10 ведер вина и 10 ведер меда. Это был так называемый стандартный «поденный корм», который следовало выдавать казакам до их отъезда из Москвы. Однако в этот раз, желая добиться лояльности запорожцев, власти неоднократно отдавали распоряжения о выдаче им продуктов «сверх поденного корму». Так, 22 сентября последовал указ купить для сорока двух казаков дополнительно «четыре ведра вина двойного, дватцать ведр меду, тритцать ведр пива, две белуги, два осетра, пуд икры паюсной, сто пучков вязиги, пол пуда икры зернистой, две четверти круп грешневых, четыре пуда соли, сорок хлебов ситных, дватцать колачей копеечных, пять ведр уксусу, капусты на пол полтины, луку на пять алтын, пятнатцать ведр вина простого»⁵³. Уже на следующий день, 23 сентября, было приказано в мясные дни покупать для запорожцев «сверх поденного корму и прежней приказной дачи в приказ по вся дни, покамест они на Москве побудут», следующий набор продуктов: «четыре туши бараньих болших, по полтю ветчины или свинины, по четыре гуся, по четыре утки или по пяти куриц русских, по сороку хлебов ситных, по дватцати калачей копеечных, луку, капусты, уксусу, соли по пяти алтын на день». Выяснилось, однако, что восемь казаков держат пост не только в среду и пятницу, но и в понедельник («понедельничают»). Последовал указ о закупке для них отдельно свежей рыбы на 10 алтынов, который повторялся в последующие дни. Неоднократно отдавались распоряжения о сверхнормативной

⁵² РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 71–74об. В тот же день в Ямской приказ поступила память о выделении подвод для транспортировки царского жалованья в Сечь, а на следующий день в Стрелецкий — о снаряжении отряда стрельцов для сопровождения груза до Калуги (было направлено 15 чел.).

⁵³ Указ о закупке сходной номенклатуры продуктов повторен 29 сентября; здесь добавились еще фунт перца, два ведра церковного вина, свежая рыба, включая как «возовую», то есть выловленную и привезенную для продажи, так и «живую», продавшуюся в специальных емкостях с водой.

выдаче алкогольных напитков, причем ее размеры стабильно росли: «ведро вина двойного» 23 сентября; «ведро вина двойного, пять ведер меду» 24 сентября; два ведра двойного вина, пять ведер простого вина и десять ведер меду 26 и 28 сентября; 5 ведер простого вина, 10 ведер меда 3 октября и т. д. 1 октября в честь праздника Покрова Малороссийский приказ распорядился купить запорожцам «живой ушной рыбы» (то есть для варки ухи) на 13 алтынов 2 деньги; свежей рыбы на 20 алтынов, выдать два ведра двойного вина, два ведра церковного, 10 ведер меда и 20 пива⁵⁴. Не будет преувеличением сказать, что двухнедельное пребывание в Москве превратилось для запорожских казаков в продолжительный пир на нескучных московских харчах.

30 сентября все запорожское посольство было приведено к присяге в Архангельском соборе с обещанием верной службы и активизации «воинского промысла» над «неприятели Креста Святого», прекращения любых контактов с Крымским ханством и Османской империей (Польша упомянута не была, но несомненно подразумевалась) и осуждением «противных поступков» покойного кошевого Серко⁵⁵. Судя по тому, что записи о прощальной царской аудиенции в приказной книге нет, отпуск посланцев состоялся в Малороссийском приказе. На отпуске Щербиновскому пожаловали 10 руб. деньгами, «сукно лундыш» длиной 4,5 аршина, пару соболей стоимостью 8 руб. и «камку»; сечевые писарь, есаул и двое других знатных запорожцев получили по 8 руб. деньгами, «по сукну кармазинному, по тафте, по паре соболей по 6 рублей». Остальным казакам (37 человек) было вручено по 4 руб. деньгами, «по сукну аглинскому, по паре соболей по 2 рубли» каждому⁵⁶. Во врученной Щербиновскому царской грамоте кошевому и всему войску, датированной 1 октября, сообщалось о милостивом принятии посольства, прощении вины казакам за проступки времен атаманства Серко по ходатайству гетмана Самойловича, и об отпуске в Сечь царского жалованья с дворянином

⁵⁴ Там же. Л. 54–67об., 69–69об.

⁵⁵ Там же. Л. 49об.–51об. К присяге запорожцев приводил соборный протопоп Федор.

⁵⁶ Там же. Л. 49об.–50. Памяти с указом о выдаче жалованья были даны в Казенный и Сибирский приказы уже 23 сентября (Там же. Л. 57об.–58). Впоследствии нормы жалованья были несущественно скорректированы, в частности 2 октября в Сибирский приказ была дана память выдаче куренному атаману Федору Степанову пары соболей в 4 руб. (Там же. Л. 69).

Семеном Бердяевым⁵⁷. Петр Быхоцкий задержался в Москве на несколько дней «для своих дел». Грамота от 8 октября, отправленная с ним к гетману, содержала краткую информацию об отпуске делегации сечевиков и царского жалованья⁵⁸.

Для отъезда запорожского посольства из Москвы Ямской приказ 1 октября выделил 40 подвод и дополнительно для задержавшегося в столице сечевого писаря — четыре подводы⁵⁹. В дорогу для них закупили два ведра двойного вина, 10 ведер простого вина и столько же ведер меда, 20 ведер пива, четыре полти (половина свиной туши) ветчины, два осетра⁶⁰. 5 октября к этому «сверх дорожного приказного питья» добавили еще ведро двойного вина, четыре ведра простого вина, 5 ведер меда и 10 ведер пива⁶¹. Отпуская из Москвы сытых и хмельных запорожцев, в Малороссийском приказе надеялись, что бюджетные средства на поощрение их чревоугодия были потрачены не зря.

Грамоты, врученные Щербиновскому и Быхоцкому, носили скорее формальный характер. Более пространным было содержание грамот гетману Самойловичу и кошевому Стягайло, которые повезло русское посольство в Запорожскую Сечь. Царской грамотой гетмана «похваляли» за «верную службу» и сохранение контроля над Запорожьем и сообщили о милостивом принятии посольства, прощении запорожцам их вины за проступки Серко (подчеркивалось, что казаки «совершенно себя в той вине признали»), выговоре за самовольное избрание кошевого и распоряжении впредь делать это по согласованию с Батуриным, пожаловании миссии Щербиновского сверх установленных прецедентов «излишним жалованьем» (и отдельно — Петра Быхоцкого), высылке в Сечь государева жалованья вместе с возвращавшимся сечевым посольством. Особый акцент в грамоте делался на то, что все это исполнено по ходатайству гетмана (что в общем-то соответствовало действительности), а самим запорожцам было заявлено, чтобы они

[С] тобою, нашего царского величества подданным, были во единомыслии и должное послушание тебе отдавали, и всякой крепости

⁵⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 51об.–53.

⁵⁸ Там же. Л. 53–54.

⁵⁹ Там же. Л. 66–66об.

⁶⁰ Там же. Л. 68–68об. Указ от 2 октября.

⁶¹ Там же. Л. 69об.–70.

и твердости стояли, и по стародавнему войсковому обычаю чинили над неприятели Креста Святого всякие промыслы как возможно, и были во всем надежны на нашу государскую милость и при помощи Божии на оборону.

Самойловича ставили в известность, что подкрепить эти заявления московского правительства должна была новая присяга запорожцев на верность царю, которую поручили провести дворянину С. А. Бердяеву. Приняв его и подьячего Савина, гетман должен был отпустить их в Сечь, дав подводы и провожатых «по вестям» и «по своему рассмотрению»⁶². С грамотой гетману в целом согласовывалась и царская грамота кошевому Стягайло и Низовому войску, которую вез Бердяев. В ней сообщалось о милостивом принятии посольства, отправке жалования, прощении вины за «противности» покойного кошевого Серко, выдвигались требования верной службы царю, строгого послушания гетману и принесения присяги подобно тому, как это сделало посольство Щербиновского в Москве⁶³.

Поездка в Запорожскую Сечь царских посланцев с жалованьем

Царский указ об отправке в Сечь с жалованьем дворянина С. А. Бердяева и подьячего М. Савина последовал 28 сентября⁶⁴. Наказом 30 сентября им предписывалось сначала ехать к гетману Самойловичу, который, в свою очередь, должен был отпустить их в Запорожье. Прибыв туда, посланцам следовало объявить кошевому и всем казакам о милостивом принятии посольства Щербиновского государем и его решении простить запорожцам их «вины и преступления, что поводом прежнего кошевого атамана Ивана Серка чинилось», а также потребовать не только прекращения любых контактов с ханом и султаном, но ведения против них «военного промысла» по царскому указу. Все это, впрочем, озвучивалось самому посольству Щербиновского и излагалось в царских грамотах Низовому войску. После этого запорожцы должны были принести присягу

⁶² Там же. Л. 74об.–78об. Отпуск грамоты не имеет точной даты, указан лишь месяц — сентябрь.

⁶³ Там же. Л. 79–82об.

⁶⁴ Там же. Л. 88об.

на верность в соответствии с данным царским посланцам «образцовым письмом»⁶⁵.

Бердяев и Савин отправились в путь 6 октября вместе с миссией Щербиновского и прибыли в Батурин 24 октября. В тот же день дворянина и подьячего принял Самойлович, прислав для их встречи канцеляриста В.Л. Кочубея с коляской. После приема и торжественного вручения гетману царской грамоты, московские дипломаты отобедали у него с делегацией сечевиков. Самойлович

[3]а обедом запорожских посланцов обнадеживал великого государя милостью, чтоб Низовое Войско Запорожское были во всем надежды на милость великого государя и ни на какие прелести и на лстивые присылки, как было при Иване Серке, не склонялись и иного б государя себе, oprичь христианского государя — его царского величества, — не искали.

Как бы в подтверждение своих речей в ходе пира «про здоровье великого государя велел гетман стрелять из всего пушечного большого наряду и стреляли дважды». 27 октября Самойлович отпустил Бердяева, Савина и запорожцев в Сечь в сопровождении своего представителя — гарматного есаула⁶⁶ Степана Соломахи. Половина членов посольства Щербиновского, включая войскового писаря Быхоцкого, остались в Малой России, а остальные 25 человек провожали Бердяева и Савина до Сечи. Эти казаки, судя по всему, также хотели остаться зимовать «в городех», однако Самойлович уговорил их ехать с царскими посланцами, чтобы они, «проводя великого государя казну

⁶⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 82об.–88. Текст присяги был следующий: «Я, Низовое Войска Запорожского кошевой атаман Иван Стегайло, и старшина обещались Господу Богу пред святым сим Евангелием на том, что служить нам великому государю нашему, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя, и Белья Росии самодержцу и его государским наследником верно, и против всякого его государского неприятеля стоять и прежних противных поступков, что чинили для бывшего кошевого атамана Ивана Серка не чинить, и никаким плевосеятельным речам, хто учнет чинити на ссору междо Войском Запорожским, не принимати и не верити. Также и салтана турецкого и хана крымского, и на иных никакие прелести и на лстивые их присылки, как было пред тем, не склонятца и никаким прелестным писмам не верить, и над неприятели Креста Святого над турскими и крымскими людьми и над их городами воинской промысл чинить» (Там же. Л. 87–87об.).

⁶⁶ Гарматный есаул — артиллерийская должность в городовом Войске Запорожском. Осуществлял общее руководство артиллерией и надзор за артиллерийским полком.

на Запорожье, и войску государским жалованьем похвалились». После этого гетман разрешил им вернуться в города, обещая «для зимовья становище дать». 12 ноября⁶⁷, «не доезжая до Сечи», Бердяев и Савин послали к кошевому и старшине объявить о своем прибытии. Получив эту весть, И. Я. Стягаило «и старшина, и все посполство, вышли навстречу из города пеши с ружьем, а кошевой и старшина стояли без шапок». Царские посланцы и Соломаха, подъехав ближе, за десять сажен спешились и пошли к ним. В момент встречи раздался приветственный салют: «казаки стреляли из всего мелкова ружья и ис пушек».

13 ноября состоялась рада с участием московских посланцев и Соломахи. Бердяев обратился к казакам с речью «по наказу» о милостивом принятии посольства Щербиновского в Москве и прощении запорожцев, а затем в подробностях объявил состав привезенного царского жалованья, призвал казаков сохранять верность православному монарху, подтвердив это присягой на Евангелии. Стягаило, выслушав Бердяева, спросил своих подопечных: готовы ли они присягнуть? Войско в ответ зашумело, и «многие казаки говорили, для чего им присягать, а они де великому государю не изменяли и изменять не хотят». Недовольство вызвали недостаточные, на их взгляд, размеры жалованья: «а великого государя жалованья, сукон, прислано к ним мало, поделитца войску не чем не будет на человека и по пол аршину». Запорожцы завидовали казакам Войска Донского, которым будто бы посылают из Москвы «денег и сукон и хлебных запасов много, и донские де казаки тем ево государевым жалованьем издовольны, а они де против донских казаков оскорблены, и говорили в раде шумно».

Бердяев и Савин в ответ продолжили настаивать на присяге, предлагая недовольным написать великому государю о всех своих пожеланиях. В дело вступил Соломаха, пообещавший сечевикам от имени Самойловича, что за верную службу царю гетман будет регулярно отправлять «к ним на войско <...> хлебных запасов» и денежное жалованье из тех сумм, «которые збираютца с оренды» (то есть с откупов). Он предложил избрать «добрых и знающих людей» и послать к гетману, чтоб «о том посоветовать, сколько в год хлебных запасов надобно».

⁶⁷ В статейном списке ошибочно указано 15 ноября.

Стягаило стал агитировать за присягу, заявив, что «как они, войско, похотят или не похотят великому государю в верной своей службе веру учинить, толко он, кошевой, перед святым Евангелием обещание учинит». Он обратил внимание собравшихся, что в предыдущие годы из-за «недружбы» Серко и Самойловича «войску было недобро», поскольку «великого государя жалованья и от гетмана <...> хлебных запасов не было к ним многие годы» (на самом деле — два с лишним года). Однако запорожцы не слушали и «кошевому и старшине говорили невежливо, есть де им за что веру учинить, что прислано к ним старшим государево жалованье великое». Раздавались обвинения в адрес Щербиновского и его товарищей (они, кстати, предусмотрительно на раду не явились), которые якобы просили в Москве жалованье только атаману и старшине, а не всему войску. Страсти накалялись, и казаки на Бердяева и Савина «кричали <...> с великим шумом».

Желая подействовать на толпу личным примером, кошевой и старшина направились напрямиком в церковь присягать. Однако тут проявил активность новый сечевой писарь Петр Гук. Как позднее объяснили царским посланцам Стягаило с судьей и есаулом, Быхоцкий задолго до отправки в Москву Щербиновского «писарство свое здал, а был в тое пору писарем он, Петр Гук, а Петра де Быхоцкого по ево челобитью придали они к посланцом своим для писма». Стоит отметить, что Быхоцкий в грамотах кошевого гетману об отправке посольства не назван бывшим писарем и, возможно, Стягаило и сечевая старшина умышленно скрыли этот факт, чтобы повысить шансы получения им богатого царского жалованья в столице. Да и вообще, не была ли вся сцена с демонстративными попытками кошевого и старшины идти в церковь и противодействие этому со стороны войскового писаря и, должно быть, каких-то не упомянутых его сторонников разыграна специально для русских посланцев? Так или иначе, Гук заставил Стягаило выйти «из церкви в курень». Бердяев послал к кошевому Савина, требуя принести присягу, но тот изображал нерешительность, заявив, что «ево до того не допустит писарь, и в войску мутит за то, что не прислано к нему великого государя жалованья». Сам Гук заявил Савину, что решение о присяге отложено до следующей рады, которая должна состояться в другой день. Чуть позже он прямо высказывал царским посланцем свою обиду, что «не взыскан великого государя жалованьем». В результате, как

записано в их статейном списке, «того числа за великим упорством присяги не было».

14 ноября «после заутрени» сечевая рада собралась вновь. П. Гук, видимо после неофициальных обещаний Бердяева и Савина, не отраженных в статейном списке, изменил позицию. Он уговаривал принести присягу запорожцев, по-прежнему шумевших из-за малого количества присланного сукна. Наконец, казаки утихомирились и согласились.

И с той рады, — записано в статейном списке, — кошевой атаман и судья, и ясаул, и писарь, и куренные атаманы, и посполство вышли в церковь и пред Святым Евангелием впредь на верную свою службу обещание учинили, а крестоприводное письмо пред Евангелием кошевому и всему посполству по наказу чел подъячей Михайло Савин.

После присяги «кошевой атаман и все посполство за многолетнее здравие великого государя молебствовали».

Только после «веры и молебного пения» Бердяев и Савин приступили к раздаче жалованья. Позднее Соломаха в присутствии только московских дипломатов вручил кошевому гетманский подарок — «саблю оправную с чернью, позолочена, турского дела». Миссия была выполнена, Бердяев, Савин и Соломаха собирались в обратный путь. На прощанье Стягайло обещал им:

Естли де впредь к нему <...> будут о каких делех писать салтан турской и король полской, и хан крымской, или ково будут присылать, и он, кошевой, конечно к гетману Ивану Самойловичю о всем о том будет писать и те писма присылать, а без гетманского ведома ни о каких делех писать и пересылки чинити ни с кем не будет.

14 ноября царские посланцы и гетманский представитель выехали из Сечи, прибыв в Батурин 23 ноября⁶⁸.

Вместе с ними в гетманскую столицу приехали представители Низового войска — три куренных атамана («знатное товариство»): Лукьян, атаман Поповского куреня, Павел — Кушунского куреня, Сулима — Кисляковского. Они доставили Самойловичу две грамоты кошевого от 15 ноября. Стягайло сообщил, что войско «радосно» приняло царское жалование и принесло требуемую от него присягу

⁶⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 103–110.

на верность. Называя гетмана «чадолюбивым отцом», кошевой благодарил его за ходатайство о нуждах Запорожской Сечи перед царским престолом, желая Самойловичу

[Д]обраго здоровья на всяком месте и на всякой час и во всяком деле богоугодном счастливаго поведения, на вся враги видимые и невидимыя победы, многолетнего жития, безсмертныя на земли славы, а в царствии небеснем живота вечного.

Подобный льстивый тон был избран неспроста. Далее Стягайло деликатно излагал проблему недостаточного количества царского жалованья. Казаки даже специально не стали делить его на глазах Бердяева и Савина, что бы те не увидели, сколько на самом деле придется на каждого казака. С целью раздела присланного из Москвы сукна писарь П. Гук «переписал по куреням все войско», и в результате проведенных подсчетов вышло «ис полтораста половинок на всякого казака по полу локтя». Ссылаясь на заявление Бердяева, что казаки могут бить челом царю о своих нуждах повторно, кошевой заявил Самойловичу, что войско решило не посылать своих послов с этими просьбами в Москву, а вновь избрать своим ходатаем гетмана. Соответственно, Стягайло просил об увеличении жалования, чтобы запорожцы «не имели ни в чем нужды, как и Войско Донское». Помимо жалования, кошевой просил Самойловича добиться посылки царского войска для уничтожения турецких крепостей в низовьях Днепра, которые, по признанию Стягайло, «нам суть великою помешкою». Непосредственно к гетману была обращена просьба командировать весной в Сечь мастера для литья пушек («а что было у нас добрых пушек, те все попортились») либо забрать оттуда пушечную медь и прислать уже готовые орудия⁶⁹.

Гетман принял запорожское посольство еще до аудиенции Бердяеву и Савину, которым позднее рассказал, что кошевой, отвечая на предложение Соломахи, прислал к нему «от всего войска посланцов бить челом ему, гетману, о хлебе и о денгах, чем бы им на Коше в год было прожить». Гетман, по его словам, заявил представителям Сечи, что если они

[В]предь будут великому государю служить верно и жить постоянно, и ни на какие прелести не будут склоняйтца, и он, гетман, обещает

⁶⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 96об.–99.

к ним присылать на Кош на всякой год хлебных запасов нескучно, чем им войску в год мочно прожить, и денег будет посылать ис тех, которые збираютца с оренды по чему доведетца.

Самойлович также просил Бердяева и Савина передать его ходатайство об увеличении царского жалованья запорожцам в Москву, а кроме того — отдельно пожаловать писаря Петра Гука⁷⁰.

В Москву Бердяев и Савин вернулись около 12 декабря, доставив грамоты гетмана⁷¹ и кошевого. Последний, конечно же, несколько лукавил, когда писал Самойловичу, что войско избрало его единственным ходатаем и посредником в отношениях с царем. Хотя куренные атаманы со своим ходатайством действительно дальше Батурина не поехали, это не помешало Стягаило изложить свои просьбы во врученной Бердяеву и Савину грамоте на имя царя Федора Алексеевича. Благодаря самодержца за присланное жалованье⁷², сообщая о принятой присяге, обещая верно служить и т.д.⁷³, запорожцы, подлаживаясь под традиционную форму московской челобитной, писали:

Великий государь, царь и великий князь Федор Алексеевич, пожалуй нас, подданных своих царских, своим жалованьем, сукнами, денгами и хлебными запасами, порохом и свинцом, чтоб мы, Войско Запорожское, служа тебе, великому государю, в нуждах наших скудости не имели, как и на Дону Донское Войско ничем не скудно.

Просили сечевые казаки напрямую и о военной помощи — прислать по весне отряд ратных людей и калмыков, чтобы уничтожить турецкие крепости на Нижнем Днепре⁷⁴.

⁷⁰ Там же. Л. 110–110об.

⁷¹ В гетманской грамоте царю от 29 ноября излагались результаты посольства Бердяева и Савина, описание приема миссии трех атаманов и ходатайство Самойловича о нуждах Сечи (Там же. Л. 94–96об.).

⁷² При этом ехидные запорожцы, дотошно перечисляя все, что прислано от царя в Сечь, не удержались от дополнения в скобках: «А писарю нашему войсковому ваше царское величество и на шапку одного соболя не пожаловал» (Там же. Л. 101об.).

⁷³ «Единокунно от вышняго в Троице славимого Бога вашему царскому величеству на высоких преславных великих ваших государских российского царствия и вашему царскому пресветлому величеству счастливого и долгоденственного государствия на враги Креста Христова и церкви святой восточной усердно имети желаем, и вере нашей православной над босурманы победы и одоления по верной нашей службе желаем», — писали запорожцы царю (Там же. Л. 101).

⁷⁴ Там же. Л. 100об.–102об.

События в Сечи в октябре — ноябре 1680 г.

Пока продолжались переговоры Сечи с Батуриным и Москвой, военные события в Запорожье шли своим чередом. Турки и татары после масштабных фортификационных работ 1679 г. серьезной активности не проявляли, однако запорожцы, несмотря на наступление осени и русско-крымские мирные переговоры в Крыму, не исключали их нападения на Сечь. 6 октября 1680 г. И.Я. Стягайло писал В. Ф. Перхурову о крымских планах совершить набег на Левобережную Украину, о которых сообщал выходец из крымской неволи⁷⁵. В конце письма была приписка, показывавшая причину беспокойства Стягайло: «А что преж сего писали в листу нашем, что орды на Каланчаку стоят, то ж и ныне на Каланчаку стоят». Впрочем, наблюдались и более наглядные признаки того, что вооруженная конфронтация в регионе не остановилась. Некоторое время назад сечевые казаки основали в низовьях Днепра, выше турецких крепостей, полевое укрепление (Суносаковская сторожа) с земляными валами, которое османы попытались ликвидировать:

[О]ктября 1-го числа от городков паша турецкой приходил водою судном великим, а орды полем к стороже приходили Суносаковской добывать и добывали всю ночь, однако ж хотя гранаты метали на товарство наше, но теми гранатами ограды их не вредило, а то все учинилось молитвами пресвятыя Богородицы и счастием его царского величества.

Турки и татары, как писал Стягайло, «утехи себе никакой не получили, но в малом времени в городки возвратились»⁷⁶.

В конце октября — начале ноября запорожцы, вероятно поняв, что крупных акций со стороны турок и татар в ближайшее время не ожидается, сами предприняли ряд действий в отношении противника. В конце октября они ходили к турецким крепостям на Днепре, чтобы отогнать пасшиеся на речных островах и лугах конские стада, но не обнаружили табуны в тех местах, куда они обычно выгонялись. Кошевой предполагал, что коней отогнали в Крым «знатно для походу». Он говорил Бердяеву и Савину, что получил «ведомость»

⁷⁵ Кочегаров 2025: 25–26.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 28. Л. 19–20.

о намерении хана Мурад-Гирея ударить «всею ордою великого государя на украинные города Муравским шляхом», а часть войск во главе со своим сыном послать по правому берегу Днепра на Киев⁷⁷.

В первой половине ноября Стягайло послал 14 казаков «о дву конь» во главе с Федором Шепелем под турецкие крепости для захвата языка, однако отряд попал в засаду превосходящих сил крымских татар (300 человек). Шепель и его спутники не поддались, отступая под натиском татар «отводом и бились с ними из-за лошадей». После того, как все лошади были убиты, казаки укрепились в поле и продолжили сопротивление. Татары «приступали к ним в крепях три дни», потеряв более 30 человек убитыми и множество ранеными. В итоге командовавший отрядом мурза «погнал всех татар на приступ пеших, и на том приступе того мурзу убили, и татаровя де, взяв мурзу и татар побитых привязав на вьюки, поворотились назад в Крым». Кошевой полагал, что погибший мурза «с ордою шол к Юраску Хмельницкому, потому что было с ними со вьюками лошадей со сто». Казаки Шепеля тоже серьезно пострадали: «в Сечю пришли переранены, толко осталось целых три человека»⁷⁸. Нельзя исключать, что описанный героизм Шепеля и его казаков был значительно гиперболизирован кошевым, изложившим эту историю Бердяеву и Савину, однако сама стычка вполне могла иметь место.

После неудачной вылазки Шепеля новая конная ватага запорожцев во главе с Матвеем Цесарским и Филоном Лихопоем (будущий кошевой атаман) направилась в низовья Днепра для поиска и захвата языков вскоре после отъезда из Сечи Бердяева и Савина. В нижнеднепровских степях, «на крымской стороне в Кучюгурах в самой Стрелице к устью Черного моря против Очакова близ дороги из Белогорода в Крым» запорожцы «сошлись» с казацким отрядом из городов Полтавского полка во главе с Романом Папугой (был выбран «старшим» объединенного отряда) и Иваном Горуном, который был послан туда по гетманскому приказу (так, во всяком случае, заявлял Самойлович в своей грамоте царю). Через несколько дней пришли вести о движении из Белгородской (Буджакской) орды в Крым ханского сына с отрядом, насчитывавшим несколько сотен человек, однако казаки, «малую силу имея, не посмели на него ударить» (всего их было около 50

⁷⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 109.

⁷⁸ Там же. Л. 109–109об.

человек). Наконец, «на шляху, при Стрелице сущим» они обнаружили небольшой татарский отряд (42 человек по данным Самойловича и 37 человек по свидетельству самих татар) во главе с мурзой Арсланом, который двигался из Крыма в Белгородскую орду, напали на него и разгромили. Мурза сумел уйти от погони с частью татар, пятеро попали в плен к казакам (один пленник «зело был ранен», поэтому недалеко от Сечи казаки «срубили» его), остальные были убиты. С языками отряд вернулся в Сечь 22 ноября. Двое из них «нерадением» Папуги, который плохо следил за пленными, «в ночи ис куреня <...> с Коша ушли». Оставшихся двух пленников запорожцы отвезли гетману. В письме кошевого 25 ноября, доставленном ими Самойловичу, подчеркивалось, что захват языков — явное свидетельство «давней службы» запорожцев царю. В Батурином прибыли все казаки, участвовавшие в набеге, в расчете на царское и гетманское жалованье, но Самойлович, допросив пленных, разрешил выехать с ними в Москву лишь шестерым, включая Лихопоя, Цесарского, Папугу и Горуну⁷⁹.

Учитывая недавние частые контакты запорожцев с Речью Посполитой и активизацию их сношений с Москвой и Батуриным, для крымского хана и его окружения Сечь могла стать важным источником разведанных, в том числе о русско-польских связях. Все это имело большое значение в условиях шедших русско-крымских переговоров, на которых вопрос о Запорожье играл для сторон важную роль. Пленный белгородский татарин (ногаец) Здион-Али, доставленный гетманскими казаками в Батурином 19 октября 1680 г., сообщил, что был послан ханским сыном Альп-Гиреем «из Белгородчины» (Буджака) в составе отряда из 72 человек во главе с Баерос-агой к Запорожью «для добычи языка казацкого». С помощью языка ханский сын надеялся получить достоверную информацию о том, «в каком приютстве царское величество московской с королем полским пребывают». Татары не доверяли полякам, и им нужны были сведения именно от сечевого казака, потому «что конечно запорожцы часто к царскому величеству и х королю полскому чрез посланцов своих отзываютца с послушанием, и у них, запорожцов, от тех обоих монархов посолства бывают; могут они, запорожцы, ведать, подлинной или не подлинной меж теми монархи мир». Захваченного языка Альп-Гирей должен

⁷⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Оп. 1. Д. 83. Ч. 1. Л. 33–37 (письмо Самойловича от 9 декабря), 38–41 (письмо Стягаило).

был отправить как важного информатора к султанскому двору. Однако «ватагу» ханского сына постигла неудача. Простояв в засаде близ Сечи немалое время, буджакские ногайцы не смогли захватить языка, двинулась вверх по Днепру к Чигирину, но по пути, в верховьях р. Цибульник, были разбиты отрядом конных наемных казаков (компанейцев) гетмана Самойловича и казаков из Кременчуга⁸⁰.

1680 г. завершился для Сечи без крупных военных событий, и многие казаки по сложившейся традиции должны были разъезжаться в города Левобережной Украины на зимовку. Общий кризис военно-политического положения Низового войска усиливался неопределенностью его судьбы на завершающем этапе русско-крымско-османского конфликта. В этих условиях большим плюсом для запорожцев стало потепление отношений с Москвой, выражением чего стала доставка в Сечь царского жалования. Тем более что надежда получить к нему прибавку оставалась вполне реальной.

Отправка дополнительного жалования запорожцам с подьячим С. Часовниковым

Тотчас по возвращении в Москву дворянина Бердяева и подьячего Савина в Малороссийском приказе закипела бюрократическая работа. Готовился обширный доклад о прибавке жалования запорожцам: поднимались данные о предыдущих выплатах им — как регулярных, так и экстраординарных (пожалование И. Д. Серко и Низового войска за выдачу лжецаревича Симеона в 1674 г., за поход в Крым с В. Ф. Перхуровым в 1676 г.), делались выписки из грамот гетмана и кошевого, статейного списка Бердяева и других документов. Уже 14 декабря, спустя два дня после приезда московских посланцев из Сечи, доклад был представлен правительству. В результате вышел царский указ с боярским приговором об отправке дополнительно 50 «половинок» сукна и денежного жалования сечевому писарю П. Гуку («против прежней дачи, что дано Петру Быхоцкому, опричь приказной дачи») к гетману Самойловичу, которые тот, в свою очередь, должен был переправить в Сечь самостоятельно⁸¹. В тот же день были разосланы памяти в приказы о сборе жалования. Его

⁸⁰ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 28. Л. 10, 12.

⁸¹ Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 110об.–115.

комплектование продолжалось до самого конца декабря. Доставка была вверена подъячему Малороссийского приказа Степану Часовникову⁸². Ему вручили грамоты, адресованные гетману и кошевому атаману и датированные 29 декабря 1680 г. Самойлович должен был принять дополнительное жалование Низовому войску и писарю и затем отправить в Сечь «по своему разсмотрению». В грамоте запорожцам содержалось такое повеление:

[И] вы б, кошевой атаман и все Войско Низовое, то наше царского величества жалование приняли, и видя такую нашу царского величества превысокую к себе милость и жалование, паметовали и впредь нам, великому государю, нашему царскому величеству, по своему обещанию служили верно и против неприятелей Креста Святого стояли крепко и мужественно, и сообщения с ними никакова не чинили⁸³.

Часовников прибыл в Батури 9 января, передал жалование Самойловичу, а тот спустя два дня отпустил подъячего обратно. В ответном послании 11 января 1681 г. гетман, благодаря царя Федора за милость, в то же время констатировал, что сейчас отправлять дополнительное жалование в Сечь нельзя, поскольку

[О] неприятельских злых замыслех без престани таковы вести есть, что они, враги бусурманы, под малоросийские города войною приходят хотят, да и ныне частые их поганские загоны для добычи по розным местам по Днепру являютца.

Он обещал переслать жалование запорожцам «ближе к весне, когда неприятельского не будет их нашествия и когда уже загоны их

⁸² РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 115об.–117. П. Гуку полагался «вершок бархату» на шапку, пять аршинов «сукна багрецового», 10 аршинов атласа, пара соболей по цене 7 руб. каждая и сорок соболей стоимостью 50 руб. Из-за последнего в сборе жалования вышла заминка: сорока соболей по 50 руб. Сибирском приказе не оказалось. Тогда 27 декабря новый глава Посольского и Малороссийского приказов боярин В. С. Волынский (ум. 1682) распорядился послать туда новую память с распоряжением, что если «в Сибирском приказе сорока соболей в пятьдесят рублей по оценке нет, и вместо того послать сорок соболей в пятьдесят в два или в три или в четыре или в пять рублей». В грамотах гетману и кошевому следовало, однако, оценить сорок в 50 руб., чтобы реальная, более высокая цена меха не стала прецедентом в дальнейших пожалованиях представителям запорожской старшины: «чтоб впредь та дача была не в образец и на пример впредь в выписках тех пяти рублей не выписывать» (Там же. Л. 116об.–118об.).

⁸³ Там же. Л. 119–124. Проезжая грамота Часовникову также датирована 29 декабря (Там же. Л. 124–125).

перестанут». С этой грамотой Часовников вернулся в Москву 21 января⁸⁴. Задерживая жалование, Самойлович, судя по всему, намеревался использовать его как козырь в отношениях с Сечью, добиваясь большей покладистости низовой вольницы.

Заключение

13 сентября 1680 г., когда посольство Г. Щербиновского подъезжало к Москве, в Батурином к гетману прибыли русские посланники стольник В.М. Тяпкин и дьяк Н.М. Зотов, направлявшиеся на мирные переговоры в Бахчисарай. Они провели с И. Самойловичем подробные консультации относительно условий будущего русско-крымско-османского договора. Вопрос о будущем Запорожья и запорожцев на них не поднимался, но нашел свое место в грамоте гетмана, которая по итогам переговоров была вручена Тяпкину и отослана последним в Москву. По убеждению Самойловича, царским дипломатам следовало добиваться от крымского хана предоставления гарантий запорожцам и «городовым промышленным людям» из Малороссии, осуществлявшим хозяйственную деятельность в пограничье, чтобы они «в житии своем, также и в рыбной и звериной ловле по полям обоих сторон Днепра, и по речкам, и по самому Днепру даже до устья Черного моря в брании соли» имели «безопасство и волность вместе с кодачаны» (жителями Кодака. — *К.К.*). Гетман напоминал, что передавал это требование царскому правительству через приезжавшего к нему летом 1680 г. стольника М.Н. Головина⁸⁵.

Стремление Москвы и Батурина защитить интересы Запорожья как территории, опосредованно подчиненной гетману и верховной власти русского царя, было весьма непростой задачей, учитывая, что Крым и Турция также выдвигали вполне осязаемые претензии на установление контроля над Нижнем Поднепровьем. Этому были посвящены все военные усилия турок и татар после взятия Чигирина в 1678 г. Смерть Серко, военно-организационный кризис Сечи, продолжение ее вооруженной конфронтации с османо-крымскими силами (основание Суносаковской сторожи и попытка противника ее

⁸⁴ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 5–7.

⁸⁵ Там же. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 13. Л. 58, 63. Грамота датирована 23 сентября 1683 г. В Москву ее доставил сопровождавший Тяпкина подьячий Никифор Венюков.

ликвидировать) — все это создавало предпосылки для восстановления влияния царской и гетманской власти на Запорожье, которое несколько ослабло в конце 1670-х годов. К 1680 г. планы московского правительства и гетмана совпали с чаяниями самих низовых казаков. Однако наметившееся сближение Сечи, Москвы и Батурина было весьма хрупким и должно было быть закреплено удачными для русской стороны итогами русско-крымско-османских мирных переговоров, в ходе которых Бахчисарай и особенно Стамбул вовсе не собирались отказываться от своих претензий.

Список сокращений

РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва

Литература

- Апанович 1961 — *Апанович О.М.* Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії. 50–70-і роки XVII ст. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1961. 298 с.
- Костомаров 1882 — *Костомаров Н.И.* Руина: Историческая монография 1663–1687 гг. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича // *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. М.; СПб.: издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. Т. 15. 696 + X с.
- Кочегаров 2019 — *Кочегаров К.А.* Запорожская Сечь и государства Восточной Европы в последние годы жизни кошевого атамана Ивана Серко // *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М.: Квадрига, 2019. С. 54–127.
- Кочегаров 2025 — *Кочегаров К.А.* Последние дни Юрия Хмельницкого (осень 1680 — весна 1681 г.) // *Славянский альманах.* 2025. № 1–2. С. 12–46. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.01.
- Соловьев 1991 — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 13–14 // *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 7. М.: Мысль, 1991. 704 с.
- Станіславський 2004 — *Станіславський В.В.* Запорозька Січ та Річ Посполита. 1686–1699. Київ: Інститут історії України НАН України, 2004. 357 с.
- Станіславський 2006 — *Станіславський В.В.* Запорозька Січ у другій половині XVII — на початку XVIII ст. // *Історія українського козацтва: Нариси: У 2 т. / редкол.: В. А. Смолій (відп. ред.) та ін.* Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. Т. 1. С. 558–586.
- Эварницкий 1894 — *Эварницкий Д.И.* Иван Дмитриевич Сирко, славный кошевой атаман Войска Запорожского низовых казаков. СПб.: типография И. Н. Скороходова, 1894. 164 с.

- Эварницкий 1895 — *Эварницкий Д.И.* История запорожских козаков. СПб.: типография И.Н Скороходова, 1895. Т. 2. 624 с.
- Яфарова 2024 — *Яфарова М.Р.* Русско-османское противостояние в 1672–1681 годов. М.: Наука, 2024. 583 с.

References

- Evarnitskii, D.I., 1894. *Ivan Dmitrijevich Sirko, slavnii koshevoi ataman Voiska Zaporozhskogo nizovykh kazakov* [Ivan Dmitrijevich Sirko, the glorious *koshevoi ataman* of the Zaporozhian Host of the Low Dnepr]. St. Petersburg: tipografiia I.N. Skorokhodova, 164 p. (in Rus.)
- Evarnitskii, D.I., 1895. *Istoriia zaporozhskikh kozakov* [History of Zaporozhian Cossacks], 2. St. Petersburg, Tipografiia I.N. Skorokhodova, 624 p. (in Rus.)
- Iafarova, M.R., 2024. *Russko-osmanskoje protivostoianije v 1677–1681 godov* [Russo-Ottoman struggle in 1677–1681]. Moscow: Nauka, 583 p. (in Rus.)
- Kochegarov, K.A., 2019. Zaporozhskaia Sech' i gosudarstva Vostochnoi Jevropy v poslednije gody zhizni koshevogo atamana Ivana Serko [The Zaporozhian Sech and Eastern-European states in last years of koshevoj ataman Ivan Serko]. In: Kochegarov, K.A., *Ukraina i Rossiia vo vtoroi polovine XVII veka: politika, diplomatiia, kul'tura. Oчерki* [Ukraine and Russia in the second half of the seventeenth century: policy, diplomacy, culture. Essays]. Moscow: Kvadriga, pp. 54–127. (in Rus.)
- Kochegarov, K.A., 2025. Poslednije dni Iurii Khmel'nitskogo (osen' 1680 — vesna 1681 g.) [The last days of Yurii Kchmelnitsky (from the autumn of 1680 to the spring 1681)]. *Slavianskii al'manakh*, 1–2, pp. 12–46. doi: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.01. (in Rus.)
- Kostomarov, N.I., 1882. *Istoricheskije monografii i issledovaniia* [Historical monographs and studies], 15, Ruina. Istoricheskaiia monografiia. 1663–1687. Getmanstva Brukhovetskogo, Mnogogreshnogo i Samoilovicha [The Ruin. Historical monograph. 1663–1687. The hetman's rule of Brukhovetsky, Mnogogreshny and Samoilovich]. Moscow; St. Petersburg: Izdaniie knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa, 696 + X p. (in Rus.)
- Solov'jev, S.M., 1991. Sochineniia [Works], book 7, *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia since old times], 13–14. Moscow: Mysl', 704 p. (in Rus.)
- Stanislav's'kyi, V.V., 2006. Zaporoz'ka Sich u druhiu polovyni 17 — na pochatku 18 st. [The Zaporozhian Sech from the second half of the seventeenth to the early eighteenth centuries] In: Smolii, V.A., et al., eds. *Istoriia ukrains'koho kozatstva: Narysy: U 2 t.* [History of Ukrainian Cossacks. Essays. In 2 vol.]. Kyiv: Vyd. dim "Kyievo-Mohylians'ka akademiia", 1, pp. 558–586. (in Ukr.)
- Stanislav's'kyi, V.V., 2004. *Zaporoz'ka Sich ta Rich Pospolyta. 1686–1699* [The Zaporozhian Sech and the Polish-Lithuanian Commonwealth. 1686–1699]. Kyiv: Instytut istorii Ukraïny NAN Ukraïny, 357 p. (in Ukr.)

Kirill A. Kochegarov

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt 32A.
E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

Zaporozhian Sech in the Second Half of 1680: From the Death of Koshevoi Ataman Ivan Serko to the Treaty of Bakhchysarai of 1681

The military and political position of the Zaporozhian Sech — the centre of lands which were controlled and exploited by the local Cossack community on the Low Dnepr — in the second half of the 1670s still remains unstudied despite the fact that this period played a key-role in the history of the Zaporozhian Cossacks. Three powers of Eastern Europe — the Polish-Lithuanian Commonwealth, Russia and the Ottoman Empire — had been clashing over the protection of Sech at the time. While Poland was keeping personal ties with Koshevoy Ataman Ivan Serko and the Ottoman Empire and its vassal state, the Crimean Khanate was building fortresses on the Low Dnepr that completely blocked the entry to the Black Sea for the Cossacks' boats, so the relationship between the Russian government and Ukrainian Hetman Ivan Samoylovich, protected by Moscow, was impaired. The main reason for that was the independence policy of Ivan Serko, who kept relations with Poland and Crimea and hated Samoylovich. His death opened some new possibilities for the Sech to stabilise its relations with the Tsar and the Hetman under conditions of limited military potential due to new Ottoman fortifications. Zaporozhian Cossacks sent envoys to Moscow, who were received with generosity and friendliness. Using an aspiration of the Sech to rebuild relations and to get the Thar's *zhalovanje* (emolument), the Russian government and Hetman Samoylovich tried to strengthen their control over the Sech by forcing Zaporozhian Cossacks to take an oath of allegiance. It was a very important task on the eve of the final stage of the Russian-Crimean peaceful negotiations in Bakhchysarai.

Keywords: Russian-Ukrainian relationships, the Crimean Khanate, the Ottoman Empire, Russia, Hetman Ivan Samoylovich

Received: 1 July 2025

Accepted: 31 July 2025

How to cite: Kochegarov, K.A., 2025. Zaporozhskaia Sech' vo vtoroi polovine 1680 g.: ot smerti koshevogo atamana Ivana Serko do Bakhchisaraiskogo mira 1681 g. // Central-European Studies, 8, pp. 117–160. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.5>

Сильвестер Тердик

PhD, научный сотрудник, заведующий отделом церковного искусства, Свято-Афанасьевский грекокатолический теологический институт, Ниредьхаза, Венгрия. Bethlen G. u. 13–19, Nyíregyháza, 4400. E-mail: terdik.szilveszter76@gmail.com

Роль паломничества в даровании селу Мариапоч привилегии города

В ноябре 1686 г. прихожане грекокатолической деревянной церкви в селе Поч на северо-востоке Венгрии заметили мироточение от иконы Божьей Матери. Весть о чуде быстро распространилась, и в следующем году по воле императора-короля Леопольда I икона была перевезена в Вену (она по сей день находится в соборе Св. Стефана). Несмотря на это Поч (ныне Мариапоч) стал местом паломничества, более того, копия иконы, присланная сюда около 1707 г., также замироточила летом 1715 г. В 1731–1757 гг. на месте деревянной церкви была построена просторная каменная паломническая церковь в стиле барокко; в 1749 г. Мукачевский грекокатолический епископ основал монастырь и поручил заботу о святыне монахам ордена Св. Василия Великого. Начиная с 1720-х годов папы римские издавали индульгенции за паломничества, в основном связанные с праздником Девы Марии, как для римских, так и для грекокатолических верующих. Это способствовало притоку числа паломников в Мариапоч. В дни паломничеств проводились ярмарки, а в 1816 г. село получило от императора-короля Франца I привилегию рыночного города. Поскольку в окрестностях находились несколько ярмарочных центров, эта городская привилегия, очевидно, была обусловлена статусом села как центра паломничества и его экономическим потенциалом. До середины XIX в. василианский монастырь был также важным центром грекокатолического образования. Хотя Мариапоч потерял статус города в 1872 г., он вновь обрел его в 1993 г. благодаря статусу святого места и в течение многих лет был самым маленьким городом в Венгрии.

Ключевые слова: чудотворная икона, место паломничества, орден Св. Василия Великого, рыночный город, грекокатолики

Статья поступила в редакцию: 10 апреля 2025 г.
Статья принята к публикации: 2 августа 2025 г.

Цитирование: Тердик С. Роль паломничества в даровании селу Мариапоч привилегии города // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 161–195. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.6>

Город Мариапоч расположен в Северо-Восточной Венгрии, в историческом комитате Саболч на границе с комитатом Сатмар. Прежнее название поселения, имевшего статус села, — Поч — впервые упоминается в письменных источниках XIII в. В центре, окруженный кладбищем, там до сих пор стоит раннесредневековый римско-католический храм в честь Девы Марии, многие элементы которого несмотря на перестройки сохраняют первозданный вид¹. Начальные сведения о русинах-униатах в Поче относятся к 1666 г.: в период Контрреформации они хотели получить храм, ставший уже к тому времени реформатским (кальвинистским), против чего тогда успешно выступила протестантская община². Известно, что в XVII в. владельцы села, практически обезлюдевшего в ходе турецких войн, переселяли туда из своих карпатских вотчин русинские семьи, которые в середине столетия возвели деревянную церковь в честь св. Михаила Архангела. Именно там впервые в 1696 г. мироточила икона Пресвятой Богородицы, позднее, в 1715 г. слезы видели и на списке иконы. Церковные власти проверили свидетельства об этих событиях и признали оба случая мироточения достоверными чудесами. Село Поч постепенно превратилось в место паломничества общевенгерского масштаба, куда устремлялись толпы верующих христиан разных обрядов и национальностей. Ежегодное появление многочисленных паломников не могло не сказаться на развитии села. В статье пойдет речь об этих изменениях.

Вначале я кратко охарактеризую развитие сакральных институтов святого места: историю двух чудес и икон, строительство и убранство паломнического храма. Затем рассмотрю историю появления в селе и деятельность отцов-вазилиан, что сыграло решающую роль в увеличении потока паломников. Далее я отмечу открытую вазилианами школу, которая в последней четверти XVIII в. превратилась в важный культурный центр для грекокатоликов округи. Наконец, я опубликую несколько источников: первый — это упоминавшиеся в литературе лишь в самых общих чертах, но не ставшие предметом исследования папские индульгенции, которые способствовали тому, что Поч стал важным местом паломничества и для верующих католиков. Со временем в селе начали проводить регулярные ярмарки,

¹ Németh 1997: 155–156.

² Terdik 2010: 119; Terdik 2014c: 178. В конце концов, в 1767 г. римо-католики вернули себе средневековый храм. См.: Soós 1985: 462–463. О судьбе реформатской общины см.: Szabadi 1996: 43–48.

благодаря чему оно в начале XIX в. получило статус рыночного города. В конце статьи я приведу текст некоторых ранее не публиковавшихся индульгенций вместе с жалованной грамотой о присвоении статуса города.

Рождение места паломничества: первое и второе мироточение

В воскресенье 4 ноября 1696 г. в почском деревянном храме во время божественной литургии местный крестьянин Михай Эри заметил, что на иконе Богородицы, которая, собственно, была частью иконостаса, из глаз Девы Марии обильно текли слезы. Весть о неслыханном событии быстро распространилась не только по селу, но и по округе. Чудо с небольшими перерывами продолжалось до 8 декабря (впрочем, приходской священник утверждал, что только до 3 декабря, на которое по юлианскому календарю приходился канун праздника Введения Богородицы во храм). В этот день в село приехал генерал Иоганн Андреас фон Корбелли, главный капитан расквартированных в Северо-Восточной Венгрии (с центром в Кашше) императорских войск, в сопровождении толпы стоявших на постое в соседнем городе Надькалло солдат и чиновников, чтобы собственными глазами увериться в чуде. Согласно письму, написанному 1 января 1697 г. в г. Токай, икона в присутствии прихожан была снята с иконостаса и тщательно осмотрена. Не найдя следов обмана, генерал назвал чудо достоверным. Согласно свидетельствам современников, в последний день мироточения было так холодно, что к концу литургии вода и вино в чаше для причастия замерзли, но слезы по лику Марии и тогда продолжали течь. Официальное расследование назначил эгерский римско-католический епископ Дёрдь Фенешши (1687–1699 гг.), опрос свидетелей на месте 26 декабря и в последующие дни 1696 г. проводили эгерский каноник и саболчский декан Йозеф Чете и токайский приходской священник Андраш (Андрей) Дамиан. Из 36 свидетелей 14 были местными жителями, в том числе дворянами-протестантами, остальные — расквартированными в Надькалло немецкими солдатами³. Все как один

³ О расквартированных в Венгрии императорских войсках и упомянутых в протоколе о мироточении иконы капитанах см.: Zachar 1996: 29–41.

подтвердили факт мироточения, высказывалось предположение, что пропавший рушник, на который стекали слезы Богородицы, унес с собой один из солдат. Достоверность протокола 2 января 1698 г. засвидетельствовал в Кашше эгерский пробст и выборный Осорский⁴ епископ Андраш Петеш (1696–1713 гг.)⁵.

Восьмым в списке свидетелей шел 45-летний судья Ласло Чигри, который заявил, что мироточащую икону он — не ясно, по обету или у него просто возникло такое желание — 21 год назад (то есть в 1675 г.) заказал младшему брату приходского священника Даниэля Паппа — Иштвану, который написал ее за шесть форинтов. Под давлением родителей он отказался их уплатить и после этого две недели пролежал в постели тяжело больной, пока школьный учитель не напомнил ему об обещании, которое он позднее исполнил и впоследствии излечился⁶. В итоге икона, написанная по обету, оказалась в храме, предположительно ее приобрел и подарил церкви Лёринц Хурта⁷. Ее размеры 50×70 см, написана она темперой на кленовой доске. Богородица изображена по пояс, правой рукой она указывает на младенца Христа, сидящего на ее левой руке: правой рукой тот благословляет, а в левой держит ветку с тремя цветками то ли алой розы, то ли, скорее, лилии. Икона относится к типу Одигитрия. Цветок в руке Девы Марии или Христа со Средневековья известен как в восточном, так и в западном искусстве, в византийской иконографии, по-видимому, источником вдохновения стали, по-видимому, поэтические картины из Акафиста Пресвятой Богородице, в которых Мария называется «цветом нетления»⁸. Богородица облачена в красный мафорий, на лбу и плечах сияют звезды, говорящие о ее

⁴ *Епископ Осорский (Абсорский)* — викарный епископ митрополичьей архиепархии Задара.

⁵ Историю первого мироточения в более ранней литературе см.: Magyar 1996: 85–96. Протоколы расследования хранятся в библиотеке Будапештского университета имени Л. Этвеша, см.: ELTE Egyetemi Könyvtár. Hevenesi Gyűjtemény XLI. 401–414. Первое издание и перевод см.: Uriel 1907: 50–74; критическое издание латинского текста см.: Janka 1996: 138–147.

⁶ Janka 1996: 141.

⁷ Имя Лёринца Хурты отсутствует в первом следственном протоколе, история святыни известна из посвященного иконе сочинения XVIII в. на немецком языке, см.: Uriel 1907: 43–44.

⁸ Об иконографической традиции иконы, в частности о стилистических параллелях с иконами из Марамароша подробнее см.: Puskás 1996: 97–117.

вечной девственности, хитон синего цвета. Большая редкость, что шею Марии увивают две нитки бус, у Младенца же Иисуса поверх гимантия цвета охры на шее подвешен на цепочке греческий крест. Украшения, пожалуй, следует толковать как влияние западного искусства, но они также, возможно, указывают на то, что художнику были знакомы иконы, которые верующие украшали подлинными драгоценностями. Крест на шее Иисуса несет символическую нагрузку — напоминает об ожидающих Сына Божьего муках. Нимбы Богородицы и Богомладенца и рама иконы украшены рельефами. Над правым плечом богородицы по-гречески написано МР ΘΟΥ — сокращение от «Божия Матерь», а над Младенцем ІС ХС — от имени «Иисус Христос». В верхних углах изображения парят двукрылые ангелы, внизу читается текст на русском языке: **А сѣи шьразъ поставилъ рабъ Божіи <...> за ѿпущеніе грѣховъ своихъ за <...>** (или: **А сѣи шьразъ поставилъ рабъ Божіи <...> за ѿпущеніе грѣховъ своихъ за <...>**)⁹. Часть слов не читается.

Мироточащая икона недолго оставалась в Поче, 1 марта 1697 г. ее уже увезли в не столь отдаленный Калло, где поместили в римско-католический храм, но вскоре по приказу императора-короля Леопольда I (1658–1705 гг.; король Венгрии в 1655–1705 гг.) святыню увезли в Вену. По пути с нее сделали несколько списков, считается, что две — по заказу иезуитов из расположенной близ Кашши (ныне в черте города) Барцы. Речь, по-видимому, идет о двух, ныне хранимых в соборе св. Елизаветы в Кошице и храме расположенного неподалеку села Мала Веска (в XVIII в. — Шарошкишфалу)¹⁰. Через Пешт, Буду и Дёр 4 июля 1697 г. икона была доставлена в Вену, где украсила наверхние табернакля¹¹ на главном алтаре собора Св. Стефана¹². За появлением чудотворной иконы в Вене последовало создание

⁹ «А сей образ поставил раб Божий <...> за искупление грехов своих и за <...>». Автор и переводчик благодарят О. В. Трефилову за помощь в расшифровке надписи.

¹⁰ *Jordánszky E. Magyar Országban, 's az ahoz tartozó Részekben lévő boldogságos Szűz Mária kegyelem' Képeinek rövid leírása, Posony: Belpay Örökösének Betűivel, 1836. 167 old.; Barna 2014: 69.*

¹¹ *Табернакль* (от лат. *tabernaculum* — шатер) — в католических храмах сооружение для хранения Святых Даров, часто богато украшенное (резьбой, скульптурными изображениями).

¹² О транспортировке, включая анализ историографии вопроса, см.: Terdik 2001: 123–131; Földvári 2020.

Богородица Одигитрия. Первая мариапочская мироточащая икона.
Иштван Пап, 1675, Вена, собор Св. Стефана

ее многочисленных списков в Западной Европе¹³, более того, слава ее дошла до Российского государства, где ее, правда, знали не как «Почскую», а как «Венскую»¹⁴.

Во время первого случая мироточения приходской священник собрал капавшие с иконы «слезы» в шелковый рушник. Он подарил его эгерскому епископу, а тот препоручил его заботам иезуитов. В конечном счете рушник вернулся во владение эгерских епископов, которые в XIX в. поместили его в часовню Девы Марии в новом городском кафедральном соборе, где он выставлен по сей день¹⁵.

Жителей Поча взволновала «экспроприация» их иконы. И хотя оригинальная икона больше не вернулась на прежнее место, в 1698 г. в Буде представителям села с большими почестями был передан список, который повезли в Поч. До точки назначения, однако, святыня, похоже, не доехала, потому что в январском 1715 г. письме эгерского епископа Иштвана Телекешши (1699–1715 гг.) говорится, что девятью годами ранее (то есть в 1707 г.) он отправил в Поч список иконы, выполненный в Вене, но эта икона не пользовалась большим почитанием в селе, поэтому он планировал переместить ее в менее отдаленный Надькалло. Вскоре епископ умер, не осуществив задуманного¹⁶.

В четверг, 1 августа 1715 г., когда молодой священник Михаил Папп служил заутреннюю в почском деревянном храме, кантор Иван Молнар заметил мироточение на иконе, которая представляла собой первый список. Первым о чуде хотели известить проживавшего в Надькалло викария грекокатолического епископа Георгия Бизанция (1716–1733 гг.), но его не оказалось дома. Чудо повторилось на следующий день, затем 5 августа (по юлианскому календарю это было 25 июля — день св. Анны). В числе очевидцев наряду с местными жителями упоминались солдаты расквартированного в Калло гарнизона, тамошний почтмейстер и императорский комиссар Пауль Зисс. В последующие дни по поручению эгерского епископа пробст Янош Кишш, осорский титулярный епископ и каноник Антал Янош Кишш провели официальное расследование, заслушали сначала 14,

¹³ О западноевропейских списках см.: Aurenhammer 1956: 84–87; Ivancsó, Bezt, Imfeld 1996: 23–46; Terdik 2005: 49–61.

¹⁴ О почитании иконы из Поча среди православных христиан см.: Terdik 2024: 51–92.

¹⁵ *Jordánszky E. Magyar Országban.* 108–109. old.

¹⁶ Uriel 1907: 109; Puskás 1995: 169.

потом шесть свидетелей, в числе которых были и протестанты. Икону вынули из иконостаса и тщательно осмотрели. Протокол составили 25 августа 1715 г. и подкрепили свидетельскими показаниями на русинском языке местных священника и кантора¹⁷. Достоверность факта второго мироточения 19 сентября подтвердил эгерский епископ Габор Антал Эрдёди (1715–1744 гг.), в письме к Бизанцию он объявил Поч санктuariем Девы Марии¹⁸. С этого момента к названию села добавилось имя Пресвятой Богородицы.

Обустройство места паломничества: новый храм и василианский монастырь

Место первого мироточения — деревянный храм в конце XVII в. находился уже в таком плохом состоянии, что император Леопольд I в 1691 г. позволил селянину Матяшу Месарошу, который, кстати, при первом мироточении был опрошен седьмым в числе свидетелей, собрать пожертвования на строительство нового храма. В грамоте особо упоминалась победа над турками при Зенте в 1697 г., которую

¹⁷ Протоколы хранятся в Архиве эгерского епископа (Archivum Vetus 1800); описание см.: Terdik (ed.) 2020: 326. Латинский оригинал опубликован в брошюре: Vera relatio super fletu, et lachrymatione secundae sacrae Imaginis Pocsensis Beatae Mariae Virginis, Cassoviae, ex Typographia Landereriana, 1776. P. 2–34. Тогда же увидели свет немецкий и венгерский переводы. О венгерском издании см.: Terdik (szerk.) 2020: 327. Переиздание венгерского текста см.: *Lupis I.S. Mária-Pócsi Nefejefts vagis a Pócsi Boldogasszony csodatevő, könnyező képe nek hiteles története, csodái, búcsui imák és énekek füzére*. Ungvár: Szt.-Bazil-Társulat könyvny, 1899. 26–53. old.; Uriel 1907: 113–149. Новое издание брошюры с современным правописанием см.: *Igaz beszéd a második pócsi Szűz Szent Mária képe nek sírása és könnyezése felől* / szerk. K. Kállay Kotász, M. T. Bati. Budapest: Máriapócsi Bazilita Monostor, 2015. Показания приходского священника и кантора на русинском языке издал и снабдил венгерским переводом И. Удвари, см.: Удвари 1990: 15–19; Udvari 1994: 136.

¹⁸ Оригинал письма хранится в историческом архиве Мукачевской епархии, который ныне передан Государственному архиву Закарпатской области в Берегово; его авторизованную копию создали в 1775 г., заверителем выступил епархиальный канцлер Элек Илкович. Оригинальный текст и перевод письма опубликовали в 1770-е годы в брошюре, изданной в Кашше (см. сн. 17). Отдельно изданный текст на латыни хранится в архиве монастыря в Мариапоче, венгерский печатный текст помещен в рамку и повешен на стену внутри паломнического храма. Репродукции обоих писем опубликованы в: Gánicz, Legeza, Terdik 2009: 36–37. Вторая икона мироточила с 3 по 19 декабря 1905 г., каковой факт специальная комиссия Мукачевской епархии признала чудом. Ср. Adatok a Boldogságos Szűz Anya mária-pócsi kegyképe nek 1905. évi december havában történt könyezéséről. Ungvár: Unio Könyvnyomda Részv. Társaság, 1906. 55 old.

современники приписывали заступничеству почской Девы Марии. На деле из-за войн последующих лет строительство никак не продвинулось. В 1714 г. Мукачевский (Мункачский) генеральный викарый Иосиф Иван Годермарский (1707–1715 гг.) ходатайствовал перед императором, чтобы в Поче был возведен новый храм и василианский монастырь, но и эти планы так и остались на бумаге, потому что эгерский епископ предпочел бы видеть там францисканцев¹⁹.

В конце концов, строительство нового храма началось при епископе Бизанции, в чем ему помогал и эгерский архиерей. После 1718 г. Мункачского грекокатолического епископа считали ритуальным викарием эгерского римско-католического епископа (вплоть до 1771 г., когда была создана Мукачевская каноническая епархия), и по этой причине без разрешения епископа нельзя было построить новый храм. Проект паломнического храма разработал архитектор Никодим Лицкий из Кашши, торжественная закладка камня произошла 8 сентября 1731 г. После кончины епископа Бизанци в 1733 г., при его преемниках Степане Симеоне Ольшавском (1733–1738 гг.) и Гаврииле Блажовском (1738–1742 гг.) строительство храма замедлилось, и лишь с назначением в 1742 г. Мануила Ольшавского (1742–1767 гг.) работы возобновились. Из-за выборов епископа изначальные планы поменялись, но работами по-прежнему руководил Лицкий, он же подготовил новый проект²⁰. В период строительства прихожане посещали деревянный храм, а когда в октябре 1740 г. прибывший с паломничеством в Мариапоч фёйшпан (губернатор) комитата Берег Янош Сентивани (1729–1740 гг.) скончался в доме зятя, его хотели похоронить в саркофаге перед чудотворной иконой, потому что из-за угрозы чумы не могли переправить тело в Варанно²¹. В процессе строительства старый храм обнесли стенами нового храма, и когда он был готов, старый попросту разобрали. Память о старом храме сохранилась в названии, потому что новый тоже посвятили св. Михаилу Архангелу. В ходе проводившихся в 2009 г. в паломническом храме археологических раскопок не удалось найти следов деревянной постройки²². Предположительно это объясняется тем, что она стояла на месте современного алтаря, где исследования не проводились.

¹⁹ Dudás 1987: 103.

²⁰ Terdik 2008: 525–529; Terdik 2014a: 31–36.

²¹ Mészáros 2016: 75–79.

²² О результатах археологических раскопок см.: Jakab, Istvánovits 2024: 13–50.

Паломнический храм в Мариапоче

Малое освящение прошло 8 сентября 1749 г., но великое освящение состоялось только в 1756 г. О завершении строительства и строителях напоминает латинская надпись на западном портале, украшенном гербом епископа Ольшавского. Но и тогда работы не были полностью завершены: строительство башен продолжилось в следующем году²³.

На момент строительства паломнический храм уже считался самым впечатляющим грекокатолическим храмом исторического Венгерского королевства, тем более что в Мукачевской епархии было всего несколько каменных храмов. Он имеет вытянутую полукруглую алтарную часть. К северной и южной сторонам нефа примыкают боковые апсиды, а в западной части нефа есть две боковые двери, чтобы облегчить передвижение паломников. Западный фасад фланкирован двумя монументальными башнями, надстроенными в 1856–1861 гг.

²³ Terdik 2014a: 35–37, 41.

в честь столетия освящения храма на один уровень²⁴. Характерным элементом внешнего облика храма служит необычная форма крыши с изящными луковичными куполами, возвышающимися над основной и боковыми апсидами, что придает элегантности силуэту всего здания.

Внутри паломнический храм также монументален (37 м в длину, 18 — в ширину, 16 м — в высоту). Центральное место занимает деревянный иконостас, украшенный богатой, вычурной резьбой, над которой с декабря 1748 г. по август 1749 г. за 550 рейнских гульденов работал греческий резчик по дереву Константинос Талиодорос, вероятно рекомендованный епископу Ольшавскому балканскими христианами — обосновавшимися в королевстве «греческими» купцами. В 1748 г. он же вырезал иконостас, епископский трон и кафедру для грекокатолического собора в Надьвараде, а после завершения работы в Мариапоче отправился в Трансильванию, где 14 января 1750 г. подписал договор о создании еще более монументального иконостаса в отстроенном грекокатолическом епископском соборе в Балажфалве²⁵. Традиционность планировки иконостаса в Мариапоче заключалась в том, что перед четырьмя барельефами были установлены престолы, чтобы монахи-василиане могли совершать божественную литургию. Еще одна особенность — фронтон иконостаса, по центральной оси которого расположен огромный крест, венчающий иконостас по центру, с двумя резными драконами, развернутыми в противоположные стороны. Этот мотив свидетельствует о балканском происхождении резьбы²⁶.

Роспись нового иконостаса епископ Ольшавский вверил сербскому мастеру Петеру Чонгради, с которым 20 января 1752 г. заключил договор. На оборотной стороне документа зафиксировано, что работы завершились в январе 1755 г. и за них было выплачено 516 рейнских гульденов²⁷. За роспись резного иконостаса в августе 1756 г. анонимному художнику из Кашши было заплачено 925 рейнских гульденов²⁸. Цвета, в которые изначально раскрашивались рез-

²⁴ Terdik 2014a: 43–44.

²⁵ Terdik 2014a: 57–68. Новые архивные данные о резчиках из Надьварада и Балажфалвы см.: Nedici 2023: 384–386.

²⁶ Terdik 2014a: 61.

²⁷ Текст договора см.: Terdik 2020: 313.

²⁸ Terdik 2014a: 59.

ные элементы иконостаса — синий, красный и имитирующий розовый мрамор, — обнаружили в ходе реставрационных работ в 2010 г. и отчасти смогли восстановить²⁹.

В пророческом ряду, выполненном в 1896 г., под изображениями пророков обнаружились фрагментарные, но подлежащие реставрации лики, написанные Чонгради. В ходе реставрационных работ обнаружили еще две оригинальные иконы кисти жившего в конце XVIII в. неизвестного мастера³⁰. Согласно договору 1783 г., первоначально помещенные в иконостас иконы заменили на работы Михая Шпалинского — наиболее значительного художника в Мукачевской епархии второй половины XVIII ст.³¹ Первая его подписанная работа датирована 1756 г.³², начиная с 1760-х годов он регулярно получал заказы от грекокатолических епископов³³. Главной же работой художника стала роспись монументального иконостаса собора в Унгваре: 30 апреля 1778 г. он получил от епископа Андрея Бачинского (1772–1809 гг.) 500 рейнских гульденов³⁴ и к 1780 г. завершил роспись. Понятно, почему именно Шпалинскому доверили иконостас паломнического храма в Мариапоче. В 1896 г. иконы его работы демонтировали, и на сегодняшний день сохранилось только пять композиций: четыре апостола и Христос как Великий Архиерей³⁵. Мироточащую икону изначально поместили в центре храма, над царскими вратами иконостаса³⁶.

Престол из черного и розового мрамора, установленный в центре главного алтаря, был подарен храму в 1750 г. графом Палом

²⁹ Отчет о реставрационных работах см.: Szentkirályi 2012: 196–297.

³⁰ Terdik 2014a: 64–67.

³¹ За роспись иконостаса в 1783 г. он запросил 130 гульденов, см.: Puskás 2008: 187 (илл. 153); Terdik 2014a: 65–66.

³² Terdik 2014a: 99.

³³ Puskás 2008: 186–187.

³⁴ Terdik 2014a: 100–101; Terdik 2014b: 95–112.

³⁵ О пяти иконах см.: Terdik (szerk.) 2020: 233–238. Перестройка в 1896 г. проводилась под руководством художников и резчиков по дереву братьев Имре и Дюлы Шпишак, подробнее см.: Terdik 2011: 80–81, 135–137; Terdik 2023a: 165–169; Terdik 2023b: 248–250.

³⁶ На нынешнее место — в главный алтарь, созданный на месте бывшего бокового алтаря Св. Креста в северном нефе — икона была перенесена 8 сентября 1945 г., см.: «Mindnyájunk közös kincse». Források a máriapócsi kegytemplom és a bazilita rend történetéhez a 20. század első feléből / szerk. Zs. Majchricsné Ujteleki, J. Nyirán. Debrecen: Hajdúdorogi Főegyházmegye, 2019. 220–222. old. (Görög Katolikus Püspöki Levéltár Kiadványai, VIII).

Форгачем, римско-католическим епископом Надъварада, о чем свидетельствует латинская надпись на боковых сторонах престола. Свой нынешний вид алтарь обрел в 1896 г.³⁷

В двух боковых апсидах нефа были возведены боковые алтари, стоимость которых, согласно гербам над ними, в 1750-х годах оплатила вдова Жигмонда Палочаи, урожденная графиня Розалия Гершеи Петё, проживавшая в соседнем Офехерто. По замыслу епископа Ольшавского, боковой алтарь в северной апсиде должны были использовать римокатолики. Во время отпеваний здесь совершали мессы отцы-минориты из близлежащего Нирбатора. О резчиках барочных алтаря и кафедры пока ничего не известно, но на основании стилистического анализа можно предположить, что их изготовили в мастерской Йозефа Хартманна в Кашше³⁸. Богатую роспись сводов и боковых стен паломнической церкви с барочными куполами-обманками и другими архитектурными элементами в 1750-х годах выполнил живший в Кашше художник Иштван Вереш, также известный как Иштван Избеги, по гравюрам известного итальянского иезуита Андреа Поццо (1642–1709)³⁹. Под храмом устроили погребальную камеру. В 1767 г. здесь похоронили епископа Ольшавского, скончавшегося в Мункаче, а в 1757 г. здесь же упокоилась Розалия Герши Петё — при жизни щедро жертвовавшая на нужды храма. Весь храмовый ансамбль был окружен кирпичной стеной⁴⁰.

Появление василиан в Мариапоче

Мукачевские епископы давно хотели вернуть новое место паломничества духовному попечению отцов-василиан. Наконец, Михаилу Мануилу Ольшавскому в 1749 г. удалось призвать монахов,

³⁷ Балдахин конца XVIII в. и эклектичные пристройки были снесены в 1944 г., некоторые из них утрачены, см.: Terdik 2014a: 55–57.

³⁸ Историю боковых алтарей и кафедры см.: Terdik 2014a: 72–75.

³⁹ Terdik 2014a: 44–54. Настенную живопись в 1943–1945 гг. полностью зарисовали. Новые композиции создали художники Иосиф Бокшай (1891–1975) из Ужгорода и Мануил Петрашовский (1902–1976) из Шаторайяуйхей, см.: Terdik 2022.

⁴⁰ Судя по дате над главным входом, стена была построена в 1771 г. Двор за церковью расширили к востоку и заново возвели стену в 1930-е годы. Стену, окружавшую монастырь и сад, разрушили во второй половине XX в., в годы политики огосударствления. О крипте и стене см.: Jakab, Istvánovits 2024: 20–28.

которые поначалу поселились в приходской постройке к северо-востоку от храма⁴¹.

Из ранее служивших здесь священников упомяну Михаила Олшая, уроженца Ольшавицы в комитате Сепеш, жившего в 1721–1748 гг. в Мариапоче, затем переселившегося в соседний Надькалло, тогдашний центр комитата Саболич, где 5 августа 1751 г. он отошел в мир иной. Многие годы Олшай был саболичским архидиаконом, потом, при епископе Ольшавском, который также был родом из Ольшавицы, — викарием⁴². В этой должности он освятил немало новых храмов и руководил местным духовенством. До прихода в Мариапоч монахов он также отвечал за духовную помощь скорбящим.

Первый камень в фундамент нового василианского монастыря 18 мая 1749 г. заложил управляющий имениями крупнейшего землевладельца округа — графа Ференца Каройи (1705–1758) — грекокатолик Димитрий Рац (1706–1782)⁴³. К югу от храма по проекту Никодима Лицкого началось строительство одноэтажного, квадратного в плане здания монастыря с закрытым внутренним двором, соединенного с церковью сводчатой галереей. Против строительства монастыря выступали эгерский епископ и нирбаторские минориты, но в конце концов епископ Ольшавский получил дозволение Марии Терезии на строительство монастыря. Благородный жест графа Ференца Каройи обеспечил монастырю финансовую стабильность: согласно местной легенде, он — поклонившись святыне — исцелился от болезни ног. В 1757 г. граф пожертвовал василианам землю для строительства церкви и монастыря, а годом позже — все владения в Мариапоче (ок. 1000 мелких хозяйств и усадьбу)⁴⁴.

Предположительно, уже во второй половине XVII в. большинство в селе составляли русины, хотя более точные данные доступны

⁴¹ Бывшая приходская постройка отмечена на плане храма и его окрестностей, который прилагается к тексту указа епископа Ольшавского 1750 г. о василианах. Документ выставлен в экспозиции ордена Св. Василия Великого, посвященной Мариапочу. Фотография опубликована в: Puskás 1995: 8. ill.

⁴² Биографические данные см.: Marosi, Marosi 2023: 612.

⁴³ Подробнее о жизненном пути Д. Раца и его меценатской деятельности в отношении грекокатолической церкви см.: Terdik 2007.

⁴⁴ Dudás 1987: 104–105, 114; Puskás 1995: 172–176; Terdik 2007: 368–370.

только начиная с XVIII в.⁴⁵ Согласно данным урбария⁴⁶, составленного в правление Марии Терезии в 1772 г., люди, перечисленные в переписи — «зависимые крестьяне с правом свободного передвижения» (по понятным причинам, речь здесь не идет о проживавших в округе дворянах). Также известно, что:

[З]ависимые крестьяне с правом свободного передвижения почтенных отцов-базилиан должны служить шесть дней в году со скотом, в соответствии с количеством голов тяглогового скота, который у них есть, и девятнадцать дней в пешей доступности, и ничего другого⁴⁷.

В 1776 г. в процессе составления урбария была проведена точная перепись имущества приписанных к монастырю крестьян (земельные участки и земли). Данные внесли в тетрадь в бумажном переплете, сохранившуюся в монастыре. Под руководством василианского игумена Антония Коцака его брат Арсений принял участие в замерах и даже составил эскиз владений ордена, отметив очертания главных зданий монастыря, границы крестьянских участков и усадеб на краю деревни и даже зафиксировав имена пользователей каждой части⁴⁸.

⁴⁵ Об истории народонаселения в XVIII в. см.: Udvari 1986: 850–862; Udvari 1994: 123–126. С тех пор было опубликовано немало немало церковных переписей, большинство оригиналов которых не были доступны И. Удвари. Многие из переписей были составлены в конторах, созданных при поддержке государства для бедных приходов. Иногда в них содержались данные о грекокатолическом населении. См., например, данные о Мариапоче в переписи 1747 г.: *Végheő T., Terdik Sz., et al. Források a magyarországi görögkatolikus parókiák történetéhez. Az 1747. évi javadalom-összeírás. Nyíregyháza 2017.* 22–23. old. (Collectanea Athanasiana, II/6); ср. данные переписи 1775 г.: *Végheő T., Terdik Sz., et al. Források a magyarországi görögkatolikus parókiák történetéhez. Munkácsi és nagyváradi egyházmegye és parókiák összeírása 1774–1782 között.* 1. Szabolcs, Bereg, Szatmár, Ugocsa vármegyék és a hajdúvárosok. Nyíregyháza 2016. 100–103. old. (Collectanea Athanasiana II/8/1). В 1792 г. число верующих — 730 чел. (Bendász; Koi 1994: 79), в 1806 г. — 821, в 1822 г. — 724 чел. (Udvari 1990: 120). Ср.: *Görögkatolikus kánoni látogatások Szabolcs vármegyében 1816–1824 / szerk. J. Nyírán, Zs. Majchricsné Ujteleki. Debrecen: Hajdúdorogi Főegyházmegye, 2017.* 480. old.

⁴⁶ *Урбарий* (от лат. *urbarium*) — реестр повинностей жителей королевства.

⁴⁷ A Dél-Nyírség és a Hortobágy-melléke parasztjainak vallomása 1772-ből / A forrásokat összegyűjtötte és jegyzetekkel ellátta P. Takács. Nyíregyháza: [Szabolcs-Szatmár megyei Tanács], 1988. 262. old.

⁴⁸ Фото одного из планов опубликовал И. Удвари, ошибочно датировав его 1786 г., см.: Udvari 1994: 125. В настоящее время тетрадь хранится в собрании ордена Св. Василия Великого. Точное название: Specimen Dimensionis, ac Divisionis Possessionum Colonialium tam intra, quam extra villanarum ad Venerabile Monasterium Maria Pócsense

Согласно данным первой переписи населения 1784 г., проведенной в правление Иосифа II (1780–1790 гг.), в селе проживали 190 семей, занимавших 121 дом. В числе жителей упомянуты 22 священнослужителя (очевидно, монахи василианского монастыря), 27 дворян — в большинстве римокатолики и протестанты, а также 62 крестьянина, 130 батраков и трое крепостных. Большинство грекокатоликов были земледельцами и батраками⁴⁹.

Во второй половине XVIII в. василианский монастырь уже стал важным грекокатолическим центром. В 1767–1906 гг. там получали философское и теологическое образование послушники из венгерских монастырей. В 1775 г. монахи-василиане ходатайствовали о праве открыть гимназию, но получили разрешение только на начальные классы. Обучение началось в 1779 г., одновременно при монастыре действовала *schola nationalis*, или народная школа. В 1780 г. один из монахов освоил принципы нового школьного уложения *Ratio Educationis* (учебного плана, разработанного при Марии Терезии в 1777 г. в рамках реформы образования) в части, касавшейся народных школ (так называемая *norma*). По школьным переписям видно, что 1-й и 2-й классы были «народными», 3-й и 4-й грамматическими. Это была единственная монастырская школа василианской провинции в Венгрии с центром в Мукачеве, где также учились миряне. Мукачевский грекокатолический епископ Андрей Бачинский смог, ссылаясь на школу, добиться того, чтобы реформа Иосифа II, направленная на закрытие не приносящих общественной пользы католических орденов, не коснулась общины в Мариапоче⁵⁰. Эта школа, конечно же, повышала шансы поселения получить статус города.

pertinentium. Ad Mandatum Suae Sacratissimae Caesareo Regiae ac Apostolicae Majestatis, nec non Dispositionem Urbarii ab Eadem Extradati.

⁴⁹ Danyi, Dávid 1960: 160–161.

⁵⁰ В 1841 г. по предложению мукачевского епископа Василия Поповича (1837–1864 гг.) было принято решение о создании учительской семинарии (*preparandia*). В 1843 г. она уже готовила канторов и учителей для приходов. В 1850–1860-х годах школы ордена испытывали нехватку учителей, и классы грамматики в Мариапоче пришли в упадок. В 1865 г. государство закрыло педагогическую семинарию. До 1950 г., когда орден был распущен, василиане содержали шестиклассную начальную школу, куда со временем стали нанимать и светских учителей. Подробнее см.: Szabó 1989: 254–268.

Формирование порядка паломничества в Мариапоч

И все-таки начало превращению Мариапоча из села в город положили регулярные паломничества и связанное с ними развитие рыночной инфраструктуры. Предположительно уже после первых известий о «плачущей» иконе, в ноябре 1696 г., в селе стали появляться первые паломники. Неизвестно, как проходили первые паломничества, скорее всего, они организовывались на праздники, посвященные Деве Марии: паломников, прежде всего, должны были привлекать Рождество Пресвятой Богородицы (8 сентября) и Успение Пресвятой Богородицы (15 августа). Похоже, что после того, как первую мироточащую икону в 1697 г. увезли в Вену, поток паломников не оскудел. В то же время события Освободительной войны 1703–1711 гг. под предводительством князя Ференца II Ракоци, когда вся округа превратилась в один большой театр военных действий, и эпидемия чумы не способствовали проведению паломничеств, хотя эгерский епископ как раз в 1707 г. направил в село список первой мироточившей иконы, что служит косвенным свидетельством того, что людской поток полностью никогда не иссякал. Существенный рост числа паломников пришелся на период после 1715 г., когда распространилась весть о втором мироточении.

Паломничество к святым местам церковь пыталась ограничить определенными рамками, чтобы к определенным праздникам можно было испросить индульгенцию у Святого Престола. Появившееся в Средние века учение католической церкви об индульгенциях протестанты отвергали, а православные не признавали, поскольку оно оформилось после Великой схизмы. Суть его в том, что срок покаяния за грехи, в которых человек признался на исповеди, то есть временное земное наказание, можно сократить за счет получения индульгенций или полностью его избежать ввиду «небесной сокровищницы» заслуг, накопленных святыми. В первом случае речь идет о частичной индульгенции, когда отменяется только определенный период наказания (годы, дни), во втором случае может быть получена полная индульгенция, то есть отменяется весь период покаяния. Условия получения индульгенции тоже разные: для частичной индульгенции часто достаточно произнесения молитв перед тем или иным святым образом или в определенное время, полная же индульгенция часто предполагает совершение паломничества, что означает, что предписанные

молитвы должны быть произнесены определенным образом в определенном месте (например, в церкви, на кладбище) и в определенный период (например, в праздник), при этом необходимыми условиями для этого являются исповедь и причастие. Тридентский собор в ответ на критику со стороны протестантов лишь подтвердил традицию получения индульгенций, благодаря чему ее признали и грекокатолики, вступившие в религиозную унию с Римско-католической церковью. Начиная с XVII в. нескольким василианским монастырским церквям, преимущественно на территории Украины, были предоставлены различные привилегии, связанные с получением индульгенций.

Храм в Мариапоче получил первую известную нам привилегию на выдачу индульгенций в период, когда в епархии Мукачевского епископа все еще было сильно влияние эгерского римско-католического епископа (1718–1771 гг.). Это индульгенция храму в Поче, данная 30 января 1721 г. в Риме папой Климентом XI (1700–1721 гг.). Примечательно, что в ней он назвал покровительницей храма Деву Марию, хотя уже тогда его небесным покровителем был св. Михаил. Понтифик также считал село частью Эгерской епархии, а грекокатоликов даже не упоминал⁵¹. Полные индульгенции можно было получить в праздники Рождества и Успения Пресвятой Богородицы (предположительно, по григорианскому календарю) во всех капеллах и боковом алтаре церкви. Последнее уточнение довольно странно уже потому, что в деревянном храме в Поче не было ни часовен, ни, вероятно, боковых алтарей.

Во второй половине столетия новые индульгенции выдавались папами римскими раз в десять лет: 20 марта 1752 г. Бенедикт XIV (1740–1758 гг.) издал индульгенцию епископу Ольшавскому⁵². Десять лет спустя, 22 сентября 1763 г. Климент XIII (1758–1769 гг.) подписал индульгенцию, касавшуюся Успения и Рождества Пресвятой Богородицы, и епископ Ольшавский повелел ее опубликовать 21 декабря того же года. В этом документе Мариапоч вновь назван частью епархии римско-католического эгерского епископа, а грекокатолики не упоминаются⁵³.

⁵¹ «<...> sub titulo B[eatae]. Mariae Virginis loci Poltsen nuncupatam Agriensi Dioecesis <...>». Государственный архив Закарпатской области. Ф. 151. Оп. 1. № 323. Л. 1. Опубликовано в: *Episcopia Greco-Catolică de Mukacevo, Documente / coord. V. Ciubotă, V. Rus, I. L. Horvat. Satu Mare: Muzeul Sătmărean, 2007. P. 152–153.*

⁵² *Máriapócs. Nagy Szent Bazil Rend Gyűjteménye. Lt. sz. 2017.10.1.*

⁵³ *Ibid.* 13.1.

Индульгенцию Климента XIV (1769–1774 гг.) епископ Андрей Бачинский опубликовал значительно позже, в августе 1778 г. (см. Приложение I.1). В ней храм в Мариапоче упомянут как владение ордена василиан, расположенное в Мукачевской епархии. Это не удивительно, учитывая, что с 1771 г. Святой престол считал ее самостоятельной грекокатолической провинцией. На этот раз выдача индульгенций приурочивалась к семи праздникам, посвященным Деве Марии, хотя конкретно не уточнялось, о каких праздниках шла речь.

В индульгенции от 13 июня 1781 г., выданной Пием VI (1775–1799 гг.), перечислялись уже следующие праздники, посвященные Пресвятой Богородице: Рождество (8 сентября), Зачатие (8 декабря), Сретение Господне (2 февраля), Благовещение (25 марта), Ризоположение (2 июля), Успение (15 августа). Кроме того, допускалась индульгенция в воскресенье, выпадавшее на восьмой по счету день после праздника Рождества Богородицы. Полные индульгенции по-прежнему предоставлялись тем, кто посещал церковь с вечера накануне праздника до заката дня праздника, где молился о единстве христианских государей, искоренении ересей и возвеличивании Матери⁵⁴.

Декреты Иосифа II, направленные на уменьшение числа паломничеств, не могли не коснуться Мариапоча, хотя информации о конкретных распоряжениях найти не удалось, если не считать документов, касающихся изъятия votivных предметов из серебра⁵⁵.

В 1793 г., в понтификат Пия VI, была опубликована новая индульгенция (Приложение 1.2), согласно которой полное искупление грехов можно получить в пять праздников, посвященных Деве Марии, выполнив определенные условия, причем не только для живых, но и для томящихся в чистилище душ. Во вводной части отмечалось,

⁵⁴ «Nativitatis, Conceptionis, Purificationis, Annuntiationis, Visitationis, Assumptionis B[eatae] M[ariae] V[irginis] Im[macula]tae festii dieorum, nec non D[omi]nica intra octavam ejusdem Nativitatis B[eatae] M[ariae] V[irginis] Im[macula]tae a primis vespere usque ad occasum solis dierum hujusmodi singulis annis devoti visitaverint, <...>». Ниже на том же листе епископское дозволение на публикацию: «Praesentes S[ancti]S[ci]mi Domini Nostri Indulgentias pro praefata S[ancti]. Michaelis Ecclesia Pócsensi Dioecesis Nostrae Munkacsensis Autoritate Nostra Ordinaria adprobamus. Signatum Ungvarini 6a Julii 1781. Andreas Ep[iscopu]s m[anu] p[ro]pria» (Máriapócs. Nagy Szent Bazil Rend Gyűjteménye. Lt. sz. 2017.18.1).

⁵⁵ Подробнее см.: Földvári 2010: 71–97.

что индульгенции действительны как для римо-, так и для грекокаатоликов, причем распространяются на праздники как по старому, так и по новому стилю.

В 1807 г. епископ Андрей Бачинский дважды санкционировал публикацию индульгенций: 19 февраля⁵⁶ и 4 сентября (Приложение 1.3). Во втором случае названы оба обряда и верующие обоих полов и подчеркивается, что отпущение грехов относится к обоим календарным праздникам. Интересно отметить, что католический праздник Святейшего имени Пресвятой Богородицы (12 сентября) упоминается особо⁵⁷.

Нет точных данных о том, когда в Мариапоче начались паломничества в день святого Илии (20 июля). Об этом нет упоминаний в папских индульгенциях, но они считались самыми важными наряду с паломничествами в Великие Богородичные праздники, потому что, как писал известный этнограф Балинт Шандор: «Самой известной ярмаркой невест в Мариапоче считалось паломничество в Ильин день»⁵⁸. Католическое и протестантское дворянство, в свою очередь, считало наиболее подходящим поводом для знакомства молодежи паломничества 8 сентября по григорианскому календарю⁵⁹.

В дни паломничеств местные жители пытались продать излишки сельскохозяйственной продукции, и так постепенно возникла потребность в рынке. В урбариуме, составленном в 1772 г., местные жители упоминали, что, поскольку в деревне почитается образ Пресвятой Богородицы, они могут продавать свои товары за хорошие деньги тем, кто посещает как римские, так и греческие обряды и, следовательно, получать от этого некоторую прибыль. Кроме того, Мариапоч находится вблизи мест проведения крупных ярмарок (Надькалло, Нирмада, Матесалка, Кишварда, Надькарой, Дебрецен), куда в любое время года можно добраться без уплаты портовых и таможенных пошлин, чтобы продать излишки своей продукции⁶⁰.

⁵⁶ Это распоряжение прибыло годом ранее, в 1806 г., за подписью Доминика, епископа Мирского. Ниже на странице его официальная печать и печать красного воска Андрея Бачинского. *Máriapócs. Nagy Szent Bazil Rend Gyűjteménye. Lt. sz. 2017.17.1.*

⁵⁷ Это единственная индульгенция, содержание которой кратко описано в путеводителе XIX в., см.: *Lupis I. S. Mária-Pócsi Nefejejs. 62. old.*

⁵⁸ *Bálint 1939: 198. См.: Udvari 1994: 129.*

⁵⁹ *Ombódy P. A pócsi Mária // Magyar Nemzet. 1938. 30 X. 1. sz. 16. old.*

⁶⁰ *A Dél-Nyírség és a Hortobágy-melléke. 259–260. old.*

Приток паломников создавал условия для проведения ярмарок, что побудило заинтересованную сторону — отцов-василиан, бывших крупнейшими землевладельцами округа, — к тому, чтобы ограничить определенными рамками этот процесс и испросить у государя жалованную грамоту на проведение ярмарок, каковую им в 1816 г. даровал император-король Франц I (1792–1835 гг.) (Приложение II).

В вводной части жалованной грамоты государь удовлетворил прошение собственников поселения. Он повелел, чтобы отныне село Мариапоч «навечно» именовалось рыночным городом (*mezőváros*)⁶¹ и в нем ежегодно проводилось четыре ярмарки (6 февраля, 3 марта, 21 августа и в понедельник после праздника Пресвятой Девы Марии (по-видимому, речь шла о 8 сентября)).

Населенный пункт, который сначала назывался Поч, а затем Мариапоч, стал важным местом паломничества благодаря мироточащей иконе. Его экономическое развитие было связано с тем, что он стал важным местом для христиан разных обрядов и разных национальностей, проживавших в восточной части королевства (венгров, русинов, румын, немцев, словаков). С появлением монахов-василиан паломничества стали более организованными, а регулярные индульгенции из Рима повышали привлекательность святыни в глазах верующих. Оживление религиозной жизни сопровождалось ростом экономических возможностей для жителей. Одним из признаков этого стали стихийные ярмарки, проведение которых позже стало регулироваться хартией городских привилегий, изданной императором-королем.

Получив в 1816 г. городскую привилегию, Мариапоч стал самым маленьким городом в Венгерском королевстве. Неудивительно, что через полвека, в 1872 г., в ходе административной реформы в Австро-Венгрии он потерял этот статус, потому что в непосредственной близости находились поселения, веками располагавшие правом проведения ярмарок. В 1993 г., после падения коммунистического режима, Мариапоч вновь стал городом благодаря международному значению как места паломничества, которое лишь возросло после того, как папа Иоанн Павел II (1978–2005 гг.) посетил его 18 августа 1991 г.

⁶¹ *Рыночный город* (лат. *oppidum*, или *oppidium*) — поселение, обладавшее привилегиями, дарованными верховным правителем. Их содержание и объем варьировались, но самой главной было право проводить ярмарки. В Венгрии назывался «сельским городом» (*mezőváros*), поскольку не имел права строить городскую стену и обычно располагался в открытом поле, иногда обносился частоколом или глинобитной оградой.

во время пастырского визита в Венгрию⁶². История повторилась, потому что повторное присвоение статуса города Мариапочу произошло именно благодаря нахождению в нем религиозной святыни.

Перевод с венгерского О.В. Хавановой

Приложение

I. Избранные индульгенции, данные римскими папами паломническому храму в Мариапоче

1. Индульгенция на семь праздников Богородицы, 27 июля 1773 г.

Бумага, чернила. Копия, 1778 г.

Собрание ордена Святого Василия Великого, Мариапоч,
Инв. № 2017.19.1.

Copia Indulgentiarum.
Ecclesiae Maria Pocsensis.
Clemens P[a]P[a]. XIV.

Universis Christi fidelibus praesentes Literas inspecturis salutem, et apostolicam Benedictionem. Ad augendam fidelium Religionem, et animarum salutem coelistibus Ecclesiae thesauris pia charitate intenti, Omnibus utriusque sexus Christi fidelibus vere poenitentibus, et confessis, ac sacra communione refectis, qui Ecclesiam S[ancti]. Michaelis Archangelii, Monachorum Ordinis S[ancti]. Basilii Magni Loci Pócsensis Munkacsiensis Dioecaesis. Dummodo praeter Indulgentias Ecclesiis dicti Ordinis generaliter concessas, nullae illi Ecclesiae specialiter concessae reperiantur in septem festivitatis Beatae Mariae Virginis Immaculae, a primis vespere usque ad occasum solis dierum hujusmodi singulis annis devote visitaverint, et ibi pro Christianorum Principum concordia, haeresum extirpatione, ac Sanctae Matris Ecclesiae exaltatione pias ad Deum preces effuderint, plenariam in una ex septem festivitatis ejusdem B[eatae].

⁶² Статус города был возвращен Мариапочу 1 декабря 1993 г., см.: Magyar Közlöny. 1993. 158. sz. Сп.: Új városok Szabolcsban // Kelet-Magyarország. 1993. 53. évf. 260. sz. 5. old.

M[ariae]. V[irginis] Immaculatae per ordinarium designandae Omnium peccatorum suorum Indulgentiam, et remissionem misericorditer in Domino concedimus; in reliquis autem sex festivitatibus hujusmodi septem annos et totidem quadragenas de injunctis eis, seu alias quomodolibet debitis poenitentiis in forma Ecclesiae consueta retaxamus. Praesentibus ad septennium tantum valituris. Volumus autem, ut si pro inspectione praesentatione, admissione, seu publicatione pretium aliquorum vel minimum detur, aut sponte oblatum recipiantur praesentes nullae sint.

Datum Romae apud S[anc]tam]. Mariam Majorem sub annulo piscatoris die XXVII. July M. DCCLXXIII Pontificatus mei Anno 5to.

Gratis pro Deo et Sacrum.

[Позднейшая приписка, сделанная другой рукой, за собственно-ручной подписью епископа:]

Praesentes Indulgentias nobis exhibita legimus, et ut in forma consueta in loco, ut intus publicentur, concessimus. Munkacsini 11a Aug. 1778.

Andreas Ep[isco]pus m[anu] p[ro]pria]

2. Индульгенция на пять праздников Пресвятой Богородицы, 13 апреля 1793 г.

Бумага, чернила, условная печать подписавшего епископа.

Собрание ордена Св. Василия Великого, Мариапоч, без инв. н-ра.

Ex audientia S[an]cti]S[i]mi habita Die 13. Aprilis 1793.

S[an]cti]S[i]mus D[omi]nus Noster Pius P[a]P[a]. VI. ad relationem R[everendi]. P[atris]. D[omini]. Archiepiscopi Adamen S[an]ctae]. Congregationis Propaganda Fide Secretarii, Universis, et singulis utriusque sexus Christifidelibus, qui vere poenitentes, confessi, et sacra communione refecti visitaverint Ecclesiam de qua in precibus, ibique pias ad Deum preces effuderint pro Haeresum extirpatione, ac Fidei Catholicae incremento in quinque Festivitatibus, quae de praecepto recoluntur, Conceptionis scilicet, Nativitatis, Purificationis, Annuntiationis, et Assumptionis B[eatae]. Mariae Virginis cum Vigiliis et cum Octavis juxta vetus ac novum Kalendarium Latini, et Rutheni Ritus, Indulgentiam Plenariam applicabilem quoque per modum suffragii animabus in Purgatorio detentis; et ad Decennium tantummodo duraturam peramanter in Domino concessit: similemque Indulgentiam benigne etiam extendit, iisdem tamen injunctis piis operibus, pro illis omnibus utriusque sexus Christifidelibus, qui ex

remotionibus Regni Hungarici partibus solent quolibet anno devotionis causa eandem Ecclesiam visitare sed ob itineris Longitudinem quandoque in supra statutis Festivitatibus temporibus accedere praepediti, paulo seviris intra praefestos dies advenerint.

Datum Romae et Aedibus d. S. Congregationis die, et Anno, quibus supra.

L. Card. Antonellus Praefectus

3. Индульгенция на семь праздников Пресвятой Богородицы, 3 июля 1807 г.

Бумага, чернила. Внизу страницы условная печать епископа, рядом красная восковая печать Бачинского.

Собрание ордена Св. Василия Великого, Мариапоч,
ИИВ. № 2017.12.1.

Ex Audientia S[ancti]S[i]mi habita Die 3. Julii 1807.

Sanctissimus Dominus Noster Pius Divina Providentia P[a].P[a]. VII. referente me infra[scri]pto S[anctae]. Congregationis de Propaganda Fide Praefecto, omnibus, et singulis utriusque sexus Christifidelibus, qui veri poenitentes, confessi, et Sacra Communionem refecti devote visitaverint Ecclesiam Monasterii Rutheni Ritus Potsensis ad S[anctum]. Michaellem Archangelum Dioecesis Muncaczoviensis, ibique pias ad Deum preces effuderint pro S[anctae]. Fidei propagatione et juxta Mentem Sanctitatis Suae in Festivitatibus Annunciationis scilicet, Conceptionis, Visitationis, Nativitatis, Purificationis, et Assumptionis Beatae Mariae Virginis juxta utrumque, vetus nempe et novum Kalendarium Latini Ritus occurrit Festum S[ancti]S[i]mi Nominis Mariae, vel loco ipsarum Festivatum in earum Pervigiliis, aut in uno ex Diebus intra Octavam earumdem juxta novum Kalendarium Latini Ritus, Plenarium Indulgentiam semel in unoquoque ex praedictis diebus, quibus id egerint, singulis Annis in perceptuum lucranda, et applicabilem quoque per modum suffragii Animabus in Purgatorio detentis misericorditer in Domino impertitur: similemque Indulgentiam benigne etiam extendit, iisdem tamen injunctis piis operibus, pro illis omnibus utriusque sexus, ac utriusque Ritus Christifidelibus, qui ex remotionibus Regni Hungarici Partibus solent quolibet Anno devotionis causa eandem Ecclesiam visitare, se ob itineris longitudinem, vel ob aliam justam causam quandoque in supra statutis

festivitatum temporibus accidere praepediti paulo serius intra praefatos dies advenerint.

Datum Romae ex Aedibus dictae S. Congregationis Die, et Anno, quibus supra

Gratis sine ulla omnino solutione quocumque titulo

Michael Cardinalis de Pera Praefectus

[Позднейшая приписка другим почерком за собственноручной подписью епископа]:

Has Indulgentia acceptamus, et sua formalitate publicari jubemus. Ungvarini 4a Septembris, 1807.

Andreas Ep[iscopu]s m[etropolitani] p[ro]pria]

II. Жалованная грамота императора-короля Франца I о даровании селу Мариапоч статуса городского поселения (1816 г.)⁶³

Пергамен, чернила, красная восковая подвесная печать в деревянном футляре.

Архив ордена Св. Василия Великого, Мариапоч

NOS FRANCISCUS PRIMUS, divina, favente Aementia Austriae Imperator, Hierosolymae, Hungariae, Bohemiae, Dalmatiae, Croatiae, Slavoniae, Galliciae et Lodomeriae Rex Apostolicus, Archidux Austriae, Dux Lotharingiae, Salisburgi, Vircelurgi et in Franconia, magnus Dux Cracoviae, Magnus Princeps Transylvaniae, Dux Styriae, Carinthiae et Carniolicae; superioris et inferioris Silesiae, Princeps Berchtoldigadenae et Merгентhemii, Comes Habsburgi etc. etc.: Memoriae commendamus tenore praesentium significantes, quibus expedit Universis: Quod Nos cum ad

⁶³ Грамота составлена в Виченце 5 февраля 1816 г. Написан на пергамене, копию с висячей печатью по состоянию на 2025 г. можно видеть в раме на постоянной выставке в собрании ордена Св. Василия Великого. Фотография без детального описания впервые опубликована в: Máriapócsi zárandok naptár az 1943-ik évre / összeállította B. Dudás, O.S.B.M. Szent Bazil Rend. Ungvár: Szent Bazil rend Középiskola, [1942]. 55. old. Копии, первая из которых также использовалась в процессе расшифровки для выявления трудночитаемых деталей оригинального документа, хранятся в Венгерском государственном архиве Национального архива, см.: HU-MNL-OL. A 57. Magyar Kancelláriai Levéltár. Libri regii. 63. köt. 875. old. Грамоту предваряет фраза: «Nundinale Privilegium in Possessione nunc Oppido Maria-Pocs pro parte ejusdem Oppidi Compossessorum elargitum». 4152. 816. Другую копию см.: HU-MNL-OL. A 39. Magyar Kancelláriai Levéltár. Acta generalia. 1816. № 4152.

Жалованная грамота императора-короля Франца, дарующая Мариапочу статус рыночного города (1816 г.). Собрание ордена Св. Василия Великого, Мариапоч

humillimam Compessorum Possessionis Maria-Pocs, Comitatus Szabolcsensi ingremiatae Majestati Nostrae factam supplicationem, tum vero utilitatis, et Commodi tam praefatae Possessionis Maria-Pocs dicto Comitatus Szabolcsensi adjacentis Incolis, quam etiam aliis circumvicinis Locis procurandi Causa, id Iisdem supplicantibus Compessoribus, eorundemque Haeredibus et Posteris, ac Successoribus de Regiae potestatis Nostrae plenitudine, et Gratiae speciali clementer annuendum, et benigne concedendum esse duximus, ut antelata Possessio Maria-Pocs, fato Comitatus Szabolcsensi ingremiata a modo impeterum futuris, et perpetuis semper temporibus Oppidi Nomine gaudeat, atque pro tali habeatur declarata, intuteturque, ut insuper in eadem per Nos modo praevis in Oppidum devota Possessione Maria-Pocs quadruplicis ordinis annuales Nundinae, seu Fora annualia libera, et quidem primi ordinis die sextae Februarii, secundi ordinis die tertia Maji, Tertii ordinis die vigesima prima Augusti, quarti demum ordinis die Lunae Dominicam post Festum Mariae sequente sub omnibus iis Libertatibus, et Praerogativis, quibus aliarum Liberarum et Regiarum

Civitatum Nostrarum, Oppidorumque et Villarum liberae Nundinae, seu Fora annualia libera celebrantur, perpetuo celebrari possint, ac valeant, ea tamen per expressum adjecta cum Declaratione: ut ubi ipsei annorum serae praemissae celebrationi Nundinarum praefixi dies, in dein Dominicum, aut Fori Festum inciderint Casum in illum Nundinae diem Dominicum aut Fori Festum immediate praecedentibus, aut proximae sequentibus Diebus, nunquam autem die Dominico, aut Fori Festo celebrantur. Imo nominamus, et evehimus, annuinusque, et concedimus praesentium per vigorem absque tamen praejudicio Nundinarum annualium liberarum, seu Fororum annualium liberorum in aliis quibusvis Locis circumvicinis benigno Privilegio Nundinali provisus celebrari solitorum. Quocirca Vos omnes et singulos Mercatores, Intitores, Viatores, et quoslibet alios forenses Homines harum serie assecuramus, affidamus, et certificamus, quatenus ad praespecificatas quadruplicis ordinis annuales Nundinas seu Fora annualia libera in supra-fato jam Oppido Maria-Pocs dicto Comitatu Szabolcsensi ingremiato celebrari concessa cum omnibus Mercantiis, Bonisque Vestris libere, secure, et absque ullo pavore, seu formidine Personarum Rerumque et Mercantiarum Vestrarum venaitis, properitis, et accedatis, salvis caeteroquin Personis et Rebus Vestris sub Nostra protectione, ac Tutela speciali permanentibus, et haec volumus per Fora, et alia publica Loca ubique palam fieri, et proclamari, praesentes autem, quas Secreto Sigillo Nostro, quo ut Rex Hungariae Apostolicus utimur in pendentem communituri fecimus, post earundem Lecturam iterum reddi volumus et iubemus Praesentanti (...) Fidelis Nostri Nobis sincere dilecti Spectabilis ac Magnificii Comitatus Francisci Koháry de Csabragh et Sztitnyae, perpetui in Murány, Camerarii et actualis Gratus Equiliari Nostri, ac Pro-Cancellarii Regii Hungarico-Aulici, Comitatus Honthensis Supremi, ac Perpetui Comitatus, nec non Regnum Nostrum Hungariae Crimernarum Regalium Magistri. Vincentiae die quintae Mensis Aprilis, Anno Domini Millesimo Octingentesimo decimo sexto, Regno Nostrorum Hungariae, Bohemiae, et reliquorum, Anno vigesimo

Franciscus m[anu] p[ro]pria]

Список исторических географических названий

Балажфалва — ныне Блаж в Румынии

Варанно — ныне Вранов-над-Топлѐу в Словакии

Кашша — ныне Кошице в Словакии

Мункач — ныне Мукачево на Украине
 Надькарой — ныне Карей в Румынии
 Надьолшва — ныне Ольшавица в Словакии
 Надьварад — ныне Орадя Маре в Румынии
 Унгвар — ныне Ужгород на Украине
 Шарошкишфалу — ныне Мала Веска в Словакии

Список литературы

- Удварі 1986 — *Удварі І.* Прилоги гу исторії українських острових XVIII вику у комитату Саболч // Шветлосц. 1986. XXIV. Ч. 6. С. 850–862.
- Удварі 1990 — *Удварі І.* Два найстарши руски языково памяткиу Маряповчу у Мадярскей зоз 1715 року. (Походзене Плачущей Богородици) // Нова думка. 1990. XIX. Ч. 84. С. 15–19.
- Aurenhammer 1956 — *Aurenhammer H.* Die Marien-Gnadenbilder Wiens und Niederösterreichs in der Barockzeit. Wien: Österreichisches Museum für Volkskunde, 1956. 183 S. (Veröffentlichungen des Österreichischen Museums für Volkskunde, 8).
- Bálint 1939 — *Bálint S.* Adatok a magyar búcsújárás néprajzához // Ethnographia. 1939. 50. köt. 193–200. old.
- Barna 2014 — *Barna G.* Görög katolikus búcsújáró helyek az egykori Északkelet-Magyarországon // Vallási Néprajzi tanulmányok / szerk. G. Barna. Szeged: SZTE BTK Néprajzi és Kulturális Antropológiai Tanszék, 2014, 67–82. old. (Szegedi Vallási Néprajzi Könyvtár, 46; A Vallási Kultúrakutatás Könyvei, 14).
- Bendász, Koi 1994 — *Bendász I., Koi I.* A Munkácsi Görögkatolikus Egyházmegye lelkészsegeinek 1792. évi katalógusa. Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 1994. 147 old.
- Danyi, Dávid (szerk.) 1960 — Az első magyarországi népszámlálás (1784–1787) / szerk. D. Danyi, Z. Dávid. Budapest: s.n., 1960. 393 old.
- Dudás 1987 — *Dudás B.* A baziliták szerepe a hajdúdorogi egyházmegye életében // A Hajdúdorogi Bizánci katolikus Egyházmegye Jubileumi Évkönyve 1912–1987 / szerk. I. Timkó. Nyíregyháza: Görög Katolikus Püspöki Hivatal, 1987. 103–115.
- Földvári 2010 — *Földvári K.* A máriapócsi kegytemplom votív tárgyainak története II. József uralkodása idején // Athanasiana. 2010. 31. sz. 71–97. old.
- Földvári 2020 — *Földvári K.* The cult of the miraculous icon of Máriapócs in Vienna // The light of Thy countenance. Greek Catholics in Hungary / ed. by Sz. Terdik. Debrecen: Metropolitan Church sui iuris of Hungary, 2020, P. 304–308.
- Gánicz, Legeza, Terdik 2009 — *Gánicz T., Legeza L., Terdik Sz.* Nemzeti szentélyünk, Máriapócs. [Budapest: Mikes Kiadó,] 2009. 128 old.

- Ivancsó, Imfeld, Betz 1996 — *Ivancsó I., Imfeld K., Betz J.* Das Gnadenbild von Máriapócs. Passau: Verlag Peda Gregor, 1996.
- Jakab, Istvánovits 2024 — *Jakab A., Istvánovits E.* Régészeti kutatások a máriapócsi kegytemplomban // *Mária-tisztelet és Mária-kegyhelyek Közép-Kellet-Európában a 18. században* / szerk. Sz. Terdik. Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 2024. 13–50. old. (Collectanea Athanasiana, I/17).
- Janka 1996 — *Janka Gy.* A máriapócsi könnyezés jegyzőkönyve a Hevenesi gyűjteményben // *Máriapócs 1696 — Nyíregyháza 1996. Történelmi konferencia a máriapócsi Istenszüllő-ikon első könnyezésének 300. évfordulóján.* 1996. november 4–6. / szerk. Gy. Janka. Nyíregyháza: s.n., 1996, 138–147. old.
- Magyar 1996 — *Magyar A.* Az eredeti könnyező máriapócsi ikon története // *Máriapócs, 1696 — Nyíregyháza, 1996: Történelmi konferencia a máriapócsi Istenszüllő-ikon első könnyezésének 300. évfordulójára, 1996. november 4–6.* / szerk. Gy. Janka. Nyíregyháza: s.n., 1996. 85–97. old.
- Marosi, Marosi 2023 — *Marosi I., Marosi A.* A történeti Munkácsi Görögkatolikus Egyházmegye papi névtára. Beregszász: Bendász István Görögkatolikus Könyvtár és Levéltár, 2023. 1093 old.
- Mészáros 2016 — *Mészáros K.* Szent-Ivány János beregi főispán halála. Adalék az 1740. évi szabolcsi pestisjárvány és a máriapócsi kegyhely történetéhez // *Szabolcs-Szatmár-Bereg Szemle.* 2016. 51. évf. 3. szám, 72–79. old.
- Nedici 2023 — *Nedici R.* An artistic melting pot. The building site of the Greek Catholic cathedral in Blaj in the late 1740s // *Intercultural and visual art transfer in Central Europe and the Balkans* / ed. by A. Dumitran, M. P. Kruk Alba-Iulia; Cluj-Napoca, 2023. P. 267–302.
- Németh 1997 — *Németh P.* A középkori Szabolcs megye települései. Nyíregyháza: Ethnica Kiadás, 1997. 224. old.
- Puskás 1995 — *Puskás B.* A máriapócsi kegytemplom és bazilita kolostor // *Művészettörténeti Értesítő.* 1995. 44. évf. 169–190. old.
- Puskás 1996 — *Puskás B.* A Pócsi Mária és a Kárpát-vidéki Istenszüllő kegyképek // *Máriapócs 1696 — Nyíregyháza 1996. Történelmi konferencia a máriapócsi Istenszüllő-ikon első könnyezésének 300. évfordulóján.* 1996. november 4–6. / szerk. Gy. Janka. Nyíregyháza: s.n., 1996. 97–117. old.
- Puskás 2008 — *Puskás B.* A görög katolikus egyház művészetét a történelmi Magyarországon: Hagyomány és megújulás. Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 2008. 320 old.
- Soós 1985 — *Soós I.* Az egri egyházmegyei plébániák történetének áttekintése. Budapest: Szent István Társulat, 1985. 607. old.
- Szabadi 1996 — *Szabadi I.* A református egyház Máriapócsra a XVII. század második felében // *Máriapócs, 1696 — Nyíregyháza, 1996: Történelmi konferencia a máriapócsi Istenszüllő-ikon első könnyezésének 300. évfordulójára, 1996. november 4–6.* / szerk. Gy. Janka. Nyíregyháza: s.n., 1996. 43–48. old.

- Szabó 1989 — *Szabó J.* A görög katolikus iskolaügy és a máriapócsi iskolaszervezési törekvések // Szabolcs-Szatmári Szemle. 1989. 24. évf. 264–278. old.
- Szentkirályi 2012 — *Szentkirályi M.* Gránátalma a szárnycsonttáron. Egy restaurátorművész műhelytitkai. Budapest: Kairosz Kiadó, 2012. 241. old.
- Terdik 2001 — *Terdik Sz.* “Madonna delle Vittorie” — A pócsi Mária-ikon kultuszának hatásai Venetóban // Korok, világképek, egyházak / szerk. M. Keller, Sz. Terdik. Budapest: Jézus Társasága Alapítvány, 2001. 123–131. old. (Studia Ignatiana, I).
- Terdik 2005 — *Terdik Sz.* A pócsi Szűzanya kegyképének másolatai // A máriapócsi kegykép harmadik könnyezésének centenáriuma alkalmából rendezett nemzetközi konferencia anyaga / szerk. I. Ivancsó. Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 2005. 49–61. old.
- Terdik 2007 — *Terdik Sz.* Rácz Demeter, egy XVIII. századi görög katolikus mecénás // A Jósza András Múzeum Évkönyve. 2007. 49. évf. 333–380. old.
- Terdik 2008 — *Terdik Sz.* A máriapócsi kegytemplom építésére és belső díszítésére vonatkozó, eddig ismeretlen források // A Jósza András Múzeum Évkönyve. 2008. 50. évf. 525–571. old.
- Terdik 2010 — *Terdik Sz.* Középkori eredetű görög katolikus templomok a történeti Szatmár vármegyében // Athanasiana. 2010. 32. évf. 119–134. old.
- Terdik 2011 — *Terdik Sz.* “...a mostani világnak ízlése, és a rítusnak módja szerint”. Adatok a magyarországi görög katolikusok művészetéhez. Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 2011. 197. old. (Collectanea Athanasiana, I/5).
- Terdik 2014a — *Terdik Sz.* Görögkatolikus püspöki központok Magyarországon a 18. században. Művészet és reprezentáció. Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 2014. 315 old. (Collectanea Athanasiana, VI/1).
- Terdik 2014b — *Terdik Sz.* Coexisting traditions: The conversion of the Jesuit church of Uzhgorod into a Greek Catholic cathedral // Sacred space in Central and Eastern Europe from Middle Ages to the late modernity: Birth, function, and changes / ed. by D. Dumitran, I. Burnichioiu. Alba Iulia: Editora Mega, 2014. P. 95–112. (Annales Universitatis Apulensis, Series Historica, 18/1).
- Terdik 2014c — *Terdik Sz.* Középkori templomok görögkatolikus használatban Északkelet-Magyarországon // Művészet és vallás a Felső-Tisza-vidéken / szerk. T. Kollár. Nyíregyháza: Szabolcs – Szatmár – Bereg Megyei Területfejlesztési és Környezetgazdálkodási Ügynökség Nonprofit Kft., 2014. 178–188. old.
- Terdik 2020 — *Terdik Sz.* A Munkácsi Egyházmegye festészete a XIX. században. Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 2020. 494 old. (Collectanea Athanasiana, VI/2).
- Terdik (ed.) 2020 — The Light of Thy Countenance. Greek Catholics in Hungary / ed. by Sz. Terdik. Debrecen: Metropolitan Church sui iuris of Hungary, 2020. 492 p.

- Terdik 2022 — *Terdik Sz.* Petrasovszky Manó: Egy görögkatolikus festőisors a 20. században. Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 2022. 430 old. (Collectanea Athanasiana, VI/4).
- Terdik 2023a — *Terdik Sz.* A magyarországi görögkatolikusok és a képzőművészet (1780–1972). Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 2023. 256 old. (Collectanea Athanasiana, VI/5).
- Terdik 2023b — *Terdik Sz.* The Greek Catholics of Hungary and Fine Art // *Veghseő T., Terdik S.* Hungarian Greek Catholics. A history from the earliest times to 1920 and the development of sacred art. Nyíregyháza: Szent Atanáz Görög Katolikus Hittudományi Főiskola, 2023. P. 155–408. (Collectanea Athanasiana, I/15).
- Terdik 2024 — *Terdik Sz.* A pócsi Istenszülő tisztelete az ortodox világban // *Mária-tisztelet és Mária-kegyhelyek Közép-Kelet-Európában a 18. században / szerk Sz. Terdik.* Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 2024. 51–92. old. (Collectanea Athanasiana, I/17).
- Udvari (szerk.) 1990 — A munkácsi görögkatolikus püspökség lelkészégeinek 1806. évi összeírása / szerk. I. Udvari. Nyíregyháza: Vasvári Pál Társaság, 1990. 189 old. (Vasvári Pál Füzetek, 3).
- Udvari 1994 — *Udvari I.* Ruszinok a XVIII. században, Történelmi és művelődéstörténeti tanulmányok. Nyíregyháza: Bessenyei György Kiadó, 1994. 134–143. old.
- Uriel 1907 — *Uriel Á. (Szilvay I.)*. Kincseink, vagyis az első mária-pócsi, mikolai, második mária-pócsi, pálfalvai és kлокocói csodatevő szent képek leírása. Ungvár: s.n., 1907.
- Zachar 1996 — *Zachar J.* Császári csapatok Magyarországon 1696-ban // *Máriapócs 1696 — Nyíregyháza 1996. Történelmi konferencia a máriapócsi Istenszülő-ikon első könnyezésének 300. évfordulóján.* 1996. november 4–6. / szerk. Gy. Janka. Nyíregyháza: s.n., 1996. 29–42. old.

References

- Aurenhammer, H., 1956. *Die Marien-Gnadenbilder Wiens und Niederösterreichs in der Barockzeit.* Wien: Österreichisches Museum für Volkskunde, 183 p. (Veröffentlichungen des Österreichischen Museums für Volkskunde, 8).
- Bálint, S., 1939. Adatok a magyar búcsújárás néprajzához. *Ethnographia*, 50, pp. 193–200.
- Barna, G., 2014. Görög katolikus búcsújáró helyek az egykori Északkelet-Magyarországon. In: Barba G., ed. *Vallási Néprajzi tanulmányok.* Szeged: SZTE BTK Néprajzi és Kulturális Antropológiai Tanszék, pp. 67–82. (Szegedi Vallási Néprajzi Könyvtár, 46; A Vallási Kultúrákutató Könyvei, 14).
- Bendász, I., Koi, I., 1994. *A Munkácsi Görögkatolikus Egyházmegye lelkészégeinek 1792. évi katalógusa.* Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 147 p.

- Danyi, D., Dávid, Z., eds, 1960. *Az első magyarországi népszámlálás (1784–1787)*. Budapest: s.n., 393 p.
- Dudás, B., 1987. A baziliták szerepe a hajdúdorogi egyházmegye életében. In: Timkó, I., ed. *A Hajdúdorogi Bizánci katolikus Egyházmegye Jubileumi Évkönyve 1912–1987*. Nyíregyháza: Görög Katolikus Püspöki Hivatal, pp. 103–115.
- Földvári, K., 2010. A máriapócsi kegytemplom votív tárgyainak története II. József uralkodása idején. *Athanasiana*, 31, pp. 71–97.
- Földvári, K., 2020. The cult of the miraculous icon of Máriapócs in Vienna. In: Terdik, Sz., ed. *The light of Thy countenance. Greek Catholics in Hungary*. Debrecen: Metropolitan Church sui iuris of Hungary, pp. 304–308.
- Gáncz, T., Legeza, L., Terdik, Sz., 2009. *Nemzeti szentélyünk*. Máriapócs: [Budapest: Mikes Kiadó], 128 p.
- Ivancsó, I., Imfeld, K., Betz, J., 1996. *Das Gnadenbild von Máriapócs*. Passau: Verlag Peda Gregor.
- Jakab, A., Istvánovits, E., 2024. Régészeti kutatások a máriapócsi kegytemplomban. In: Terdik, Sz., ed. *Mária-tisztelet és Mária-kegyhelyek Közép-Kelet-Európában a 18. században*. Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, pp. 13–50. (*Collectanea Athanasiana*, I/17).
- Janka, Gy., 1996. A máriapócsi könnyezés jegyzőkönyve a Hevenesi gyűjteményben. In: Janka, Gy., ed. *Máriapócs 1696 – Nyíregyháza 1996. Történelmi konferencia a máriapócsi Istenszülő-ikon első könnyezésének 300. évfordulóján. 1996. november 4–6*. Nyíregyháza: s.n., pp. 138–147.
- Magyar, A., 1996. Az eredeti könnyező máriapócsi ikon története. In: Janka, Gy., ed. *Máriapócs, 1696 – Nyíregyháza, 1996: Történelmi konferencia a máriapócsi Istenszülő-ikon első könnyezésének 300. évfordulójára, 1996. november 4–6*. Nyíregyháza: s.n., pp. 85–97.
- Marosi, I., Marosi, A., 2023. *A történeti Munkácsi Görögkatolikus Egyházmegye papi névtára*. Beregszász: Bendász István Görögkatolikus Könyvtár és Levéltár, 1093 p.
- Mészáros, K., 2016. Szent-Ivány János beregi főispán halála. Adalék az 1740. évi szabolcsi pestisjárvány és a máriapócsi kegyhely történetéhez. *Szabolcs-Szatmár-Beregi Szemle*, 51, 3, pp. 72–79.
- Nedici, R., 2023. An artistic melting pot. The building site of the Greek Catholic cathedral in Blaj in the late 1740s. In: Dumitran, A., Kruk, M. P., eds. *Inter-cultural and visual art transfer in Central Europe and the Balkans*. Alba-Iulia; Cluj-Napoca, 2023, pp. 267–302.
- Németh, P., 1997. *A középkori Szabolcs megye települései*. Nyíregyháza: Ethnica Kiadás, 224 p.
- Puskás, B., 1995. A máriapócsi kegytemplom és bazilita kolostor. *Művészettörténeti Értesítő*, 44, pp. 169–190.
- Puskás, B., 1996. A Pócsi Mária és a Kárpát-vidéki Istenszülő kegyképek. In: Janka, Gy., ed. *Máriapócs 1696 – Nyíregyháza 1996. Történelmi konferencia a*

- máriapócsi Istenszülő-ikon első könnyezésének 300. évfordulóján. 1996. november 4–6.* Nyíregyháza: s.n., pp. 97–117.
- Puskás, B., 2008. *A görög katolikus egyház művészetet a történelmi Magyarországon: Hagyomány és megújulás.* Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 320 p.
- Soós, I., 1985. *Az egri egyházmegyei plébániák történetének áttekintése.* Budapest: Szent István Társulat, 607 p.
- Szabadi, I., 1996. A református egyház Máriapócon a XVII. század második felében. In: Janka, Gy., ed. *Máriapócs, 1696 – Nyíregyháza, 1996: Történelmi konferencia a máriapócsi Istenszülő-ikon első könnyezésének 300. évfordulójára, 1996. november 4–6.* Nyíregyháza: s.n., pp. 43–48.
- Szabó, J., 1989. A görög katolikus iskolaügy és a máriapócsi iskolaszervezési törekvések. *Szabolcs-Szatmári Szemle*, 24, pp. 264–278.
- Szentkirályi, M., 2012. *Gránátalma a szárnyasoltáron. Egy restaurátorművész műhelytitkai.* Budapest: Kairosz Kiadó, 241 p.
- Terdik, Sz., 2001. “Madonna delle Vittorie” – A pócsi Mária-ikon kultuszának hatásai Venetóban. In: Keller, M., Terdik, Sz., eds. *Korok, világképek, egyházak.* Budapest: Jézus Társasága Alapítvány, pp. 123–131. (Studia Ignatiana, I).
- Terdik, Sz., 2005. A pócsi Szűzanya kegyképének másolatai. In: Ivancsó, I., ed. *A máriapócsi kegykép harmadik könnyezésének centenáriuma alkalmából rendezett nemzetközi konferencia anyaga.* Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, pp. 49–61.
- Terdik, Sz., 2007. Rác Demeter, egy XVIII. századi görög katolikus mecénás. *A Jósza András Múzeum Évkönyve*, 49, pp. 333–380.
- Terdik, Sz., 2008. A máriapócsi kegytemplom építésére és belső díszítésére vonatkozó, eddig ismeretlen források. *A Jósza András Múzeum Évkönyve*, 50, pp. 525–571.
- Terdik, Sz., 2010. Középkori eredetű görög katolikus templomok a történelmi Szatmár vármegyében. *Athanasiana*, 32, pp. 119–134.
- Terdik, Sz., 2011. “...a mostani világnak ízlése, és a rítusnak módja szerint”. *Adatok a magyarországi görög katolikusok művészetéhez.* Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 197 p. (Collectanea Athanasiana, I/5).
- Terdik, Sz., 2014. *Görögkatolikus püspöki központok Magyarországon a 18. században. Művészet és reprezentáció.* Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 315 p. (Collectanea Athanasiana, VI/1).
- Terdik, Sz., 2014. Coexisting traditions: The conversion of the Jesuit church of Uzhgorod into a Greek Catholic cathedral. In: Dumitran, D., Burnichioiu, I., eds. *Sacred space in Central and Eastern Europe from Middle Ages to the late modernity: Birth, function, and changes.* Alba Iulia: Editora Mega, pp. 95–112. (Annales Universitatis Apulensis, Series Historica, 18/1).
- Terdik, Sz., 2014. Középkori templomok görögkatolikus használatban Északkelet-Magyarországon. In: Kollar, T., ed. *Művészet és vallás a Felső-Tisza-vidéken.*

- Nyíregyháza: Szabolcs – Szatmár – Bereg Megyei Területfejlesztési és Környezetgazdálkodási Ügynökség Nonprofit Kft., pp. 178–188.
- Terdik, Sz., 2020. *A Munkácsi Egyházmegye festészete a XIX. században*. Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 494 p. (Collectanea Athanasiana, VI/2).
- Terdik, Sz., ed., 2020. *The Light of Thy Countenance. Greek Catholics in Hungary*. Debrecen: Metropolitan Church sui iuris of Hungary, 492 p.
- Terdik, Sz., 2022. *Petrasovszky Manó: Egy görögkatolikus festőszors a 20. században*. Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 430 p. (Collectanea Athanasiana, VI/4).
- Terdik, Sz., 2023. *A magyarországi görögkatolikusok és a képzőművészet (1780–1972)*. Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, 256 p. (Collectanea Athanasiana, VI/5).
- Terdik, Sz., 2023. The Greek Catholics of Hungary and fine art. In: Végheő, T., Terdik, Sz., eds. *Hungarian Greek Catholics. A history from the earliest times to 1920 and the development of sacred art*. Nyíregyháza: St Athanasius Greek Catholic Theological Institute, pp. 155–408. (Collectanea Athanasiana, I/15).
- Terdik, Sz., 2024. A pócsi Istenszülő tisztelete az ortodox világban. In: Terdik, Sz., ed. *Mária-tisztelet és Mária-kegyhelyek Közép-Kelet-Európában a 18. században*. Nyíregyháza: Szent Atanáz Görögkatolikus Hittudományi Főiskola, pp. 51–92. (Collectanea Athanasiana I/17).
- Udvari, I., 1986. Prylohy gu ystoryi ukrains kykh ostrovokh XVIII vyku u komytatu Sabolch [Appendix to the history of Ukrainian islands in the eighteenth century in the Szabolcs County]. *Shvetlosts*, XXIV, 6, pp. 850–862. (in Ukr.)
- Udvari, I., 1990. Dva naistarshy rusky iazykovo pamiatkyu Mariapovchu u Madiarskei zoz 1715 roku. (Pokhodzenie Plachutsei Bohorodytsy) [The two oldest Russian language monuments in the Hungarian village of Máriapócs from 1715. (The origin of the Weeping Virgin Mary)]. *Nova dumka*, XIX, 84, pp. 15–19. (in Ukr.)
- Udvari, I., ed. 1990. *A munkácsi görögkatolikus püspökség lelkészsegeinek 1806. évi összeírása*. Nyíregyháza: Vasvári Pál Társaság, 189 p. (Vasvári Pál Füzetek, 3).
- Udvari, I., 1994. *Ruszinok a XVIII. században, Történelmi és művelődéstörténeti tanulmányok*. Nyíregyháza: Bessenyei György Kiadó, pp. 134–143.
- Uriel, Á., (Szilvay, I.), 1907. *Kincseink, vagyis az első mária-pócsi, mikolai, második mária-pócsi, pálfalvai és klokocsói csodatevő szent képek leírása*. Ungvár: Unio Nyomda, 1907, 239 p.
- Zachar, J., 1996. Császári csapatok Magyarországon 1696-ban. In: Janka, Gy., ed. *Máriapócs, 1696 – Nyíregyháza, 1996: Történelmi konferencia a máriapócsi Istenszülő-ikon első könnyezésének 300. évfordulójára, 1996. november 4–6*. Nyíregyháza: s.n., pp. 29–42.

Szilveszter Terdik

PhD, Research Fellow, Chief of the Department of Ecclesiastical Art, St Athanasius Greek Catholic Theological Institute, Nyiregyháza, Hungary. Bethlen G. u. 13–19, Nyíregyháza, 4400.
E-mail: terdik.szilveszter76@gmail.com

The Role of Pilgrimage in Granting of Market Town Status to the Village of Máriapócs

The icon of the Mother of God in the Greek Catholic wooden church in the village of Pócs in northeastern Hungary was seen weeping in November 1696. News of the miracle spread quickly, and the icon was transported to Vienna the following year at the request of Emperor King Leopold I (the icon is now located in St. Stephen's Cathedral). Nonetheless, Pócs also became a pilgrimage site (now Máriapócs), as confirmed by the fact that a copy of the icon sent here around 1707 also wept in the summer of 1715. Between 1731 and 1757, a spacious Baroque pilgrimage church was built on the site of the former wooden church; the Greek Catholic Bishop of Munkács founded a monastery in 1749 and entrusted the care of the shrine to monks of the Order of St. Basil the Great. From the 1720s onwards, the Roman popes authorised various pilgrimages, mostly linked to the feast of the Virgin Mary, for both Roman and Greek Catholic worshippers. These indulgences increased the intensity of pilgrimages. Fairs were also held in connection with the pilgrimages, and in 1816 the village was granted the privileged status of a market town by the emperor-king. As there were several towns in the vicinity of Máriapócs, the village clearly owed this urban privilege to its status as a site for the shrine and the economic potential of the pilgrimages. Until the mid-nineteenth century, the monastery was also an important centre of Greek Catholic education. Although Máriapócs lost its urban status in 1872, it regained it in 1993 thanks to its status as a shrine, and for many years it was the smallest town in Hungary.

Keywords: miraculous icon, shrine, monastery of the Order of St Basil the Great, market town, Greek Catholicism

Received: 10 April 2025

Accepted: 2 August 2025

How to cite: Terdik, Sz., 2025. Rol' palomnichestva v darovanii selu Mariapoch statusa goroda. *Central-European Studies*, 8, pp. 161–195. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.6>

Ксения Валерьевна Мельчакова

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект 32А. E-mail: kmelchakova@mail.ru

Деятельность православной общины Мостара во времена османского владычества (по материалам русских источников)

В главном городе Герцеговинского санджака Османской империи Мостаре с 1835 г. функционировала православная община, пожалуй, самая крепкая и влиятельная во всей Герцеговине. Еще в 1830-е годы православные мостарцы заключили особый договор с местным митрополитом, который давал им определенную долю независимости. Положения султанского указа о реформах 1856 г. (хатт-и хумаюн) подтвердили права христианских общин на самостоятельность в вопросах школьного дела, был облегчен процесс церковного строительства. Мостарская православная община с успехом смогла осуществить сооружение большого кафедрального собора в городе, обновить и улучшить школу для мальчиков, возвести здание первого учебного заведения для девочек, в планах было открытие семинарии. Поддержку православным мостарцам оказывало российское дипломатическое представительство в городе, работавшее там с 1859 по 1875 г. Благодаря донесениям, частным письмам, запискам и отчетам российских консулов и вице-консулов, хранящимся в различных архивах России, есть возможность чуть больше узнать о жизни мостарской православной общины, ее вкладе в развитие города и проблемах, с которыми она сталкивалась. Документы свидетельствуют о том, что из России поступала существенная материальная помощь: ежегодные пособия получали мужская и женская школы, была организована поездка мостарского иеромонаха Прокопия Чокорило в Россию для сбора пожертвований. Определенные затруднения вызывали напряженные отношения с местными митрополитами, которые не очень радели о благополучии своей паствы. Православные мостарцы грезили о назначении на кафедру выходца из своей среды. В 1870-е годы увеличилось давление со стороны османских властей, которые предпринимали безуспешные попытки взять школьное дело под свой контроль. Помимо этого, и в самой мостарской общине произошел раскол — представители разных поколений не могли найти общего языка, что привело в упадок школу для мальчиков.

Ключевые слова: Османская империя, Герцеговина, герцеговинские митрополиты, школа, церковь, российские консулы, танзимат

Статья поступила в редакцию: 28 февраля 2025 г.

Статья принята к публикации: 21 апреля 2025 г.

Цитирование: Мельчакова К. В. Деятельность православной общины Мостара во времена османского владычества (по материалам русских источников) // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 196–219. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.7>

Одной из форм самоорганизации православного населения в Османской империи являлись церковные/церковно-школьные общины (комитеты), обладавшие довольно широкими автономными правами. Последнее двадцатилетие османского управления Боснией и Герцеговиной прошло под знаком реформ танзимата (мн. ч. от араб. слова «танзим» — упорядочение). Если первый этап преобразований практически не затронул эти края, то за провозглашением в 1856 г. султанского рескрипта хатт-и хумаюна последовали крупные экономические и общественные перемены, знаменуя собой начало модернизации традиционного общества¹. Среди великих держав существовало негласное разделение сфер влияния в Боснии и Герцеговине. Надзор за положением православного населения края находился в зоне ответственности России. В названном рескрипте подтверждались и права церковно-школьных общин². Объявлялись неприкосновенность имущества христианского духовенства и надзор собрания из духовных лиц и мирян над мирским управлением христианских обществ, было прописано, что каждой общине разрешается самостоятельно учреждать школы наук, искусств и промышленности, возводить и перестраивать церкви³.

На территории Боснии и Герцеговины лишь две церковные общины пользовались большими правами и имели существенное влияние: первая была основана в XVII ст. и находилась в Сараеве (Дабро-Боснийская митрополия), а вторая была образована в Мостаре в 1835 г. (Герцеговинско-Захумская митрополия). В данной статье пойдет речь о последней из них.

¹ Подробнее о реформах см.: Alićić 1983; Олюнин 2006.

² Хевролина 1987: 99.

³ *Убичини Ж. А. А., Павэ де Куртейль А. -Ж.* Современное состояние Оттоманской империи. Статистика, правление, администрация, финансы, армия, общины немусульманские и пр. По официальному ежегоднику на 1875–[18]76 г. (салнаме на 1293 г. хиджры) и по другим новейшим документам. СПб.: Типография О. И. Бакста, 1877. С. 207–213.

В историографии встречается ряд исследований, посвященных истории мостарской православной общины, вышедших из-под пера известных югославских историков В. Чоровича, Д. Берича, Б. Маджара⁴. В них анализируются становление и устройство общины, ее работа на поприще просвещения православных герцеговинцев. Феномен мостарской православной общины привлекает внимание и современных исследователей — сербский историк Н. Радосавлевич подготовил серию статей о жизни общины в османский период, ее возрождении и борьбе за расширение прав во времена австро-венгерской оккупации⁵. Большой интерес представляет книга историка Х. Грюнерта «Вера в глубинке...», посвященная истории православных сербов в Герцеговине в 1878–1918 гг.⁶ Исследование показывает, какие изменения претерпела повседневная и религиозная практика православных жителей края после оккупации и последующей аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. К сожалению, научных публикаций, в центре внимания которых находится изучение истории мостарской православной общины во времена османского владычества, значительно меньше. Отчасти это связано с проблемой сохранности документов по этому периоду в архивах Боснии и Герцеговины.

О мостарской православной общине можно почерпнуть сведения в трудах современников: уроженцев города Прокопия Чокорило (1802–1866)⁷, Иоанникия Памучины (1810–1870)⁸, Йована Пичеты (1844–1920)⁹, а также российского дипломата и слависта Александра

⁴ Берич 1994; Маджар 1991; Čorović 2006.

⁵ Радосављевић 2015; Радосављевић 2016; Радосављевић 2018.

⁶ Grunert 2016.

⁷ Чокорило Прокопий (1802–1866) — иеромонах, рано принял духовный сан, служил в Любинье (Восточная Герцеговина), а затем перебрался в Мостар. См. подробнее: Мельчакова 2019: 207–216.

⁸ Памучина Иоанникий (1810–1870) — уроженец Герцеговины, с 1853 г. — мостарский архимандрит, активно занимался литературным трудом, в 1860–1864 гг. неофициально занимал кафедру Герцеговинского митрополита. См. подробнее: Ковачевић 2009.

⁹ Пичета Йован Христофорович (1844–1920) — уроженец Мостара. В 1858 г. он стал одним из стипендиатов российского правительства и отправился на учебу в Одессу. С успехом окончил Одесское духовное училище, Херсонскую семинарию и Киевскую духовную академию. В 1867 г. предпринял попытку вернуться на родину, но потерпел неудачу. Благодаря содействию российского МИД Пичета был трудоустроен в Российской империи. Со временем он обзавелся семьей, принял российское подданство и даже был причислен к дворянскому сословию. Всю жизнь Йован Пичета проработал

Федоровича Гильфердинга (1831–1872). В 1859–1875 гг. в Мостаре работало российское консульство (с 1868 г. — вице-консульство)¹⁰. В его наследии осталось немало данных о положении дел в местной православной общине и ее многочисленных проектах. Основной массив документов содержится в фондах АВПРИ (Ф. 146. Славянский стол, Ф. 161/1. Главный архив и Ф. 180. Посольство в Константинополе). Кроме того, несомненный интерес представляет переписка российских дипломатов с русскими благотворителями и материалы Святейшего Синода, хранящиеся в других отечественных архивах. Все это позволяет дополнить уже имеющиеся знания о жизни мостарской православной общины в последние годы османского владычества. Нет сомнения, что обращение к австрийским архивам значительно бы обогатило данную статью, но, за неимением возможности глубоко погрузиться в этот материал, основное внимание было сосредоточено на источниках русского и сербского происхождения.

С 1833 по 1851 г. Герцеговина находилась под единоличным управлением Али-паши Ризванбеговича (1783–1851). В этот период власть Порты над регионом была номинальной¹¹. Не реализовались в полной мере в Герцеговине и положения Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г., значительно расширявшего права христианского населения Османской империи. В те времена большую часть населения города составляли именно православные, на втором месте были мусульмане, а на третьем — католики¹².

на образовательном поприще. В разные годы он возглавлял Витебскую и Полтавскую духовные семинарии. Выйдя на пенсию, опубликовал воспоминания, в которых ярко описаны его детство в Герцеговине, путь в Россию и учеба там, работа в духовно-учебных заведениях. Его сын, Владимир Иванович (1878–1947), стал известным советским славистом, удостоился звания академика, был первым ректором Белорусского государственного университета и основателем кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета.

¹⁰ Подробнее о деятельности российского дипломатического представительства в Мостаре см.: Тепић 1988; Мельчакова 2019.

¹¹ *Памучина И.* Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визиря Герцеговинского // Собрание сочинений А. Гильфердинга. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1873. Т. 3. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 329–378; *Чокорило П.* Летопись Герцеговины 1831–1857 // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. С. 499–525.

¹² См.: *Pasko Vasa-efendija*. Bosna i Hercegovina za vreme misije Dževdvetefendije. Banja-Luka: Besjeda, 2011. S. 64; Военно-статистический сборник на 1868 год. СПб., 1868. Вып. II. Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегией, Греция, Турция и вассальные владения. С. 194.

В 1835 г. между православной общиной и герцеговинским митрополитом Иосифом был заключен особый договор, который давал право православным мостарцам самим решать важные проблемы и значительно ограничивал «власть» архипастыря. Основные пункты сводились к следующему:

1) митрополит не имеет права отбирать собранные общиной церковные дары, будь то деньги или вещи;

2) имущество, принадлежащее церкви, запрещено одалживать кому-либо;

3) без согласия с православными герцеговинцами митрополит не имеет права назначать или заменять мостарских ефимеров (приходских священников);

4) кметы (поселяне) несут ответственность за исполнение всех дел, касающихся церкви;

5) кметы обязаны вести письменный учет всем церковным расходам;

6) церковные таинства должны совершаться только в стенах церкви: исповедь, крещение малолетних детей, венчание, отпевание, парастасы;

7) кметы с митрополитом ежегодно должны менять пономарей и тарелочных сборщиков 25 апреля в день святого апостола и евангелиста Марка¹³.

Утвержденные при власти Ризванбеговича правила община сохранила и после его падения, а во времена австро-венгерской оккупации неоднократно апеллировала к ним для сохранения своей автономии¹⁴.

Община была финансово независима от митрополита. В ее круг обязанностей входили надзор за школами, церквями, сбором жалованья владыке, а также объявление народу новых распоряжений властей, распределение податей и разных повинностей. Членами общины, как правило, были представители торгового класса, радеющие, по замечанию российского консула в Мостаре Николая Александровича Иларионова (1866–1872 гг.), в первую очередь о своих интересах¹⁵.

¹³ Grunert 2016: 52; Радосављевић 2018: 331–332.

¹⁴ Радосављевић 2018: 335.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 620. Л. 4–20.

Тем не менее новые реалии¹⁶ позволили мостарской общине реализовать ряд важных проектов в области церковного и школьного строительства. Именно это и стало предметом исследовательского внимания при подготовке данной статьи.

Церковное строительство

В 1834 г. в Мостаре было завершено сооружение церкви Рождества пресвятой Богородицы, сохранившейся по сей день и именуемой в народе Старой православной церковью. Возведена она была на месте прежнего маленького храма, который к 1830 г. обветшал и не мог использоваться. Новая церковь была дотанзиматная, без куполов и колоколов, врыта в землю.

Вот так ее описал управляющий российским консульством в Сараеве А. Ф. Гильфердинг (1857–1858 гг.), посетивший Мостар в 1857 г.:

Размеры для церкви предписаны такие малые, что незначительная часть прихожан может в ней поместиться. В большие праздники христиане толпятся на дворе церковном, ловя случайно долетающие к ним через дверь или окна слова богослужения. Внутри духота ужасная, потому что велено было строить церковь так низко, чтобы крыша ее не была видна из-за стены, ограждающей церковный двор. Чтобы сколь-нибудь увеличить внутри высоту церкви, христиане глубоко врыли ее в землю, так что в церковь спускаешься вниз по лестнице, в десять ступеней. Такова кафедральная церковь Герцеговины¹⁷.

Уже тогда община задумывалась о сооружении нового большого храма. Времена танзимата и изданный в 1856 г. хатт-и хумаюн позволяли получить фирман на строительство новой церкви. В статье V султанского рескрипта говорилось:

В городах, местечках и деревнях со смешанными исповеданиями, каждая община, занимающая особый квартал, будет тоже иметь право <...> исправлять и поддерживать свои церкви, больницы, школы и кладбища. В случае возведения новых зданий, необходимое

¹⁶ Об эволюции роли православной церкви и тенденциях формирования национальных церквей на Балканах см., например: Naxidou 2010.

¹⁷ Гильфердинг А. Ф. Несколько слов о Герцеговине и ее церквях // Санкт-Петербургские ведомости. 1859. № 61.

разрешение должно быть испрашиваемо чрез патриархов или глав общин у моей Высокой Порты, которая, с высочайшего соизволения, будет давать оное, если только к тому не встретится административных препятствий. Вмешательство административных властей во все дела сего рода будет совершенно безвозмездное¹⁸.

Как отметил Н. А. Иларионов, на практике получение фирмана на возведение новой церкви стоило значительной суммы и было сопряжено с большими трудностями (покупка земли, выбор места, особенно если вблизи расположена мечеть или мусульманское кладбище)¹⁹. Решение всех этих проблем очень затягивало дело.

В 1858 г. при содействии российского консульства в Сараеве была организована поездка иеромонаха из Мостара Прокопия Чокорило в Россию с целью сбора средств на строительство и восстановление церквей и монастырей в Герцеговине. Чокорило заручился благословением герцеговинского митрополита Григория (1854–1860 гг.), его кандидатура была одобрена мостарской православной общиной, перед которой он постоянно отчитывался в ходе путешествия.

Иеромонах пробыл в России до середины мая 1860 г. Ему удалось собрать значительную сумму денег (около 8 тыс. руб.), а также несколько сундуков церковных вещей и богослужебных книг. Весомую помощь в организации сбора и отправки пожертвований ему оказала фрейлина императрицы графиня Антонина Дмитриевна Блудова (1813–1891)²⁰. Свои пожертвования передавали московские купцы, члены императорской фамилии, представители известных дворянских родов, священнослужители, обычные поселяне, увидевшие объявления в «Московских ведомостях» и «Санкт-Петербургских ведомостях» (там же печатались и отчеты о сборах и тратах)²¹. Большая часть средств была собрана в Москве. Значимый вклад в итоговую сумму внесли жители Новгородской, Курской и Тульской губерний²². Долгие годы помощь продолжала поступать в город. Передавалось это все через Азиатский департамент МИД. Императрица Мария Александровна пожаловала

¹⁸ Убичини Ж. А. А., Павз де Куртейль А. - Ж. Современное состояние Османской империи. С. 209–210.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 620. Л. 4–20.

²⁰ РГАДА. Ф. 1274. Панины-Блудовы. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2420. Л. 1.

²¹ РГИА. Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410. Л. 74.

²² Там же. Л. 23–25, 34, 41.

архиерейские облачения для церкви в Мостаре²³. В документах МИД есть данные о пересылке вспомоществований из Тифлиса, Риги, Семипалатинска, Области Войска Донского²⁴. Собрать как можно больше средств помогла Чокорило опубликованная в «Санкт-Петербургских ведомостях» статья А. Ф. Гильфердинга «Несколько слов о Герцеговине и ее церквях»²⁵. В ней содержались краткие сведения по истории этого края и повествовалось о тяжелом положении родственного славянского народа под «турецким гнетом».

С возвращением Чокорило в Мостар начались проблемы. Архимандриты герцеговинских монастырей затребовали от мостарской общины выделения финансовой помощи из собранных средств. Чокорило, мостарский архимандрит Иоанникий Памучина, а также епитропы (старосты. — *К.М.*) мостарской православной церкви наотрез отказали им в этом. Мостарская православная община решила придержать все собранные средства в городе и пустить их на строительство большого кафедрального собора, открытие школы для девочек и семинарии. Обиженные игумены начали распространять слухи об обмане со стороны России. Судя по переписке протоиерея русской посольской церкви в Вене Михаила Федоровича Раевского (1811–1884) с Чокорило, герцеговинец собирался совершить еще одно путешествие в Россию²⁶. Однако этим планам не суждено было осуществиться — 18 июля 1863 г.²⁷ он скончался, так и не увидев кафедральный собор Мостара²⁸, к постройке которого община приступила в том же году. Для сооружения храма был нанят герцеговинский архитектор Спасое Вулич²⁹, денег хватило только на возведение стен, одна из которых треснула. «На горé ныне величественно стоят четыре стены, указывая народу на его несостоятельность, бессилие, невежество», — писал в 1867 г. российский дипломат Алексей Николаевич Кудрявцев, временно заменивший российского консула в Мостаре³⁰. Затем община пригласила одного из лучших зодчих

²³ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2420. Л. 1.

²⁴ АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 3801. Л. 46, 69, 73, 76–77.

²⁵ Гильфердинг А. Ф. Несколько слов о Герцеговине и ее церквях.

²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 347. М. Ф. Раевский. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 53.

²⁷ Здесь и далее даты даются по старому стилю.

²⁸ ОР РНБ. Ф. 608. И. В. Помяловский. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 21.

²⁹ ГА РФ. Ф. 1750. Московский славянский благотворительный комитет. Оп. 1. Д. 79. Л. 63.

³⁰ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2053. Л. 75.

на Балканах — Андрея Дамьянова (1813–1878). К середине 1869 г. были готовы все своды внутри церкви, построен средний большой купол, некоторые угловые купола, отделана часть колокольни и сооружена деревянная крыша³¹. Российский вице-консул в Мостаре Н. А. Иларионов писал, что «по наружному своему виду» собор «можно будет считать одним из первых православных храмов Турции, и он мог бы служить украшением любому европейскому городу»³². К 1870 г. строительство было почти завершено. Однако долго не было возможности окончить работы по внутренней отделке: стены только выбелили, а вместо иконостаса стояла деревянная перегородка. Велись переговоры о сооружении иконостаса силами русских мастеров, работавших в это время в Сараеве³³. Иларионов обращался к председателю Московского славянского благотворительного комитета Михаилу Петровичу Погодину (1800–1875) с предложением оплатить работы этих мастеров и для мостарского храма³⁴. Руководство Славянского комитета обещало помочь с реализацией проекта, но к 1872 г. дело так и не сдвинулось с места³⁵. Иконостас все же был сооружен, но пока не удалось выяснить, принимали ли в этом участие русские столяры.

Наконец, 18 октября 1873 г. рано утром над городом раздался колокольный звон. На его призыв собрались около 4 тыс. человек. Началось торжественное освящение Собора Святой Троицы, о чем подробно докладывал в Константинополь российский вице-консул в Мостаре Яков Петрович Славолубов (1872–1875 гг.)³⁶. В здании расположенной неподалеку православной мужской школы османские власти разместили роту солдат для охраны порядка. Процедуру проводил герцеговинский митрополит Прокопий (1863–1875 гг.). Гостями церемонии стали католический епископ, французский и австрийский дипломатические представители. После восхвалений турецким властям митрополит Прокопий произнес приветственные слова российскому вице-консулу и его семейству. В заключение он

³¹ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 79. Л. 63.

³² Там же. Л. 63об.

³³ О русских мастерах в Сараеве см.: АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 3947.

³⁴ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 79. Л. 63–64об.; РГАЛИ. Ф. 373. М. П. Погодин. Оп. 1. Ед. хр. 160. Л. 1–1об.

³⁵ ОР РГБ. Ф. 239. Н. А. Попов. Картон 9. Ед. хр. 37. Л. 3–6об.

³⁶ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 629. Л. 95–99.

поблагодарил ктиторов и приложников за пожертвования в пользу храма и за усердие при его постройке. Указав на пустые рамы в иконостасе, архипастырь обратился к народу с приглашением к денежным пожертвованиям для заказа икон. На самом деле к этому моменту в Санкт-Петербурге уже велась работа над созданием икон для Мостара³⁷, но пока не удалось установить, были ли они переданы в Герцеговину. Славолубов сообщал:

Сооружение церкви, продолжавшееся в течение 10-ти лет, стоило свыше 20 т[ысяч] червонцев, не считая строительного материала, пожертвованного в значительной степени мостарцами. Часть денег обращена была от сбора, сделанного в России покойным мостарским иеромонахом Прокопием Чокорило, часть пожертвована сербским правительством (250 червонцев) и турецким (30 000 пиастров). Тем не менее оказывается ныне в церкви дефицит в 1 000 червонцев, взятых отчасти из училищного капитала, отчасти же из Житомирского монастыря. Но предстоят еще довольно значительные расходы на позолочение иконостаса, на покупку паникадила и других предметов. По отзыву представителей общины, хотя сбор от освящения церкви был довольно значительный, но он едва ли будет достаточен к покрытию расходов по усиленным последним работам к окончанию постройки Церкви³⁸.

Собор был разрушен в 1992 г. в ходе осады Мостара. С 2011 г. ведутся работы по его восстановлению.

Просветительские проекты

Другим важным направлением в деятельности общины стало строительство учебных заведений. Старая школа в Мостаре для мальчиков существовала еще с конца XVIII в. Бóльшая часть торговцев и ремесленников города были грамотными. Уроженец Герцеговины Йован Пичета в воспоминаниях оставил описание этого учебного заведения:

³⁷ В 1872 г. состоялось освящение Собора Рождества пресвятой Богородицы в Сараеве. Иконостас был сооружен мастерами, присланными из Санкт-Петербурга, а иконы переданы общине в дар от настоятеля Троице-Сергиевой пустыни архимандрита Игнатия (Малышева), часть из них была пожертвована представителями императорской фамилии.

³⁸ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 629. Л. 98об.–99.

Вблизи церкви, за “митрополией” и кельями для духовенства, ютилась школа, в которой обучались дети православных мостарцев. Убога была школа, состоявшая из двух невзрачных комнат, по своему внешнему виду, а еще более по школьным принадлежностям, которые почти отсутствовали в ней. Не богат был сведениями и школьной опытностью и обучавший в ней нас начетчик³⁹.

Пичета вспоминал, что посещал школу, где велось обучение славянской грамоте по букварю, часослову и псалтири, на протяжении двух лет. Перемены произошли после падения Ризванбеговича (1851 г.). Стамбульские чиновники, по его словам, обнаружили больше терпимости к христианам и не чинили препятствий к развитию школьного дела. Мостарцы получили разрешение на строительство новой школы и в 1855 г. приступили к ее сооружению. В воспоминаниях Пичеты читаем:

Выстроено было очень хорошее по тому времени каменное двухэтажное здание, с четырьмя просторными комнатами для классов, комнатами для учителей, помещением для собраний представителей общины и кладовой со сводами для хранения церковно-общинного имущества. В постройке школы все принимали самое деятельное участие, не исключая доставления и подноса строительного материала на собственных плечах. В воскресные и праздничные дни, как только оканчивалась литургия, все взрослые и подростки направлялись к находившимся вблизи каменоломням, взваливали на свои плечи изготовленные камни и приносили их к месту постройки. В будни взрослые, чередуясь, исполняли черные работы на постройке, не стеснялись ими, зная, что своим личным трудом они облегчают расходы по сооружению и приносят благую жертву святому общенародному делу⁴⁰.

По словам Гильфердинга, постройка нового здания была осуществлена за счет капитала в 70 000 пиастров, составленного из подаяний, накопившихся в церкви за 22 года⁴¹.

Было решено пригласить из Сербии более сведущего учителя. Из Белграда в Мостар прибыл некий Стоякович (его имени Пичета не указал). Дети стали обучаться гражданскому чтению и письму,

³⁹ Пичета Й. Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца Прот. Й. Пичеты // Вера и разум. 1911. Т. 1. № 2. С. 218.

⁴⁰ Там же. С. 218–219.

⁴¹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2119. Л. 33.

«счислению» и пению по сербским учебным пособиям. Новая школа была хорошо обставлена мебелью, изготовленной мастерами из приграничных с Далмацией земель. Община наняла еще трех учителей. Юный Пичета оказался в третьем классе школы. Петр Сербич преподавал детям Закон Божий — священную историю и катехизис, сербскую грамматику и краткую историю сербского народа, общие сведения из географии и более подробные о родных землях и находящихся в них святынях, краткие сведения из всеобщей истории, арифметику до правил товарищества включительно, церковное пение на гласы⁴².

Попечители школы, Евто Шатрич и Вуко Шола, и другие члены общины решили, что необходимо открыть четвертый класс. По воспоминаниям Пичеты, в школе работали четыре педагога: выпускники белградской семинарии — Никифор Дучич (1832–1900), Серафим Перович (1827–1903), Петр Сербич и окончивший курс обучения в Далмации Иван Шушич. Устроенная в Мостаре школа стала одной из лучших в Боснии и Герцеговине⁴³. В 1857 г. число ее учеников достигло 200, дети бедных родителей посещали уроки бесплатно⁴⁴.

В 1857 г. здесь побывали управляющий российским консульством в Сараеве А.Ф. Гильфердинг и секретарь консульства Александр Семенович Ионин (1857–1860 гг.). В донесении к директору Азиатского департамента МИД Егору Петровичу Ковалевскому (1856–1861 гг.) от 17 мая 1857 г. Гильфердинг написал:

После обедни мне показали прекрасно устроенную первоначальную школу, заведенную с прошлого года при мостарской церкви, и которая, хотя едва начала свое существование и имеет самые недостаточные средства, оказывает уже благотворное влияние на здешний народ⁴⁵.

Из этой школы было отобрано несколько мальчиков, которых отправили на обучение в Россию на казенный счет, одним из них был

⁴² Пичета Й. Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. С. 219–220.

⁴³ Там же. С. 219–223.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2119. Л. 33–33об.

⁴⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы / отв. ред. Ю.А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1985. С. 40.

и Йован Пичета⁴⁶. Школа продолжила работу и после оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Учебное заведение с 1858 г. получало ежегодную денежную субсидию от российского правительства в 300 рублей, выдача которой неоднократно продлевалась⁴⁷.

Важно заметить, что в 1860-е годы находящийся с проверкой в Боснии и Герцеговине комиссар Порты Джевдет-эфенди предлагал местным христианским общинам содержать за счет правительства в их школах учителей турецкого языка, изучение которого открыло бы возможности для карьерного роста. Католическая община одобрила идею, а православные мостарцы ответили категорическим отказом⁴⁸.

Во время путешествия Прокопия Чокорило по России он обратился в МИД с ходатайством о выдаче пособия для учреждения в Мостаре школы для девочек православного исповедания⁴⁹. МИД согласился выделить 1 200 рублей на обустройство. Об этом Азиатский департамент поставил в известность консула в Сараеве Еврафа Романовича Щулепникова (1858–1868 гг.) 31 марта 1859 г. Императрица Мария Александровна соизволила назначить для этого учебного заведения ежегодное пособие в 300 рублей серебром из своих сумм на пять лет. Мостарцам было поставлено одно условие — в доме школы должно было возвести часовню во имя св. мироносицы Марии Магдалины⁵⁰. МИД предлагал приступить к сооружению школы немедленно, но в силу ряда обстоятельств учебное заведение начало работу только в 1860-е годы. Известный исследователь школьного дела в Боснии Митар Папич в одном из трудов указал, что здание школы было построено в 1861 г., но нет возможности установить, когда точно она начала работу⁵¹. Уроженец Мостара историк Владимир Чорович оставил запись

⁴⁶ Об обучении славян из Боснии и Герцеговины в России см.: Тепић 1988: 494–542; Мельчакова 2019: 265–294.

⁴⁷ См.: АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2119. Л. 33–33об.; Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 716. Л. 104–104об.; Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 6665; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 91–92.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 620. Л. 4–20.

⁴⁹ Мостарцы вдохновились примером боснийской просветительницы Стаки Скендеровой (1828/1830(?)–1891), открывшей при содействии России, Сербии и Порты школу для девочек в Сараеве в 1858 г. Подробнее о С. Скендеровой и ее школе см.: Мельчакова 2019: 238–265.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 6677. Л. 5–5об.

⁵¹ Папић 1978: 29.

о том, что школу построили быстро, она была менее солидной, чем мужская, и располагалась на территории, где ранее находился церковный виноград (который отобрал Али-паша Ризванбегович, а владельцам вернул Омер Паша Латас)⁵². В записке Прокопия Чокорило, составленной для МИД России предположительно в 1858/1859 гг., говорилось, что эта земля носит название *Пейковина*, длина ее 122 аршина, а ширина — 102. Али-паша Ризванбегович отнял ее у общины и разбил там виноградник, а в 1851 г. она была возвращена владельцам⁵³. Однако, судя по всему, мостарский иеромонах лукавил, надеясь преуспеть в получении пособия для строительства женской школы. В апреле 1860 г. община составила прошение на имя константинопольского патриарха Кирилла с просьбой о содействии в возврате этого земельного владения мостарской церкви⁵⁴. Доставить его по назначению просили российское консульство в Мостаре. Консул Валериан Владимирович Безобразов (1859–1866 гг.) в сопроводительном письме кратко изложил суть проблемы. В 1836 г. земля была приобретена епитропами мостарской церкви Рождества пресвятой Богородицы у одного мусульманина. Через пять лет Али-паша Ризванбегович отнял ее без какой-либо компенсации и разбил там виноградник. После смены власти община неоднократно обращалась к пашам и патриархам с просьбой о возвращении собственности, но безрезультатно. Весной 1860 г. они вновь подали прошение властям, дело было передано в Порту. На донесении Безобразова стоит помета чрезвычайного посланника и полномочного министра в Константинополе Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского (1859–1863 гг.) о содействии общине в решении этого вопроса⁵⁵. Вероятнее всего, работу школа начала в 1864 г. История сохранила имена нескольких учительниц, трудившихся в разное время в этом учебном заведении: выпускница сараевской школы для девочек Стаки Скендеровой, стипендиатка российского правительства Фильма (Евфимия) Терзич (1864–1865 гг.), прибывшая из России Мария Перович (в девичестве Иогансон) (1866–1868 гг.)⁵⁶, приглашенные

⁵² См.: Радосављевић 2018: 342.

⁵³ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 3801. Л. 13об.–15.

⁵⁴ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2048. Л. 21–22.

⁵⁵ Там же. Л. 19–20.

⁵⁶ Мария Иогансон в 1865 г. вышла замуж за уроженца Герцеговины Йована Перовича, проходящего курс обучения в России. Вместе с супругом в 1866 г. она приехала

из Сербии Мария Илич (1868–1873 гг.), Милица Илич (с 1873 г.) и Милка Станоевич (с 1874 г.). Две последние работали до закрытия учебного заведения, вызванного началом восстания в Герцеговине. Императрица Мария Александровна оказывала покровительство школе до 1877 г. и исправно направляла мостарской общине денежные средства для выдачи жалования учительницам, увеличив его до 480 рублей в год⁵⁷.

Мостарская православная община мечтала об открытии в городе семинарии. Изначально предполагалось организовать богословские классы при школе для мальчиков⁵⁸. В 1857 г. было подано прошение российскому правительству о выделении средств для устройства духовного училища в Мостаре. Митрополит Григорий дал обещание впредь не рукополагать в священники людей, не получивших образование в этом учебном заведении⁵⁹. В 1860-е годы велась работа по устройству семинарии при монастыре Житомирский, но с отправкой в ссылку архимандрита монастыря Серафима Перовича (1870 г.)⁶⁰ все сошло на нет. В 1869 г. мостарский архимандрит Иоанникий Памучина обратился в российский МИД с просьбой о помощи в приобретении на 800 червонцев пятипроцентных билетов государственного банка первого выпуска 1860 г., чтобы следующие с капитала проценты уплачивались ему до кончины, а после шли «на вечные времена», оставляя неприкосновенным сам капитал, в пользу православной герцеговинской семинарии, если она когда-нибудь откроется, в ином случае — в пользу мостарского православного училища⁶¹. В годы османского правления се-

в Мостар. Императрица Мария Александровна назначила ее директрисой школы для девочек. Супружеская жизнь Перовичей не сложилась, и в 1868 г. Мария вернулась домой, оставив мужа и должность в школе.

⁵⁷ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 4338.

⁵⁸ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 91–92.

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 799. Л. 155–156.

⁶⁰ В 1870 г. Серафим Перович, его брат Йован и священник Леонтий Радулович были арестованы османскими властями по подозрению в организации восстания в Герцеговине. Их отправили в ссылку в Феццан, приговорив к 101 году заключения. В 1876 г. были освобождены благодаря вмешательству иностранных держав. В 1888 г. Л. Радулович занял кафедру герцеговинского митрополита, его сменил С. Перович (1889–1903 гг.). Об их деятельности на митрополичьей кафедре см., например: Grunert 2016: 294–314.

⁶¹ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 6703.

минария так и не была открыта в Мостаре. Проценты с капитала Памучины, ушедшего из жизни в 1870 г., передавались исправно общине до 1877 г. По прошению российскому правительству (1880 г.) выдача была возобновлена. В архивных документах МИД хранятся расписки, свидетельствующие о передаче денежных средств общине за 1881–1891 гг.⁶²

Мостарская православная община и герцеговинские митрополиты

Взаимоотношения православной общины Мостара с местными митрополитами оставляли желать лучшего. Неоднократно предпринимались попытки выдвижения местных священнослужителей на митрополичью кафедру. Так, в 1850 г. община обращалась в Россию с просьбой посодействовать назначению архимандрита Иоанникия Памучины вместо «ненавистного грека» Иосифа II (1848–1854 гг.). В результате Памучине пришлось некоторое время скрываться от преследования турок в Дубровнике. В Мостар он вернулся в 1853 г.⁶³ Поскольку российское консульство начало работу в Мостаре в 1859 г., в распоряжении ученых есть документы о взаимоотношениях паствы с двумя другими герцеговинскими митрополитами: Григорием (1854–1860 гг.) и Прокопием (1863–1875 гг.). Первый был греком по происхождению, второй — болгарин. Имели место многочисленные конфликты с названными иерархами. На обоих составлялись жалобы в Константинополь. Например, в донесении Е. Р. Шулепникова в посольство в Константинополе 17 марта 1859 г. сообщалось о намерении мостарской православной общины подать прошение об удалении митрополита Григория из Герцеговины. Причиной послужили многочисленные конфликты с владыкой, уличенным в завышении платы на священнические места. Достойные, но бедные кандидаты не могли получить приход. Члены общины даже пытались устроить архипастырю бойкот, сговорившись покидать здание церкви при его появлении во время богослужения⁶⁴. На место митрополита община вновь предлага-

⁶² Там же. Л. 53–105.

⁶³ Чуркина 2011: 58–59, 62.

⁶⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2323. Л. 47–49об.

ла архимандрита Иоанникия Памучину. После кончины Григория (1860 г.) православная община Мостара официально обратилась к константинопольскому патриарху Кириллу VII с просьбой назначить новым митрополитом отца Иоанникия. В тот же год в Герцеговине разразилось очередное восстание. Нового митрополита Константинополь так и не назвал, и фактически его функции до 1864 г. неофициально исполнял Памучина⁶⁵. Консул Н. А. Иларионов отметил, что до издания хатт-и хумаюна в 1856 г. почти все греческие митрополиты и священники позволяли себе злоупотребления при взимании вознаграждений за труды. Только в 1859 г. митрополитам и священникам была назначена постоянная плата. Однако в Герцеговине это решение реализовалось только с приездом митрополита Прокопия в 1864 г. У общины отношения с ним также не складывались. Согласно предписанию, его ежегодный доход с паствы должен был составлять 70 тыс. пиастров (по семь пиастров и 28 пар с каждой православной семьи Герцеговины), но из-за бедности населения и ввиду того, что не все признавали его власть, на 1866 г. ему не удалось собрать и 50 000 пиастров. Ввиду этого он был вынужден брать завышенную плату за отправление обрядов⁶⁶. Ему не могли простить бездействия в деле Перовича, многочисленных интриг против учителей мостарской школы и многого другого. Он был частым гостем в австро-венгерском консульстве и неустанно «строил ковы против православных герцеговинцев»⁶⁷. Я. П. Славолюбов сообщил в 1872 г.:

Над православными же господствует митрополит Прокопий, который хотя по происхождению болгарин, но в душе грек и в полном смысле турецкий чиновник, как он сам любит выражаться. Он не только равнодушно относится к интересам вверенной ему паствы, но, где может, старается подавить всякое благородное в ней стремление⁶⁸.

В 1873 г. Прокопий предпринял попытку запретить служение в часовне при школе для девочек, в которой по воскресным дням

⁶⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 12; Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века / отв. ред. С. А. Никитин. М.: Наука, 1975. С. 178.

⁶⁶ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 620. Л. 4–20.

⁶⁷ Там же. Д. 629. Л. 53об.–54.

⁶⁸ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2058. Л. 130об.

возносились молитвы за Александра II и Марию Александровну⁶⁹. В 1874 г. российский дипломат докладывал об угрозах православных прихожан перейти в католицизм, если патриарх не сменит владыку. Часть членов мостарской общины открыто объявили, что «им не нужно архипастыря, который стрижет овец, нимало не заботясь о сохранении своего стада»⁷⁰.

Внутренние раздоры

Конфликты с митрополитами были не единственной проблемой православных мостарцев. 1870 год стал временем потерь для местной общины. В ссылку отправились архимандрит монастыря Житомыслич Серафим Перович и его брат, преподаватель мужской школы в Мостаре Йован, скончался мостарский архимандрит Иоанникий Памучина. Начались конфликты, которые привели к расколу общины. Османские власти никогда не вмешивались в ее внутренние дела. Уже в 1871 г. представители молодого поколения направили жалобу сербскому митрополиту Михаилу (1826–1898)⁷¹. Все эти события привели к упадку некогда отлично работавшей мужской школы, где на какое-то время остался один преподаватель посредственной квалификации⁷². Имел место серьезный конфликт между молодыми учителями и директором школы, одним из старшин общины Вукой Шолой⁷³. Например, последний обвинял выпускника Московского университета и местного уроженца, учителя Григория Филипповича в безбожии, так как тот на занятиях объяснял физическую природу таких явлений, как дождь, молния, гром, говорил детям о том, что земля вращается вокруг солнца и прочее⁷⁴. Примиришь стороны безуспешно пыталось российское вице-консульство. Герцеговинский митрополит отказался от вмешательства⁷⁵. В начале 1874 г. османскими властями было принято решение об изъятии школьного дела из сферы ответственности православных

⁶⁹ Уједињена Омладина српска и њено доба 1860–1875. Грађа из совјетских архива / ур. В. Н. Кондратјева. Нови Сад: Будућност, 1977. С. 307.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 631. Л. 128.

⁷¹ Уједињена Омладина српска. С. 195–197.

⁷² АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 625. Л. 84–84об.

⁷³ О конфликте В. Шолы с молодыми учителями см., например: Уједињена Омладина српска. С. 290–291.

⁷⁴ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 631. Л. 125–128.

⁷⁵ Там же. Д. 629. Л. 28об.

общин⁷⁶. Предписывалось: повсеместно учредить начальные школы наподобие рюштие⁷⁷; установить контроль над учителями, получающими жалование от общин; организовать ихтияр-меджлисы (советы старейшин. — *К.М.*); считать христианские церковно-школьные комитеты нелегитимными⁷⁸. Реализовать задуманное в полной мере властям так и не удалось, но В. Шола воспользовался ситуацией. В конце 1874 г. один из членов консервативной части общины нарочно устроил ссору с Филипповичем для того, чтобы подать на него жалобу османским властям. В результате на имя мутессарифа поступило ходатайство с просьбой изгнать Филипповича и второго учителя Ристо Лазаревича. Для воздействия на чиновника был даже привлечен муфтий, что стало совсем невиданным делом для тех краев. Таким образом, распря в среде православных мостарцев должна была обсуждаться в среде мусульман — в училищном совете, учрежденном в 1874 г. Российский вице-консул Славолубов докладывал начальству:

Полчаса спустя после подачи просьбы, молния ударила в громоотвод новоустроенной церкви и попала в угол колокольни, не причинив, впрочем, значительного вреда. В этом физическом явлении одни увидели кару божью за поднятие руки на церковь, противники же выразили сожаление только в том, что молния ударила на церковь, а не на школу и не сокрушила сю последнюю⁷⁹.

Дело завершилось увольнением учителей⁸⁰. До начала Герцеговинского восстания мир в общине так и не наступил.

Заключение

Таким образом, можно наблюдать определенную эволюцию в развитии мостарской православной общины. До начала 1870-х годов это была общность сплоченных единомышленников. Несмотря

⁷⁶ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2336. Л. 7–9об.; Там же. Оп. 517/2. Д. 748. Л. 31–36об.

⁷⁷ *Рюштие* — светская средняя школа в Османской империи, появившаяся в 1846 г. рамках проведения реформ танзимата. Обучение в таких школах должно было быть бесплатным. Подробнее о просветительских реформах в Османской империи см.: Evered 2012.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 748. Л. 37–40об.

⁷⁹ Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 631. Л. 125–128.

⁸⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. С. 396–398.

на натянутые отношения общины с местными митрополитами, ей удалось успешно реализовать ряд проектов. В основной массе членами общины были зажиточные торговцы, которым, по отзывам российских и иностранных дипломатов, было дело только до благополучия собственных карманов. Однако такие сильные личности, как Иоанникий Памучина и Прокопий Чокорило, своей энергией двигали дело вперед. В 1870-е годы община погрязла в раздорах и склоках и уже не была столь сильна, как в прежние времена. Кроме того, османские власти предпринимали попытки к реформированию и упразднению церковно-школьных комитетов в вилайете. После австро-венгерской оккупации, особенно в начале 1880-х годов в рядах членов общины вновь наблюдается единство в борьбе за церковно-школьную автономию, о чем подробно пишут Л. Ю. Пахомова, Н. Радосавлевич и Х. Грюнерт⁸¹.

Список сокращений

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи, Москва
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург
РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва
РГИА — Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург

Литература

- Берић 1994 — *Берић Д.* Устанак у Херцеговини. 1852–1862. Београд: Српска академија наука и уметности; Нови Сад: Удружење Срба из Херцеговини у Војводини, 1994. 1039 с.
Ковачевић 2009 — *Ковачевић В.* Живот и дело Јоаникија Памучине. Пале: Српско просветно и културно друштво «Просвета», 2009. 178 с.

⁸¹ Пахомова 2021: 191–209; Радосављевић 2016; Grunert 2016.

- Маджар 1991 — *Маджар В.* Турецкие реформы и развитие некоторых культурных институтов в Боснии и Герцеговине в 1850–1870 гг. // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия / ред. Ю.А. Писарев, В.И. Шеремет, В.Г. Карасев, В.М. Хевролина, В.И. Косик, Н.В. Кабакова. М.: Институт славяноведения РАН, 1991. С. 160–175. (Балканские исследования. Вып. 13).
- Мельчакова 2019 — *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019. 432 с.
- Олюнин 2006 — *Олюнин С.В.* Боснийский эялет в конце XVIII–70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. 130 с.
- Папић 1978 — *Папић М.* Историја српских школа у Босни и Херцеговини. Сарајево: Веселин Маслеша, 1978. 193 с.
- Пахомова 2021 — *Пахомова Л.Ю.* Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М.: Индрик, 2021. 288 с.
- Радосављевић 2015 — *Радосављевић Н.* Ниже дужности у обновљеној црквеношколској општини у Мостару (1888–1891) // Црквене студије. Ниш, 2015. № 12. С. 411–426.
- Радосављевић 2016 — *Радосављевић Н.* Мостарска црквеношколска општина и промене на херцеговачком митрополијском трону (1888–1889) // Историјски часопис. 2016. Књ. LXV. С. 307–330.
- Радосављевић 2018 — *Радосављевић Н.* Српска православна црквено-школска општина у Мостару // Глас CDXXVIII Српске академије наука и уметности. Одељење историјских наука. 2018. Књ. 18. С. 329–350.
- Тепић 1988 — *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево: Веселин Маслеша, 1988. 586 с.
- Хевролина 1987 — *Хевролина В.М.* Документы архивов СССР по истории школьного дела в Боснии и Герцеговине в 50–70-х гг. XIX в. // Међународни научни skup. Problemi istorije Bosne i Hercegovine 1850–1875. (Sarajevo, 13–15 maja 1986) / gl. ur. M. Ekmečić. Sarajevo, 1987. S. 97–112.
- Чуркина 2011 — *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославяне. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. 200 с.
- Aličić 1983 — *Aličić A.* Uređenje Bosanskog ejaleta od 1789. do 1878. godine. Sarajevo: Orijentalni Institut u Sarajevu, 1983. 199 s.
- Ćorović 2006 — *Ćorović V.* Srpska pravoslavna opština // Knjiga o Mostaru / ur. B. Pištalo. Beograd: Svet knjige, 2006. S. 129–135.
- Evered 2012 — *Evered E.Ö.* Empire and Education under the Ottomans: Politics, Reform, and Resistance from the Tanzimat to the Young Turks. London; New York: I. B. Tauris, 2012. 360 p.

- Grunert 2016 — *Grunert H.* Glauben im Hinterland: Die Serbisch-Orthodoxen in der habsburgischen Herzegowina 1878–1918 (Religiöse Kulturen im Europa der Neuzeit). Göttingen: V&R Academic, 2016. 656 S.
- Naxidou 2010 — *Naxidou E.* The transition from ecumenical tradition to a multinational perspective: The historical evolution of the Orthodox Church in the Ottoman Empire // *Empires and peninsulas: Southeastern Europe between Karlowitz and the Peace of Adrianople, 1699–1829* / ed. by P. Mitev, I. Parvev, M. Baramova, V. Racheva. Berlin: Lit, 2010. P. 149–162.

References

- Aličić, A., 1983. *Uredjenje Bosanskog ejaleta od 1789. do 1878. godine*. Sarajevo: Orijentalni Institut u Sarajevu, 199 p. (in Serb.)
- Berić, D., 1994. *Ustanak u Hercegovini. 1852–1862* [The uprising in Herzegovina. 1852–1862]. Belgrade: Srpska akademija nauka i umetnosti; Novi Sad: Udruženje Srba u Hercegovini i Vojvodini, 1039 p. (in Serb.)
- Churkina, I. V., 2011. *Protoierei Mikhail Fedorovich Raevskii i iugoslaviane* [Archpriest Mikhail Fedorovich Raevskii and the Southslavs]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 200 p. (in Rus.)
- Ćorović, V., 2006. Srpska pravoslavna opština. In: Pištalo, B., ed. *Knjiga o Mostaru*. Belgrade: Svet knjige, pp. 129–135. (in Serb.)
- Evered, E. Ö., 2012. *Empire and Education under the Ottomans: Politics, Reform, and Resistance from the Tanzimat to the Young Turks*. London; New York: I. B. Tauris, 360 p.
- Grunert, H., 2016. *Glauben im Hinterland: Die Serbisch-Orthodoxen in der habsburgischen Herzegowina 1878–1918 (Religiöse Kulturen im Europa der Neuzeit)*. Göttingen: V&R Academic, 656 p.
- Khevrolina, V. M., 1987. Dokumenty arkhivov SSSR po istorii shkol'nogo dela v Bosnii i Gertsegovine v 50–70-kh gg. XIX v. [Documents from the archives of the USSR on the history of school affairs in Bosnia and Herzegovina in the 1850s and 1870s]. In: Ekmečić, M., ed. *Međunarodni naučni skup. Problemi istorije Bosne i Hercegovine 1850–1875. (Sarajevo, 13–15 maja 1986)*. Sarajevo, pp. 97–112. (in Rus.)
- Kovačević, V., 2009. *Život i delo Joanikija Pamučine* [Life and work of Joanikij Pamučina]. Pale: Srpsko prosvjetno i kulturno društvo “Prosvjeta”, 178 p. (in Serb.)
- Madzhar, V., 1991. Turetskie reformy i razvitie nekotorykh kul'turnykh institutov v Bosnii i Gertsegovine v 1850–1870 gg. [Turkish reforms and the development of some cultural institutions in Bosnia and Herzegovina in 1850–1870]. In: Pisarev, Iu. A., Sheremet, V. I., Karasev, V. G., Khevrolina, V. M., Kosik, V. I., Kabakova, N. V., eds. *Bosniia, Gertsegovina i Rossiia v 1850–1875 godakh: narody i diplomatiia* [Bosnia, Herzegovina and Russia in 1850–1875:

- peoples and diplomacy]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 160–175. (Balkanskie issledovaniia, 13). (in Rus.)
- Melchakova, K. V., 2019. *Bosniia i Gertsegovina v obshchestvenno-politicheskoj zhizni Rossii v 1856–1875 gg.* [Bosnia and Herzegovina in public and political life of Russia in 1856–1875]. Moscow: Indrik, 432 p. (in Rus.)
- Naxidou, E., 2010. The transition from ecumenical tradition to a multinational perspective: The historical evolution of the Orthodox Church in the Ottoman Empire. In: Mitev, P., Parvev, I., Baramova, M., Racheva, V., eds. *Empires and peninsulas: Southeastern Europe between Karlowitz and the Peace of Adrianople, 1699–1829*. Berlin: Lit, pp. 149–162.
- Oliunin, S. V., 2006. *Bosniiskii eialet v kontse XVIII–70-kh gg. XIX stoletia: osman-skii opyt modernizatsii traditsionnogo obshchestva* [The Bosnian eyalet from the late eighteenth to the 1870s: the Ottoman experience of modernization of traditional society]. Moscow: Akademiia gumanitarnykh issledovani, 130 p. (in Rus.)
- Pakhomova, L. Iu., 2021. *Balkanskii lakmus. Avstro-vengerskaia politika v Bosnii i Gertsegovine i rossiiskaia diplomatiia (1878–1908)* [The Balkan litmus. Austro-Hungarian policy in Bosnia and Herzegovina and Russian diplomacy]. Moscow: Indrik, 288 p. (in Rus.)
- Papić, M., 1978. *Istorija srpskih škola u Bosni i Hercegovini* [History of Serbian schools in Bosnia and Herzegovina]. Sarajevo: Veselin Masleša, 192 p. (in Serb.)
- Radosavljević, N., 2015. Niže dužnosti u obnovljenoj crkvenoškolskoj opštini u Mostaru (1888–1891) [Lower offices in the re-established church-and-school community of Mostar (1888–1891)]. *Crkvene studije*. Niš, 12, pp. 411–426. (in Serb.)
- Radosavljević, N., 2018. Srpska pravoslavna crkveno-školska opština u Mostaru [Serbian Orthodox church-educational municipality in Mostar]. *Glas CDXXVIII Srpske akademije nauka i umetnosti. Odeljenje istorijskih nauka*, 18, pp. 329–350. (in Serb.)
- Radosavljević, N., 2016. Mostarska crkvenoškolska opština i promene na hercegovačkom mitropolijskom tronu (1888–1889) [Church-school municipality in Mostar and changes on the Herzegovina metropolitan throne (1888–1889)]. *Istorijski časopis*, LXV, pp. 307–330. (in Serb.)
- Tepić, I., 1988. *Bosna i Hercegovina u ruskim izvorima: (1856–1878)* [Bosnia and Herzegovina in Russian sources: (1856–1878)]. Sarajevo: Veselin Masleša, 586 p. (in Serb.)

Ksenia V. Melchakova

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt 32A. E-mail: kmelchakova@mail.ru

The Activities of the Orthodox Community of Mostar under the Ottoman Rule (Based on Materials from Russian Sources)

One of the forms of self-organization of the Orthodox population in the Ottoman Empire were church/church-school communities, which had fairly broad autonomous rights, which was additionally confirmed by the provisions of the Sultan's decree of 1856 on reforms in the Empire. A strong and influential Orthodox community has been functioning in the main city of Herzegovina, Mostar, since 1835. A special agreement was concluded between the community and the Metropolitan of Herzegovina, which gave the Orthodox Mostarians the right to solve important problems themselves and significantly limited the "power" of the Metropolitan. There is quite a lot of information about the Mostar Orthodox community in the writings of contemporaries: natives of Mostar Prokopii Čokorilo, Joanikije Pamučina, Jovan Pičeta, as well as the Russian diplomat and traveler Aleksander Hilferding. A lot of information about the situation in the community and its numerous projects is contained in the archival heritage of the Russian diplomatic mission in Mostar and other Russian archives, not all of these materials have been introduced into scientific circulation. The Orthodox community of Mostar had a great influence on the life and appearance of the city: the majestic Orthodox holy Trinity cathedral was erected, men's and women's schools were opened, and a seminary was planned to open. The documents revealed in the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire allow us to study in more detail the history of the implementation of the above-mentioned projects, the problems they faced, financial and diplomatic support provided by Russia to Orthodox Mostarians.

Keywords: The Ottoman Empire, Herzegovina, Hercegovinian metropolitans, school, church, Russian consuls, tanzimat

Received: 28 February 2025

Accepted: 21 April 2025

How to cite: Mel'chakova, K. V., 2025. Deiatel'nost' pravoslavnoj obshchiny Mostara vo vremena osmanskogo vladychestva (po materialam russkikh istochnikov). *Central-European Studies*, 8. pp. 196–219. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.7>

Анна Сергеевна Лубоцкая

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект 32А. E-mail: lia-ann@mail.ru

Столица и жизнь вокруг: особенности развития греческих городов в первой трети XX в.

С момента обретения независимости в 1830 г. греческое государство стремилось нивелировать значение восточной культуры в жизни страны. Тому способствовали тяготы жизни при османах, тоска по историческому наследию античности и, самое главное, влияние великих держав на современную жизнь Греции. К началу XX в. возникшая ранее ориентация на европейскую модель развития отчетливо проявилась во всех областях жизни: в политике, культуре, духовной сфере. Реформационные тенденции отмечались и в облике городов. Прежде всего они зримо проявились в Афинах и во второй, по сути, столице — Салониках. Афины менялись, модернизировались по образу современных европейских центров, притягивая к себе греческую элиту, поэтическую и творческую богему. В Салониках после страшного пожара 1917 г., уничтожившего большую часть его исторической застройки, греческие власти получили уникальный шанс осовременить северную столицу с учетом градостроительных практик европейских городов. Однако большая часть Греции была нейтральна к новым западноевропейским веяниям, что обуславливалось финансовыми проблемами власти, отсутствием разветвленной сети дорог — основных каналов связи со столицей и ее новомодными тенденциями, острой переселенческой проблемой, сопровождавшейся усилением самобытного элемента в жизни малых городов, приверженностью к восточным традициям, высоким уровнем религиозности. В статье выявлены модернизационные тенденции, проявившиеся в облике греческих городов, и воссоздана атмосфера городской жизни через призму оппозиции «модернизация — традиционализм». В качестве источников использованы свидетельства современников — путешественников, журналистов, писателей, политиков, дипломатов, деятелей культуры, публикации в средствах массовой информации.

Ключевые слова: Греция, модернизация, город, традиция, малоазийская катастрофа

Статья поступила в редакцию: 7 марта 2025 г.
Статья принята к публикации: 23 июня 2025 г.

Цитирование: Лубоцкая А. С. Столица и жизнь вокруг: особенности развития греческих городов в первой трети XX в. // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 220–246. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.8>

На сегодняшний день в зарубежной историографии, прежде всего греческой, тема города на рубеже веков, модернизационная политика власти, главным образом либерального правительства Элефтериоса Венизелоса (1864–1936) в 1910–1915, 1917–1920 гг. составляет (и составляла) область повышенного интереса. Изучаются причины реформационной деятельности, усиленная европеизация и как итог — изменение городской среды и архитектурного ландшафта, социальная политика и эволюция рабочего законодательства, большое внимание уделяется малоазийским событиям¹, переселению беженцев, работе комиссии и властных структур по расселению малоазийцев. Мнения исследователей разнятся: кто-то восхищается продуманной политикой власти, оправданной временем, кто-то жалеет об упущенных возможностях и стертом колорите в угоду европейским стандартам (последнее, в частности, свойственно авторам по истории Фессалоник).

В отечественной историографии тема греческого города в первой трети XX в. поднималась изредка и зачастую в рамках крупных исследовательских работ. В частности, Т. В. Никитина — специалист по истории Греции периода нахождения у власти правительства Э. Венизелоса — затрагивала вопросы модернизационных изменений в промышленности, культурном позиционировании страны, подчеркивая особую устремленность греческой власти к европеизации греческого быта в большинстве сфер жизнедеятельности государства². Изменение общественного климата, поиски себя в обновленном мире, итоги малоазийской катастрофы детально изучала и О. Е. Петрунина³. Именно ей принадлежит точное определение обескровливания греческой общественно-культурной мысли после малоазийских

¹ В результате поражения греческой армии в военной кампании против Турции 1921–1922 гг. греки были вынуждены покинуть родные им земли Малой Азии. В 1923 г. на Лозаннской мирной конференции между Грецией и Турцией был подписан договор о принудительном обмене населением. В историю эти события вошли как «Малоазийская катастрофа» — катастрофа человеческих судеб, катастрофа греческой политики и идеи объединения всех эллинов в едином государстве, катастрофа эллинизма, навсегда покинувшего берега Малой Азии.

² Никитина 2002a; Никитина 2002b; Никитина 2022.

³ Петрунина 2010.

событий, выразившееся в отрыве культурной элиты страны от национальных корней, противопоставлении этого «бесконечного духовного поиска» патриотически настроенному укладу и мыслям новоприбывших греков-малоазийцев. Мною опубликовано исследование о греческом городе первых десятилетий XX в.⁴ в контексте миротворческого движения на Балканах. Обращение к очеркам балканских корреспондентов журнала *Les Balkans* («Балканы») позволило дать вторую жизнь воспоминаниям путешественников и местных жителей, живописавших современный им, быстро менявшийся уклад жизнь греческой столицы. На их основании и с привлечением других источников — прежде всего журнальных публикаций, фотографий, заметок путешествующих иностранцев — мне удалось воссоздать яркий и колоритный мир Афин межвоенного времени.

В 2007 г. Борис Яковлевич Фрезинский издал книгу, посвященную фотографическим опытам известного советского писателя и журналиста Ильи Эренбурга (1891–1967). Прозаик и фотограф в одном лице, Эренбург много путешествовал по территории Европы начала XX в., был проездом и в Греции как раз после малоазийских событий (конец 1920-х годов). Его статьи и фотографии явились богатой информационной базой для исследования жизни межвоенной Греции, в том числе повседневной среды, городского быта греческих граждан. Рассматривая и анализируя эти материалы в совокупности с воспоминаниями современников, сопоставляя их с историографией вопроса, удалось расширить поле для исследования городского ландшафта Греции 1930-х годов, в том числе в рамках формулы модернизация/европеизация — восточное прошлое/малоазийское наследство. Появилась возможность увеличить и географические рамки — кроме столицы, к изучению были привлечены Фессалоники, а также малые центры Эллады.

«Без грусти я покидаю новые Афины», — написал в конце 1920-х годов в дневнике Илья Эренбург.

Меня мало занимает судьба преемников Пангалоса⁵, и я не люблю колонии. Без грусти покидаю я и Акрополь. Лучше жить вдали от этих камней! Прежний порядок давно разрушен. Новые элементы вошли

⁴ Лубоцкая 2008.

⁵ Пангалос Теодорос (1878–1952) — греческий генерал, политик, диктатор. В 1926 г. на краткий период занял пост президента и премьер-министра Греции.

в наши сердца и в наши дни. Жалким должно казаться с высот акропольского холма суетливое бестолковое искусство современности. Оно далеко и от мудрости, и от вечности, это мигание электрической лампочки или одышка автомобиля. Но кроме территориального патриотизма существует патриотизм времени. Он тоже деспотичен и глуп. Он заставляет предпочесть тривиальную пароходную каюту Палладе и паросскому мрамору⁶.

Слова молодого Эренбурга, впервые посетившего Грецию в конце 1920-х годов, — это не просто дань времени европейски образованного интеллигента, тонко иронизирующего писателя. От Греции ожидали многого — и слишком часто обманывались в высоких идеалах и представлениях. Как писал Эренбург уже позднее: «Тяжело жить стране, обремененной исключительной биографией»⁷. Или так:

Тяжесть имен уничтожает людей, созданных для анонимного счастья, для мелкой ренты и для мелкой игры — по копейке за очко. Наверное, в соседней Болгарии — та же модистка Софи, те же трели Лакмэ <...>. Никого это не удивляет. Болгария, Иванов. Что с Иванова взыщется?.. Грекам же ничего не прощаешь⁸.

Греки остро чувствовали этот надлом в восприятии Эллады мировым сообществом. Чтобы подняться хотя бы на ступеньку ближе к великим предшественникам, в конце XIX — начале XX в. в общественно-политической среде Греции созрела трехсоставная задача: во-первых, бесспорной становилась линия на тесную привязку к европейскому пути развития, во-вторых, культивировался и воспевался идеал именно античной цивилизации как золотого времени всех эллинов, в-третьих, из жизни страны настойчиво вытеснялись восточные традиции и привязанность к восточному быту (кулинарным рецептам находились исключительно греческие корни, преследовалась и не поощрялась восточная музыка — прежде всего ребетика, обретшая с притоком малоазийцев общенародную славу). Примечательными в данном отношении были слова греческого исследователя Статиса Гонтлета, отметившего, что Греция, как государство-сателлит, с момента основания в 1820-х годах постоянно стремилась

⁶ *Эренбург И.Г.* Виза времени: путевые очерки. Берлин: Петрополис, 1930. С. 141–142.

⁷ *Эренбург И.* В Греции // Известия. 1934. 18 X. № 245.

⁸ *Эренбург И.Г.* Виза времени. С. 139.

доказать своим покровителям (и самой себе) непреходящую ценность собственного существования, а именно, важную роль проводника западных ценностей на южных Балканах, а также хранительницы классического эллинского наследия, на основах которого была построена вся ценностная структура западного мира⁹.

Поворот к Европе в политике Греции начала XX в.

Безоговорочный поворот к Европе, строительство государства по европейскому образцу наиболее ярко отразились в эпохе либерального правительства Э. Венизелоса, мечтавшего о «Великой Греции». Реформы либералов затронули политическую, военную, аграрную, налоговую и образовательную сферы. В отношении последней Т. В. Никитина отметила:

В дополнение к реформе образования в стране стала распространяться английская культура. Из Англии выписывались гувернантки, в Афинах открылся Британский колледж, а в столичном университете был сформирован профессорский состав для преподавания английского языка. Так создавалась «новая Греция», ориентированная на Запад¹⁰.

Вестернизация Греции — как панацея от восточных корней — была характерна в те годы для многих сфер общественно-культурной жизни. Она находила отклик в греческой литературе, науке, искусстве. Не обошли попытки модернизировать на европейский манер даже духовно-религиозную сферу. В частности, в начале XX в. в Греции огромную популярность приобрело движение православных братств, выступавших за обновление церковной жизни, освобождение ее от канцеляризма и жесткой привязки к государству. Членами братств могли быть как носители сана, так и миряне. Одним из наиболее известных стало «Братство богословов “Зои”». Благодаря их деятельности наступил расцвет духовно-просветительской деятельности православной церкви, но вместе с тем в работе «Зои» были отмечены и серьезные недостатки: выхолащиваемое отношение к богослужениям, принятие миссионерской практики западноевропейского

⁹ Gauntlett 2022.

¹⁰ Никитина 2022: 425.

образца¹¹. Бессмысленное преклонение теперь уже греческого клира перед папским Западом и его традициями с грустью отмечал в 1930-е годы и бывший малоазийский беженец, талантливый греческий писатель, художник-иконописец Фотий Кондоглу (1895–1965). По мнению последнего, многие служители культа, богословы стремились к обновлению религиозного сознания, но обновление видели исключительно в прозападном ключе: украсить себя взятыми с Запада фальшивыми бусами, сбросив при этом настоящее драгоценное ожерелье греческой иконописи и таинственной музыки.

Почтенное искусство иконописи Восточной Православной Церкви является священным и литургическим искусством, как и все церковные искусства, имеющие духовное назначение. Эти святые искусства не хотят просто украшать храм картинами, чтобы он был приятен и угоден прихожанам, или услаждать их слух музыкой, но возносить их в мистический мир веры по духовной лестнице <...>. По этой причине произведения церковного искусства Восточной Церкви являются памятниками божественного слова¹².

Греческие города и реформы. Афины

Стремлением к обновлению была отмечена и жизнь крупнейших городов Греции, прежде всего столицы. Безусловно, и ранее предпринимались попытки осовременить жизнь греческих городских центров. Исследователи выделили два периода: администрации Иоанна Каподистрии (1828–1832 гг.) в первые годы правления короля Оттона (1833–1843 гг.) и второй — с 1856 по 1912 г. Однако тогда первоочередными являлись задачи не столько следования европейским образцам и смены восточного облика (хотя и такие попытки предпринимались, в частности, в перепланировке центральных улиц), а в усилении фортификационной функции городов, создании условий для размещения новых горожан, а также в интенсификации деловой активности. С достижением этих целей начался новый период в модернизационной градостроительной политике власти.

Приглашение известных архитекторов, обучение греков в европейских университетах, контакты с зарубежными специалистами,

¹¹ Зоитакис, Тимонина 2024.

¹² Κόντογλου 1960.

в целом климат эпохи, создаваемый правительством либералов, формировали необходимые каналы связи¹³.

Историк Вильма Хастаоглу подчеркнула:

Именно государственная политика Либеральной партии во главе с Э. Венизелосом заложила фундамент новой городской действительности, нового восприятия города и его жизни¹⁴.

Менялся внешний облик горожан, менялись средства передвижения, городской ландшафт. На центральных улицах и площадях Афин редким гостем становился деревенский выючный транспорт, вместо него появлялись новые экипажи, совершенствовалась и городская мода: вместо привычной обывательской одежды в обиход входили модные европейские платья и туалеты. Как тут не вспомнить о едких и ироничных замечаниях И. Эренбурга, страдавшего от печального несоответствия величия греческой истории и поддельного европейского шика в жизни афинского люда конца 1920-х годов:

[В] Афинах — только камень, пыль и коленкоровые цветы в витринах парижской модистки Софи (это и есть упомянутая мадам Пунадаки). Конечно, в Афинах все парикмахеры изыскаются по-французски, и что ни шаг, то “английский портной”. Однако постоянного театра в Афинах нет. Приезжают иногда итальянцы, ставят “Аиду” или “Лакмэ”. Это событие чрезвычайной важности. Целый месяц после гастролей греки пьют в “кафэйоне” воду и переживают блеск колоратуры¹⁵.

О кофейнях, как и об особой любви к ним греков, необходимо сказать отдельно. Кроме Эренбурга, кофейное пристрастие жителей Афин отмечали и другие советские писатели, в частности, Илья Ильф (1897–1937) и Евгений Петров (1902–1942). В коротком рассказе «День в Афинах» (1936 г.) они с улыбкой подметили:

Обычно на городских площадях стоят памятники, либо бьют фонтаны, либо находятся стоянки автомобилей. Но в Афинах многие площади сдаются под кафеини. Столиков в городе так много, что если бы все торгующее население Афин бросило свои неотложные дела

¹³ Χαστάογλου 1988: 100.

¹⁴ Χαστάογλου 1988: 100.

¹⁵ *Эренбург И. Г.* Виза времени. С. 142.

по продаже лотерейных билетов и старых лезвий и уселось бы в кафе-фейнях, то и тогда осталось бы еще много свободных мест¹⁶.

Кофейни — как отличительная характеристика столичной жизни — сохраняли в себе, как Янус, двойственное лицо современной Эллады. С одной стороны, они были неразрывно связаны с прошлым, являясь данью восточной традиции, когда исключительно мужчины могли проводить свободное время за чашкой кофе и игрой в нарды. С другой — расширение площади кофеен на все свободное пространство города являлось своеобразным символом приобщения столичных греков к красивому европейскому времяпрепровождению за чашкой кофе на свежем воздухе в окружении открытых веранд. Впрочем, столики и запах кофе на площадях столицы стали не единственным маркером обновления и европеизации города.

В 1914 г. в Грецию прибыл английский архитектор Томас Моусон (1861–1933) для разработки градостроительного проекта в Афинах, а также французский архитектор Эрнест Эбрар (1875–1933) для совместной работы с английским коллегой по проектированию Фессалоник, а впоследствии и для реконструкции Восточной Македонии.

Изменения, произошедшие в центре столицы, были заметны невооруженным глазом. Воспринимались они по-разному: иногда с восторгом, а порой и с отчетливой грустью. Например, путешественник Ч. Попов, представитель болгарской делегации на Балканских конференциях (1930–1933 гг.), так описывал свое знакомство с городом:

Когда мы прибыли, очарование столицы подействовало на нас. Мы были восхищены всем, что мы видели в Афинах. Это элегантный, жизнерадостный, освещенный город, который смело можно поставить в сравнение с прекрасными городами Запада. Мы не видели, за редкими исключениями, больших зданий. Все сооружения имеют современные пропорции и очень красивы. Мраморный Акрополь доминирует над столицей, несравненные линии пропилей и монументов, возводимых древними греками, внесли свой неповторимый шарм в художественные концепции нынешних градостроителей¹⁷.

О современном облике Афин упоминал и греческий архитектор Д. Триподаки:

¹⁶ Ильф И., Петров Е. День в Афинах // Собрание сочинений: в 5 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. Т. 4. С. 524.

¹⁷ Попов Ч. Un voyage à Athènes // Les Balkans. 1932. № 10. P. 228–229.

Я нашел Афины, мой родной город, как всегда солнечным, но отныне взволнованным жизнью современной, интенсивной, переливающейся через границы спокойного, обыденного существования¹⁸.

Триподаки мечтал увидеть Афины «городом будущего с прямой автострадой, соединяющей центр города с отдаленными пригородами, широкими тротуарами для пешеходов и дорогами для машин, вдоль которых — аллеи и парки»¹⁹. В свою очередь болгарский путешественник, участник миротворческого движения на Балканах в 1930-е годы Ал. Франгия, сравнивая жизнь столицы Греции с обликом и бытом болгарских городов, критично заметил: Афины пусть и «ребенок западной цивилизации», но «с восточными чертами лица»²⁰. Объяснение этому автор давал в следующих строках: «С одной стороны, вы увидите западный комфорт, движение по огромным улицам, порядок и чистоту, с другой — традиции и обычаи Востока, очень приближенные к нашим»²¹.

Небольшую заметку об изменившемся облике столицы оставил в письменных отчетах президенту Франклину Делано Рузвельту (1882–1945) и американский посол в Греции Линкольн Маквей (1890–1972). В письме 1936 г. он написал: «Огромное количество населения сконцентрировано сегодня в Афинах, строительный бум в которых внушает серьезное беспокойство»²².

Не менее разноречивыми были и впечатления российских писателей. Для И. Ильфа и Е. Петрова Афины сохраняли очарование солнечного южного города, теплого в своей простоте и обыденности:

Несмотря на борщ, гимназическую фиту, одесский запах каленых орехов и каштанов, несмотря на батумско-тифлисский вид чистильщиков сапог с их ящиками, обитыми медью — это был совершенно чужой теплый мраморный город, окруженный голыми розовыми холмами²³.

Здесь, в Афинах, встречались продавцы, «размахивавшие палками, на которых висели длинные ленты неразрезанных лотерейных

¹⁸ *Tripodaki D.* Athènes de demain // *Les Balkans*. 1931–1932. Vol. IV. № 8–9. P. 42.

¹⁹ *Ibidem*.

²⁰ *Franghia Al.* Deux peuples qui doivent se connaître // *Les Balkans*. 1933. Vol. IV. № 8–9. P. 226.

²¹ *Ibidem*.

²² Ambassador MacVeagh Reports: Greece, 1933–1947 / ed. by J.O. Iatrides. Princeton: Princeton University Press, 1998. P. 80.

²³ *Ильф И., Петров Е.* День в Афинах. С. 521.

билетов», «кривая и грязная улица Фемистокла», кафе «Посейдон», кино «Пантеон», меблированные комнаты «Парфенон». Здесь Афины с портом Пирей соединял старомодный электрический поезд, «в котором есть первый и третий классы, но почему-то нет второго». Как подытоживали свои ощущения Ильф и Петров: «Афины, провинциальные Афины, где так много нищеты, солнца, древнего величия и революционной страсти»²⁴. Более безжалостным и субъективным в выводах был молодой Илья Эренбург. Для него преобразование столицы проводилось импульсивно, зачастую в угоду имиджевым или внутривнутриполитическим причинам.

Запахом Афины чрезвычайно напоминают Гомель. Столицу Греции сближает с нашим, чуждым античному миру, городом отсутствие канализации и специфичность кухонных запахов. Однако, в Афинах имеется улица, где жил (до тюрьмы) Пангалос и где живут иностранные послы, снабженная всеми необходимыми трубами. На этой воистину счастливой улице действует даже водопровод. На прочих улицах вода идет изредка, как происходят перевороты²⁵.

Эренбург не нашел в современных ему Афинах ничего прекрасного, но однако ж эти едкие слова плохо сочетались с реальностью. Пускай не быстро, но в столице решался вопрос со стабильным водоснабжением и канализацией. В частности, в 1925 г. муниципалитетом Афин было построено два крупных канализационных трубопровода на улицах Марни и Паиониу. А в 1930 г. было завершено строительство канализационного трубопровода для ручья Пророка Даниила (западная окраина современного муниципалитета Афин), конечным приемником которого стала дельта реки Фалираки. Государство активно поддерживало изыскательную деятельность, направленную на строительство канализационных и дождевых коллекторов. И в 1933 г. поручило проведение исследования консорциуму подрядных компаний, известному как *Athens and Surroundings Sewer Construction Company* («Компания по строительству канализации в Афинах и окрестностях»), позднее переименованному в *Hydrex*, для строительства подобных сооружений. Что касается вопроса водоснабжения столицы, то его актуальность стала очевидной в условиях

²⁴ Там же. С. 528.

²⁵ Эренбург. И. Г. Виза времени. С. 138.

малоазийской катастрофы и нарастающего числа вынужденных переселенцев.

Уже 23 декабря 1924 г., после многочисленных споров греческим правительством был подписан контракт с американской компанией *Ulen & Co* и Банком Афин, а в 1925 г. в Афинах началась реализация первых современных проектов водоснабжения. Согласно контракту, *Ulen & Co* взяла на себя строительство, обслуживание и эксплуатацию трубопроводов Афин, Пирея и прилегающих территорий. Была основана и Компания по водоснабжению Афин и Пирея, а также прилегающих территорий (*АЕЕУ*). Как итог, в конце 1920-х годов построили плотину Марафон на северо-востоке Аттики в месте слияния рек Харадрос и Варнава, а в 1931 г. открыли новую систему водоснабжения столицы из озера Марафон по тоннелю Бояти. Таким образом, была усовершенствована система обеспечения города водой, и, конечно же, правительственная политика модернизации столицы в части водоснабжения не подчинялась сиюминутным прихотям или престижу, как подозревал Эренбург.

А вот на что следует обратить внимание в словах советского писателя, так это на его упоминание о запахах города. Интересную заметку оставила в письмах к брату великому князю Константину Константиновичу (1858–1915) греческая королева Ольга (1851–1926). В сентябре 1884 г. она писала:

Посылаю Тебе часть письма *Messala* к Котинке, с поэтичным описанием пожара старого рынка, под Акрополью. С точки зрения живописности, жалко, что он сгорел — но в гигиеническом отношении, это довольно хорошо; пока глаза радовались, нос бедствовал²⁶.

Безусловно, рынки являлись и остаются особой территорией с соответствующим их роли ароматом. Однако, объединяя этот фрагмент с воспоминаниями Эренбурга, понимаешь, что в центре старого города сохранялась колоритная атмосфера, связанная с густонаселенностью столицы, жарким климатом и едкими ароматами еды и кухни.

Наконец, нельзя обойти вниманием городские пожары: в конце XIX — начале XX в., несмотря на развитие и модернизацию

²⁶ Письмо № 22, 26 августа (7 сентября) 1884 г. // Бумаги Королевы Греции Великой Княгини Ольги Константиновны / сост. Т. А. Лобошкова. М.: Буки Веди, 2023. Кн. 3. Письма Королевы брату Великому князю Константину Константиновичу за 1884–1885 гг. С. 99.

пожарного дела, они действительно становились главной причиной городского переустройства, особенно в скученных районах проживания. Такую роль, например, пожар сыграл в судьбе северной столицы Греции — Салоник, вошедших в состав греческого государства в 1913 г. по итогам двух Балканских войн.

Салоники

Османские Салоники — бело-зеленый город-порт, малая проекция густонаселенной и разнородной Османской империи — были воспеты многими. Сугубо восточный город, окаймленный массивной крепостной стеной, он начал меняться еще при власти османов. По итогам визита турецкого султана Абдул Меджида (1839–1861 гг.) в 1858 г. город решено было благоустроить, по возможности расширив городское пространство и улучшив санитарную обстановку. В 1869 г. сравняли с землей часть византийских укреплений (крепостную стену со стороны залива): печальной судьбы удалось избежать лишь одной башне — Канли-куле (в переводе «Кровавая башня») — бывшей тюрьме и месту пыток осужденных. Башня была побелена и из «башни крови превратилась в Белую башню»²⁷, известную и по сей день жителям и туристам Салоник. Были проложены новые дороги и расширены существующие, построены железнодорожные ветки, соединившие Салоники с Белградом, Константинополем. Все это повлияло на рост производства в аграрном и скотоводческом секторах Македонии и Фракии, а «Салоники превратились в важнейший торговый узел для всей Центральной Европы и Востока»²⁸. Появилось трамвайное сообщение — поначалу на конной тяге. Как отметил автор книги по истории города Апостолос Папаяннопулос (1939–2004):

Вид Салоник в последние годы XIX в. был поистине прекрасен. Его дома, белые минареты, высокие кипарисы и огромное количество деревьев создавали Салоникам удивительно гармоничный и прекрасный образ²⁹.

²⁷ Παπαγιαννόπουλος 1982: 166.

²⁸ Παπαγιαννόπουλος 1982: 166.

²⁹ Παπαγιαννόπουλος 1982: 166.

Поэтичное воспоминание, лебединую песнь о городе своего детства оставил и еврейский писатель Леон Сциаки (1893–1958). Его книга «Прощайте, Салоники» впервые была издана в США в 1946 г. Примечательно, что в 2000 г. ее переиздали в Стамбуле под названием «Прощайте, османские Салоники», и причина изменения названия понятна. Леон Сциаки рисовал город — часть Османской империи — как душевную общность людей всех национальностей в красивом обрамлении церквей, минаретов, фонтанов, рынков и кипарисов с акациями. Так он описывал место работы одного из знакомых семьи — Хареби Саламонатчи:

Двери его конторы встречали многих посетителей — разнородных и многоязычных, как и сама Македония: турецкие беи, албанцы из региона Монастира и Скопье, эллинизированные куцовлахи из Сере, болгары из Килкиса, греки из Драмы, испанские евреи из города³⁰.

И хотя Леон Сциаки признавал, что долгое соседство так и не смогло разрушить культурные, лингвистические и духовные барьеры между разными народами, писатель очень по-доброму относился к османскому руководству:

Вопреки общепринятым представлениям, мусульмане были более толерантны в отношении других национальностей, чем христианский мир, и именно с приходом турок в Европу местное еврейское население получило возможности к развитию и росту³¹.

Что касается непосредственно города, изменений в его среде, Л. Сциаки подчеркнул, что в начале XX в. Салоники преобразились:

В городе появилось электричество, осветив центральные улицы, общественные здания и даже некоторые дома. Недолго слышался с улиц хриплый рев конок. Американские трамваи заменили старые средства передвижения, и теперь они радостно звенели под Триумфальной Аркой Галерия и в тени Белой башни на набережной³².

Военные события 1912–1913 гг., трагедии человеческих судеб, миграционные волны, смена жизненных обстоятельств заставили

³⁰ *Sciaky L. Farewell to Ottoman Salonica*. Istanbul: Isis Press, 2000. P. 36.

³¹ *Ibid.* P. 85.

³² *Ibid.* P. 134.

семью Сциаки покинуть Салоники и переселиться в США. Однако до последнего старшее поколение мечтало о возвращении домой:

Но куда было возвращаться? — задавался в эпилоге автор книги. — Салоники, наши Салоники, город многолюдных улиц, обрамленных шумными кафе и базарами, город небольших кривых улочек, извивающихся и петляющих вверх к лениво дремлющим площадям, осененных древними платанами, где дедушка и я любили остановиться в кафе во время послеобеденной субботней прогулки, город побеленных домиков, чьи решетчатые окна лениво обозревали прохожего, этого города нашего детства больше не существовало. Вновь злополучная судьба, которая преследовала его в течение веков, постигла македонскую столицу. Пожар, начавшись в одном из самых дальних предместий города светлым августовским днем 1917 г., быстро превратился в страшное всепоглощающее чудовище: потребовалось меньше суток, чтобы западнее Белой башни от города осталось лишь поле из почерневших руин и обугленных бревен³³.

Огненная катастрофа августа 1917 г. стала поистине горькой, черной страницей в истории Салоник. Так описал начало пожара военно-морской инспектор французского флота Рене Дюфур де ла Тюильри (1874–1943):

Это было в субботу днем, я был в Военно-морском управлении на улице Саламинас, напротив Генерального штаба Союзной армии, когда узнал, что загорелся дом на западе города недалеко от городских стен. Огонь — это не новость, ординарное событие на Востоке из-за своей частоты. Еще одна хижина, жалкий доходный дом. Но на этот раз распространился слух, что горит большой комплекс домов и масштаб разрушений может достичь катастрофических размеров. Приблизившись, я увидел ряд домов, охваченных огнем и отчаянием. Мужчины, женщины, дети, старики бежали по переполненным улицам с наспех собранными вещами, а грабежи уже начались. Никакой охраны, ни воды, ни насосов, ни электричества. К восьми часам полгорода было объято пламенем³⁴.

В пламени сгорело 120 гектаров самой важной, с точки зрения исторической застройки, городской земли, 9 500 зданий, среди которых

³³ Ibid. P. 166.

³⁴ *Dufour de La Thuillerie R. De Salonique à Constantinople: souvenirs de la division navale d'Orient, 1916–1919. Paris: J. de Gigord, Editeur, 1921. P. 31–32. См. также: Караджини-Геролуццу 1985: 133.*

большое количество синагог, мечетей и христианских церквей, таких как Агия Феодора (святая Феодора), Агиос Николаос о Транос (святого Николая Могущественного), сильно пострадал храм покровителя города Агиоса Димитрия (св. великомученика Димитрия Солунского)³⁵. Как отметила греческая исследовательница Александра Еролимпос:

[Пожар] уничтожил особый колорит и традиционную планировку Салоник, которые продолжали существовать, несмотря на попытки модернизации на рубеже веков. Разрушения без разбора поразили районы, благоустроенные в последние годы XIX в., традиционные рынки и большое количество жилой собственности, в результате чего 70 тыс. человек остались без крова, три четверти из которых были евреями³⁶.

Существовало множество теорий о причинах произошедшего бедствия, бытовала и версия поджога. Однако если и существовало злонамеренное действие, территория поражения огнем была слишком велика, чтобы обнаружить следы какого-либо внешнего воздействия. Изучая сохранившиеся доклады полиции, переписку частных лиц, современные историки выделили несколько причин пожара, быстрого распространения огня и гигантской площади разрушений. Среди них: долгое отсутствие дождя, сильный северо-западный ветер, нехватка воды из-за огромного спроса военных лагерей (в Салониках располагались части союзнических войск Англии, Франции); отсутствие организованной противопожарной защиты, непосредственно план города и материалы, из которых были построены здания, и, наконец, «пожарное рвение военных». Как подчеркивала та же Александра Еролимпос, «в своих усилиях по созданию противопожарных полос солдаты взрывали целые городские кварталы, которые немедленно превращались в очаги новых пожаров»³⁷.

Старый город с его мультикультурностью, помноженной на особый восточно-еврейский шарм, ушел в прошлое. Сразу же после пожара правительством Венизелоса было принято решение о восстановлении и реконструкции Салоник.

³⁵ Yerolympos 2007.

³⁶ Yerolympos 2007.

³⁷ Yerolympos 2007.

Неслыханная серьезность, с которой либеральное правительство приступило к полной перепланировке центральной части города, подчеркивало склонность лидеров решительно вмешаться в новую судьбу Салоник. Учитывая самые последние идеи и методы городского планирования и решив игнорировать существующую ситуацию и традиционное землепользование, руководство страны хотело использовать перестройку Салоник как стимул для его социальной, экономической и пространственной модернизации, чтобы провести политику реформ и подчеркнуть свое политическое присутствие в Салониках, одновременно привлекая международный интерес к амбициозному начинанию³⁸.

Ответственным за восстановление Салоник был назначен министр путей сообщения Александр Папанастасиу (1876–1936). Политик, получивший блестящее образование в Европе, знавший пять европейских языков, мечтал превратить Салоники в один из современных европейских городов, красивых и совершенных по планировке и архитектуре. Его чаяния полностью совпадали с планами центрального правительства: Венизелос не желал восстановления прошлого облика города, и все пострадавшие здания были назначены под снос. Салоники должны были стать обновляющейся, стремящейся к прогрессу и европейскому шику северной столицей Эллады.

Благодаря быстрым продуманным решениям, созданию международного комитета для разработки градостроительного плана, поддержке высококвалифицированных архитекторов, в частности уже упоминавшихся француза Э. Эбрара и британца Томаса Моусона³⁹, многое из задуманного удалось реализовать на практике.

Менее года потребовалось на формирование нового градостроительного плана, воплотившего в себе большую часть актуальных на тот момент тенденций в организации городского пространства. Были введены классические деления — оси, диагонали; определены промышленные, жилые и рекреационные зоны, произведено выборочное выделение памятников и сохранение ряда «живописных» жилых кварталов. Базовым элементом стал геометрический блок застройки, заменивший нерегулярную структуру улиц, их подобие тонким и запутанным лабиринтам. Организующим центром города

³⁸ Yerolympos 2007.

³⁹ Моусон был приглашен по настоятельному требованию Венизелоса, дабы уравновесить французское влияние в градостроительной комиссии и не обидеть союзников страны — англичан. См.: Караджидиу-Геролиму 1985: 154.

должны были стать две площади: «правительственная», вмещающая все административные здания (ныне площадь Венизелоса), и нынешняя площадь Аристотеля. Их планировалось соединить бульварами, перпендикулярными морю. «Неовизантийский» стиль предписывался в качестве обязательного для постройки зданий внутри площадей и связанных с ними улиц.

Стоит сказать, что немалая часть проекта осталась под сукном, однако многое было и сделано. Недаром «первый крупный проект европейского городского планирования XX в.» и «крупнейший проект городского планирования, когда-либо реализованный в Греции»⁴⁰, стал визитной карточкой Папанастасиу на министерском посту.

В результате переустройства и перепланировки Салоники стали более светлыми, современными, европеизированными, но потеряли свою особость, тесно переплетенную с восточным прошлым и самобытными традициями. Как отметила Александра Еролимпос: «Традиционный образ Салоник исчез, будучи замененным на “современное” однородное пространство без предыдущих определяющих черт»⁴¹.

Изменился и национальный облик Салоник. Уехали турецкие семьи. С 1910-х годов начался медленный отток еврейского населения из города, пожар лишь ускорил эту тенденцию. Уничтожение жилой собственности, новая политика греческой власти, ее стремление гомогенизировать население Салоник повлияло на возросшие миграционные волны сефардских (испанских) евреев. Кто-то, как семья Леона Сциаки, перебирался в США, кто-то пробовал найти себя на землях Палестины.

Окончательно колоритная страница истории еврейских Салоник была перевернута во время Второй мировой войны: большинство еврейских жителей были депортированы или уничтожены. По официальным данным, из 73 тыс. евреев, проживавших на территории Греции в 1941 г. (львиная доля еврейского населения приходилась именно на Салоники), лишь 17 % удалось избежать «нацистской машины уничтожения». Порядка 8,5 тыс. смогли укрыться в горной местности, 2 тыс. выехали на Ближний Восток, столько же вернулись в 1945 г. из Аушвица (Освенцима) и других немецких концлагерей.

⁴⁰ Караδής-Γερολύμπος 1983: 80.

⁴¹ Yerolympos 2007.

Малые города

Волна стремительных преобразований решительно прошла по крупным городам Эллады первой трети XX в. Модернизационные изменения затронули не только столицу, но и промышленные, портовые центры страны. Разрасталось промышленное производство, появлялся рабочий класс, видоизменялся облик городов, принимающих рабочий люд и тех, кто искал применения своим силам на производстве и в сфере финансов. Одним из ярких тому примеров стал город-порт Кавала — один из центров табачного производства Греции. Именно здесь еще в 1860 г. братья Кинни — владельцы бренда *Sweet Caporal* — построили огромный табачный склад. Их примеру последовали и другие, в частности, австро-венгерская компания *Herzog et Cie* также открыла в Кавале собственное складское помещение. На складах не только хранили табак, здесь же ручным способом его обрабатывали и готовили к отправке в различные европейские города.

В начале XX в. в условиях модернизации повышенная экономическая и финансовая активность привела к стремительному рывку в развитии Кавалы. Строились новые склады, вокруг которых формировалась собственная среда. Возводились недорогие помещения для рабочих, сохранялись и обычные трущобы, параллельно с этим обустраивались богатые дома местной буржуазии. Появлялись отели и дорогие рестораны. Как написала исследовательница Мария Рентеци: «Будучи построенным на холме, расширяясь, город принимал форму амфитеатра, в центре которого полукругом расположилось табачное производство»⁴².

Строительство фабрик, рабочие поселки на фоне дорогих и роскошных вилл местной буржуазии, меняющийся городской ландшафт, европейская мода, разветвленная дорожная сеть — все это являлось маркерами стремительно-развивающейся, модернизирующейся Греции. Однако таких городов-маркеров было не так уж и много. Эллада оставалась бедной аграрной страной⁴³. Безусловно, столичная мода влияла на небольшие города Греции. Это прекрасно видно на фотографиях первой половины XX в.: здания возводились по новым

⁴² Рентеци 2020: 43.

⁴³ Лубоцкая 2008: 224.

образцам архитектурного стиля, прокладывались дороги, появлялся современный транспорт, менялась мода у населения. Но все же малые города, в том числе пригороды Афин в начале столетия оставались верными хранителями старины, патриархальных традиций, носителями восточного колорита. Недаром вновь посетивший в 1934 г. Элладу Илья Эренбург описывал в теперь уже более мягких формулировках быт нестоличной, милой ему городской жизни:

Мы несправедливы в наших суждениях. Нас оскорбляет, а может быть, и смешит размолвка между мрамором музеев и этой пестрой, крикливой, самой что ни на есть живой жизнью. Удивительно, что Фивы — попросту поселок, где все всем торгуют, где посредине главной улицы на вертеле жарятся поросята, где агент страхового общества жует рахат-лукум и перебирает четки, где фотограф снимает новобрачную в сильно потрепанной фате и где красномордый поп пьет вино, пахнущее смолой, удивительно, что все это — Фивы. Правда, сторож, охраняющий развалины элевсинского храма, говорит об исчезновении Персефоны, как о свежей городской сплетне, но таково его ремесло⁴⁴.

Сохранившиеся фотографии, сделанные рукой увлеченного писателя Эренбурга, заставляют поверить в красочность образов описанной им действительности. На снимках мы видим узкие каменные улочки с невысокими побеленными домишками. Жизнь на этих улицах кипит, жизнь небогатая, наполненная каждодневными заботами и трудами. Мужчины в брюках и пиджаках, женщины в длинных домотканых платьях, старшее поколение — в темных платках на голове⁴⁵.

Скромным успехам в модернизации городской среды малой (нестоличной) Греции способствовали многие факторы: во-первых, греческое государство было бедным. Полученные в 1924 г. международные займы в большинстве своем ушли на расселение беженцев. Тем не менее у либерального правительства кроме забот о поселении малоазийцев, значились не менее глобальные проекты — модернизация флота и армии, промышленности, существовали широкомасштабные ирригационные проекты в новоприсоединенных землях Македонии. Однако, как отметила Т. В. Никитина:

⁴⁴ Эренбург И. В Греции.

⁴⁵ Фрезинский 2007: 108–109 (Фотографии 31–35).

На пути осуществления намеченной программы правительство испытывало серьезные преграды финансового характера. Иностранный, преимущественно английский, капитал навязывал Греции кабальные условия⁴⁶.

Для того, чтобы в данных условиях модернизировать города по европейским меркам, проложить необходимое количество дорог, связав страну прочной сетью дорожного сообщения, у правительства просто не было возможности⁴⁷. Тем не менее некоторые попытки предпринимались. В частности, американский посол в Греции Линкольн Маквей сумел посетить во второй половине 1930-х годов самые отдаленные места греческой земли и с удивлением отметил наличие дорог, отсутствовавших в недалеком прошлом. Правда, объяснение с его стороны было простым — дороги строились для военных нужд.

Второй причиной слабой модернизации малых городов Греции являлось отношение местных жителей к новинкам и нововведениям. К европеизированному облику жизни тянулась общественно-политическая элита столиц, восприимчивая к новомодным тенденциям Запада. Простые жители малых удаленных городков были ближе к земле, повседневной рутине и заботам. В-третьих, не последнюю роль в сохранении восточного колорита малых городов Греции сыграла малоазийская катастрофа 1922 г., когда более полутора миллиона греков-малоазийцев принудительно были переселены на территорию Эллады. Новые жители страны внесли весомый вклад в развитие промышленности, ремесленного производства, фермерства. Следует признать значение городской прослойки беженцев — образованной и порой более эрудированной, чем греческие горожане, — для культурного развития малых городских центров.

Вследствие малоазийского переселения произошли изменения в градостроительной политике власти, направленной на расселение огромной массы новоприбывших. В 1923 г. была создана специальная комиссия по расселению беженцев, стране были предоставлены огромные суммы займов со стороны европейских партнеров, прежде всего Англии. Пригороды крупных городов покрылись невиданной ранее сетью многоэтажных однотипных построек,

⁴⁶ Никитина 2022: 428.

⁴⁷ Ambassador MacVeagh reports. P. 11.

не соответствующих ни местным традициям, ни стилям прошедшего века⁴⁸. По всей стране возникали новые поселки, центрами которых становились вновь возводимые на средства беженцев церкви. Однако возможности комиссии, как и государственные финансы, резко ограничивало колоссальное количество переселенцев. Чтобы хоть как-то решить проблему жилья, малоазийцев селили в пустых зданиях, бараках, заводских корпусах. Но даже этих построек не хватало. Так описал попавшееся на глаза пристанище беженцев румынский общественно-политический деятель и историк Николае Йорга (1871–1940): «Обычный азиатский поселок, где женщины завешивают жилище занавесками вместо стен, и дети ужасно шумят на улицах»⁴⁹. О плохих жилищных условиях писал и бывший премьер-министр Греции Александрос Папанастасиу (1876–1936), рассказав о том, что многие семьи городских беженцев живут в бараках, палатках и шалашах из шерсти, в школах и церквях⁵⁰. И совсем страшную картину создал И. Эренбург:

Вокруг Афин ютятся десятки тысяч беженцев из Малой Азии. Они вымирают от тифа и дизентерии. Тщетно они ищут работу: все губки выловлены, и вся коринка собрана. Они мечтают о берегах Смирны.

Эренбург, со свойственной ему склонностью к политико-идеологическим обобщениям, отметил:

[Ж]алкие бараки — лучшее напоминание о характере партии и о гуманитарных наклонностях невидимого игрока (игрок — далеко на туманном острове, игрок бормочет о традиционной любви брита к Элладе, а думает игрок о нефти, о рынках)⁵¹.

В 1934 г., то есть с разницей в десять лет, Эренбург, вновь обратил внимание на бедственное положение переселенцев, на неизменность в их судьбе:

Сотни тысяч беженцев по-прежнему ютятся в лачугах. Землянки, похожие на звериные норы. Ни окна, ни койки. На полу спят

⁴⁸ Χασιάογλου 1988: 108.

⁴⁹ Jorga N. Tableaux de la Grèce contemporaine // Les Balkans. Athens. 1931–1932. № 15–16. P. 150.

⁵⁰ Papanastasiou A. La politique sociale de la Grèce // Les Balkans. Athens, 1931. № 17–18. P. 280.

⁵¹ Эренбург И. Г. Виза времени. С. 139.

впереमेжку дети, старики, женщины, больные, восемь, десять, двенадцать душ. В крохотной лачуге семья, шестеро ребят и здесь же опора семьи — коза. Дыра в земле, темно, а из темноты раздаются голоса: еще одна семья беженцев. В жалких бараках устроены школы для детворы, но скамей не хватает, некоторые дети приносят с собой табуреты, другие занимаются стоя. Возле Пирея — целый город таких лачуг, здесь живет около ста тысяч беженцев. Глядя на них, можно подумать, что это погорельцы и что страшный пожар приключился несколько дней тому назад. Но они живут этой жестокой, звериной жизнью вот уже двенадцать лет. <...> Накануне выборов враждующие партии клялись отстроить для беженцев чудесные города, потом чиновники подсчитывали голоса в урнах, составляли новые кабинеты, таяли новые займы — а внизу, в черноте землянок, все так же копошилась грязная, полураздетая, злосчастная детвора⁵².

Несмотря на политику власти, проблема с расселением беженцев так и осталась одной из актуальных и злободневных на всем протяжении первой половины XX в., а бараки надолго сделались символом и лицом городской окраины.

В то же время — именно благодаря малоазийцам были построены новые поселения, воздвигнуты церкви с широко чтимыми по всей Греции и в мире святынями (например, церковь Иоанна Русского в Нео Прокопионе).

Заключение

В первой трети XX в. греческие города развивались в трудных условиях оппозиции «модернизация — традиционализм», демонстрируя отличия и особенности, свойственные крупным центрам, с одной стороны, и периферийным, с другой. Если в Афинах и Салониках, промышленных центрах, стремление к европеизации облика городов и городской жизни, ее атмосферы проявлялось достаточно отчетливо, то малым городам страны были свойственны равнодушие к новым западноевропейским веяниям, приверженность историческим, религиозным и культурным традициям. Этому способствовал комплекс причин, в числе которых — финансовые проблемы власти, отсутствие разветвленной транспортной сети — основного канала связи со столицей с ее новыми тенденциями, острая переселенческая

⁵² Эренбург И. В Греции.

проблема, возникшая вследствие малоазийской катастрофы. Именно благодаря переселенцам сохранялся, а порой и усиливался самобытный элемент в жизни малых городов, проявившийся в повседневности, восточном колорите музыкальной жизни, гастрономических предпочтениях, высокой степени религиозности населения и пр. Иными словами, и это главное, благодаря малоазийской катастрофе удалось на время приостановить стремление к европеизации национальной жизни, в том числе и жизни греческих городов.

Литература

- Зонтакис, Тимонина 2024 — *Зонтакис А.Г., Тимонина Е.С.* Миссионерская деятельность православных братств в Греции и Сербии в 1918–1941 гг. // *Славянский альманах*. 2024. № 1–2. С. 55–76.
- Лубоцкая 2008 — *Лубоцкая А.С.* Облик греческого города первых десятилетий XX века по заметкам путешественников // *Россия и Греция: история и современность*. Сборник статей. М.: Толмач, 2008. С. 215–229.
- Никитина 2002а — *Никитина Т.В.* Греческие либералы и создание «Великой Греции» в первой трети XX века // *Греция: национальная идея, общество, государство XVII–XX вв.* Материалы научной конференции, посвященной 180-летию начала греческого национально-освободительной революции 1821 г., 11 апреля 2001 г. М.: Путь, 2002. С. 193–208.
- Никитина 2002б — *Никитина Т.В.* Администрация Э. Венизелоса и модернизация Греции (первая треть XX века) // *Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений. XX век* / редкол. Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина (отв. ред.), Т.В. Волокитина, Е.Л. Валева. СПб.: Алтейя, 2002. С. 119–129.
- Никитина 2022 — *Никитина Т.В.* Модернизация и национализм в Греции. 1910–1932 гг. // *Балканы знакомые и незнакомые: события, личности, нарративы. XVIII–XXI вв.* / редкол. Т.В. Волокитина (отв. ред.), К.В. Мельчакова, М.М. Фролова. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. С. 418–435.
- Петрунина 2010 — *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М.: КДУ, 2010. 744 с.
- Рентеци 2020 — *Рентеци М.* Настройка идентичностей посредством промышленной архитектуры и городского планирования: греческие табачные склады в конце XIX — начале XX века // *Городские исследования и практика*. 2020. № 2 С. 34–49.
- Фрезинский 2007 — *Фрезинский Б.Я.* Илья Эренбург с фотоаппаратом 1923–1944. СПб.; М.; Иерусалим: Музей истории фотографии; Мосты культуры; Гешарим, 2007. 149 с.

- Gauntlett 2022 — *Gauntlett S.* Between Orientalism and Occidentalism: the contribution of Asia Minor refugees to Greek popular song and its reception // *Crossing the Aegean: An appraisal of the 1923 compulsory population exchange between Greece and Turkey* / ed. by R. Hirschon. New York; Oxford: Berghahn Books, 2003. P. 247–260.
- Yerolympos 2007 — *Yerolympos A.* Thessaloniki before and after Ernest Hébrard // Λευκάς, Πύργος, Θεσσαλονίκη. URL: <https://www.lpth.gr/img/e8543a62830212c03c956e8c9afcd9d9Gerolymbou.pdf> (рукопись) (дата обращения: 02.06.2025).
- Καραδήμου-Γερολύμπου 1983 — Καραδήμου-Γερολύμπου Α. Θεσσαλονίκη 1917: Συνιστώσες και εμβέλεια μιας πολεοδομικής επέμβασης // Πόλη και περιφέρεια: έκδοση μελετών του χώρου. 1983. № 8. Σ. 73–95.
- Καραδήμου-Γερολύμπου 1985 — Καραδήμου-Γερολύμπου Α. Επανασχεδιασμός και ανοικοδόμηση της Θεσσαλονίκης μετά την πυρκαγιά του 1917. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 1985. 389 σ.
- Κόντογλου 1960 — Κόντογλου Φ. Εκφράσεις της Ορθοδόξου εικονογραφίας. Αθήνα: Αλ. & Ε Παπαδημητρίου, 1960. Τ. 2. 560 σ.
- Παπαγιαννόπουλος 1982 — Παπαγιαννόπουλος Α. Ιστορία της Θεσσαλονίκης. Θεσσαλονίκη: Ρέκος, 1982. 390 σ.
- Χαστάογλου 1988 — Χαστάογλου Β. Η αναδύση της νεοελληνικής πόλης: η σύλληψη της μοντέρνας πόλης και ο εκσυγχρονισμός του αστικού χώρου // Βενιζελισμός και αστικός εκσυγχρονισμός / Συντ. Ε. Δελβερούδη, Επιμελητής Γ. Θ. Μαυρογορδάτος, Χ.Χ Χατζηιωσήφ, Ηράκλειο: Πανεπιστημιακές Εκδόσεις Κρήτης, 1988. Σ. 93–113.

References

- Frezinskii, B. Ya., 2007. *Il'ia Erenburg s fotoapparatom 1923–1944* [Ilyia Erenbourg with the camera 1923 1944]. St. Petersburg; Moscow; Jerusalem: Muzei istorii fotografii; Mosty kul'tury; Gesharim, 149 p. (in Rus.)
- Gauntlett, S., 2022. Between Orientalism and Occidentalism: the contribution of Asia Minor refugees to Greek popular song and its reception. In: Hirschon, R., ed. *Crossing the Aegean: An appraisal of the 1923 compulsory population exchange between Greece and Turkey*. New York; Oxford: Berghahn Books, pp. 247–260.
- Karathimou-Gerolimpu, A., 1983. Fessaloniki 1917: Sinistoses ka emvelia mias poleothomikis epemvasis [Components and scales of intervention in urban planning]. In: *Póli kai perivéria: ékdosī meletón toy chóroy* [City and region: publication of the city's studies], 8, pp. 73–95. (in Greek)
- Karathimou-Gerolimpu, A., 1985. *Epanashethiasmos kai anikothomisi tis Fessalonikis meta tin pirkaya tou 1917* [Redesign and reconstruction of Thessaloniki after the fire of 1917]. Thessaloniki: Aristotle University of Thessaloniki, 389 p. (in Greek)

- Kondoglu, F., 1960. *Ekfrasis tis Orfodoxou ikonografias* [Expression of Orthodox iconography], 2, Athens: Al. & E Papadimitriou, 560 p. (in Greek)
- Lubotskaia, A. S., 2008. Oblik grecheskogo goroda pervykh desiatiletii 20 veka po zametkam puteshestvennikov [The image of the Greek city in the first decades of the twentieth century according to travellers' notes]. *Rossii i Gretsii: istoriia i sovremennost'* [Russia and Greece: History and Modernity]. Moscow: Tolmach, pp. 215–229. (in Rus.)
- Nikitina, T. V., 2002. Administratsiia E. Venizelosa i modernizatsiia Gretsii (pervia tret' 20 veka) [Administration of E. Venizelos and the modernization of Greece (the first third of the twentieth century)]. In: Litavrin, G. G., Grishina, R. P., Volokitina, T. V., Valeva, E. L., eds. *Chelovek na Balkanakh v epokhu krizisov i etnopoliticheskikh stolknovenii. XX vek* [Man in the Balkans in the age of crises and ethnopolitical clashes of the twentieth century]. St. Petersburg: Aleteia, pp. 119–129. (in Rus.)
- Nikitina, T. V., 2002. Grecheskie liberaly i sozdanie "Velikoi Gretsii" v pervoi treti 20 veka [Greek liberals and the creation of "Greater Greece" in the first third of the twentieth century]. In: *Gretsii: natsional'naia ideia, obshchestvo, gosudarstvo 17–20 vv. Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 180-letiiu nachala grecheskogo natsional'no-osvoboditel'noi revoliutsii 1821 g., 11 apreliia 2001 g.* [Greek liberals and the creation of "Greater Greece the first third of the twentieth centuries. Materials of the scholarly conference devoted to the 180th anniversary of the outbreak of the Greek national liberation revolution of 1821, 11 April 2001]. Moscow: Put', pp. 193–208. (in Rus.)
- Nikitina, T. V., 2022. Modernizatsiia i natsionalizm v Gretsii. 1910–1932 gg. [Modernisation and nationalism in Greece. 1910–1932]. In: Volokitina, T. V., Mel'chakova, K. V., Florova, M. M., eds. *Balkany znakomye i neznakomye: sobytiia, lichnosti, narrativy. 18–21 vv.* [The Balkans familiar and unfamiliar: Events, personalities, narratives. From the eighteenth to the twenty-first centuries]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 418–435. (in Rus.)
- Papayannopoulos, A., 1982. *Istoria tis Fessalonikis* [History of Fessaloniki]. Fessaloniki, 390 p. (in Greek)
- Petrunina, O. Ye., 2010. *Grecheskaia natsiia i gosudarstvo v 18–20 vv.* [Greek nation and state from the eighteenth to the twenties centuries]. Moscow: KDU, 744 p. (in Rus.)
- Rentetsi, M., 2020. Nastroika identichnostei posredstvom promyshlennoi arkhitektury i gorodskogo planirovaniia: grecheskie tabachnye sklady v kontse 19 — nachale 20 veka [Configuring identities through industrial architecture and urban planning: Greek tobacco warehouses in the late nineteenth and early twentieth century]. *Gorodskie issledovaniia i praktika* [Urban research and praxis], 2, pp. 34–49. (in Rus.)
- Xastaoglou, V., 1988. I anathisi tis neoellinikis polis: I sillipsi tis modernas polis ka o eksigxronismos tou astikou xorou [The resurgence of the modern Greek

- city: the conception of the modern city and the modernization of urban space]. In: Deveroudi, E., Mavorgordatos, C. Th., Hatziosif, H. H., eds. *Venizelismós kaí astikós eksinkhronismós* [Venizelism and urban modernization]. Heraklion: University Publications of Crete, pp. 93–113. (in Greek)
- Yerolympos, A., 2007. *Thessaloniki before and after Ernest Hébrard*. In: Λευκάς, Πύργος, Θεσσαλονίκη (manuscript). URL: <https://www.lpth.gr/img/e8543a62830212c03c956e8c9afcd9d9Gerolymbou.pdf> (accessed: 02.06.2025).
- Zoitakis, A. G., Timonina, E. S., 2024. Missionerskaia deiatel'n ost' pravoslavnykh bratstv v Gretsii i Serbii v 1918–1941 gg. [Missionary activities of Orthodox brotherhoods in Greece and Serbia in 1918–1941]. *Slavic Almanach*, 1–2, pp. 55–76. (in Rus.)

Anna S. Lubotskaya

PhD, Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt 32A.

E-mail: lia-ann@mail.ru

Capital and Life Around: Specific Features of the Greek State's Development in the First Third of the Twentieth Century

Since the time of its liberation in the mid-nineteenth century, the Greek state has sought to downplay the importance of Eastern culture in the life of the country. This was facilitated by the hardships of life under the Ottomans, the longing for the historical heritage of antiquity, and, most importantly, the influence of the great powers on modern life in Greece. By the early twentieth century, the previously emerging orientation toward the European model of development was clearly evident in all areas of life: politics, culture, and the spiritual sphere. Reformation tendencies were also observed during the emergence of cities. First of all, they were visibly manifested in Athens and in the second factual capital — Thessaloniki. Athens was changing, modernising itself according to the model of modern European centres, attracting the Greek elite, as well as the poetic and creative bohemia. In Thessaloniki, after the terrible fire of 1917, which destroyed most of its historical buildings, the Greek authorities received a unique chance to modernise the northern capital, taking into account the urban planning practices of European cities. However, most of Greece remained neutral to the new Western European trends, because of the financial problems of the authorities, the lack of an extensive road network—the main channel of communication with the capital and its newfangled trends—an acute migration problem, accompanied by the strengthening of the original element in the life of small towns, commitment to Eastern traditions, and a high degree of religiosity. The article attempts to identify modernisation trends that manifested themselves in the appearance of Greek cities, and partly recreate a visualisation of their existence and the atmosphere of urban life through the prism of the opposition “modernisation — traditionalism”. The sources used by the author are the testimonies of contemporaries — travellers, journalists, writers, politicians, diplomats, cultural figures, and publications in the media.

Keywords: Greece, modernization, city, tradition, Asia Minor catastrophe

Received: 7 March 2025

Accepted: 23 June 2025

How to cite: Lubotskaya, A. S., 2025. Stolitsa i zhizn' vokrug: osobennosti razvitiia grecheskikh gorodov v pervoi treti 20 v. *Central-European Studies*, 8, pp. 220–246. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.8>

ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКЦИЙ

Тимур Владимирович Гимадеев

Кандидат исторических наук, преподаватель, Казанский государственный аграрный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия. 420015, ул. Карла Маркса, 65.

E-mail: Timur.Gimadeev@yahoo.com

«История города Праги» В. В. Томека: переосмысляя национальный нарратив

В статье рассматривается «История города Праги» Вацлава Владивоя Томека — работа, в которой был частично пересмотрен нарратив национальной истории Чехии, выстроенный Франтишеком Палацким в «Истории чешской нации». «История города Праги» стала делом жизни Томека, отразив научные интересы, которые сформировались у него еще в юности: историю гуситского движения и историю Праги. Итоговые очертания замысел этой работы обрел в 1850-е годы, когда в силу ряда причин произошла жизненная и научная сепарация Томека от Палацкого, бывшего его учителем. Несмотря на это, однако, в оценке периода национальной истории до конца XIV в. В. В. Томек и Ф. Палацкий в целом сходились. Более серьезные отличия в трактовке национальной истории Томека начали проявляться при оценке гуситского периода. Это было вызвано как консервативными и католическими убеждениями Томека, которые контрастировали с либерализмом и протестантизмом Палацкого, так и принципиально разными подходами двух историков к исследованию данного исторического периода. Оценка событий гуситской эпохи в «Истории города Праги» В. В. Томека в небольшой степени выростала из его исследований исторической топографии Праги, которые нашли выражение в его «Основах старопражской топографии». Воссоздав историю большей части домов в черте исторического ядра Праги, Томек обнаружил, какой серьезный ущерб нанесла городу эпоха гуситских войн. Как вследствие этого, так и соглашаясь со своими убеждениями, Томек не мог, подобно Палацкому, сочувствовать гуситскому радикализму, но, будучи чешским патриотом, не мог занять и антигуситскую позицию. Потому историю гуситского движения он описывал с позиций политического центра, а в фокус внимания поставил фигуру Яна Жижки из Троцнова. Интеграция образа Яна Жижки в исторический нарратив, созданный, прежде всего, Ф. Палацким, и стала главным успехом В. В. Томека, в целом же его работа осталась невостребованной широкой чешской общественностью, главным образом — из-за отсутствия концептуальности, некой магистральной линии исторического нарратива, которая была в «Истории чешской нации» Палацкого.

Ключевые слова: история Чехии, чешская историография, XIX век, Франтишек Палацкий, Вацлав Владивой Томек, история Праги, гуситское движение

Статья поступила в редакцию: 7 июня 2025 г.

Статья принята к публикации: 1 июля 2025 г.

Цитирование: Гимадеев Т.В. «История города Праги» В.В. Томека: переосмысляя национальный нарратив // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 249–273. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.9>

В чешской историографии второй половины XIX в. существовало две крупные работы, написанные с целью изложения нарратива национальной истории периода Средневековья. Первой из них была «История чешской нации» Франтишека Палацкого (1798–1876), созданная в 1848–1876 гг. и освещавшая историю Чехии с древнейших времен до 1526 г., когда после битвы у Мохача Чешские земли вошли в состав державы Габсбургов¹. Ядром исторической концепции Палацкого был тезис о «контакте и столкновении» славян и немцев на чешской земле как движущей силе истории Чехии, при этом славяне представлялись как носители ценностей «свободы и равенства», в то время как немцы выставлялись поборниками «феодалных порядков»². Высшей точкой «контакта и столкновения», а равно и всей истории Чехии, Палацкому виделось гуситское движение в Чехии XV в., которое трактовалось автором «Истории чешской нации» в духе борьбы между славянской демократией и немецким феодализмом³. Предложенная Ф. Палацким трактовка истории Чехии прошла проверку временем: «История чешской нации» выдержала семнадцать изданий, последнее из которых увидело свет в 2017 г.⁴, а историческая концепция Палацкого легла в основу представлений Томаша Гаррига Масарика (1850–1937) о «смысле чешской истории»⁵, которые в период Первой Чехословацкой республики стали частью государственной идеологии⁶. Взгляды на историю Ф. Палацкого влияли и на идеологические

¹ *Palacký F. Dějiny národu českého w Čechách a w Moravě.* Praha: Kalve, 1848–1876. D. I.–V. / 1. vyd. CXVII + 4852 s.

² *Palacký F. Dějiny národu českého w Čechách a w Moravě.* Praha: Kalve, 1848. D. I. / 1. vyd. S. 9–15.

³ Галяничев 1988: 15–20.

⁴ *Palacký F. Dějiny národu českého. Sv. I–V.* / 17. vyd. Praha: Ottovo nakladatelství, 2017. 2555 s.

⁵ Мельников 2012.

⁶ Бобраков-Тимошкин 2008: 59–64.

установки социалистической Чехословакии⁷. Уже в постсоциалистический период произошла серьезная переоценка исторической концепции Палацкого, промежуточные результаты которой чешский историк И. Штайф в 1997 г. охарактеризовал таким образом: «в следующее столетие (а по стечению обстоятельств также и в тысячелетие) чешская историография войдет скорее без Палацкого, чем с Палацким»⁸.

Пересмотр исторической концепции, представленной в «Истории чешской нации» Ф. Палацкого, естественным образом пробудил интерес к творчеству другого историка, разрабатывавшего во второй половине XIX в. свою версию нарратива национальной истории. Им был Вацлав Владивой Томек (1818–1905), из-под пера которого в 1855–1901 гг. вышла 12-томная «История города Праги»⁹. В этом труде ученому удалось продвинуться на восемьдесят два года дальше — его незаконченная, по сути, работа, завершалась Либенским миром 1608 г., существенно подорвавшим позиции Рудольфа II (1576–1611/1612 гг.). Несмотря на название, «История города Праги» нередко пересекала рамки городской истории, что признавал и сам автор, утверждая, что Прага — это «очаг всей общественной жизни чешской нации» и в этой связи «история Праги не должна ограничиваться сюжетами исключительно местного характера»¹⁰. Потому «Историю» В. В. Томека неизбежно сравнивали с «Историей» Ф. Палацкого.

Точкой отсчета в истории изучения научного наследия В. В. Томека следует считать 1898 год — на него пришлось 80-летний юбилей самого Томека и столетие со дня рождения Палацкого. Только начинавший научный путь выдающийся гуситолог Вацлав Новотный (1869–1932), на протяжении многих лет бывший одним из ближайших сотрудников и помощников Томека¹¹, в статье, посвященной 80-летию историка, достаточно открыто признавал превосходство «Истории чешской нации» над «Историей города Праги»: «архитектурно здание Палацкого стоит выше, чем томековское»¹². Другой крупный гуситолог, Рудольф Урбанек (1877–1962) писал

⁷ Górný 2018.

⁸ Štaif 1997: 3.

⁹ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Řiwnáč, 1855–1901. D. I.–XII. / 1. vyd. LVI + 6183 s.

¹⁰ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Řiwnáč, 1879. D. IV. / 1. vyd. S. I–II.

¹¹ Hoffmannová 2014: 68–70.

¹² Novotný 1898: 156.

о Томеке уже в связи с его 85-летием. Сравнивая «Историю» Палацкого и «Историю» Томека, он в общем и целом пришел к схожим выводам, утверждая, что «своей реалистической трактовкой» Томек лишь «дополнял и частично исправлял» Палацкого¹³.

Несколько иного мнения придерживался Ярослав Голл (1846–1929), ведущая фигура чешской историографии рубежа XIX–XX вв. Еще в 1898 г., рассматривая влияние Ф. Палацкого на чешскую историографию, он охарактеризовал В.В. Томека как вполне самостоятельную историографическую величину: «Томек шел своим путем», — писал Голл¹⁴. В некрологе на В.В. Томека он говорил об «Истории города Праги» как о труде, вполне сопоставимом с работой Ф. Палацкого: «“История города Праги”, наряду с “Историей” Палацкого — наша вторая большая “История Чехии”». Томек оценивался Я. Голлом как «более объективный» историк, чем Ф. Палацкий, хотя он обозначал и пределы объективности первого¹⁵.

Существенные изменения в оценке жизни и творчества Томека привнесли обстоятельства политической истории начала XX в. После революционных событий 1918 г., создания Первой Чехословацкой республики, которую возглавил Г. Масарик, о В.В. Томеке сложился «миф предателя» — устойчивое представление, согласно которому более консервативная трактовка истории Чехии в его творчестве объяснялась в первую очередь тем, что якобы он, в отличие от Палацкого, руководствовался корыстными мотивами карьеризма. Наибольший вклад в формирование этого представления внес историк Ярослав Верштадт (1888–1970)¹⁶. При этом в историографии периода Первой Чехословацкой республики, конечно же, было место и для других оценок. Так, Йозеф Пекарж (1870–1937), ученик Я. Голла, в работе «Ян Жижка и его эпоха» уделил особое внимание сравнению исторического портрета Жижки, созданного Ф. Палацким и В.В. Томеком. Вопреки как консервативным убеждениям Пекаржа, так и факту того, что он был учеником Я. Голла, историк дал куда более высокую оценку творчеству Ф. Палацкого: «Жижка Томека есть плод ошибки, Жижка Палацкого намного ближе к действительности»¹⁷.

¹³ Urbánek 1903: 24.

¹⁴ Goll 1928a: 37.

¹⁵ Goll 1928b: 126–127.

¹⁶ Jiroušek 2008.

¹⁷ Pekař 1930: 286.

По иронии истории, в социалистический период, особенно в его первое десятилетие, Й. Пекарж, объявленный реакционным и даже космополитическим историком, выступал в качестве последователя исторической концепции В. В. Томека¹⁸, который также обвинялся в реакционных и проавстрийских взглядах¹⁹. В более поздний период «миф предателя» нашел отражение в работе Д. Ержабека о взаимоотношениях В. В. Томека и Карела Гавличека-Боровского (1821–1856) в 1850-е годы²⁰. Однако начиная с 1960-х годов начали появляться и более сдержанные оценки творчества В. В. Томека. Я. Марек и Ф. Кутнар в «Обзорной истории чешской и словацкой историографии» фактически вернулись к позиции В. Новотного, сформулированной им в конце XIX в.²¹ Й. Яначек в работе о предбелогорском периоде признал, что одиннадцатый том «Истории» В. В. Томека — это «все еще наиболее подробная реконструкция политического развития Чехии в 1526–1547 гг.»²².

Дорога для широкого и всестороннего пересмотра «мифа предателя» открылась, как и было сказано выше, уже в постсоциалистический период. Высокую оценку научное наследие Томека получило в «Гуситской революции» Франтишека Шмагеля (1934–2025), одного из наиболее выдающихся современных гуситологов: «Томек один выполнял задачи, для которых сегодня не хватило бы и целых коллективов»²³. Научному творчеству В. В. Томека уделил внимание и другой виднейший гуситолог современности — Петр Чорней²⁴.

Большее значение, однако, имело внимание к фигуре В. В. Томека новых поколений чешских историков. К его наследию обратились такие авторы, как М. Ржезник²⁵, Б. Ироушек²⁶, И. Штайф²⁷. Столетию со дня смерти В. В. Томека была посвящена научная конференция, состоявшаяся в 2005 г. в г. Градец-Кралоуе, материалы этой

¹⁸ Kočí 1953: 75–76.

¹⁹ Macek (red.) 1953: 15–16.

²⁰ Jeřábek 1978.

²¹ Kutnar, Marek 1997: 291.

²² Janáček 1968: 269.

²³ Šmahel 1993: 18.

²⁴ Čornej 2016.

²⁵ См., например: Řezník 2005; Řezník 2016; Řezník (red.) 2006a.

²⁶ См., например: Jiroušek 2005; Jiroušek 2008..

²⁷ Štaif 1997: 83–87, 110–111, 115–123, 130–134, 170–174.

конференции существенно обогатили историографию о В.В. Томеке²⁸. В последнее десятилетие важным событием стала состоявшаяся в 2019 г. защита диссертации историка Р. Паздерского, ставшего, таким образом, автором первого крупного монографического исследования о В.В. Томеке²⁹. Однако в этой работе Р. Паздерский уделил значительно больше внимания деятельности В.В. Томека как автора учебников по истории, чем его «Истории города Праги», на что в своей рецензии указал историк М. Нодл³⁰, один из крупнейших специалистов по чешской историографии.

Вместе с тем «История города Праги» представляет собой важнейшую и крупнейшую часть научного наследия В.В. Томека, его *opus vitae*. И хотя изучение научного наследия В.В. Томека продолжается почти сто тридцать лет, по-прежнему остается ряд вопросов, которые еще ждут решения. Почему «История чешской нации» Ф. Палацкого выдержала шестнадцать переизданий, а «История города Праги» была переиздана чуть более чем наполовину лишь однажды, и в основном — при жизни автора?³¹ В какой степени можно считать «Историю города Праги» самостоятельным нарративом национальной истории, а не своеобразным «дополнением» к «Истории» Ф. Палацкого? Историческая концепция какого автора, пройдя через более чем столетнюю проверку временем, может быть признана, с высоты современного уровня исторического знания, более «объективной»? Попытке дать ответы на вышеперечисленные вопросы и посвящена настоящая работа.

Появление замысла

Следует отметить, что Вацлав Владивой Томек, родившийся в расположенном на востоке Чехии городе Градец-Кралов и окончивший в 1839 г. юридический факультет Пражского университета³², началом научной карьеры обязан Франтишеку Палацкому. Почти сразу же после того, как они познакомились в 1839 г., Томек получил работу воспитателя в его семье и стал не только ближайшим помощником

²⁸ Řezník (red.) 2006b.

²⁹ Pazderský 2019.

³⁰ Nodl 2022.

³¹ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D.I.–XII. / 1. vyd. Praha: Řiwnáč, 1855–1901. LVI + 6183 s.

³² Pazderský 2019: 124–137.

и сотрудником Палацкого, но и его научным наследником, «крон-принцем»³³. Хотя в первых исторических работах В. В. Томека, опубликованных в журнале *Kwěty* еще в 1837 г. — то есть до знакомства с Ф. Палацким, — уже и наметился круг интересов В. В. Томека: вопросы городской истории³⁴ и истории гуситского движения³⁵; навыки историка-исследователя В. В. Томек освоил уже под руководством Ф. Палацкого. Справедливыми, таким образом, представляются слова Р. Урбанека из брошюры, посвященной 85-летию В. В. Томека: «Чем Томек стал, стал он при помощи Палацкого»³⁶.

Однако первые разногласия между Ф. Палацким и В. В. Томеком в вопросе трактовки событий национальной истории появились еще в «ученический» период. В 1849 г., к 500-летию со дня основания Пражского университета, вышла первая крупная работа В. В. Томека: «История Пражского университета», написанная в двух версиях: чешская монографически рассматривала неполное первое столетие истории университета, с момента основания до Иглавских компактатов 1436 г.³⁷, немецкая же представляла собой очерк всей пятисотлетней истории университета³⁸. В этой работе историк, в частности, выразил сожаление по поводу исторических последствий Кутногорского декрета 1409 г., который дал первенство в вопросах управления университетом чешской «нации» и спровоцировал исход немецких студентов и профессуры из Праги. С горечью отмечая, что «погибла слава учреждения, объединявшего в себе всю ученую Германию», Томек пришел к выводу о том, что падение роли Пражского университета сыграло негативную роль и в истории Чехии³⁹. Ф. Палацкий в вышедшей в 1845 г. первой части третьего тома пока еще немецкоязычной «Истории Чехии», напротив, оценивал историческую роль Кутногорского декрета как положительную: и для истории Чехии, и для истории Германии⁴⁰.

³³ Pazderský 2014: 360–364.

³⁴ Tomek W. W. Staře příběhy města Hradce nad Labem // Kwěty: národní zábavník pro Čechy, Morawany a Slowáky. 1837. № 10. S. 78–79; № 11. S. 85–86; № 12. S. 94–95.

³⁵ Tomek W. W. Bratrstwa Tábořského zkáza // Kwěty: národní zábavník pro Čechy, Morawany a Slowáky. 1837. № 24. S. 189–191; № 25. S. 198–200; № 26. S. 206–207.

³⁶ Urbánek 1903.

³⁷ Tomek W. W. Děje university Pražské. Praha: Řiwnáč, 1849. 320 s.

³⁸ Tomek W. W. Geschichte der Prager Universität. Prag: Haase, 1849. VI + 377 s.

³⁹ Tomek W. W. Děje university Pražské. S. 151–153.

⁴⁰ Palacký F. Geschichte von Böhmen. Prag: Kronberger & Weber, 1845. Bd. III. Abth. 1. S. 236–238.

Вместе с тем эти расхождения в позиции двух историков во многом отражают мировоззренческие отличия, заложенные уже самим происхождением Ф. Палацкого и В. В. Томека. Ф. Палацкий был выходцем из семьи тайных приверженцев Общины чешских братьев, сумевших сохранить свою веру вплоть до принятия Патента толерантности 1781 г., разрешившего свободное исповедание Аугсбургского и Гельветского исповеданий⁴¹; В. В. Томек же был урожденным католиком и причислял себя к католикам на протяжении всей жизни⁴².

Более глубинной причиной последующего расхождения позиций двух историков, однако, представляются события 1850-х годов, эпохи «неоабсолютизма», или «Баховской реакции» в Австрийской империи. Ф. Палацкий в этот период, по сути, ушел из общественной жизни, сосредоточившись на работе над своей «Историей чешской нации», в то время как В. В. Томек, сблизившийся с проправительственными, консервативными кругами, ведущим представителем которых был граф Леопольд-Лев (Лео фон) Тун-Гогенштайн (1811–1888), возглавлявший в годы «Баховского абсолютизма»⁴³ имперское Министерство культов и просвещения, развил бурную активность: В. В. Томек печатался в консервативной газете *Vídeňský denník* («Венский дневник»), в 1850 г. занял профессорскую кафедру в Пражском университете, став экстраординарным профессором австрийской истории, а в 1854 г. возглавил и Музей Чешского королевства, руководителем которого до 1852 г. был сам Палацкий⁴⁴. К этому же периоду жизни Томека относится и попытка создания в Пражском университете исторического семинара по образцу знаменитого семинара Леопольда фон Ранке (1795–1886)⁴⁵.

Такая метаморфоза в жизни В. В. Томека радовала далеко не всех его старых знакомых. Широко известна горячая ссора, разгоревшаяся между Томеком и Гавличеком-Боровским. В менее острой форме

⁴¹ Kořalka 1998: 19–21.

⁴² Pazderský 2019: 124, 153–155.

⁴³ *Баховский абсолютизм* — период в истории Австрийской империи (1849–1859 гг.), когда внутреннюю политику определял министр внутренних дел барон Александр Бах (1813–1893), сторонник последовательной централизации и ограничения политических свобод.

⁴⁴ Pazderský 2019: 155–180.

⁴⁵ Rezník 2016.

произошел разрыв Томека и Палацкого, вызванный главным образом конфликтом из-за руководства Музеем Чешского королевства⁴⁶. Последствием этого стал семилетний перерыв в общении двух историков⁴⁷.

Этот период личной и научной сепарации стал и тем этапом научной биографии В. В. Томека, на котором он приступил к разработке своего *opus vitae* — «Истории города Праги». В значительной степени итоговый замысел этой работы вырос из расхождений с Ф. Палацким: известна переписка Томека с Йозефом Иречком (1825–1888)⁴⁸, в которой они оба выражали недовольство вышедшим в 1850–1851 гг. «гуситским» третьим томом «Истории чешской нации» Палацкого. На этом этапе у Томека возникло желание иначе изложить историю гуситского движения, основываясь на схожем круге исторических источников⁴⁹. Так возникла идея превращения «Истории города Праги», по крайней мере частично, в альтернативу «Истории чешской нации» Палацкого. Сам же проект создания масштабной работы о городской истории возник еще в первый год знакомства Палацкого и Томека⁵⁰, но, по всей видимости, изначально он рассматривался в большей степени как дополнение к «Истории чешской нации»⁵¹.

Начало «Истории»

Первый том «Истории города Праги»⁵² вышел из печати в августе 1855 г. Основная часть работы над ней, судя по мемуарам Томека, заняла примерно год, с весны 1854 г. по весну 1855 г.⁵³ В первом томе, состоящем из двух частей, рассматривалась история города с древнейших времен до начала правления Карла IV. Помимо этого, в достаточно кратком введении к работе автор описал свой замысел. Здесь он дальновидно признал, что написание истории Праги — это «задача на всю жизнь»⁵⁴. Кроме того, автор предупредил читателя

⁴⁶ Kořalka 1998: 363–368.

⁴⁷ Tomek W. W. Paměti z mého života. D. I. Praha: Řiwnáč, 1904. S. 390–442.

⁴⁸ Butter 1931: 157–167.

⁴⁹ Čornej 2016: 81–82.

⁵⁰ Tomek W. W. Paměti z mého života. D. I. S. 412.

⁵¹ Pazderský 2019: 137.

⁵² Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. I. / 1. vyd. Praha: Řiwnáč, 1855. XVI + 630 s.

⁵³ Tomek W. W. Paměti z mého života. D. I. S. 406, 412.

⁵⁴ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. I. S. IX.

о том, что его «усилия при написании истории Праги были направлены не только на внешние события, но, в большей степени, на изображение общественной жизни Праги во всех ее аспектах», вследствие чего «в первой части этой книги гораздо больше места отведено описанию государственного, городского и церковного устройства, промыслам граждан и общественным событиям всякого рода, чем самому историческому повествованию»⁵⁵. Таким образом, Томек сразу дал понять читателю, что его «История» должна стать чем-то большим, чем нарратив политической истории.

Во введении к первому тому ученый изложил и свое видение периодизации истории Праги⁵⁶. Похожим образом во введениях к первому⁵⁷ и третьему⁵⁸ томам «Истории чешской нации» поступил и Палацкий. Представляется целесообразным сравнить подходы к периодизации двух историков (табл. 1). Примечательно, что оба автора разделили историю Чехии на шесть периодов.

Таблица 1

Периодизация чешской истории Ф. Палацкого и В. В. Томека

№ периода	Согласно тому III «Истории чешской нации» Ф. Палацкого	Согласно тому I «Истории города Праги» В. В. Томека
1	До 1253 г.	До 1235 г.
2	1253–1403 гг.	1235–1348 гг.
3	1403–1439 гг.	1348–1436 гг.
4	1439–1526 гг.	1436–1547 гг.
5	1526–1627 гг.	1547–1784 гг.
6	С 1627 г.	С 1784 г.

Таким образом, ранний период чешской истории оба автора определяли примерно одинаково и полагали его концом активизацию немецкой колонизации чешских земель в XIII в. Период с середины XIII в. по начало XV в. Палацкий рассматривал как единый период немецкой колонизации, в то время как Томек устанавливал гранью этого периода начало правления Карла IV, основавшего пражский Новый город. Период правления Карла IV и Вацлава IV,

⁵⁵ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. I. S. X.

⁵⁶ Ibid. S. XI.

⁵⁷ Palacký F. Dějiny národu českého w Čechách a w Moravě. D. I. / 1. vyd. S. 19–38.

⁵⁸ Palacký F. Dějiny národu českého w Čechách a w Moravě. 1. vyd. Praha: Kalve, 1850. D. III. Č. 1. S. VII–VIII.

равно как и эпоху гуситских войн, историк воспринимал как единый период «борьбы чешской национальности и ее противостояния с немецкой», в то время как Палацкий отделял гуситскую эпоху от правления Карла IV. Период с момента окончания гуситских войн до установления господства Габсбургов над чешскими землями оба историка определяли как эпоху доминирования чешского элемента над немецким, разве что устанавливали разные рамки ее завершения — Палацкий считал такой границей битву при Мохаче, а Томек — поражение Сословного восстания 1547 г. Палацкий в 1850 г. еще надеялся успеть рассмотреть столетие между битвой при Мохаче и принятием Обновленного земского уложения в 1627 г. как эпоху борьбы за независимость Чехии от державы Габсбургов, в то время как В. В. Томек планировал осветить в рамках одного тома всю «Габсбургскую» эпоху вплоть до объединения пражских муниципалитетов при Иосифе II (1765/1780–1790 гг.). Показательно, что Ф. Палацкий после поражения революции 1848 г. рассматривал в качестве нижней хронологической рамки современного периода в истории Чехии принятие Обновленного земского уложения, в то время как В. В. Томек считал за таковую эпоху йозефинистских реформ.

Из вышеизложенного следует, что в трактовке раннего периода чешской истории у двух авторов не было существенных расхождений. Примечательно, что и Палацкий, и Томек не просто были убеждены в аутентичности Зеленогорской и Краледворской рукописей⁵⁹, но и активно ссылались на них в своих работах⁶⁰. На почве же отношения к «Рукописям», единства в защите точки зрения об их аутентичности два историка восстановили дружеские отношения в 1859 г.⁶¹, однако о восстановлении ученического статуса Томека речи уже не шло.

⁵⁹ *Краледворская и Зеленогорская рукописи* — литературные подделки, якобы открытые В. Ганкой в 1817–1818 гг., представляли собой эпические поэмы, содержащие сведения по истории средневековой Чехии самого широкого спектра, от организации общества Чехии дохристианского периода до вымышленной битвы при Оломоуце, в ходе которой чехи будто бы в одиночку остановили татарское нашествие. По теме см.: Лаптева 2002.

⁶⁰ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. D. I. / 1. vyd. S. 204–214; Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. I. S. 3–6.*

⁶¹ *Tomek W. W. Paměti z mého života. D. I. S. 443.*

«Основы старопражской топографии»

Если первый том «Истории города Праги» вышел в 1855 г., то второй том увидел свет лишь в 1871 г.⁶² — спустя шестнадцать лет. Столь долгий перерыв был вызван тем, что при написании второго тома своей «Истории» Томек осознал необходимость исследования исторической топографии города⁶³. Примечательно, что Палацкий столкнулся со схожей проблемой при разработке вопросов истории гуситского движения и был вынужден, по собственному признанию, «пожертвовать три года»⁶⁴ подготовке издания под названием «Описание Чешского королевства»⁶⁵, в работе над которым ему помогал и В. В. Томек⁶⁶. К 1864 г. он понял, что не сможет интегрировать свои топографические штудии в состав «Истории города Праги»⁶⁷. Так появилось новое издание — «Основы старопражской топографии», выход которого начался в 1866 г., а закончился девятью годами позже⁶⁸.

В этой работе ученый попытался воссоздать историю всех домов, существовавших до 1436 г. в пределах исторического ядра Праги, в состав которого входят традиционные четыре пражских муниципалитета — Старый город, Новый город, Градчаны и Мала-Страна, а также Вышеград. Работа представляла собой, по сути, таблицу, в которой указывался современный на момент издания конскрипционный номер дома, присвоенный при Марии Терезии (1740–1780 гг.), и выписки из исторических источников, идентифицированные Томеком как принадлежавшие данному дому. Основным источником для него служили, помимо городских книг, обнаруженные им в архиве города Праги договоры купли-продажи, а также судебные записи: по собственным подсчетам, в ходе работы над «Основами старопражской топографии» историк рассмотрел не менее двенадцати тысяч источников такого типа⁶⁹.

⁶² Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. II. / 1. vyd. Praha: Řiwnáč, 1871. IV + 554 s.

⁶³ Tomek W. W. Paměti z mého života. D. I. S. 452.

⁶⁴ Palacký F. Vlastní životopis Františka Palackého / vyd. M. Č. Riegrova. Praha: Šimáček, 1888. S. 33.

⁶⁵ Palacký F. Popis království Českého. Praha: Kalve, 1848. — VIII + 608 s.

⁶⁶ Pazderský 2019: 444.

⁶⁷ Tomek W. W. Paměti z mého života. D. II. Praha: Řiwnáč, 1905. S. 93.

⁶⁸ Tomek W. W. Základy starého místopisu pražského. Odd. I.–V. Praha: KČSN, 1866–1872. 901 s.; *Idem*. Základy starého místopisu pražského: Registřík jmen osobních. Praha: KČSN, 1875. VI + 187 s.

⁶⁹ Pazderský 2019: 449.

Значение этой работы трудно переоценить. Как писал младший современник В. В. Томека, выдающийся гуситолог Вацлав Новотный (1869–1932): «Даже если бы Томек не написал более ничего иного, одних лишь “Основ” хватило бы для того, чтобы сохранить о нем долгую память»⁷⁰. С течением времени значение «Основ» лишь возросло: особенно ценными они стали после мая 1945 г., когда пожар в Староместской ратуше уничтожил многие документы архива города Праги, так что выписки из работы В. В. Томека зачастую являются единственным свидетельством о былом существовании и содержании ряда ценных исторических источников⁷¹. Кроме того, «Основы старопражской топографии» сыграли огромную роль в исследовании В. В. Томеком гуситского периода истории города и страны.

Гуситская Прага и Чехия в трудах В. В. Томека

Уже в вышедшем в 1871 г. втором томе «Истории города Праги» В. В. Томек частично отошел от своего плана периодизации истории города, посвятив отдельную книгу истории Праги во времена правления Карла IV, отделив эту эпоху от периода правления Вацлава IV⁷². Правление Вацлава IV целиком, вплоть до смерти короля в августе 1419 г., было рассмотрено в третьем томе «Истории» Томека, который был опубликован в 1875 г.⁷³

Том открывает своего рода «гуситскую эпопею» в рамках «Истории города Праги», охватывая начальный период истории гуситского движения. Собственно гуситские войны Томек рассмотрел в четвертом томе своей «Истории», вышедшем в 1879 г.⁷⁴, одновременно с его же работой о Яне Жижке, ставшей важным дополнением к «Истории города Праги»⁷⁵. В пятом томе он отошел от нарратива, целиком отдав том под список сановников: королевских, городских и церковных, занимавших должности в период 1378–1436 гг.⁷⁶ К изложению истории

⁷⁰ Novotný V. Tomek // Ottův slovník naučný. D. XXV. Praha: Otto, 1906. S. 539–540.

⁷¹ Pazderský 2019: 465.

⁷² Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. II.

⁷³ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Řiwnáč, 1875. D. III. / 1. vyd. IV + 664 s.

⁷⁴ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Řiwnáč, 1879. D. IV. / 1. vyd. IV + 747 s.

⁷⁵ Tomek W. W. Jan Žižka. Praha: Otto, 1879. II + 228 s.

⁷⁶ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Řiwnáč, 1881. D. V. / 1. vyd. V + 270 s.

города Томек вернулся в томах шестом⁷⁷ и седьмом⁷⁸, которые посвящал периоду 1436–1478 гг., эпохе, большую часть которой Ф. Палацкий характеризовал как «подебрадскую» эпоху, видя в ней продолжение гуситского движения⁷⁹. В томах восьмом⁸⁰ и девятом⁸¹ он описывал топографию Праги XV в., а также привел список сановников за период 1436–1478 гг. Таким образом, больше половины своей «Истории» Томек посвятил событиям, связанным с историей гуситского движения, из чего логически проистекает вывод о том, что в «Истории» В.В. Томека, равно как и в «Истории» Ф. Палацкого, гуситское движение было центральной, узловой темой. В этом два историка сходились.

Частично совпадали их позиции и по вопросу предпосылок гуситского движения. Палацкий рассматривал гуситское движение как вершину славяно-германского столкновения, в котором он видел движущую силу истории Чехии, при том этому противостоянию он придавал смысл борьбы «мирного» чешского народа за идеалы свободы против немецкого «народа-завоевателя», принесшего в Чехию феодальные порядки⁸².

Томек также уделил национальному противостоянию чехов и немцев важное место, утверждая, что «враждебный отпор», с которым немцы встречали «чешские устремления», был одной из важнейших причин гуситского движения⁸³. Однако он не делал настолько далекоидущих выводов, как Палацкий, и не придавал чешско-немецкому противостоянию характер борьбы демократии и феодализма. Вообще отход от свойственных для него обобщений философского характера был одной из главных отличительных черт «Истории города Праги», что породило впоследствии обвинения Томека в «сухопарости»⁸⁴.

Схожим образом различия в историческом мышлении Ф. Палацкого и В.В. Томека проявились в трактовке фигуры Яна Гуса,

⁷⁷ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Řiwnáč, 1885. D. VI. / 1. vyd. III + 358 s.

⁷⁸ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Řiwnáč, 1886. D. VII. / 1. vyd. VII + 422 s.

⁷⁹ Palacký F. Stručný přehled dějin českých doby starší (až po rok 1526) / vyd. přípr. R. Havel, dosl. naps. J. Charvát. Praha: Odeon, 1976. S. 87.

⁸⁰ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Řiwnáč, 1891. D. VIII. II + 547 s.

⁸¹ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. Praha: Řiwnáč, 1893. D. IX. III + 425 s.

⁸² Palacký F. Die Geschichte des Hussitenthum und Prof. Constantin Höfler. Prag: Tempský, 1868. S. 74–89

⁸³ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. II. S. 519.

⁸⁴ См., например: Macek (red.) 1953: 16–17.

которого оба автора считали самым важным деятелем в истории гуситского движения. Томек описал Яна Гуса как «мужа необычайных даров духа, призванного к осуществлению решающего поворота в состоянии церковных дел»⁸⁵. В тех же тонах портрет Яна Гуса нарисовал и Палацкий: его Гус — это «человек безусловной чистоты помыслов», «невероятной начитанности», талантливый оратор и писатель, ведомый «горячей устремленностью к облагораживанию нации и исправлению всего того, что тогда в церкви было нарушено»⁸⁶.

Разница в трактовке жизни и деятельности Яна Гуса двумя авторами заключалась в различном понимании того, как именно он хотел «исправить» «церковные дела». В. В. Томек отстаивал точку зрения, заключающуюся о том, что Ян Гус не желал введения никаких «новшеств догматических и литургических» и в целом оставался в рамках тогдашнего учения католической церкви⁸⁷. Палацкий же во втором издании третьего, «гуситского», тома своей «Истории» называл Яна Гуса «основателем протестантизма»⁸⁸, который к началу Констанцского собора уже «стоял совсем на другой почве, нежели та, на которой католическая церковь стоит и по сей день»⁸⁹. Представляется, что важную роль в расхождении двух авторов сыграла разница в их вероисповедании.

Знаменитый приговор Констанцкого собора оба автора, несмотря на вышеизложенные расхождения, считали несправедливым, отмечая, что праведное негодование, вызванное этим приговором, охватило широкие слои чешского общества⁹⁰.

Описывая постепенное формирование фракций внутри гуситского движения, В. В. Томек не скрывал антипатии к радикальным гуситам, считая, что рычаги управления этим движением находились в руках «менее ученых», темных священников из глубинки, которые своими действиями спровоцировали религиозный раскол в народе и ожесточение противников гуситского движения⁹¹. Палацкий, опи-

⁸⁵ *Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. III. S. 433.*

⁸⁶ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. D. III. Č. 1. / 1. vyd. S. 66.*

⁸⁷ *Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. III. S. 542.*

⁸⁸ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. 2. vyd. Praha: Tempský, 1870. D. III. Č. 1. S. 226.*

⁸⁹ *Ibid. S. 199.*

⁹⁰ Ср.: *Ibid. S. 256; Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. III. S. 596.*

⁹¹ *Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. III. S. 611–612.*

сывая гуситские фракции менее пристрастно, подчеркнул, что среди гуситских радикалов были такие люди, как «Микулаш из Пельгржинова, муж ученый и серьезный», а более воинственная позиция этой фракции проистекала, по мнению Палацкого, из ее приверженности демократическим и даже республиканским идеям⁹², в которых автор «Истории чешской нации» видел проявление исконно славянского духа. Сходились оба автора в том, что видели в радикальных гуситах прдшественников будущих протестантов.

Исторической фигурой, в трактовке которой В. В. Томек и Ф. Палацкий заняли прямо противоположные позиции, была личность Яна Жижки из Троцнова. Расхождения между авторами проявились с самого первого крупного появления Яна Жижки на страницах их «Историй»: событий 30 июля 1419 г. Палацкий описывал Жижку как одного из главных зачинщиков беспорядков⁹³, в то время как Томек высказал сомнение в том, что Жижка вообще был активным участником этих событий⁹⁴.

Личность Яна Жижки играла в историческом нарративе В. В. Тоमेка настолько значительную роль, что параллельно с четвертым томом своей «Истории», описывающей события эпохи гуситских войн, которую он понимал как период между смертью Вацлава IV в 1419 г. и заключением Иглавских компактатов 1436 г.⁹⁵, опубликовал еще одну работу — собственно, биографию Яна Жижки из Троцнова⁹⁶. Если Ян Жижка из «Истории чешской нации» Палацкого — это «фанатик благочестия», защитник «языка чешского и славянского», который «ненавидел феодальное владычество» и был готов «убивать всех тех, кто для него уже не был жив», но при этом был лишен политических «наклонностей»⁹⁷, то Жижка Томека — это «муж, который всегда стремился к сохранению государственного порядка, противник неразумного безвластия», хотевший сохранить монархию, лишь сменив Сигизмунда Люксембургского на Сигизмунда Корибутовича⁹⁸,

⁹² *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. D. III. Č. 1. / 2. vyd. S. 321–323.*

⁹³ *Ibid. S. 291–293.*

⁹⁴ *Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. III. S. 638.*

⁹⁵ *Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. IV. / 1. vyd. Praha: Řivnáč, 1879.*

⁹⁶ *Tomek W. W. Jan Žižka. Praha: Otto, 1879.*

⁹⁷ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. 2. vyd. Praha: Tempský, 1872. D. III. Č. 2. S. 211–213.*

⁹⁸ *Tomek W. W. Jan Žižka. S. 211.*

противник «новшеств» таборских священников⁹⁹ и талантливый политик, способный, например, сохранить свое влияние на гуситский Табор и после ухода оттуда, политическим кредо которого были «закон Божий, общее благо и защита чешской земли»¹⁰⁰. Если для Палацкого смерть Яна Жижки — «событие для страны очень желанное и полезное»¹⁰¹, то для Томека — сорванный триумф, ведь Жижка, по его мнению, был на пороге того, чтобы дать Чехии «короля и упорядоченную власть над страной, с которой она могла бы с большей энергией сражаться против врагов своих религиозных устремлений»¹⁰². В то время как Палацкий полагал, что высшим достижением эпохи гуситских войн была победа в битве у Домажлиц 1431 г.¹⁰³, то для Томека продолжение боевых действий виделось не просто бессмысленным, но и губительным для города и страны.

Негативные последствия гуситских войн Томек мог оценить в ходе своих топографических штудий. Их результаты он сумел переложить с сухого языка таблиц в текстовую форму в восьмом томе «Истории города Праги», где указал на то, что разрушения, которым «за относительно короткий период» подвергся город, были настолько значительными, что преодолеть их последствия удалось лишь к началу XVI в.¹⁰⁴ Представляется, что этим отчасти обусловлено различие в том, как Палацкий и Томек воспринимали историческое значение битвы у Липан 1434 г. и последовавших за тем событий. В глазах Палацкого Липаны были трагедией: он описывал их как «могилу демократии», на которой «вырастал феодализм, чем дальше, тем неодолимее»¹⁰⁵. Томек же видел необходимость в том, чтобы «настоящая законная власть положила конец разрушению страны, проистекавшему из ее необузданности»¹⁰⁶. В компактатах, принятых после поражения радикальных гуситов, Томек видел возможность избежать

⁹⁹ *Tomek W. W. Jan Žižka*. S. 134.

¹⁰⁰ *Ibid.* S. 148.

¹⁰¹ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě*. D. III. Č. 2. / 2. vyd. S. 222.

¹⁰² *Tomek W. W. Jan Žižka*. S. 212.

¹⁰³ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě*. 2. vyd. Praha: Tempský, 1872. D. III. Č. 3. S. 3.

¹⁰⁴ *Tomek W. W. Dějepis města Prahy*. D. VIII. Praha: Řivnáč, 1891. S. 1.

¹⁰⁵ *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě*. D. III. Č. 3. / 2. vyd. S. 159.

¹⁰⁶ *Tomek W. W. Dějepis města Prahy*. D. IV. S. 609.

трудностей Реформации XVI в. не только для Чехии, но и для всей Европы, упущенную, однако, из-за упрямства как окончательно сложившейся после их принятия уtrakвистской церкви, так и церкви римско-католической¹⁰⁷.

Несмотря на это, «подебрадскую эпоху» Томек в целом характеризовал положительно, вновь сближаясь с Палацким в трактовке событий национальной истории¹⁰⁸. Примечательно, что Томек принимал активное участие¹⁰⁹ в работе над посвященной непосредственно правлению Иржи из Подебрад второй частью четвертого тома «Истории чешской нации» Палацкого¹¹⁰. Схожим образом два историка оценивали и вошедшую в десятый том «Истории города Праги»¹¹¹ «ягеллонскую эпоху», характеризуя деятельность представителей польско-литовской династии на чешском престоле скорее негативно¹¹². В финальных томах своей «Истории» Томеку удалось описать первые восемьдесят два года пребывания Чехии в составе державы Габсбургов, но здесь автор «Истории города Праги» уже не переосмыслил нарратив Палацкого, а выстраивал свой вполне самостоятельно.

Заключение

Не считая последних двух томов «Истории города Праги», которые заслуживают отдельного рассмотрения, наиболее ценной и самобытной частью дела жизни В. В. Томека следует признать третий и четвертый тома, посвященные гуситской эпохе. Именно в них он и производит переосмысление нарратива истории гуситского движения, созданного Ф. Палацким, — важнейшей части его работы. Справедливыми следует признать слова М. Нодла, который заявил, что Томеку удалось «создать первый большой синтез гуситской революции с точки зрения политического центра»¹¹³. Рассматривая историю гуситского движения хоть и с консервативных, но безусловно патриотических позиций,

¹⁰⁷ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. 1. vyd. Praha: Řiwnáč, 1886. D. VII. S. V–VI.

¹⁰⁸ Pazderský 2019: 338–343.

¹⁰⁹ Kořalka 1998: 396.

¹¹⁰ Palacký F. Dějiny národu českého w Čechách a w Moravě. Praha: Tempský, 1860. D. IV. Č. 2.

¹¹¹ Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. X. Praha: Řiwnáč, 1894. 632 s.

¹¹² Pazderský 2019: 343–346.

¹¹³ Nodl 2022: 146–147.

Томек произвел ревизию концепции Палацкого, акцентировав внимание на негативных последствиях гуситских войн и подчас разрушительных действиях радикального лагеря гуситского движения.

Парадоксально, что одновременно с этим В. В. Томек выступил с апологетикой Яна Жижки из Троцнова — многолетнего предводителя гуситского Табора. И именно этой части его работы была уготовлена наиболее счастливая судьба: «Ян Жижка» Томека выдержал не только два переиздания уже в постсоциалистический период¹¹⁴, но и был при жизни автора переведен на немецкий и русский языки¹¹⁵. Эта работа внесла существенный вклад в развитие чешской историографии: так, его интерпретации фигуры Яна Жижки из Троцнова как стабилизирующей фигуры придерживались выдающиеся гуситологи Р. Урбанек и Ф. М. Бартош, что стало значимым противовесом позиции Ф. Палацкого, которую восприняли Й. Пекарж и К. Крофта¹¹⁶. Более того, томековский Жижка оказал влияние на историческую прозу А. Ирасека¹¹⁷, что не в последнюю очередь объясняется тем, что Ирасек в студенческие годы посещал лекции Томека по истории¹¹⁸. Парадоксальным образом именно вспомогательное по отношению к «Истории города Праги» издание биографии Яна Жижки стало наиболее влиятельной частью научного наследия историка.

Почему же саму «Историю города Праги» ждала несколько менее счастливая участь? Одной из причин этого, безусловно, следует признать томековский стиль. «История города Праги» не только более чем в два раза объемнее «Истории чешской нации» — работа Томека, как представляется, значительно более сложна для восприятия. Он нередко отходил от большого нарратива, чего практически не делал Палацкий. Более того, действительно следует признать некую сухость стиля Томека, контрастирующую с живой литературностью Палацкого. Кроме того, Томек избегал больших выводов и обобщений, в первую очередь философских, которые были характерны для работы Палацкого. Следует признать справедливость замечания

¹¹⁴ *Tomek V. V. Jan Žižka / předml. opatr. P. Čornej. Praha: V ráji, 1993. 228 s.; Idem. Jan Žižka z Trocnova. Praha: Dobrovský, 2014. 265 s.*

¹¹⁵ *Tomek W. W. Johann Žižka / Übers. v. V. Prochaska. Prag: Otto, 1882. 246 s.; Tomek B. V. Ян Жижка / пер. с чеш. СПб.: ССБО, 1889. 256 с.*

¹¹⁶ Pazderský 2019: 331.

¹¹⁷ Čornej 2016: 88.

¹¹⁸ *Jirásek A. Z mých pamětí. 2. vyd. Praha: Otto, 1913. D. II. S. 22–25.*

Я. Голла, который, сравнивая двух историков, заключил: «Палацкий к истории пришел от философии, Томек — из права»¹¹⁹. Вероятно, как бывший юрист, Томек не смог дать чешской общественности ответы на ряд вопросов, на которые смог ответить Палацкий.

Помимо этого, свою роль сыграла и политическая деятельность Томека, которая также была значимой частью его биографии¹²⁰. При обсуждении убранства нового здания Музея Чешского королевства в 1889 г., Томек, руководствуясь как идейными, так и тактическими соображениями, выступил против установки на фасаде здания музея памятной доски с именем Яна Гуса, за что подвергся обструкции со стороны либеральных кругов¹²¹. Этот инцидент отбросил длинную тень на память Томека и создал своего рода контраст между «отцом нации» и его бывшим учеником.

Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что преимущественно негативные оценки характера и последствий гуситского движения Томеком проистекали не только и не столько из его политических и идеологических позиций, сколько из глубокого знания исторического материала, многолетней работы над пражской топографией. Возможно, поэтому своего рода «возвращение к Томеку» произошло в чешской историографии в последние десятилетия, когда восприятие истории гуситского движения стало менее политизированным.

Список сокращений

МГУ — Московский государственный университет

НЛО — Новое литературное обозрение

СГУ — Саратовский государственный университет

BU — Brněnská univerzita

ČSAV — Československá akademie věd

FF UK — Filozofická fakulta Univerzity Karlovy

HK — Historický klub

HÚ AV ČR — Historický ústav Akademie věd České republiky

HÚ FF JU — Historický ústav Filozofické fakulty Jihočeské univerzity

KČSN — Královská česká společnost nauk

NLN — Nakladatelství Lidové noviny

¹¹⁹ Goll 1928a: 128–129.

¹²⁰ Řezník (red.) 2006a.

¹²¹ Bezecný 2015.

Литература

- Бобраков-Тимошкин 2008 — *Бобраков-Тимошкин А.* Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М.: НЛЮ, 2008. 224 с.
- Галямичев 1988 — *Галямичев А. Н.* Гуситское движение в освещении немецкой либеральной медиевистики второй половины XIX века. Саратов: Изд-во СГУ, 1987. 86 с.
- Лаптева 2002 — *Лаптева Л. П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи // Топорков Л. Л., Иванова Т. Г., Лаптева Л. П., Левкиевская Е. Е. Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. М.: Ладомир, 2002. С. 11–119.
- Мельников 2012 — *Мельников Г. П.* Ян Гус и гусизм в философии чешской истории Т. Г. Масарика // Полвека в славяноведении: сб. науч. тр., посв. юб. засл. проф. МГУ Л. П. Лаптевой / отв. ред. О. В. Павленко, И. В. Крючков. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 186–193.
- Bezecný 2015 — *Bezecný Z.* Banda lupičů a žhářů: Boj o Jana Husa a husitství na českém zemském sněmu v r. 1889 // *Studia Theologica*. 2015. Sv. 4. S. 75–84.
- Butter 1931 — *Butter O.* Nové prameny k dějinám Vídeňského Denníku // *Duch novin*. 1931. № 3–6. S. 126–167.
- Goll 1928a — *Goll J.* Palackého program práce historické // Jaroslava Golla vybrané spisy drobné. Praha: HK, 1928. D. I. S. 28–38.
- Goll 1928b — *Goll J.* Václav Vladivoj Tomek // Jaroslava Golla vybrané spisy drobné. Praha: HK, 1928. D. I. S. 126–135.
- Górny 2018 — *Górny M.* Mezi Marxem a Palackým: historiografie v komunistickém Československu / z pol. přel. M. Benešová. Praha: Volvox Globator, 2018. 315 s.
- Čornej 2016 — *Čornej P.* Václav Vladivoj Tomek, Jan Žižka a husitská epocha // Čornej P. Historici, historiografie a dějepis: studie, črty, eseje. Praha: Karolinum, 2016. S. 76–90.
- Janáček 1968 — *Janáček J.* České dějiny: Doba předbělohorská. Praha: Academia, 1968. Kn. I.: 1526–1547. D. I. 281 s.
- Jeřábek 1978 — *Jeřábek D.* Václav Vladivoj Tomek a Karel Havlíček v letech bachovské reakce. Brno: BU, 1979. 98 s.
- Jiroušek 2005 — *Jiroušek B.* Historické myšlení Wácslawa Wladiwoje Tomka // Jaroslav Goll a jeho žáci / edd. B. Jiroušek, J. Blüml, D. Blümlová. České Budějovice: HÚ FF JU, 2005. S. 151–163.
- Jiroušek 2008 — *Jiroušek B.* Mýtus zaprodance: Wácslaw Wladiwoj Tomek v české historiografii // 19. století v nás. Modely, instituce a reprezentace, které přetrvaly / vyd. přípr. M. Řepa. Praha: HÚ AV ČR, 2008. S. 370–377.
- Hoffmannová 2014 — *Hoffmannová J.* Václav Novotný (1869–1932): život a dílo univerzitního profesora českých dějin. Praha: Academia, 2014. 557 s.

- Kočí 1953 — *Kočí J.* Kosmopolitismus v Pekařově výkladu našeho národního obrození // *Proti kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin* / ved. red. J. Macek. Praha: ČSAV, 1953. S. 61–78.
- Kořalka 1998 — *Kořalka J.* František Palacký (1798–1876): životopis. Praha: Argo, 1998. 661 s.
- Kutnar, Marek 1997 — *Kutnar F., Marek J.* Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví / 2., přeprac. vyd. Praha: NLN, 1997. 1065 s.
- Macek (red.) 1953 — *Proti kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin* // *Proti kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin* / ved. red. J. Macek. Praha: ČSAV, 1953. S. 12–46.
- Nodl 2022 — *Nodl M.* Pazderský, Roman: Historik Wácslaw Wladiwoj Tomek a české dějepisectví 19. století // *Bohemia. 2022* (Bd. 62). № 1. S. 144–147.
- Novotný 1898 — *Novotný V.* Václav Vladivoj Tomek // *ČČH. 1898*. Sv. 4. S. 145–161.
- Pazderský 2014 — *Pazderský R.* Dochovaná korespondence Františka Palackého a Wácslawa Wladiwoje Tomka. Příspěvek k dokreslení jejich vzájemného vztahu // *Sborník archivních prací. 2014*. № 2. S. 355–404.
- Pazderský 2019 — *Pazderský R.* Historik W. W. Tomek a jeho význam v českém dějepisectví: dis. pr. Praha: FF UK, 2019. 594 s. (рукопись).
- Pekař 1930 — *Pekař J.* Žižka a jeho doba. Praha: Vesmír, 1930. D. III.: Žižka, vůdce revoluce. XVI + 330 s.
- Řezník 2005 — *Řezník M.* W. W. Tomek jako pedagog // Jaroslav Goll a jeho žáci / edd. B. Jiroušek, J. Blüml, D. Blümlová. České Budějovice: HÚ FF JU, 2005. S. 131–149.
- Řezník (red.) 2006a — *Český a rakouský politik W. W. Tomek* // W. W. Tomek, historie a politika (1818–1905) / ed. M. Řezník. Pardubice: Univerzita Pardubice, 2006. S. 31–57.
- Řezník (red.) 2006b — *W. W. Tomek, historie a politika (1818–1905)* / ed. M. Řezník. Pardubice: Univerzita Pardubice, 2006. 239 s.
- Řezník 2016 — *Řezník M.* The Institutionalization of the Historical Science between Identity Politics and the New Orientation of Academic Studies // *Hungarian Historical Review. 2016*. № 2. P. 250–276.
- Šmahel 1993 — *Šmahel F.* Šmahel F. Husitská revoluce. Praha: HÚ AV ČR, 1993. D. I.: Doba vymknutá z kloubů. 498 s.
- Štaif 1997 — *Štaif J.* Historici, dějiny a společnost: historiografie v českých zemích od Palackého a jeho předchůdců po Gollovu školu, 1790–1900. Č. 1.–2. Praha: FF UK, 1997. 392 s.
- Urbánek 1903 — *Urbánek R.* V. V. Tomek (1818–1903). Hradec Králové: Městská rada, 1903. 27 s.

References

- Bezecný, Z., 2015. Banda lupičů a žhářů: Boj o Jana Husa a husitství na českém zemském sněmu v r. 1889. *Studia Theologica*, 4, pp. 75–84.
- Bobrákov-Timoshkin, A., 2008. *Projekt "Čechoslovákija": konflikt ideologií v První Čechoslovácké republice (1918–1938)* ["Czechoslovakia" Project: An ideological conflict in the First Republic of Czechoslovakia (1918–1938)]. Moscow: New Literary Review, 224 p. (in Rus)
- Butter, O., 1931. Nové prameny k dějinám Vídeňského Denníku. In: *Duch novin*, 4, 3–6, pp. 126–167.
- Čornej, P., 2016. Václav Vladivoj Tomek, Jan Žižka a husitská epocha. In: Čornej, P. *Historici, historiografie a dějepis: studie, črty, eseje*. Praha: Karolinum, pp. 76–90.
- Galyamichev, A.N., 1988. *Gusitskoye dvizheniye v osvshchenii nemeckoy liberal'noy medievistiki vtoroy poloviny XIX veka* [The Hussite movement in the coverage of the German liberal medieval studies of the second half of the nineteenth century]. Saratov: Saratov University Press, 86 p. (in Rus.)
- Goll, J., 1928. *Palackého program práce historické*. In: *Jaroslava Golla vybrané spisy drobné, I*. Praha: HK, pp. 28–38.
- Goll, J., 1928. *Václav Vladivoj Tomek*. In: *Jaroslava Golla vybrané spisy drobné, I*. Praha: HK, pp. 126–135.
- Górny, M., 2018. *Mezi Marxem a Palackým: historiografie v komunistickém Československu*. Praha: Volvox Globator, 315 p.
- Janáček, J., 1968. *České dějiny: Doba předbělohorská. Kn. I.: 1526–1547, I*. Praha: Academia, 281 p.
- Jeřábek, D., 1979. *Václav Vladivoj Tomek a Karel Havlíček v letech bachovské reakce*. Brno: BU, 98 p.
- Jiroušek, B., 2005. Historické myšlení Wácslawa Wladiwoje Tomka. In: Jiroušek, B., Blüml, J., Blümlová, D., eds. *Jaroslav Goll a jeho žáci. České Budějovice: HÚ FF JU*, pp. 151–163.
- Jiroušek, B., 2008. Mýtus zaprodance: Wácslaw Wladiwoj Tomek v české historiografii. In: Řepa, M., ed. *19. století v nás. Modely, instituce a reprezentace, které přetrvaly*. Praha: HÚ AV ČR, pp. 370–377.
- Hoffmannová, J., 2014. *Václav Novotný (1869–1932): život a dílo universitního profesora českých dějin*. Praha: Academia, 557 p.
- Kočí, J., 1953. Kosmopolitismus v Pekařově výkladu našeho národního obrození. In: Macek, J., ed. *Proti kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin*. Praha: ČSAV, pp. 61–78.
- Kořalka, J., 1998. *František Palacký (1798–1876): životopis*. Praha: Argo, 661 p.
- Kutnar, F., Marek, J., 1997. *Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví*, 2nd edition. Praha: NLN, 1065 p.
- Lapteva, L. P., 2002. Lapteva L. P. Kraldovorskaya i Zelenogorskaya Rukopisi [Manuscripts of Dvůr Králové and Zelená Hora]. In: Toporkov, L. L.,

- Ivanova, T. G., Lapteva, L. P., Levkievskaya, E. E., eds. *Rukopisi, kotorykh ne bylo: poddelki o oblasti slavyanskogo fol'klora* [Manuscripts That Hadn't Existed: Falsifications in the field of Slavonic folklore]. Moscow: Ladomir, pp. 11–119 (in Rus.)
- Macek, J., 1953. Proti kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin. In: Macek, J., ed. *Proti kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin*. Praha: ČSAV, pp. 12–46.
- Mel'nikov, G. P., 2012. Jan Gus i gusizm v filosofii cheshskoy istorii T. G. Masaryka [Jan Hus and the Hussitism in the philosophy of the Czech history of T. G. Masaryk]. In: Pavlenko, O. V., Kriuchkov, I. V., eds. *Polveka v slavyanovedenii: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchyonnykh yubileyu zasluzhennogo professora MGU L. P. Laptevoy* [A Half of Century in the Slavonic studies: the collection of studies dedicated in honor of the jubilee of L. P. Lapteva]. Moscow: Moscow University Press, pp. 186–193. (in Rus.)
- Nodl, M., 2022. Pazderský, Roman: Historik Wácslaw Wladiwoj Tomek a české dějepisectví 19. století. *Bohemia*, 62, 1, pp. 144–147.
- Novotný, V., 1898. *Václav Vladivoj Tomek*. ČČH, 4, pp. 145–161.
- Pazderský, R., 2014. Dochovaná korespondence Františka Palackého a Wácslawa Wladiwoje Tomka. Příspěvek k dokreslení jejich vzájemného vztahu. *Sborník archivních prací*, 2, pp. 355–404.
- Pazderský, R., 2019. *Historik W. W. Tomek a jeho význam v českém dějepisectví*: dis. pr. Praha: FF UK. 594 p. (manuscript).
- Pekař, J., 1930. *Žižka a jeho doba. D. III.: Žižka, vůdce revoluce*. Praha: Vesmír, XVI + 330 p.
- Řezník, M., 2005. W. W. Tomek jako pedagog. In: Jiroušek, B., Blüml, J., Blümlová, D., eds. *Jaroslav Goll a jeho žáci*. České Budějovice: HÚ FF JU, pp. 131–149.
- Řezník, M., 2006. Český a rakouský politik W. W. Tomek. In: Řezník, M., ed. *W. W. Tomek, historie a politika (1818–1905)*. Pardubice: Univerzita Pardubice, pp. 31–57.
- Řezník, M., ed., 2006. *W. W. Tomek, historie a politika (1818–1905)*. Pardubice: Univerzita Pardubice, 239 p.
- Řezník, M., 2016. The Institutionalization of the Historical Science between Identity Politics and the New Orientation of Academic Studies. *Hungarian Historical Review*, 2, pp. 250–276.
- Šmahel, F., 1993. *Husitská revoluce. D.I.: Doba vymknutá z kloubů*. Praha: HÚ AV ČR, 498 p.
- Štaif, J., 1997. *Historici, dějiny a společnost: historiografie v českých zemích od Palackého a jeho předchůdců po Gollovu školu, 1790–1900*, 1.–2. Praha: FF UK, 392 p.
- Urbánek, R., 1903. *V. V. Tomek (1818–1903)*. Hradec Králové: Městská rada, 27 p.

Timur V. Gimadeev

PhD, Vocational Teacher, Kazan State Agrarian University,
Kazan, Tatarstan, Russia. 420015, ul. Karla Marxa 65.
E-mail: Timur.Gimadeev@yahoo.com

Revising the National Narrative: *History of the Town of Prague of Václav Vladivoj Tomek*

The article is devoted to V. V. Tomek's opus vitae: his twelve-volume "History of the town of Prague", which was published between 1855 and 1901. In this rather unfinished work, V. V. Tomek tried to revise—at least, partially—the narrative of Czech medieval history as created by František Palacký in his monumental work "History of the Czech nation". Paradoxically, Tomek decided to do that as Palacký's former disciple. However, the paths of the two historians diverged during the 1850's era of "Bach's absolutism", and their later reconciliation did not lead to the restoration of V. V. Tomek's rank as a disciple. Nevertheless, Tomek mostly agreed with Palacký's view of Early and High Medieval Czech history. It was the Hussite era that contributed to the main discrepancy between these two historians. The Hussite movement in fifteenth century Czech territories was actually the main topic of interest for both Palacký and Tomek. From Palacký's liberal and Protestant perspective, the Hussitism constituted the "zenith of the Czech history". The view of Tomek was far more nuanced: Tomek considered the Hussite era as one of the most important periods in Czech history, though, while his sympathies were on the Hussite side, however, as a Catholic and conservative, Tomek harshly condemned the revolutionary radicalism of the Hussite era. Topographic studies by Tomek, to which he dedicated about two decades of his life, were also an important element, leading him to the conclusion that fifteen years of the Hussite wars deprived Prague of a century of development. Tomek became the first author to provide a centrist narrative of the Hussite era, but he was not able to cement his view in the mind of the public, probably because of his lack of a wider historical vision, which in turn was prevalent in Palacký's work.

Keywords: Czech history, Czech historiography, František Palacký, Václav Vladivoj Tomek, history of Prague, nineteenth century, Hussite movement

Received: 7 June 2025

Accepted: 1 July 2025

How to cite: Gimadeev, T. V., 2025. "Istoriia goroda Pragi" V. V. Tomeka: pereomysliata natsional'nyi narrativ. *Central-European Studies*, 8, pp. 249–273. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.9>

Александр Александрович Силкин

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

Празднование 10-летия Октябрьской революции в Москве глазами сербских левых интеллектуалов. 1927–1928 гг.

Осенью 1927 г. СССР отмечал 10-летнюю годовщину Октябрьской революции. Празднование вылилось в пропагандистскую акцию, цель которой состояла в демонстрации «достижений пролетариата», а также в улучшении репутации советской власти на международной арене. Для этого были приглашены иностранные политические и культурные деятели, в основном левых взглядов, от которых ожидалось, что они в лучшем свете представят увиденное соотечественникам. От сербской «гражданской левицы» в СССР отправились литератор Драгиша Васич, скульптор Сретен Стоянович и главный редактор белградской газеты *Политика* Владислав Рибникар. Опубликованные ими путевые заметки рассматриваются в широком контексте восприятия Советской России западными левыми интеллектуалами. Кроме того, написанное заставляет задуматься о причудливой трансформации в сознании межвоенных левых традиционного сербского русофильства, обусловленного ролью, которую Санкт-Петербург (Петроград) играл в национальной эмансипации сербов в XVIII–XIX вв. Будучи критически настроенными к царизму, а также к собственному политическому истеблишменту, сербские левые проецировали свои идеализированные представления о России на первое социалистическое государство.

Ключевые слова: Сербия, Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС), Югославия, Советский Союз, Октябрьская революция, русско-сербские отношения, Драгиша Васич, Сретен Стоянович, Владислав Рибникар, Драголюб Йованович

Статья поступила в редакцию: 5 марта 2025 г.

Статья принята к публикации: 8 июня 2025 г.

Цитирование: Силкин А.А. Празднование 10-летия Октябрьской революции в Москве глазами сербских левых интеллектуалов. 1927–1928 гг. // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 274–307. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.10>

Венгерский поэт Дюла Ийеш (1902–1983) в 1934 г. писал: «Объективно настроенный путник ждет от России воплощения мечты о социализме»¹. Этим он выразил чаяния тысяч иностранных интеллектуалов, художников и политиков, посетивших Москву в 1920–1930-е годы². Некоторые из них записали и опубликовали свои впечатления, которые французский философ Жак Деррида (1930–2004) окрестил «возвращениями из СССР»³. Книга Андре Жида (1869–1951) *«Retour de L'U.R.S.S.»*, вышедшая в 1936 г., дала название новому литературному жанру, вклад в развитие которого внесли и интересующие нас сербские авторы. Однако, прежде чем к ним обратиться, необходимо коснуться того, как «мечта» завладела умами немалой части образованной европейской публики.

Советский миф

Восприимчивость к крайним идеям можно считать проявлением посттравматического состояния, переживаемого после Великой войны. Победителям и побежденным в разной степени были присущи несбывшиеся ожидания от наступившего мира, фрустрация от эрозии социального статуса, убежденность в несправедливости актуальных общественных отношений и неизбежности краха капитализма, потребность в новых идеалах взамен довоенных ценностей — «буржуазных культурных», утративших свою значимость⁴, а также «стремительно разложившихся моральных»⁵. Емко и образно эту палитру чувств выразил писатель и журналист Артур Кёстлер (1905–1983):

После войны прорвалось подспудно копившееся разочарование. Забытая тяга к Вере, к чему-то абсолютному и неоспоримому, во что можно верить, охватила Европу. <...> Электромагнитная буря разразилась по-разному в зависимости от местных условий. В одних странах ее удалось отсрочить благодаря успокаивающему эффекту победы в войне; в других она пронеслась гедонистической волной, вакханалией джаза и совокуплений. Исторически значимых

¹ Ийеш Д. Россия. 1934. М.: Хроникер, 2005. С. 15.

² Холландер 2001; Дэвид-Фокс 2015.

³ Рыклин 2009: 37.

⁴ Бенъямин В. Московский дневник. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. С. 86–87.

⁵ Koestler A. The initiates // The god that failed / ed. by R. Crossman. New York: Harper & Brothers Publishers, 1949. P. 20.

явлений, в которых кристаллизовалось возвращение к Вере, было два: фашизм и советский миф⁶.

Придерживавшиеся правых взглядов «нашли утешение, обвинив в своей участи Версаль и евреев. <...> Другая половина устремилась влево»⁷. Для нее средством «терапии собственных травм» служила Октябрьская революция, создавшая, как написал философ Михаил Рыклин, «убедительный симулякр преодоления буржуазности»⁸. Самим же левым произошедшее в России виделось

[С]бывшимся мессианским пророчеством со всеми его хрестоматийными лозунгами: “правительством рабочих и крестьян”, “экспроприацией экспроприаторов” и “диктатурой пролетариата”. Эти слова перестали быть высохшими чернилами на бумаге и обрели живую плоть и кровь. <...> Безжизненная утопия превратилась в реальную страну с реальными людьми, достаточно отдаленную, чтобы дать волю воображению⁹.

Воображение рисовало образы, которые послужат аргументации тезиса о распространении в XX в. атеистических светских религий. По формулировке французского философа Раймона Арона (1905–1983), те «заменяют в душах наших современников исчезнувшую веру и обещают спасение на земле, в форме общества, которое надлежит построить»¹⁰. Не дожидаясь потустороннего божественного воздаяния, советский человек-демиург сам творил земной рай:

Частная собственность, мотив наживы, сексуальные табу, социальные условности — все сметено одним ударом. Не стало больше богатых и бедных, господ и слуг, офицеров и рядовых. Муж не имеет более власти над женой, родитель — над ребенком, учитель — над учеником. Казалось, начался новый отсчет истории *homo sapiens*¹¹.

За этой мечтой и ехали в СССР «объективно настроенные путники», которых М. Рыклин разделил на три основные группы:

⁶ Koestler A. The yogi and the commissar and other essays. London: Published by Jonathan Cape, 1945. P. 127.

⁷ Koestler A. The initiates. P. 19.

⁸ Рыклин 2009: 26.

⁹ Koestler A. The yogi and the commissar and other essays. P. 128–129.

¹⁰ Рыклин 2009: 27. Также см.: Морен 1995.

¹¹ Koestler A. The yogi and the commissar and other essays. P. 128.

Среди них были искренне верующие, вступавшие в компартии, проводившие в жизнь линию Коминтерна <...>, потерпевшие поражение и нашедшие прибежище на “избранной родине”. Большинство из них Сталин “отблагодарил” расстрелами, лагерями и ссылками. Были и верующие другого рода, известные интеллектуалы, сочувствовавшие советскому эксперименту и публично его поддерживавшие. Их имена имели большое пропагандистское значение. К ним примыкала большая группа “попутчиков”, которые, не состоя в партии, также совершали путешествие в “святую землю большевизма”, чтобы поведать о свершениях новой власти. Спектр их суждений простирался от безоговорочной поддержки и прославления до сочувственной, хотя и сдержанной оценки увиденного¹².

Гражданская левица

Среди сочувствующих «попутчиков» оказались и три молодых сербских автора¹³, ставшие свидетелями празднования в Москве 10-й годовщины Октябрьской революции: писатель и адвокат Драгиша Васич (1885–1945) — в прошлом офицер, участник Балканских войн и Первой мировой; скульптор Сретен Стоянович (1898–1960) — бывший член революционной организации Млада Босна, прошедший годы войны в австрийской тюрьме; главный редактор белградской газеты *Политика* Владислав Рибникар (1900–1955) — «буржуй и наследник богатой семьи»¹⁴, получивший аттестат зрелости во Франции, где он находился в эвакуации.

Несмотря на столь разный социальный бэкграунд, в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1918–1929 гг.) все трое принадлежали к одному политическому течению — к так называемой гражданской левице. Мира Радоевич охарактеризовала ее как «интеллектуалов различного происхождения — членов гражданских политических партий, декларировавших прогрессивные идеи, в первую очередь демократические». И далее:

Не ограничиваясь требованиями политических свобод, они полагали, что их обязательным дополнением должна стать социальная

¹² Рыклин 2009: 32.

¹³ Матовић 2015. Автор ошибочно приписывает В. Рибникару статьи, опубликованные в *Политике* весной 1927 г. под псевдонимом *Дальни* («Дальний»).

¹⁴ Баровић 2016: 37.

справедливость. <...> Эти идеи разделяли и беспартийные интеллектуалы, которые <...> стремились внести свой вклад в борьбу за более гуманное общественное устройство. Подобные левые воззрения сближали их с социал-демократами и социалистами, а также с коммунистами¹⁵.

На правящие круги представители левицы возлагали ответственность за несовпадение реальности и ожиданий, связанных с окончанием Первой мировой войны и объединением югославян, за межнациональные противоречия, подавление инакомыслия, коррупцию и прочие общественные язвы.

Одной из второстепенных разделительных линий служило интересующее нас отношение к большевистской России. В 1920-е годы власти придерживающиеся в лице короля Александра Карагеоргиевича и главы Народной радикальной партии Николы Пашича, как и большинство сербов, сожалели о падении царизма, сочувствовали монархически настроенной русской эмиграции, а об их мнении о большевиках говорит тот факт, что Югославия последней из европейских государств признала СССР (1940 г.). Превалировавшую в сербском общественно-политическом дискурсе оценку русской революции и Гражданской войны иллюстрирует отрывок из книги (1933 г.) Любомира Михайловича-Польского — офицера и свидетеля событий:

Революция — это кровавая стихия хаоса, которая и у “самых культурных” пробуждает <...> сокрытый в каждом человеке инстинкт зверя. Перед его кровожадностью, свирепостью и скотством бледнеют все самые низкие инстинкты диких животных. Такую революцию я видел в России, убедившись, что она нисколько не похожа на поэтизированные революции, как их изображают в театре или в художественной литературе¹⁶.

Сербские левые, напротив, приветствовали революцию и выступали за немедленное признание Советского Союза. В их глазах он представлял собой «справедливое» общество, источник новой «духовности», выгодно отличавшейся от западных «выродившихся

¹⁵ Радојевић 2015: 78.

¹⁶ *Михајловић-Польски Љ.М.* Крвави трагови: крај једне империје... // Срби о Русији и Русима: Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): Антологија / [приредио] М. Јовановић. Београд: Службени гласник, 2011. С. 424–425.

систем и устаревших форм»¹⁷, и одновременно государство русского народа, продолжателя его культурных традиций. Отметим, подобное видение отражено в художественных и публицистических произведениях, написанных еще до того, как их авторам довелось оказаться в СССР.

Одно из таких произведений — роман с характерным названием «Красный туман», в 1922 г. вышедший из-под пера Д. Васича. В уста главного героя — солдата сербской армии, сражавшегося на Салоникском фронте, — он вложил свое восприятие русской революции:

Из всего, что творилось <...> в этой крысиной возне, хорошо только то, что *наша старшая сестрица* (курсив мой. — А. С.) Россия сотворила <...> Ей-богу, только это хорошо, а все остальное гроша ломаного не стоит. Я не знаю, что именно она сделала, только чувствую, что произошло большое очищение. <...> Только там нет этой старой гнилой мебели, а комната ее, мне кажется, каким-то чудом проветрена¹⁸.

Лидер Земледельческой левицы профессор Белградского университета Драголюб Йованович пять лет спустя отметил годовщину Октябрьской революции статьей «Опора на Россию».

В самое тяжелое для сербского народа время (1815 г.) только русские продемонстрировали какое-то сочувствие к неслыханным страданиям целого народа, в то время как все европейские народы оставались равнодушными. Старая Россия нас поддерживала и бросала, предпочитала нам Болгарию и проч., однако все-таки помогла нам завершить освобождение Сербии. *Мать* не должна быть ни лучшей, ни самой красивой, чтобы оставаться самой любимой. Тем более, что, как нам казалось, наступало ее время¹⁹.

В отсутствие оригинала мы из более поздних мемуаров самого автора узнаем, что в 1927 г. его отношение к Советскому Союзу было обусловлено событиями более чем столетней давности.

¹⁷ *Миљковић Б.* Две наше књиге о Русији // Српски књижевни гласник. 1928. 16 VI. Књ. XXIV. Б. 4. С. 302.

¹⁸ *Васић Д.* Црвене магле. Београд: Српска књижевна задруга, 1922. С. 78–79, 94. Также см.: Кончаревић 2020.

¹⁹ *Јовановић Д.* Политичке успомене. II. Сазнања. Београд: Архив Југославије, 1997. С. 70–71.

По прошествии Второй мировой войны Д. Йованович продолжил цитировать собственную, написанную много лет назад статью

Из-за русской революции центр мировой политики переместился на Восток, после Парижа во главе человечества оказались две культурных столицы: Нью-Йорк и Москва. <...> Сегодня сильнее Нью-Йорк, а завтра, возможно, сильнее будет Москва. Уже сегодня она нам ближе, потому что *наша*. Поэтому без стеснения поспешим к ней в объятия! Мы и так опоздали, десять лет потеряно!²⁰

Сретен Стоянович тоже полагал, что революция и Гражданская война не изменили сути «семейных» связей Сербии и России — «страны, которая всем нам *была так близка и такой же остается*»²¹: «Забывают, что русский народ все еще в России, и никакие режимы не в состоянии превратить его в другой народ с иными чертами. И никакая система не уничтожит наше старинное *родство* с русскими»²².

Приведенные мнения порождают немало вопросов. И, хотя они могут показаться придирками, позволим себе их сформулировать, оправдываясь тем, что каждый читатель неминуемо вступает в мысленный диалог с автором. А именно: чем «хорошим» обернулась революция в России для сербской армии, сражавшейся на Салоникском фронте; что заставило Васича, взявшего в жены русскую беженку — генеральскую дочь (1924 г.), полагать, что на ее родине произошло «большое очищение»; почему Д. Йованович, проводивший студенческие годы во Франции и получивший докторскую степень в Сорбонне, считал Россию «матерью»; откуда уверенность, что, отрекшись от своего прошлого, та по-прежнему испытывает «сестринско-материнские» чувства к сербам; почему боснийский серб Стоянович полагал, что «системы и режимы» не способны изменить народ, имея перед глазами доказывавший обратное пример босняков-мусульман, предки которых приняли ислам под давлением оттоманских властей? И, наконец, такими ли «интеллектуалами» были представители левицы, как их преподносят современные сербские исследователи?

Ни один из вопросов не вызывает затруднения, за исключением, как ни странно, последнего. Отвечая на него, будем помнить,

²⁰ *Јовановић Д.* Политичке успомене. С. 70–71.

²¹ *Стојановић С.* Импресије из Русије // Срби о Русији и Русима. С. 469.

²² Цит. по: Радојевић 2015: 82.

что перед нами не заблуждения отдельных лиц, а позиция целой социальной группы, проявлявшей свое русофильство отличным от сербского мейнстрима образом. Для понимания этой позиции необходимо учитывать, что «представления о России в сербском обществе», по словам профессора Белградского университета Мiroслава Йовановича (1962–2014), «не являются однажды и навсегда сложившимся образцом»²³. В течение длительного времени на них влияла политика Петербурга (Петрограда) в отношении Стамбула и Вены, препятствовавших национальной эмансипации сербов. В результате в XVIII–XIX вв. сложились и «абсолютно доминировали» позитивные чувства — надежда на помощь и благодарность «Святой Руси», а также ощущение общности сербов с далекими «единоверными братьями»²⁴. Показательно описание Павлом А. Ровинским, путешествовавшим по Сербии в 1867 г., беседы с любопытным сербским крестьянином, который расспрашивал заплутавшего иностранца:

— Што си? (Что ты — то есть кто ты таков?)

Объявляю, что рус.

— Какой веры?

— Православной.

— Знаешь “Отче наш”?

— Знаю.

— Поговори.

Читаю “Отче наш”, а он уставился в землю и слушает, взвешивая каждое произнесенное мной слово.

— Ама добро, брате, читаш; па ти си србин (Да, хорошо, ты, брат, читаешь, значит, ты — серб).

Начинаю пояснять, что я не серб, а русский, но что русские и сербы славяне, люди родственные по языку и одного православного исповедания.

— Нет, ты србин, ты этого сам не знаешь; а вот ты хочешь видеть наши монастыри, так, когда дойдешь в Студеницкую лавру, там есть ученые монахи и у них старые книги, они тебе покажут, что русские все сербы²⁵.

²³ Йовановић 2011: 18, 32.

²⁴ Русские о Сербии и сербах. СПб.: Алетейя, 2022. Т. 1. Письма, статьи, мемуары / сост., подг. к изд., введ., закл. ст. А. Л. Шемякина. С. 81–82.

²⁵ Там же.

Общей картины не изменило появление антироссийских настроений в последней четверти XIX в. вследствие не вполне удовлетворительного для Сербии исхода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Берлинского конгресса 1878 г.

Условный пророссийский унисон начал разрушаться после Октябрьского переворота и Гражданской войны, когда появилось две «России» — советская и зарубежная, а среди сербов получили широкое распространение коммунистические и, вообще, левые идеи. У тех, кто их воспринял, не изменив при этом традиционным симпатиям, вероисповедальная близость с русскими отошла на второй план в качестве мотива устойчивой приязни к ним. В сознании многих лик «православного царя» сменился более яркими и актуальными образами, как у Васича с его «старшей сестрицей», предпринявшей «большое очищение». При этом нетронутой оставалась изначальная основа русофильства — ощущение «старинного родства», убежденность в исключительной, «эксклюзивной» близости сербов и русских, нетерпеливое ожидание помощи и, разумеется, единение в (новой) вере. «Перевернутая и переосмысленная религиозность» как «неотъемлемый компонент представления об СССР и новом “идеологическом рае”» объединяла сербских коммунистов с западноевропейскими товарищами. Отличительная черта состояла в том, что у первых, по формулировке М. Йовановича, сохранялись «элементы религиозного дискурса, уходившие корнями в прежнюю эпоху»²⁶, когда студицикие монахи точно знали, что все русские — сербы.

Оговоримся, атавизмы восприятия России, пережившие XIX в., были присущи не одним сербским левым и имели корни не в одной только конфессиональной общности. «Старая песня на новый лад» — так можно описать общую условную славянско-балканскую специфику распространения советского мифа, в соответствии с которой на СССР проецировалось отношение к Российской империи. Как в случае с процитированным Драголюбом Йовановичем, который, напомним, решил поздравить СССР с 10-летием революции в благодарность за то, что в 1815 г. император Александр I и его министр Карл Нессельроде (1780–1862) единственные из участников Венского конгресса вняли мольбам мятежных сербов о заступничестве перед Османской империей.

²⁶ Йовановић 2011: 21.

В том же духе католик Степан Радич, возглавлявший Хорватскую народную крестьянскую партию, в 1928 г. приписывал советскому руководству «колоссальную славянскую политику», в сравнении с которой курс «царской России выглядит всего лишь увертюрой»:

Чичерину не надо говорить о славянстве, так как он осуществляет гораздо более успешную славянскую политику, чем <...> русские цари когда-либо. Чичерин именно потому проводит славянскую политику, что не проводит политику православную, не ставит цель захвата Царьграда <...> ради Святой Софии и ни с кем не ищет конфликтов²⁷.

Реминисценцию о России — защитнице православных подданных султана — можно распознать в книге румынского писателя греческого происхождения Панаита Истрати (1884–1935), побывавшего в СССР в 1927–1928 гг. Свое разочарование от увиденного он назвал «обрушением веры»: «Прощайте, мечты, прощайте, планы! Мечты о служении новой *Святой Руси* <...>. Планы борьбы ради защиты советской страны, которая рождает человечество завтрашнего дня»²⁸.

Многие полагали, что залогом понимания советского эксперимента служит любовь к русской классической литературе и, разумеется, «старинное родство». Как, например, Бранислав Милькович — автор рецензии на книги Васича и Стояновича, написанные по итогам поездки в СССР:

Большинство тех, кто туда отправляется, обременены многочисленными предрассудками и привычками европейской жизни — скорлупой, которая мешает подлинному пониманию. Ни ума, ни теоретической подкованности <...> недостаточно для понимания этой “великой религиозной авантюры”, как назвал ее один французский писатель <...>. Необходимо иметь способность осмысления русской жизни, которая принципиально отличается от европейской. Редко кто в Европе правильно оценивал человеческую жизнь, как ее живописует русская литература. *Славянин* вернется оттуда с наиболее справедливым и всеобъемлющим суждением. Поэтому господу Васич и Стоянович располагали наиболее действенным средством для понимания и проникновения²⁹.

²⁷ Г. Радич о Русији // Политика. 1928. 07 IV: 4.

²⁸ *Истрати П.* Исповедь для побежденных: После шестнадцати месяцев в СССР. СПб.: Нестор-История, 2024. С. 176, 179.

²⁹ *Милькович Б.* Две наше књиге о Русији. С. 302.

Очевидно, в основе сербской «коллективной фантазии о России»³⁰ лежало отсутствие знаний о ней, объединявшее встретившего Ровинскому крестьянина, межвоенного беллетриста и университетского профессора. Д. Васич косвенно признался в этом устами главного героя романа, неуверенного, «что именно старшая сестрица сделала». В книге «Впечатления из России», опубликованной по итогам предпринятого осенью 1927 г. путешествия, красноречиво описание первых переживаний по приезде в СССР: «Прибыли мы в страну, которую любим <...>, в которой никогда ранее не были и о которой нам рассказывали прямо противоположные вещи»³¹.

В мемуарах проявил откровенность Д. Йованович, объяснявший отказ составить компанию Васичу со Стояновичем:

Что там могло быть после двух революций, гражданской войны, интервенции западников, внутренней борьбы с Троцким, с крестьянами? <...> Какой-то прогресс <...>, который мог бы оценить только тот, кто хорошо знал царскую Россию. Обо мне этого нельзя было сказать. Я видел лишь кое-что из богатств и красот Запада и *нашей Чехословакии*³².

Отдавая себе отчет в собственном незнании, Д. Йованович воздержался от поездки в Москву, но тем не менее призывал остальных поспешить к ней «в объятья». Впоследствии его, как он сам признался, за это «подвергали сильным нападкам, особенно, когда наши люди узнали о сталинских чистках». Однако до конца 1930-х годов левых не заботило вероятное несоответствие реальности образа Советской России, предъявлявшегося ими югославской общественности. Для них портрет «сестрицы/матери» имел значение только как идеологическое средство оппонирования правящему режиму.

Бессмысленно искать совпадение между описаниями России, размышлениями о ней и Россией самой. Прежде всего по той причине, что она в сербском общественном дискурсе, медийном пространстве и, следовательно, в восприятии индивидуума существует *исключительно ради нас* (Сербии, Югославии) *и единственно ради нас* (курсив мой. — А. С.) <...>. Не только представления о русских

³⁰ Йовановић 2011: 36.

³¹ *Васић Д.* Одабрана дела. Београд: Алтера, 1990. С. 298.

³² *Јовановић Д.* Политичке успомене. С. 70.

и России мало соответствуют подлинной ситуации в России, сербская интеллектуальная элита, по сути, и не интересуется современной Россией³³.

Эти слова Мирослав Йованович писал о русофильстве/русофобии начала 2000-х годов, но как будто имел в виду своего однофамильца, преподававшего в университете семьюдесятью годами ранее. И далее: «Россия превращалась в символ, утилитарное прикладное значение которого ограничивалось исключительно внутрисербской политической полемикой и идеологической борьбой».

Наряду с традиционными симпатиями, искушением революционными лозунгами и неизбывной неосведомленностью, позволявшей наделять воображаемый объект любыми чертами, на восприятие современной России влияли особенности биографий деятелей левицы. Прежде всего, те, которые обусловили критическое отношение к двору и правящим партиям. Что касается Васича, немалую роль сыграла его близость к основанной в 1911 г. тайной офицерской организации «Объединение или смерть», также известной как «Черная рука». В 1917 г. ее авторитетных членов, включая родственника Васича Любомира Вуловича (1876–1917), казнили по итогам Салоникского процесса, сфабрикованного Александром Карагеоргиевичем и руководством Радикальной партии. Сложно не увидеть прямой связи между ликвидацией престолонаследником политических оппонентов, обвиненных в фиктивном покушении на него, и тем, что в 1922 г. на так называемом Видовданском процессе Васич выступил в роли адвоката коммуниста Спасое Стеича (1892–1943), в июне 1921 г. бросившего бомбу в карету венценосца.

До этого Васич выражал свою оппозиционность «на страницах основанной им газеты *Прогресс* (1920 г.), в которой с бескомпромиссной критикой обрушивался на несправедливость, коррупцию, жажду наживы, протекционизм и отказ от идеалов»³⁴. За это его на два месяца мобилизовали как офицера запаса и отправили в войска подавлять албанский мятеж на юге Югославии. Словом, у Васича имелись веские причины по разным вопросам внутренней и внешней политики, включая отношение к России, занимать позицию, противоположную той, которой придерживался Александр Карагеоргиевич.

³³ Јовановић 2011: 13, 35.

³⁴ Радојевић 2015: 80.

В 1922 г. взгляды начинающего литератора исчерпывающе описал ученый-филолог и умеренно оппозиционный политик Милош Московлевич (1884–1968), не понаслышке знавший о трагических событиях в России: «Драгиша — неисправимый идеалист, почти что фанатичный панславист, немного большевик. Он верит, что Россия спасет нас от загнивания Запада. Свои идеи он выскажет в романе, над которым сейчас работает»³⁵.

Осенью 1927 г. сформулированное Московлевичем левацкое *credo* прошло проверку реальностью, когда Васичу, Стояновичу и Рибникару представилась возможность посетить Советский Союз. Прежде чем обратиться к их впечатлениям от поездки, нелишне задать вопрос, как был организован процесс приглашения иностранцев. Наши герои об этом умалчивают, чтобы не проговориться о связях с запрещенными в Королевстве СХС коммунистами. Благо имеются мемуары Д. Йовановича, из которых следует, что отбор поручался национальным компартиям:

В начале октября [Отокар] Кершовани сообщил мне, что коммунистическая партия [Югославии] выразила пожелание, чтобы я отправился в Москву на празднование 10-й годовщины и захватил с собой восемь крестьян по своему выбору. Их аппарат готов обеспечить нас поддельными паспортами. Нам только фотографии надо предоставить. Расходы тоже берут на себя “товарищи”, а “там” мы будем находиться в качестве гостей Советов³⁶.

Принцип селекции, по словам П. Истрати, состоял в том, чтобы собрать «самых удобных из “независимых умов”» Европы в Москве, где их предполагалось подвергнуть «эмоциональной большевизации». Помимо так называемого Конгресса друзей СССР³⁷, ее инструментом служила демонстрация достижений пролетариата за десять лет:

В эти праздничные дни все было парадом. <...> Завод за заводом, больница за больницей, школа за школой, банкет за банкетом. <...>

³⁵ *Московлевич М.* Дневник 1916–1968. Београд: Институт за новiju историју Србије, 2018. Књ. 2. У Краљевини СХС. 24. април 1919. — 4. јануар 1929. С. 98.

³⁶ *Јовановић Д.* Политичке успомене. С. 69.

³⁷ Всемирный конгресс друзей СССР проходил с 10 по 12 ноября 1927 г. Поводом для организации конгресса стало мнимое намерение западных держав развязать войну против Советского Союза.

И везде, везде одни и те же отвратительные речи. <...> Каждого оратора непременно приветствовали в конце выступления под фанфары оркестра, которые аудитория должна была выслушать стоя³⁸.

Румынский писатель довольно быстро выработал иммунитет к подобной обработке: «В первый раз от эмоций у меня перехватило горло. Это было грандиозно. Во второй раз я не испытал ничего. Я уже все испытал накануне. В третий раз я уже больше не мог это слушать и “заскучал”». Сербь, напротив, гораздо легче подвергались индоктринации. Ее следы четко прослеживаются в написанном, которое разделено незримой, но вполне осязаемой внутренней границей. Отдельные главы и статьи отражают не что иное, как личные впечатления авторов, искренние и противоречивые. А другие, освещающие «парад», как будто написаны под диктовку его организаторов. Руководствуясь хронологической очередностью, начнем с первых. Ведь пока гости не доехали до Москвы, некому было их «большевизировать».

«Ностальгия» по Пушкину

Личная способность авторов к осмыслению действительности в не меньшей степени, чем введение их в заблуждение принимающей стороной, наложила отпечаток на тексты. Их лейтмотив — растерянность и замешательство от увиденного, признание в котором обнаруживается уже при описании дороги в Москву. Васич, будучи неуверенным в том, что его ждет в конце пути, пытался убедить читателя и самого себя, что предстоит встреча с миром, отраженным в русской литературе. При этом рефлексия о собственных теперешних и юношеских переживаниях описывает состояние, которое не назовешь иначе как болезненным:

Обуяло ли меня возбуждение? Каково оно теперь, когда <...> молниеносно мчусь я туда, куда так жаждал попасть — в странную и недоступную мглу моего сознания? Велико и несомненно возбуждение, охватившее меня <...> В детстве, в ранней нашей молодости, когда мы не знали, чего хотели, но чего-то неопределенного жаждали, в этой глубокой и темной глубине, еще до опьянения от русской литературы, наступившего во время взросления, разве были у нас тогда чувства сильнее и слаще, чем эта ностальгия? Разве был кто-то

³⁸ *Истпати П.* Исповедь для побежденных. С. 114, 131.

и где-то, кроме нас, кто также трепетал от русской земли, русской березы, у которой упал сраженный Пушкин, русской зимы, русской тройки или музыки самовара?³⁹

Подчеркнем, воображаемый «Пушкин» для Васича не просто олицетворение золотого века русской литературы или «ностальгия» по детству. С его помощью он пытался выстроить отношение к современной России и свергнутому царизму: «Двух мнений быть не может о режиме, который поднял против себя такого как Пушкин, такую плеяду из Крепостного права (так в тексте. — А. С.), народников, Народную волю, такого как Достоевский или Толстой»⁴⁰.

Что касается вопроса «был ли кто-то, кроме нас?», то, вопреки приведенному мнению Б. Мильковича, безусловно, был! Переселившаяся в 1931 г. в Москву немецкая коммунистка Маргарете Бубер-Нойман (1901–1989) в аналогичной ситуации также находилась в ажитации. И ответы на вопросы, множившиеся по мере того, как загадочная Страна Советов становилась все ближе, она тоже искала в книгах, прочитанных в юности: «Я так страстно желала видеть в стране Октябрьской революции только хорошее, что переносила на нее даже свою любовь к Толстому, Гончарову и Тургеневу. Теперь мне предстояло увидеть эту страну своими глазами, и от радости я была словно в лихорадке»⁴¹.

Схожие чувства описывал и Д. Ийеш, хотя у него наблюдаемое из вагона вызывало иные, более уместные исторические ассоциации:

По мере приближения к Москве я с возрастающей подозрительностью присматривался к мелькавшим за окном домам, и мне все чаще вспоминался пресловутый Потемкин. <...> Все представавшие взору картины были окутаны дымкой некоего волшебства. Я не чувствовал почвы под ногами, голова слегка шла кругом. <...> Об излечении хвори, к счастью, позаботились сами русские, <...> подле своих творений, составляющих предмет наибольшей гордости, они в небрежении бросали отходы труда. <...> Потемкин, скорее всего, умел создавать кулисы, нынешние же русские даже поддерживать чистоту на сцене и то не умеют⁴².

³⁹ *Васић Д.* Утисци из Русије // Срби о Русији и Русима. С. 447.

⁴⁰ Там же. С. 452.

⁴¹ *Бубер-Нойман М.* От Потсдама до Москвы. Фрагменты книги // Иностранная литература. 2015. № 4. С. 46.

⁴² *Ийеш Д.* Россия. С. 21–22.

Книга Ийеша нам еще пригодится в качестве эталона здравого смысла и рационального взгляда на незнакомую среду, а пока зададимся вопросом о происхождении «возбуждения/хвори/лихорадки». По словам М. Рыклина, для многих «пересечение границы Советской России было связано с сильными эмоциями. Она была оформлена не просто как въезд в еще одну европейскую страну, а как ворота в новый мир... Даже воздух на социалистической родине пахнет по-другому, уверяли читателей привлеченные аурой революции пилигримы»⁴³. Те испытывали именно религиозные переживания, в подтверждение чего автор привел несколько «патетических высказываний». Как, например, призыв Клары Цеткин разуваться, прежде чем ступить на советскую «святую землю». Не менее выразительно описание Рибникаром чувств тех «рабочих делегатов», для кого реальность обретения коммунистического «рая» расходилась с ожиданиями:

Прижавшись лбом к заледеневшему окну вагона, они тиснут что-то разглядеть во мраке ночи. Нетерпеливые они хотят безотлагательно удостовериться в том, о чем столько мечтали. <...> Ясная ледяная ночь, сквозь которую со свистом и тряской легко несется длинный поезд, заставляет их гневаться. Столько тысяч километров пройдено. <...> И теперь, когда почти достигнута цель путешествия, им кажется непонятным, невозможным и безумным, что все самое светлое из их мечтаний погружено в полный мрак. Представители рабочих масс из далеких стран не рассчитывали увидеть в России ночь, тем более такую длинную⁴⁴.

Блуждание и замешательство

Для Васича советская действительность оставалась непостижимой и после прибытия в Москву, в чем он признался в главе с красноречивым заголовком «Блуждание»:

Дни сменяют один другой, и к человеку приходит понимание, что он взвалил на себя непосильную ношу. Вам легко здесь упрекать нас: «Вы видели только это, а остальное не видели». <...> И мы это хорошо понимаем, однако нужно было оказаться в нашей шкуре. <...> Выйти утром вместе с нами на улицу, войти в какое-нибудь ведомство, в магазин,

⁴³ Рыклин 2009: 40.

⁴⁴ *Рибникар В.* На пути за црвену Москву // Политика. 1927. 22 XII: 1.

в церковь... Туда, где жизнь кипит. И, все равно, вернулись бы вы неудовлетворенными, как и мы. Потому что, куда ни пойдешь, и где ни очутишься, не найдешь того, что ищешь. Того, что требуется для ответа на вопрос, который тебя мучит. Ведь увидеть или услышать что-либо можно только фрагментарно, а все видимое — всего лишь сегодняшний день и не имеет связи с прошлым и будущим. Как и повсюду⁴⁵.

Непросто понять, что же именно «мучило» Васича. Среди прочего, по-видимому, несоответствие отношений в сфере услуг тому, что он и Стоянович рассчитывали увидеть в социалистическом обществе:

Вы в государстве рабочих. Из отеля, полного прислуги, выходите на улицу. И портье услужливо открывает перед вами дверь, ожидая чаевые. Как и везде. Только вышли — перед вами предстает продавец яблок. Дрожа от холода, он склонился над корзиной, которая составляет его единственный капитал. А на улице полно людей, как и везде: этот нищий, там дама с собачкой, тот великолепно одет. <...> Мимо вас проносится машина, в ней — мужчина в шубе. А министры живут в Кремле, перед которым продрогшие дворники расчищают выпавший вчера снег. Вокруг вас нищие. Итак, что же вы видели, могу я поинтересоваться? И разве увиденное не такое же, как и везде?

Те же смутные сомнения терзали и Стояновича:

Нелегко сориентироваться, потому что вас приводит в замешательство торговка сигаретами, а она, между прочим, забирает 13 % от проданного и имеет сына в гимназии. А по ресторанам поют цыганки. И останавливает вас человек с гитарой, прося дать ему на водку. В это самое время второй, одетый лучше вас и выглядящий более отдохнувшим, чем вы, просит милостыню, чем приводит вас в изумление. <...> Ниже человеческого достоинства брать чаевые, а их тем не менее почти везде принимают. Все должны трудиться, а в больших магазинах продавцы, получающие жалованье, не торопятся выполнять свои обязанности. Они совершенно невозмутимы, и вы не знаете, объяснять ли это особенностями русского характера или ленью того, кто убежден тем не менее, что приносит пользу обществу⁴⁶.

Перечисляя, *что* их «приводит в замешательство», авторы это свое чувство не анализируют. Домысливая, можно предположить,

⁴⁵ *Васић Д.* Одабрана дела. С. 298–299.

⁴⁶ *Стојановић С.* Импресије из Русије. С. 477–479.

что с корыстной услужливостью швейцаров и сребролюбием цыганских ансамблей — этими низкими качествами — они были готовы столкнуться на Балканах или в Западной Европе, но не в первом социалистическом государстве. Разумеется, диссонанс ожидаемого и увиденного испытывали не только Васич со Стояновичем. Д. Ийеш сформулировал за них подлинную суть затруднения, в котором находился каждый впервые оказавшийся в СССР иностранец:

С чем же сравнить русский социализм? И можно ли вообще в какой-то момент зафиксировать, что процесс формирования закончен и пора, мол, эту новую систему приравнять к какому-либо уже сформированному и пребывающему в относительной стабильности обществу? <...> Однако суть Советской России <...> заключается именно в вечном процессе формирования, в непрестанном брожении. Нынешние результаты даже сами преобразователи системы считают чуть ли не побочными. Конечно, мы уже могли бы жить в одноэтажных домах, говорят они, но ведь мы возводим многоэтажный дворец, а пока что в случае необходимости можем перебиться и бараками. <...> Иностранец поначалу не может взять это в толк. Он ищет факты, данные, то есть точку опоры. Выхватывает из массы отдельных людей, а затем и целые группы, чтобы проследить на их примере изменение, которое из предосторожности он не склонен считать прогрессом⁴⁷.

Задав вопрос, что за общество создается в СССР и как оно соотносится с социалистическим учением, Д. Ийеш к концу своего пребывания пришел к нелестному для пригласивших его ответу:

Я не вижу проблесков духа братства, перспективы нового райского общества. <...> В отношениях между людьми я вообще не отмечаю не то что братства, но даже необходимой вежливости. В общении сталкиваюсь с подозрительностью, завистью, стремлением обскать других. <...> У вас существует расслоение общества, и различия между слоями заметны невооруженным глазом. <...> Что-то не замечал я, <...> чтобы те, кому судьба улыбнулась, проявляли по отношению к малоимущим хотя бы минимум сочувствия, понимания и готовности помочь, как мы вправе ожидать от провозвестников социализма⁴⁸.

Сербские путешественники далеки от таких рассуждений, хотя и по разным индивидуальным причинам. Васич — в силу

⁴⁷ Ийеш Д. Россия. С. 15–16, 188–189.

⁴⁸ Там же.

неспособности формулировать вопросы и отвечать на них, как Ийеш. При этом писателю-адвокату не отказать в наблюдательности и неравнодушии, за что мы ему еще воздадим должное. Что касается Стояновича, то его как очевидца характеризует тот факт, что за все время пребывания в Москве он, по его словам, не встретил ни «голодных», ни «оборванных», ни «беспризорных»⁴⁹. В это трудно поверить, ведь его друг и попутчик видел нищих у гостиницы, а также посетил колонию для беспризорников в Зачатьевском монастыре в Хамовниках, чему посвящен отдельный параграф книги.

Бездомных детей встречали все без исключения иностранные авторы, посещавшие СССР в 1920–1930-е годы, включая, разумеется, Ийеша:

Поздней ночью возвращаясь к себе в гостиницу, я видел парнишку, спящего под уличным фонарем. Лампа не освещала ничего вокруг, кроме детской фигурки. <...> Я остановился подле спящего; всякий раз, как я встречал беспризорника, я задумывался над его судьбой. В Москве я видел их по меньшей мере человек пятьдесят. Но зрелище и одного-единственного ребенка произвело бы на меня точно такое же впечатление. Как же можно?!⁵⁰

Зимой 1926/1927 г. о московских беспризорниках оставил запись в дневнике немецкий философ Вальтер Беньямин (1892–1940):

Все еще можно встретить запущенных, безымянно-жалких беспризорных. Днем они по большей части встречаются поодиночке, каждый на своей боевой тропе. По вечерам же они собираются в команды перед ярко освещенными фасадами кинотеатров, и приезжим говорят, что в одиночку с такими бандами лучше не встречаться⁵¹.

Сталинские гаттамелаты и тень оппозиции

Все, так или иначе дискредитировавшее советский строй, гости могли наблюдать, будучи предоставленными самим себе. Когда же они находились под присмотром сопровождающих, увиденное воспринималось по большей части в позитивном ключе. Впечатления

⁴⁹ Стојановић С. Импресије из Русије. С. 476, 479.

⁵⁰ Ийеш Д. Россия. С. 145.

⁵¹ Беньямин В. Московский дневник. С. 218.

конкретны, подозрительно детальны и идеологически выверены, будто списаны из передовицы в «Правде»:

Запасшись пропусками на трибуну, мы направились на Красную площадь. Пробиваясь сквозь взволнованные массы <...>, мы шли по улицам и, пройдя через Иверские ворота, оказались на одной из самых величественных площадей мира. Поднялись на трибуну, позади которой возвышались стены Кремля. <...> Под ними — братская могила, в которой лежат Фрунзе, Дзержинский, Ногин, Свердлов <...>. Справа от нас — временный деревянный мавзолей Ленина. На нем — Сталин, Бухарин, Калинин, Енукидзе, Ваян-Кутюрье, Клара Цеткин, Крупская, Ворошилов, Буденный. Машут руками, головными уборами, выкрикивают лозунги, которые разносятся через громкоговоритель. <...> Нет конца красным волнам демонстрантов, выстроившихся в шесть колонн. Под присмотром красноармейцев строем идут организации — партийные, профсоюзные, заводские, делегации из провинции, вооруженные комсомолцы, отряды вооруженных рабочих с транспарантом «[Наш] Ответ Чемберлену!». Лес полотнищ с лозунгами. <...> И так часами. В тумане, разрезаемом лучами прожекторов, все выглядит волшебным, а конные красноармейцы напоминают Кватемелату Донателли (так в тексте. — А.С.). Бесконечная красная река беспокойно шумит, как во время наводнения.

Мы не растерялись. Увидели достаточно и остались довольными. Как будто нам уже много раз приходилось быть этому свидетелями. Спустившись с трибуны, мы пошли удостовериться, не течет ли по Москве еще более красная река, но в другую сторону. Что там с бурной рекой Троцкого? Должны признаться: не видели⁵².

Зато П. Истрати видел:

В день главного парада <...> оппозиция попыталась заявить о себе и чуть не была уничтожена физически. Лично я оказался в центре перепалки, которая произошла под балконом, где я находился и откуда вожди оппозиции попытались обратиться к толпе. Я вовремя спасся, когда конная охрана прокладывала дорогу в толпе, достаточно жестоко для красных охранников раскидывая манифестантов, таких же красных, как и они сами. <...> И тогда моим духом овладели серьезные сомнения: что же такое, в конце концов, представляет собой эта Оппозиция <...> и почему ей не позволяют высказаться ни на трибуне, ни в газете?⁵³

⁵² Василъ Д. Одабрана дела. С. 271–272.

⁵³ Истрати П. Исповедь для побежденных. С. 129.

В плену пропаганды

Румынский писатель в силу своего темперамента и любопытства представлял собой редкое исключение из сформулированного им же закона советского гостеприимства: «Гости могли смотреть только то, что им показывали, и говорить то, что положено»⁵⁴. Васич же со Стояновичем ему по большей части подчинялись, что не делает их повествование слишком увлекательным. Чего стоит хотя бы девятистраничное описание посещения Моссовета, где Васича, по-видимому, снабдили какой-то брошюрой, которую он воспроизвел едва ли не дословно. Не установить, справедлива ли наша догадка, однако книга обогатилась следующими параграфами: «Организация Советской власти»; «Политические права»; «Налоговый вопрос»; «О положении женщины и ее правах»; «Брачное законодательство и семья»; «Борьба с проституцией»; «О защите материнства и праве на аборт»; «Прочие вопросы»⁵⁵.

Откуда именно почерпнуты сведения о перечисленном, Васич не указал. Наверное, дабы поддержать иллюзию того, что все рассказанное читателю — плод самостоятельных авторских изысканий. Описание Стояновичем успехов советской власти более простодушно. Например, в главе, посвященной науке, говорится, что, хоть та скульптору «не так близка», он не сомневается — в СССР она «защищена и высоко ценится». Дабы удостовериться в этом, «требуется всего лишь прочитать несколько информационных бюллетеней ВОКСа»⁵⁶. Из них известно, что «медицина представлена 3289, точные науки — 3535, прикладные — 2729, а литература — 3243 учеными». Все они «создали то, чего раньше не имели (так в тексте. — А. С.), и что до сих пор тайна на Западе»⁵⁷.

В указании количества научных работников нетрудно распознать один из главных приемов советской пропаганды, который состоял в том, чтобы снабдить иностранца, даже самого непредвзятого, «достоверными» статистическими данными. Не подлежавшие ни подтверждению, ни опровержению, они должны были служить

⁵⁴ *Испрати П.* Исповедь для побежденных. С. 114, 119.

⁵⁵ *Васич Д.* Одабрана дела. С. 280–289.

⁵⁶ Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Основано в 1925 г. Первый председатель — Ольга Давидовна Каменева (1883–1941).

⁵⁷ *Стоянович С.* Исповести. Београд: РТС, 2014. С. 163–164.

доказательством грандиозности предпринятого в СССР эксперимента. В результате на читателя обрушивался «шквал цифр по производству, строительству, образованию, транспорту, максимальным зарплатам и т. д. За такой шумовой и дымовой завесой было не разглядеть советской повседневной жизни и реальных человеческих судеб»⁵⁸. Подобный эффект воспроизведения советской статистики осознавал не только процитированный А. Кёстлер, но и проницательный Ийеш, отказавшийся от ее использования:

Пришлось смириться с тем, что я бессилен против цифири. Именно поэтому я старался избегать цифр в своей книге. Да и вообще, тогда я должен был бы заимствовать их из чужих писаний, ведь, понятное дело, не смог бы я самолично подсчитать, сколько, к примеру, пар обуви изготавливается в России. Мне же хотелось черпать впечатления непосредственно из жизни⁵⁹.

Белградский «богатый наследник», как и его попутчики/соотечественники, пошел по пути наименьшего сопротивления, поэтому его статьи «Общественные классы в России» и «Возможна ли социализация?»⁶⁰ изобилуют показателями «постоянного прироста численности пролетариата и избытка сельского населения», а также «свободной конкуренции государства с частным капиталом». Разумеется, и трактовка «цифири» не отличалась самостоятельностью (и состоятельностью). Например, в связи с перспективами сельхозпроизводства и индустриализации Рибникар назвал довоенную Россию «одной из самых отсталых стран Европы» и «полукolonией». Это утверждение, представляющее собой дословное заимствование из выступления председателя Совнаркома А. И. Рыкова (1881–1938) перед Конгрессом друзей СССР⁶¹ (10 ноября 1927 г.), аргументируется тем, что «в 1915 г. иностранный капитал, вложенный в российскую промышленность, торговлю, банки и т. д., составлял 2205,6 млн руб., и только в российские железные дороги иностранцы вложили более

⁵⁸ Koestler A. The yogi and the commissar and other essays. P. 144–145.

⁵⁹ Ийеш Д. Россия. С. 66.

⁶⁰ Рибникар В. Друштвене класе у Русији // Политика. 1928. 21 I: 1; Он же. Је ли могућа социјализација? // Политика. 1928. 09 II: 6.

⁶¹ Доклад тов. А. И. Рыкова // Конгресс друзей СССР. Издание Окружкома ВКП(б). Иркутск, 1927. С. 3–4. («Довоенная царская Россия была одним из самых отсталых государств Европы...»)

3 млрд руб.»⁶². В итоге остается недоумевать: либо иностранные инвестиции составляли фантастические 5 млрд 206 млн, либо Рибникар, учившийся во Франции живописи и архитектуре, не знал, сколько миллионов в миллиарде. Не говоря уже о том, что вышеописанная инвестиционная привлекательность государства не лучшее доказательство его «полукOLONиального» статуса.

Некритичное воспроизведение пропагандистских клише обнаруживается и в статье «Новая советская буржуазия», посвященной НЭПу. Рибникар объяснил его вынужденный характер, с оттенком сочувствия описывает «борьбу государства с частным капиталом», приводит параметры роста кооперативной и государственной торговли, а в заключение высказывается совершенно в духе сталинского тезиса об обострении классовой борьбы по мере приближения к социализму:

Новая русская буржуазия — это не только торговец и спекулянт. Имеются и другие буржуи, гораздо более опасные для Советов. <...> А именно, масса российской интеллигенции, которая не эмигрировала. <...> Их взяли на службу, и из них, в основном, состоит государственный аппарат. Это чиновники, врачи, инженеры, профессора, деятели искусства. Многие из них располагают гораздо большей властью, чем старые большевики, потому что они подчинили себе бюрократию. <...> И хотя верховная власть инструктирует их проводить «социализацию страны», они, на самом деле, против нее. В душе они желают зла большевизму⁶³.

Сербские тексты тем более соответствовали пожеланиям советской «верховой власти», чем отвлеченней и туманней было рассматриваемое в них явление. Как «социализация», грядущая индустриализация или научный прогресс, о которых у Васича, Рибникара и Стояновича не могло быть иного мнения, кроме кем-то навязанного. Впечатления от увиденного воочию помимо их воли рисовали картину более противоречивую и неоднозначную (за исключением восторга от парада на Красной площади). Хотя видели они только то и встречались только с теми, кого им сочли целесообразным показать.

Например, обоим пришлось по душе экскурсия на Трехгорную мануфактуру, рабочие которой изображены настоящими ее хозяевами.

⁶² Рибникар В. Је ли могућа социјализација? // Политика. 1928. 09 II: 6.

⁶³ Рибникар В. Нова совјетска буржојазија // Политика. 1928. 15 I: 1–2.

Показательно название статьи главреда *Политики* — «Крепость с 7100 диктаторами»⁶⁴. Васич оптимизм и ударничество московских ткачей оттенил воспоминанием о депрессивном настроении гамбургских кораблестроителей:

Год-два назад я посетил многие германские фабрики. <...> Долго наблюдал за рабочими огромной судовой верфи. И хорошо помню мрачные выражения их лиц. В глазах читалось: «Чего уставились? Оставьте нас в покое наедине с нашими мучениями. Неприятно, когда вы так тарашитесь»⁶⁵.

Однако картина, построенная на контрасте положения советских и германских пролетариев, получилась смазанной из-за упоминания Рибникаром того, что имевшиеся на Трехгорке «современные машины закуплены в Германии» и немцами были все управляющие ими «мастера-специалисты».

Оба с энтузиазмом описали поход в рабочие столовые, которые они называли «ресторанами»: «Эти рестораны чистые и приятные. В них царит порядок. По шуму голосов можно догадаться о хорошем настроении рабочих». По признанию Рибникара, это было «единственное в жизни кафе, где [он] обедал с уверенностью, что не съест ничего испорченного». И, несомненно, эти слова совершенно устроили бы тех, кто отправил его на фабрику, если бы он не добавил в конце:

В Москве я ел примерно в двадцати ресторанах — от ужасно дорогих, куда пускали только иностранцев, до невероятно дешевых. И везде, кроме этого места, кормили плохо. Казалось, что все грязное, как и на улице, где сплошная грязь, как и во всех домах тоже грязно. Действительно, рабочие Трехгорной мануфактуры — элита революции.

Бюрократы/оппортунисты и «бывшие люди»

Менее всего ожиданиям Советов соответствовало мнение белградских гостей о повстречавшихся им людях, которых, понятное дело, нельзя назвать случайными знакомыми. Рибникар подробно описал контакты с президентом Государственной академии

⁶⁴ *Рибникар В.* Тврђава са 7100 диктатора // *Политика*. 1928. 14 I: 1–2.

⁶⁵ *Васић Д.* Одабрана дела. С. 290.

художественных наук Петром С. Коганом (1872–1932) и Михаилом Кольцовым (1898–1940), которых он просил представить ему «картину русской литературы за последние 10 лет»⁶⁶. По итогам общения сербский журналист вынес два суждения. Первое показывает, что для Рибникара не только советская, но и дореволюционная литература — *terra incognita*: «Коган — весьма культурный и образованный человек. По внешнему виду — типичный довоенный русский профессор. Очень похож на чеховского “Человека в футляре”». Второе неожиданно созвучно филиппикам, которые П. Истрати обрушивал на советского «активиста-бюрократа» — беспринципного партийного работника, отрекшегося от «русского революционного идеализма», покорно следовавшего «линии партии», выступавшего за «сохранение существующего порядка, который хорош по той причине, что этот человек занимает в нем хорошее место»⁶⁷. Рибникар в том же духе, но без раздражения характеризовал Когана с Кольцовым:

Это люди относительно молодые, до недавнего времени революционеры, коммунисты. Говорят они так же убедительно, используя те же аргументы, что и какой-нибудь европейский богатый торговец или банкир, доказывающий необходимость сохранения актуального положения вещей. Г-н Коган заработал славное имя и всем доволен. Кольцов — популярный, известный человек и ничего другого он не желает. <...> С психологической точки зрения легко объяснить, почему они всеми силами доказывают, что теперешнее положение в России не надо менять. <...> Если бы Россия эволюционировала в направлении капиталистического строя, они бы до конца оставались оппортунистами, все больше отказываясь от коммунистических идеалов. <...> Их менталитет ничем не отличается от менталитета буржуазии, контролирующей власть. Их мотивы столь же далеки от благородства. Поэтому я эту новую русскую буржуазию назвал “коммунистической буржуазией”.

Трагикомично воспринимаются главы, описывающие васичевские походы в гости — к пожилой «генеральше» и «красному офицеру», ранее служившему в царской армии. Оба, по-видимому, прошли соответствующую обработку перед приемом иностранца, поэтому их ответы на задаваемые им вопросы — красноречивая иллюстрация

⁶⁶ Комунистичка буржоазија // Политика. 1928. 18 I: 1.

⁶⁷ Истрати П. Исповедь для побежденных. С. 223, 92.

истории России 1920–1930-х годов. К хозяйке первого дома Васич пришел вскоре после того, как ее выпустили из «тюрьмы ГПУ, где она находилась по обвинению в контрреволюционной деятельности»:

— Ну, и как вам было в тюрьме? — спрашиваю — Наверное, страшно измучились? Как с вами обращались?

— Было неплохо. Вели себя со мной как настоящие джентльмены. Никаких мучений я не испытывала. Еда была отличная, а постель хорошая. Когда мне сообщили, что я свободна, потому что, на самом деле, и не в чем было меня обвинять, мне стало жаль, что придется выйти на свободу⁶⁸.

Надо отдать должное Васичу, который почувствовал неискренность: «Услышав такой ответ, я решил, что пора уходить. Зачем терять время? Я так и сказал, поднимаясь. Они вне всякого сомнения мне не верили и так говорили только из страха»⁶⁹.

А вот в ходе беседы с «полковником» проницательность изменила гостю, который не понял, что хозяин, разговаривая с ним, думает только о том, чтобы не сказать лишнего. На вопрос, как бывшему царскому офицеру служится в Красной армии, тот без запинки ответил:

Мы перевоспитались. И всегда, когда наши солдаты ведут себя непослушно, мы им говорим: «Вам несравненно легче воспитаться, чем нам было перевоспитаться». Ведь это очень трудно, но нам удалось. И мы очень этим довольны, потому что так гораздо лучше и гуманней⁷⁰.

Когда Васич поинтересовался, что красный командир думает о Югославии, то есть о стране, не признавшей СССР и предоставившей убежище армии Врангеля, тот снова проявил изрядную находчивость: «Мы о ней много не думаем, пускай она о нас думает».

Вне зависимости от того, что вынес Васич из общения с москвичами, для его оценки как наблюдателя и просто человека важен сам факт проявленного интереса к так называемым бывшим. Будучи «немного большевиком» и «неисправимым идеалистом», он тем не менее не превратился в стопроцентного адепта социалистического культа.

⁶⁸ *Васић Д.* Одабрана дела. С. 308.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 318, 322.

Как Ийеша и Истрати, его интересовала человеческая цена советского эксперимента. Кроме того, как историческое свидетельство описание встреч с «контрреволюционерами» и «лишенцами» интересней парада на Красной площади.

В этом отношении одно из запоминающихся впечатлений пришлось на второй день после приезда путешественников в Москву:

Мы возвращались от Храма Христа Спасителя, со стен которого обозревали город с его бесчисленными церквями. Гуляя без какой-либо цели, мы случайно наткнулись на странную процессию. Ее возглавлял военный оркестр, за которым колонной в четыре шеренги шагали несколько сот мужчин и женщин самой разнообразной наружности. Внешний вид у некоторых из них указывал, что когда-то они были господами в полном смысле слова. Бросалось в глаза, что в этой колонне они чувствовали себя очень неловко. Затем процессия остановилась перед воротами, за которыми виднелась большая площадка и посреди нее трибуна. Благодаря нашим пропускам, открывавшим доступ повсюду, мы прошли через ворота и оказались перед трибуной. <...> Только тогда мы поняли, по какому поводу торжественная церемония. Освящался закладной камень новой Ленинской библиотеки, а в той колонне шли сотрудники библиотеки, которая сейчас располагается в старом здании⁷¹.

Облик библиотекарей автор вспомнил в связи с поездкой в Ленинград, которой мы коснемся позже. Упоминание того, откуда началась прогулка Васича, отсылает нас к его впечатлениям от посещения Храма Христа Спасителя:

Огромные языки колоколов не двигались, остановленные как будто навсегда. Мы охватили взглядом город, славный своими золотыми куполами, колокольнями и крестами. Все эти бесчисленные колокола замерли в страшном молчании. А там под стенами Кремля, в деревянном мавзолее покоилась рука, их остановившая⁷².

Упоминание колоколов, как ни странно, напрямую связано с отношением к «бывшим». И не только Васича, но и прочих европейцев, поделившихся впечатлениями о Москве 1920–1930-х годов. Согласно выявленной «закономерности», тем, кому была присуща эмпатия

⁷¹ *Васић Д.* Одабрана дела. С. 330.

⁷² Там же. С. 276.

к пораженным в правах, «контрреволюционерам» или просто нищим и беспризорникам, колокольного звона не хватало. И наоборот. Васич оказался по одну сторону условной разделительной линии с Д. Ийешом:

На колокольных полутора тысяч храмов вот уже пятнадцать лет молчат колокола. В тот момент, когда осознаешь сей факт, сразу же понимаешь, что именно этого тебе не хватало. Вот уже четыре недели я в Москве, и лишь сейчас <...> спохватываюсь: отсутствие благовеста, тишина в часы утренних служб и обеден помимо воли легли штрихом к складывающемуся у меня облику города. Зато из храма далеко разносится пение. На улице протекает будничная жизнь, а там, внутри, на крохотном островке среди необозримого моря, кипит и бурлит, отчаянно отстаивает себя, настроение воскресного праздника. <...> Перед любым, кто в нынешней России ходит в церковь, а в особенности перед тем, кто посвящает себя религиозному поприщу, рука моя сама тянется снять шляпу, пусть я даже стократ с ними не согласен⁷³.

В. Беньямин испытывал противоположные чувства: «В Москве практически нет колокольного звона, накрывающего большие города такой неодолимой тоской. Это еще одно обстоятельство, которое понимаешь и начинаешь любить только по возвращении домой»⁷⁴. Соответственно, к «бывшим людям» философ относился без сочувствия. Их он считал не жертвами репрессивной и дискриминационной политики режима, а «гражданами, которые были лишены *имущества* (курсив мой. — А.С.) Революцией и не смогли *приспособиться* к новой ситуации»⁷⁵. В беспризорниках, напомним, он видел лишь угрозу, а нищим — детям и взрослым — отдавал должное за «хитрую организацию»⁷⁶.

Особняком стоит классик хорватской и югославской литературы писатель-коммунист Мирослав Крлежа с его описанием празднования Пасхи в Москве в 1925 г.:

Сорок сороков московских церквей пятнадцать тысячами колоколов гремели и протестовали той ночью во имя Господа Бога, его величества русского царя, их превосходительств Колчака, Деникина

⁷³ Ийеш Д. Россия. С. 136–137.

⁷⁴ Беньямин В. Московский дневник. С. 180.

⁷⁵ Benjamin W. Moscow diary // October. 1985. Vol. 35. P. 85. URL: <http://www.jstor.org/stable/778471> (дата обращения: 02.03.2025). Цитата приводится по англоязычному изданию, так как русский перевод этого фрагмента текста неверен.

⁷⁶ Беньямин В. Московский дневник. С. 55.

и Врангеля: “Мы протестуем во имя Его Святейшества русского патриарха в Сремских Карловцах. Да будут прокляты Бронштейны и Апфельбаумы!” Это больше не был пасхальный звон. <...> Лай бешеных собак с окровавленными пастями, ядовитая канонада брани, желчи и ненависти, анафема безумных проклятий — этот звон завывал панихидой над свободой мысли человека⁷⁷.

Москва — одно, а вся остальная Россия — другое

Что касается поездки Васича в Ленинград, то она состоялась под конец пребывания в СССР и, по-видимому, прошла под менее бдительным контролем. На это указывает и заголовок главы — «Ненадолго в замешательстве». Причиной ему послужил внешний облик города и его жителей:

В Петрограде, каким он предстал перед нами, мы не смогли наблюдать той напряженной духовной деятельности, к которой мы привыкли в Москве. Здесь тоже присутствовала не менее напряженная деятельность. Только ее целью было физическое выживание. Это впечатление, возможно, было ошибочным, только мы от него не могли избавиться. Под его воздействием у меня зародилось подозрение: что, если Москва — одно, а вся остальная Россия — другое? Так я пережил один из страшных дней, полный сомнений и мучительного кризиса⁷⁸.

Направляясь к Летнему саду, Васич шел навстречу «пестрой реке торопящихся куда-то людей», над которыми «висело в воздухе ощущение тяжелой нужды». Это вызвало у автора единственно верную литературную ассоциацию за все время пребывания в СССР, а именно, ему пришел на ум рассказ Евгения Замятина «Пещера». Затем он вспомнил, что такие же удрученные лица, как у ленинградцев, он видел у московских библиотекарей.

Заключение

«Заключение» можно назвать повторением книги Васича в миниатюре. В последней главе встречаются те же компоненты, что и в предшествующем тексте, а именно: прославление СССР,

⁷⁷ *Krleža M.* Izlet u Rusiju 1925. Sarajevo: Oslobođenje, 1973. S. 197.

⁷⁸ *Bacuћ Д.* Одабрана дела. С. 329–330.

разбавленное признаниями в сомнениях, подозрениях и неспособности вынести окончательное суждение об увиденном. Современная Россия восхвалялась за «великий эксперимент и напряженный поиск», за «невиданный в истории перелом» и «создание нового общественного устройства». И никто не вправе критиковать эти «невиданные и позитивные усилия». Ни сербы — «слабаки нашей эпохи, у которых нервы не выдержат смотреть на эти муки рождения», ни «загнивающий Запад, который больше ничего не ищет, не имея для этого воли, а все еще верит в какое-то свое право оценивать Россию, погрязнув при этом в духовном болоте». Васич сетовал, что, в отличие от Есенина, возвращаясь на родную землю, он не испытывает желания опуститься на колени и поцеловать ее. Ведь, когда он уедет из Советского Союза, «на другой стороне» встретит его «бесконечная духовная пустота», «духовное кладбище, ставшее намного обширней и ужасней». Утешает лишь, что есть и «сторона света, где духовная и душевная жизнь не в таком запустении».

Панегирик Стране Советов соседствует с менее восторженной констатацией:

[С]ложная и загадочная Россия ни сейчас, ни в прошлом не позволяет ясно себя понять, как это не составляет труда в случае с любой другой страной. Явления, которые сегодня очаровывают своей привлекательностью, завтра глубоко печалят своими темными сторонами. Россия мучит каждого, кто хотел бы объясниться с ней начистоту и уехать из нее с четкими и недвусмысленными заключениями и решениями⁷⁹.

Означает ли все вышесказанное, что Васич, посетив Советскую Россию, не достиг какого-то качественно нового ее понимания, не вынес урока, полезного для своей страны и своего народа? Нет, не означает. Урок этот, значимый не только для представителя левицы, а для любого русофила, столкнувшегося лицом к лицу с объектом своей приязни, сформулирован не в «Заключении», а в главе «Прошлое». Смысл его в том, что, как хорошо ни относиться к России, не стоит следовать ее путем или копировать ее опыт: «Все, что пережил этот народ, мог пережить *только* он». А остальным следует крепко задуматься, «что же это за народ, как его понять <...>, потому что после всего,

⁷⁹ *Vasić D.* Утисци из Русије. С. 467–468.

что он под последним царем вынес, после того, как его сверг, он решил его судьбу следующим образом <...> — совершил ужасное убийство. Не только самого царя, но и его дочерей, неповинных в грехах отца и своих предков»⁸⁰.

После возвращения домой Васич еще некоторое время состоял в переписке с ВОКС, надеясь познакомить советскую общественность с достижениями сербского/югославского искусства и науки. Эти контакты не уродились сколь-нибудь значимым плодом, так как О.Д. Каменева и следующие руководители ВОКС любое общение с заграницей рассматривали не с точки зрения взаимного культурного обогащения стран и народов, а исключительно как способ политической пропаганды. То есть совершенно в духе вышеупомянутого красного полковника: «Мы о ней много не думаем, пускай она о нас думает». Единственным результатом усилий Васича стала публикация в СССР в 1931 г. его переведенной на русский язык книги в 16 страниц⁸¹.

Со временем сомнения, испытываемые сербским писателем в связи с темными и светлыми сторонами «великого эксперимента», разрешились в ожидаемую сторону. «Идеализм» выветрился, как смягчилось и отношение к престолу. В 1930-е годы Васич предстает не леваком, а националистом-консерватором, главой respectable адвокатского бюро, членом ПЕН-клуба и масонской ложи, академиком Сербской королевской академии, главным редактором газеты *Српски глас* («Сербский голос»), издававшейся Сербским культурным клубом. Если верить Д. Йовановичу, наш герой примирился с королем Александром и даже «оказывал ему прямые услуги»⁸². Во время Второй мировой войны Васич стал одним из идеологов Равногорского четнического движения⁸³. Весной 1945 г. в составе одного из крупных отрядов четников он попытался перейти в Словению — навстречу англичанам с американцами и подальше от наступавшей Красной армии и титовских партизан. Безуспешно. В апреле 1945 г. Васича казнили хорватские усташы, в плену у которых он оказался после разгрома отряда.

⁸⁰ *Васић Д.* Одабрана дела. С. 297.

⁸¹ *Васич Д.* По ошибке. М.: Издательство ЦК МОПР СССР, 1931. 16 с.

⁸² *Јовановић Д.* Медальони. Београд: Службени гласник, 2008. Књ. 3. С. 14, 225.

⁸³ Подробнее см.: Тимотијевић 2019.

Литература

- Баровић 2016 — *Баровић В.* Значај Владислава С. Рибникара у медијском развоју и јачању дневног информативно-политичког листа «Политика» // *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*. 2016. Књ. XLI-1. С. 33–46. DOI: 10.19090/gff.2016.1.33-46.
- Богунуовић 2019 — *Богунуовић С.Г.* Људи «Политике». Лексикон сарадника (1904–1941). Београд: «Политика А.Д.», 2019. 721 с.
- Дэвид-Фокс 2015 — *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 568 с.
- Јовановић 2011 — *Јовановић М.* О «две Русије» у српском друштву или Русија «за унутрашњу употребу»: слика Другог као идентитетско самодефинисање // *Срби о Русији и Русима: Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): Антологија* / [приредио] Мирослав Јовановић. Београд: Службени гласник. 2011. С. 11–44.
- Кончаревић 2020 — *Кончаревић К.* Русија и руси у српској мемоаристици 1917–1927 // *Славистика*. Београд, 2020. Vol. 24. № 1. С. 95–104. DOI: 10.18485/slavistika.2020.24.1.8.
- Матовић 2015 — *Матовић В.* Руски архив и «повраци из СССР-а» (Драгиша Васић, Сретен Стојановић, Станислав Винавер, Мирослав Крлежа) // *Часопис «Руски архив» (1928–1937) и култура руске емиграције у Краљевини СХС/Југославији. Зборник радова / уреднице В. Матовић, С. Бараћ*. Београд: Институт за књижевност и уметност, 2015. 649 с.
- Морен 1995 — *Морен Э.* О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. М.: Наука для общества; РГГУ, 1995. 220 с.
- Радојевић 2015 — *Радојевић М.* Драгиша Васић и Совјетска Русија // *Зборник Матице Српске за историју*. Нови Сад: Матица српска, 2015. №92. С. 77–91.
- Рыклин 2009 — *Рыклин М.* Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 136 с.
- Тимотијевић 2019 — *Тимотијевић М.* Драгиша Васић и српска национална идеја. Друго допуњено издање. Београд: Службени гласник, 2019. 588 с.
- Холландер 2001 — *Холландер П.* Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978). СПб.: Изд-во «Лань», 2001. 592 с.

References

- Barović, V., 2016. Značaj Vladislava S. Ribnikara u medijskom razvoju i jačanju dnevnog informativno-političkog lista "Politika". *Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu*, XLI-1, pp. 33–46. doi: 10.19090/gff.2016.1.33-46. (in Serb.)

- David-Fox, M., 2015. *Vitriny velikog eksperimenta. Kul'turnaia diplomatiia Sovetskogo Soiuzu i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody* [Showcasing the great experiment. Cultural diplomacy and Western visitors to the Soviet Union, 1921–1941]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 568 p. (in Rus.)
- Hollander, P., 2001. *Politicheskie piligrimy (puteshestviia zapadnykh intelektualov po Sovetskomu Soiuzu, Kitaiu i Kube 1928–1978)* [Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba 1928–1979]. Saint-Petersburg: Izd-vo "Lan", 592 p. (in Rus.)
- Jovanović, M., 2011. O "dve Rusije" u srpskom društvu ili Rusija "za unutrašnju upotrebu": slika Drugog kao identitetsko samodefinisanje [On the "two Russias" in Serbian society, or Russia "for internal use": the image of the Other as identity self-definition]. In: Jovanović, M., ed. *Srbi o Rusiji i Rusima: Od Elizavete Petrovne do Vladimira Putina (1750–2010): Antologija* [Serbs on Russia and Russians: From Elizaveta Petrovna to Vladimir Putin (1750–2010): An Anthology]. Belgrade: Službeni glasnik, pp. 11–44. (in Serb.)
- Končarević, K., 2020. Rusija i rusi u srpskoj memoaristici 1917–1927 [Russia and Russians in the Serbian memoirs 1917–1927]. *Slavistika*, 24, 1, pp. 95–104. doi.org/10.18485/slavistika.2020.24.1.8. (in Serb.)
- Matović, V., 2015. Ruski arhiv i "povraci iz SSSR-a" (Dragiša Vasić, Sreten Stojanović, Stanislav Vinaver, Miroslav Krleža) [The Russian Archive and "returns from the USSR" (Dragiša Vasić, Sreten Stojanović, Stanislav Vinaver, Miroslav Krleža)]. In: Matović, V., Barać S., eds. *Časopis "Ruski arhiv" (1928–1937) i kultura ruske emigracije u Kraljevini SHS/Jugoslaviji. Zbornik radova* [The magazine "Ruski arhiv" (1928–1937) and the culture of Russian emigration in the Kingdom of SHS/Yugoslavia. A collection of articles]. Belgrade: Institut za književnost i umetnost, 649 p. (in Serb.)
- Moren, E., 1995. *O prirode SSSR: Totalitarnyi kompleks i novaia imperiia* [On the nature of the USSR: Totalitarian complex and new empire]. Moscow: Nauka dlia obshchestva; RGGU, 220 p. (in Rus.)
- Radojević, M., 2015. Dragiša Vasić i Sovjetska Rusija [Dragiša Vasić and the Soviet Russia]. *Zbornik Matice Srpske za istoriju*, 92, pp. 77–91. (in Serb.)
- Ryklin, M., 2009. *Kommunizm kak religii: Intellektualy i Oktjabr'skaia revoliutsiia* [Communism as a religion: Intellectuals and the October Revolution]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 136 p. (in Rus.)
- Timotijević, M., 2019. *Dragiša Vasić i srpska nacionalna ideja. Drugo dopunjeno izdanje* [Dragiša Vasić and the Serbian national idea. Second revised edition]. Belgrade: Službeni glasnik, 588 p. (in Serb.)

Alexander A. Silkin

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

Celebrating the Decennial Anniversary of the October Revolution in Moscow Through the Eyes of Serbian Leftist Intellectuals. 1927–1928

In the autumn of 1927, the USSR celebrated the tenth anniversary of the October Revolution. The celebration turned into a propaganda campaign, the aim of which was to demonstrate the “achievements of the proletariat” and to improve the international reputation of Soviet Russia. For this purpose, foreign political and cultural figures, mainly of leftist views, were invited. They were expected to present to their compatriots what they had experienced in a positive light. The novelist Dragiša Vasić, the sculptor Sreten Stojanović and the editor-in-chief of the Belgrade newspaper Politika, Vladislav Ribnikar, represented the Serbian Civic Left in Moscow. This article places their travel notes in the broader context of the perception of Soviet Russia by Western leftist intellectuals. Serbian travelogues also shed light on the bizarre transformation of traditional Serbian Russophilia, predetermined by the role that St. Petersburg (Petrograd) had played in the national emancipation of the Serbs in the eighteenth and nineteenth centuries, at least in the minds of the interwar leftists. Critical of Tsarism, as well as of their own political establishment, Serbian leftists projected their idealised visions of Russia onto the first socialist state. Impressed by the scale of the Soviet experiment, the representatives of the Civic Left did not fall completely under the spell of the socialist myth embodied in the USSR. This confirms the hypothesis that among the general mass of European leftist intellectuals who sympathised with the Soviets, there were different groups — from 100% “believers” to sympathetic “fellow travellers”, to which the Serbian authors belonged.

Keywords: Serbia, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, Yugoslavia, the Soviet Union, the October Revolution, Russian-Serbian relations, Dragiša Vasić, Sreten Stojanović, Vladislav Ribnikar, Dragoljub Jovanović

Received: 5 March 2025

Accepted: 6 June 2025

How to cite: Silkin, A. A., 2025. Prazdnovanie 10-letiiia Oktiabr'skoi revoliutsii v Moskve glazami serbskikh levykh intelektualov. 1927–1928 gg. *Central-European Studies*, 8, pp. 274–307. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.10>

Болдижар Вёрёш

PhD, ведущий научный сотрудник, Институт истории, Центр гуманитарных исследований, Университет имени Лоранда Эт-веша, Будапешт, Венгрия. 1097, Tóth Kálmán utca, 4.

E-mail: voros.boldizsar@htk.elte.hu

Культ вождя в газетных статьях, речах и письмах: появление бульвара Ленина в Будапеште и механизмы политической пропаганды

В конце 1940-х годов коммунисты захватили власть в Венгрии и вскоре установили диктатуру сталинского типа. Одной из важнейших фигур в пантеоне нового режима был Владимир Ильич Ленин, однако до осени 1950 г. власти не называли в центральных районах Будапешта в его честь ни одного объекта, символическое значение которого говорило бы о величии вождя мирового пролетариата. Для современников это было тем более удивительно, что к тому времени многие улицы и площади в сердце города носили имена советских политиков и военных. Вследствие большого значения, придававшегося культу Ленина в пропаганде диктаторского режима, и отсутствия имени вождя на карте столицы как частные лица, так и группы граждан стали обращаться в компетентные органы с предложениями назвать в честь революционера соответствующее его величию место в Будапеште. Авторы писем в своей аргументации из всех сил старались приспособиться к реальным или предполагаемым ожиданиям властей. В этой связи целесообразно задаться вопросами: каким образом отдельные граждане и целые общественные группы выражали мнения и оценки, транслируемые идеологами коммунистического режима? Как архитекторы общественного мнения могли использовать направляемые в адрес компетентных органов инициативы для пропаганды, нацеленной на легитимацию существующих общественных отношений? Эти явления можно рассмотреть на примере присвоения в 1950 г. отрезку бульварного кольца, одной из центральных улиц столицы, имени Ленина — основателя советской системы. В данном случае между архитекторами общественного мнения и обществом, его отдельными членами сформировалась двусторонняя связь, которая, как и символическое присвоение пространства, была призвана укрепить политическую и идеологическую легитимность диктатуры. Описание и анализ этого специфического процесса могут внести вклад не только в понимание целей и механизмов политической пропаганды, но и в понимание функционирования различных культов.

Ключевые слова: история XX в., Венгрия, Будапешт, пропаганда, культ, переименование городских объектов, письма в компетентные органы

Статья поступила в редакцию: 9 марта 2025 г.

Статья принята к публикации: 1 июля 2025 г.

Цитирование: Вёрёш Б. Культ вождя в газетных статьях, речах и письмах: появление бульвара Ленина в Будапеште и механизмы политической пропаганды // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 308–336. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.11>

В конце 1940-х годов в Венгрии к власти пришли коммунисты и вскоре установили диктатуру сталинского типа¹. Одной из важнейших фигур в пантеоне нового режима был Владимир Ильич Ленин (1870–1924), однако до осени 1950 г. в центральных районах Будапешта власти не называли в его честь ни одного объекта, большое символическое значение которого говорило бы о величии вождя мирового пролетариата². Для современников это было тем более удивительно, что к тому времени многие улицы и площади в сердце города носили имена советских политиков и военных (И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, Ф. И. Толбухина)³. Вследствие большого значения, придававшегося культу Ленина в пропаганде коммунистического режима, и отсутствия имени вождя на карте столицы как частные лица, так и группы граждан стали обращаться в компетентные органы с предложениями назвать в честь вождя мирового пролетариата соответствующее его величию место в Будапеште. Авторы писем, аргументируя свою инициативу, изо всех сил старались приспособиться к реальным или предполагаемым ожиданиям властей. В этой связи целесообразно задаться вопросами: каким образом отдельные граждане и целые общественные

¹ См., например: Romsics 2010: 236–238. Об интерпретациях истории Венгрии в XIX–XX вв. см., например: Klimó 2003; Gerő 2006.

² 1 января 1950 г. ряд населенных пунктов в окрестностях Будапешта были включены в черту города: так был создан Большой Будапешт. См.: Varga 1997: 191–202, 227–229. Во вновь присоединенных населенных пунктах некоторые улицы и одна площадь уже носили имя Ленина. Цитируемые в статье авторы писем, которые до осени 1950 г. ссылались на то, что в Будапеште нет ни одного объекта, названного в честь советского вождя, или, скорее всего, не знали о переименованиях во вновь присоединенных населенных пунктах, или не считали их в полном смысле «настоящими» будапештскими топонимами. См., например: Fazekas 2024: 249.

³ См., например: Szívós 2020: 524–528. О присвоении имен столичным объектам и освоении символического пространства см., например: Holló 1995: 221–250; Nikitscher 2014: 77–102.

группы выражали мнения и оценки, транслируемые идеологами коммунистического режима? Как архитекторы общественного мнения могли использовать направляемые в адрес компетентных органов инициативы для пропаганды, нацеленной на усиленную легитимацию существующих общественных отношений? Эти явления можно рассмотреть на примере присвоения имени Ленина отрезку бульварного кольца в Будапеште в 1950 г. (*Lenin körút* / Ленин-кёрут): фигура создателя советского строя была отмечена присвоением его имени одной из главных транспортных артерий столицы.

Культ Ленина в Венгрии: пресса, публичные выступления, торжественные мероприятия

То, как диктатура в 1949–1950 гг. оценивала В.И. Ленина, хорошо видно из рассмотренных ниже статей важнейшей газеты новой политической системы, центральном печатном органе Венгерской партии трудящихся — *Szabad Nép* («Свободный народ»). 21 января 1949 г. в передовице, приуроченной к четвертьвековой годовщине со дня смерти Ленина, приводились следующие оценки революционера-большевика: «он сделал больше для прогресса человечества, чем кто бы то ни было в истории», «вождь непобедимой и бесчисленной армии мирового пролетариата», «великий вождь <...> трудящихся всего мира», «великий вождь мирового пролетариата»⁴. В тот же день, 21 января 1949 г., Йожеф Реваи (1898–1959), ключевая фигура культурной жизни коммунистического режима, в памятной речи о Ленине объединил восхваление Ленина и Сталина: «*Ленин — и продолжатель его дела, Ленин наших дней, Сталин — <...> служат примером всем, в ком живет священная ненависть к любому рабству и кабале, кто организует рабочих для победы социализма*». Реваи цитировал Сталина⁵, утверждавшего, что «*имя Ленина стало самым любимым именем*

⁴ Szabad Nép. 1949. 21 I: 1–2. О культе Ленина в СССР, например, см.: Velikanova 1996; Ennker 1997; Tumarkin 1997. О прославлении Ленина венгерскими коммунистами, находившимися в 1918 г. в Советской России и в 1919 г. определявшими общественное мнение в Венгерской советской республике, см., например: Вёрёш 2018; об образе Ленина, созданном для венгерских восьмилетних школ в период с конца 1940-х до 1953 г. см.: Vörös 1992: 14–27. Культами Ленина и Сталина наряду с культом Ракоши занимается Б. Апор, см.: Apor 2017.

⁵ Сталин И. В. Речь на II Всесоюзном Съезде Советов 26 января 1924 г. // Сталин И. В. Сочинения. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы,

в сердцах трудящихся и эксплуатируемых масс»⁶. В номере *Szabad Nép* за 21 января 1950 г. вновь приводились высказывания Сталина в связи с годовщиной смерти вождя: заголовок сопровождался словами о Ленине как «нашем учителе» и «нашем вожде», в передовице вновь приводились слова о любви к имени Ленина с таким комментарием: «И в наши дни имя Ленина — и, добавим, имя продолжателя его дела, Сталина — самое любимое имя в сердцах трудящихся и сегодня еще более любимо, чем 26 лет назад (в день смерти Ленина. — Б.В.)». Автор статьи назвал Ленина «величайшим из когда-либо живших»⁷. Во введении к отчету *Szabad Nép* о самых важных памятных мероприятиях текущего года говорилось, что Владимир Ильич Ленин был «создателем великой партии большевиков и советского государства, славным учителем прогрессивного человечества». Й. Реваи в речи, произнесенной на памятном собрании, назвал Ленина «величайшим гением XX в., величайшим учителем международного рабочего движения со времен Маркса», «величайшим стратегом в борьбе за новый мир». В речи прославлялись «великий Ленин» и Сталин:

Для освобожденных венгерских рабочих руководители Советского Союза, Ленин и Сталин, столь же дороги, как и для самого советского народа, <...> Ленин и Сталин для нас не “иностраные государственные деятели”, но также наши вожди и учителя.

(На пропагандистское значение последнего утверждения указывает то обстоятельство, что оно было вынесено в заголовок: «*Ленин и Сталин — тоже наши вожди и учителя*».) От имени партийного руководства Реваи утверждал, что «дело и имя Ленина вместе с делом и именем его товарища и преемника Сталина открывает новую эпоху в истории человечества», «имя Ленина» означает «поворот в мировой истории»⁸. На торжествах, организованных 22 апреля 1950 г. по случаю годовщины со дня рождения Ленина, Мартон Хорват (1906–1987), другой руководитель культурной политики Венгрии, провозгласил: «С Лениным появился на свет выдающийся деятель истории, который призвал человечество на “последний бой”

1947. Т. 6. С. 47.

⁶ *Szabad Nép*. 1949. 22 I: 1–2. Здесь и далее курсив в оригинале.

⁷ *Szabad Nép*. 1950. 21 I: 1–2.

⁸ *Szabad Nép*. 1950. 22 I: 1–2.

и был “великим пролетарским полководцем”⁹. По значимым с точки зрения официальной пропаганды датам — годовщинам смерти и рождения вождя — в центральных партийных газетах печатались посвященные Ленину материалы, пестревшие превосходными степенями в его адрес, свидетельствовавшие о формировании культа¹⁰, навязывавшие образ советского партийного и государственного деятеля как «вождя» и «учителя», особо подчеркивавшие значение и символическую ценность его имени.

Выбор места

Влияние официального культа Ленина в письмах трудящихся с требованиями дать имя советского вождя улице или площади прослеживается уже в тех строках, где авторы писем называли *возможные локации*. Одни не настаивали на переименовании какого-то конкретного места, но писали о том, какого рода публичное пространство может носить имя Ленина. В одном из писем, датированном июлем 1950 г., говорилось: «Насколько мне известно, в Будапеште по сей день нет площади, бульвара или моста, названного в честь Ленина», и, хотя не предлагалось конкретных решений, рекомендовалось устранить недоработку¹¹. В сентябре 1950 г. Тибор Вагвёльди в письме, прежде всего, призывавшем к сбору, обработке и публикации документов по истории венгерского рабочего движения и распространению его традиций, от имени основанного в 1948 г. Института венгерского рабочего движения советовал столичным властям «назвать в честь товарища Ленина какую-либо крупную площадь или улицу»¹². В ходатайстве об увековечении имени Ленина размер публичного пространства и важность его роли в жизни города должны были подчеркнуть значимость основателя Советского государства.

Те, кто выступал с конкретными идеями по переименованию, призывали присвоить имя Ленина какой-нибудь ключевой транспортной магистрали в Пеште. Многие предлагали дать имя революционера всему Вацскому проспекту (*Váci út* / Вац-ут) или какому-либо его отрезку. В письме, датированном мартом 1950 г., говорилось:

⁹ Szabad Nép. 1950. 22 IV: 1–2.

¹⁰ Ср.: Dávidházi 2002: 17–21, 211.

¹¹ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/76.

¹² HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/89.

Пятую годовщину освобождения нашей страны (Красной армией в ходе Второй мировой войны. — *Б.В.*) мы, трудящиеся Вацского проспекта в XIII районе, встретим самым достойным образом, если в память о товарище Ленине и его учении Городское управление Большого Будапешта переименует к 4 апреля самую длинную магистраль, пролегающую по XIII району столицы и IV району, Уйпешту — Вацкий проспект от пл. Маркса до корчмы *Megyer* — в проспект Ленина¹³.

Наконец, значительное число граждан предлагали переименовать все бульварное кольцо или какую-то его часть, как, например, автор письма к главе городской администрации Будапешта, «большой бульвар по всей его протяженности, от пл. Маркса (*Marx tér* / Маркстер) до пл. Борароша (*Boráros tér* / Борарош-тер), назвать *бульвар Ленина*»¹⁴. В конце концов, осенью 1950 г., по рассмотрении инициатив трудящихся, отрезок большого бульварного кольца от вокзала Нюгати (*Nyugati* / Западный вокзал) до проспекта Ракоци (*Rákóczi út* / Ракоци-ут) переименовали в бульвар Ленина, хотя нашлись и такие, кто счел решение недостаточным, не соответствующим величию советского вождя. В одном из писем недовольных говорилось:

С радостью узнал из сегодняшнего номера *Szabad Nép*¹⁵, что отрезку большого бульварного кольца между просп. Ракоци и вокз. Нюгати присвоили имя товарища ЛЕНИНА.

ЛЕНИН, этот благодетель всего человечества, заслуживает, чтобы о нем помнили спустя века, даже спустя тысячелетия.

По моему мнению, однако, в честь товарища ЛЕНИНА следовало назвать весь бульвар, от Дуная до Дуная.

Он был выдающейся личностью, Его работа — образцовая, Его идеи — правда, Его партия — прогресс, и этому нужно следовать.

Пусть и улица будет соразмерной его великому Имени¹⁶.

¹³ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/25. Резолюция чиновника городской администрации на письме: «Вопрос уже поставлен, дальнейших действий не требует»; письмо было помещено в архив.

¹⁴ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/37. Резолюция городских властей на письме: «Вопрос возбужден, дальнейших действий не требует».

Борарош Янош (1756–1834) — сотрудник городской администрации г. Пешта.

¹⁵ *Szabad Nép*. 1950. 18 X: 8.

¹⁶ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/110; *Szabad Nép*. 1950. 18 X: 8. Ответ городского компетентного органа: «Согласно сообщению в *Szabad Nép*, вопрос с бульваром Ленина решен».

В этом письме культ Ленина проявился не только в том, что адресант «идет дальше» официально принятого решения, предложив присвоить имя Ленина еще большей территории, но и в восторженных выражениях, использованных в отношении революционера, и даже в написании имени политика заглавными буквами, местоимении Он, обороте «великое Имя». Другой гражданин уже после переименования отрезка бульварного кольца на левом берегу Дуная требовал присвоения имени вождя какой-либо важной для жизни города площади:

Есть две важные, оживленные площади в районе¹⁷, имена которых, кажется, стали полным анахронизмом. Речь о пл. Сена и пл. Калмана Селла. У первой есть старинное очарование, но имя второй уже не имеет никакой ценности. В Пеште есть бульвар Ленина! Пусть у Буды будет пл. Ленина!¹⁸

Есть примеры того, как одна гражданка обращалась с несколькими предложениями по переименованию различных объектов, которые были гораздо больше, чем улица или площадь:

Думаю, было бы правильно, если городской парк Варошлигет, который мы за годы пятилетки облагородим и сделаем достойным великому имени товарища Ленина, мы переименуем в ЛЕНИНЛИГЕТ.

Или у меня есть другое предложение: прекрасный мост Маргит можно назвать МОСТОМ ЛЕНИНА, а остров (Маргит. — *Б.В.*) — ОСТРОВОМ ЛЕНИНА¹⁹.

В этом тексте культ Ленина выражался не только в претензии на переименование больших, протяженных пространств, но и — как, например, в письме, призывавшем к переименованию в честь революционера всего бульварного кольца — в упоминании «великого имени» политика. Сходным образом величие вождя пролетариата стремились

Ракоци Ференц II, князь (1676–1735) — предводитель антигабсбургской освободительной войны 1703–1711 гг.

¹⁷ Речь идет о II-м районе Будапешта, на правом берегу Дуная.

¹⁸ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/148.

Селл Калман (1843–1915) — венгерский политик, премьер-министр в 1899–1903 гг.

¹⁹ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/33. Резолюция на письмо: «Не требует дальнейших действий, поместить в архив».

Маргит (1242–1270) (после канонизации св. Маргит (Маргарита)) — средневековая венгерская принцесса из династии Арпадов.

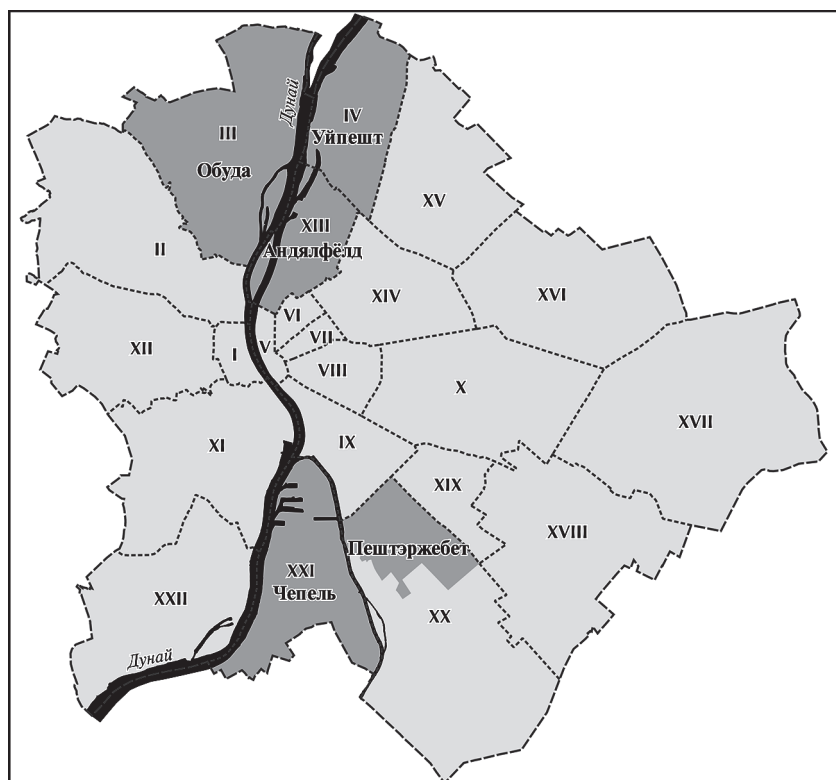

Рис. 1. Административное деление Будапешта на районы в 1950 г.
© Бела Надь

подчеркнуть присвоением имени Ленина пространствам бóльшим, чем столичные проспект или площадь, как в начале января 1950 г., когда группа граждан предложила, чтобы «по случаю годовщины смерти товарища Ленина гора Геллерт (*Gellért-hegy*) была переименована в гору Ленина»²⁰. Автор письма, написанного на рубеже 1949–1950 гг., предлагала переименовать районы Будапешта или его части (рис. 1), например Пештэржебет

²⁰ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/5., 3820/10.

Св. Геллерт (ок. 980–1046) — епископ в Венгрии в 1030–1046 гг., убит в ходе восстановления язычников в 1046 г.

(*Pesterzsébet* — Пештско-Елизаветинский) — в Ленинварош (*Leninváros* — город Ленина). Свою позицию она обосновывала не только репутацией поселения, но и традицией, восходившей к Венгерской Советской Республике 1919 г.: Пештэржебет «десятилетиями был в общественном сознании самым типичным пролетарским городом. К тому же в 1919 г. уже носил имя Ленинварош»²¹.

Если в приведенных выше цитатах переименование связывалось с характером или размером публичного пространства, то нашелся и гражданин, предлагавший дать имя Ленина улице (в письме не названа), на которой политик, по его мнению, бывал²² во время пребывания в Будапеште. Автор сообщал:

[У] меня есть доказательства, что наш любимый, пламенный товарищ Ленин не раз бывал в Будапеште. <...> На Дом, в котором жил товарищ Ленин, мы поместим мраморную памятную доску, дорогу, по которой ходил Ленин, увековечим в имени “проспект Ленина”. <...> Остается только выбрать день, на который назначить праздничные мероприятия²³.

В этом письме культ Ленина проявился не только в предложениях открыть памятную доску, переименовать улицу и организовать праздничные мероприятия, но и в восторженном восхвалении политика.

²¹ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/1.

Эржебет — венгерский вариант имени Елизаветы Амалии Евгении (1837–1898) — австрийской императрицы и в 1867–1898 г. венгерской королевы. В 1919 г., в дни пролетарской диктатуры Венгерской советской республики под руководством социал-демократов и коммунистов, которая продолжалась 133 дня, населенный пункт был переименован в Ленинварош.

²² Хотя соответствующие исследования показывают, что Ленин никогда не бывал в Венгрии, информация о его пребывании здесь неоднократно распространялась в XX в., подробнее см.: *Péter L. A magyar Lenin-legenda // Dél-Magyarország. 1967. № 232. 4. old.; Így látták a kortársak. Magyar írók, költők, publicisták a Nagy Októbertől. 1917–1919 / összeáll. L. Remete. Budapest: Kossuth, 1977. 149–151. old.*

²³ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/70. Ответ чиновника городской администрации: «Очень рад, что предложили увековечить память о пребывании здесь товарища Ленина открытием мраморной доски. Однако, насколько мне известно, товарищ Ленин не бывал в Будапеште, но, если у Вас есть тому доказательства, прошу незамедлительно предоставить их мне, потому что, я полагаю, если сообщенные Вами сведения соответствуют действительности, мы без промедления устраним это упущение». (См.: HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/75.) У меня нет сведений о дальнейшей судьбе предложения.

Влияние официального восхваления Ленина того времени на адресантов прослеживается и в том, в каких выражениях они оценивали этого политика. Использование прописных букв, превосходных степеней и обращение к Ленину как к «вождю», также характерные для статей в *Szabad Nép*, встречаются в письме, где авторы предложили переименовать бульвар, отрезки которого были названы по большей части в честь представителей Габсбургско-Лотарингского дома (Франца, Иосифа, Елизаветы, Марии Терезии), правивших Венгрией в XVIII–XX вв.: «Полагаем, было бы правильно, если бы бульвар назвали в честь величайшего вождя мирового прогрессивного человечества — товарища Ленина»²⁴. Сходным образом использование превосходных степеней встречается в письме, призывавшем переименовать Вацкий проспект в проспект Ленина: по логике авторов, Вацкий проспект «достоин того, чтобы носить имя величайшего революционера — имя товарища Ленина»²⁵. В тексте другого письма, датированного маем 1950 г. и предлагавшего переименовать большое бульварное кольцо, встречаются уже не только панегирики «великому Ленину» или выражение «воспитатель народа», родственное слову «учитель», словно заимствованные со страниц газеты *Szabad Nép*, но и мотивы «Песни о Ленине»²⁶: назовем «большое бульварное кольцо в честь великого Ленина». «Так мы почтим память героя, великого воспитателя народа, который отдал за нас самое дорогое, самое прекрасное — свою жизнь»²⁷.

Употребление характерного для *Szabad Nép* слова «учитель» и использование превосходных степеней в ином контексте встречается в письме кружка учениц женской гимназии в Будапеште, датированном апрелем 1950 г., с предложением присвоить бульварному кольцу имя Ленина: потому что до сих пор в Будапеште «ни один проспект, ни одна площадь еще не были названы именем товарища Ленина, нашего

²⁴ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/21. Резолюция на ходатайстве: «Принято к сведению, дальнейших действий не требуется, поместить в архив».

²⁵ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/31. Резолюцию по обращению см. сн. 44.

²⁶ См. первую строфу «Песни о Ленине»: «Тяжела была рабская цепь на ногах, / Но народ ее гордо порвал, / Примером им тот послужил, / Кто жизни своей не жалел, / Ленин! герой, который лишь для народа жил!» — Lenin dal // Zengjen az ének! Daloskönyv a Világifjúsági Találkozóra / összeáll. F. Frideczky. S. I.: Magyar Ifjúság Népi Szövetsége. 1949. 23. old.

²⁷ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/56. Согласно ответу на письмо, ходатайство «было направлено в соответствующие инстанции».

величайшего учителя»²⁸. Иными словами, школьницы, то есть по роду занятий «учащиеся», просили дать городскому объекту имя человека, называемого «учителем» в гораздо более общем, образном смысле, чем «учитель гимназии», создавая таким образом специфическую связь между различными уровнями использования языка. Были и письма, в которых, как и в цитируемых текстах из *Szabad Nép*, имя Ленина упоминалось с особым уважением: например, письмо, написанное осенью 1950 г.²⁹, с предложением назвать весь бульвар именем Ленина или предложение переименовать Городской парк в парк имени Ленина³⁰.

В письмах, в той их части, где высказываются предложения, *по какому поводу* следует назвать публичное пространство в честь революционера, адресанты испытали влияние не только поддерживаемого режимом культа Ленина, но и других элементов пропаганды. Иностраннный отдел Центрального правления ВПТ в письме, написанном в октябре 1949 г., рекомендовал секретариату, чтобы «по случаю 7 ноября назвать один из проспектов Будапешта в честь Ленина»³¹. В январе 1950 г. многие — в том числе инициаторы переименования горы Геллерта в гору Ленина³² — выступали с инициативой, чтобы присвоение имени вождя мирового пролетариата одному из публичных пространств было приурочено ко дню его смерти 21 января. В марте того же года в ряде писем предлагалось, чтобы какое-то важное место в венгерской столице получило имя Ленина 4 апреля, в день пятой годовщины «освобождения»

²⁸ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/55. Представитель городской администрации ответил ученическому кружку: «Большое спасибо за предложение по присвоению имени товарища Ленина одной из улиц города. Из этого можно заключить, что молодежь нашей Народной Демократии самоотверженно занимается решением таких серьезных проблем, как сохранение памяти о великом вожде социализма. Ваше предложение мы уже направили по инстанциям и поверьте, что оно скоро претворится в жизнь». В данном случае примечательно, что один из функционеров (даже если не самого высокого уровня) в ответном письме высоко оценил подобную «инициативу снизу», подчеркнул правильность предложения отдать дань уважения Ленину, тем самым стремясь укрепить культ и соответственно упрочить легитимность политической системы, пропагандирующей этот культ. Ср. сн. 60 и связанный с ней фрагмент основного текста.

²⁹ См. сн. 17 и связанный с ней фрагмент основного текста.

³⁰ См. сн. 19 и связанный с ней фрагмент основного текста.

³¹ HU-MNL OL. M-KS 276. f. 54. cs. 68. б. е. 39. На письме помета рукой неизвестного лица: «Пока нет». О решении, принятом в секретариате, см. сн. 57 и связанный с ним фрагмент основного текста.

³² См. сн. 20 и связанный с ней фрагмент основного текста.

Рис. 2. Будапешт (центральные районы) в 1950 г. © Бела Надь

Венгрии: например, этого требовали «рабочие с Вацского проспекта», о которых речь шла выше³³. Автор письма 24 апреля 1950 г., призывая дать имя Ленина одной из городских магистралей, ссылался сразу на две даты:

³³ См. сн. 14 и связанный с ней фрагмент основного текста.

Присоединюсь к голосам, звучащим отовсюду в связи с 80-летней годовщиной со дня рождения товарища Ленина, когда обращаю внимание на то, что до сих пор в Будапеште нет улицы, названной в честь товарища Ленина. Хотя день его рождения уже миновал, но приближающееся 1 мая дает отличный повод для того, чтобы назвать в честь товарища Ленина какую-либо достойную его улицу в Будапеште³⁴.

В конце концов, именем Ленина осенью 1950 г., в годовщину значимого с точки зрения официальной пропаганды исторического события, в день 7 ноября, назвали отрезок большого бульварного кольца (рис. 2). Таким образом, серия писем 1949–1950 гг. маркирует череду праздников и памятных дат революционного рабочего движения того времени, связанных с Советским Союзом и относящихся к культу Ленина.

Ленин и другие исторические личности

Вместе с проявлениями культа Ленина в письмах упоминаются и дополняют главную тему *образы других исторических деятелей*: это, с одной стороны, отвергаемые адресантами фигуры (названные в их честь публичные пространства нужно переименовать), с другой — достойные уважения и почета личности, имена которых уже присвоены городским объектам или, как в случае с Лениным, должны носить их имя. В рядах тех, кто предлагал назвать один из отрезков большого бульварного кольца в честь вождя мирового пролетариата, некоторые негативно высказывались о Габсбургах. В январе 1950 г. «трудящиеся» Министерства тяжелой промышленности писали о вопросе, возникшем в одном разговоре:

Почему даже в наши дни участки одного из важных и протяженных бульваров называются в честь членов Габсбургской династии — Франца Иосифа, Елизаветы и Терезии. Пришло время, чтобы стереть их имена из памяти, и пусть они останутся только в книгах по истории в качестве примеров, которым в большинстве не нужно следовать³⁵.

Сходным образом оценил Габсбургов автор другого письма:

³⁴ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/55.

³⁵ См. сн. 24 и связанный с ней фрагмент основного текста.

Предлагаю <...> переименовать большое бульварное кольцо — от пл. Борарош до моста Маргит — названное в честь проклятой памяти габсбургских эрцгерцогов и эрцгерцогинь (Иосифа, Терезы, Елизаветы и пр.) в бульвар Ленина³⁶.

В сентябре 1950 г., однако, другой автор письма предложил назвать именем Ленина площадь Аппони, пояснив это так: «До сих пор у нас есть площадь, названная в честь реакционного политика “графа” Альберта Аппони, память о котором “увековечивает” мемориальная доска»³⁷. Были такие, кто предлагал присвоить имя Ленина городским объектам, ранее названным в честь святых, как это было в случае с горой Геллерт³⁸, мостом и островом Маргит (*Margit-sziget* / Маргит-сигет)³⁹.

Граждане, предлагавшие дать имя Ленина какому-либо городскому объекту, подкрепляли свои требования тем аргументом, что после переименований в честь Сталина следует таким же образом увековечить память о Ленине, при этом вплетали в аргументацию панегирики «Отцу народов». В письме, датированном январем 1950 г., говорилось:

Сколь почетно, что бывшая пл. Елизаветы и с 21 декабря бывший просп. Андраши сегодня носит имя великого Сталина, столь же *позорно, что ни в Будапеште, ни в другом городе страны нет подобного, достойного памятного места в честь Ленина*⁴⁰.

Тогда же поступило такое письмо: «Сегодня, когда в честь товарища СТАЛИНА заслуженно назван наш красивейший проспект»,

³⁶ Ответ чиновника городской администрации гласил: «Надеемся, что это предложение в скором времени начнет реализовываться». См. сн. 34 и связанный с ней фрагмент основного текста. В то же время переименование бульварного кольца в целом стерло бы с карты города не только память о Габсбургах, но и имя первого венгерского короля, Иштвана (Стефана) Святого (1000–1038 гг.), в честь которого был назван бульвар Св. Иштвана (*Szent István körút* / Сент-Иштван-кёрут).

³⁷ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/91. Ответ чиновника городской администрации: «В ходе ближайших мероприятий на основе наших предложений решится вопрос об улице или площади имени товарища Ленина».

Аппони Альберт (1846–1933) — венгерский политик и дипломат. Ср. с инициативой о переименовании пл. К. Селла (см. сн. 18 и связанный с ней фрагмент основного текста).

³⁸ См. сн. 20 и связанный с ней фрагмент основного текста.

³⁹ См. сн. 19 и связанный с ней фрагмент основного текста.

⁴⁰ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/15.

Дюла Андраши (1823–1890) — венгерский политик, в 1867–1871 гг. премьер-министр.

было бы правильно переименовать Городской парк в Парк имени Ленина⁴¹. Даже после официального переименования отрезка бульварного кольца в бульвар Ленина, в конце 1950 г. было получено письмо, автор которого предлагал присвоить имя революционера всему большому бульварному кольцу, чтобы «соединить воедино *две красивейшие* магистрали — бульвар ЛЕНИНА и проспект Сталина»⁴², чем подчеркивал выдающееся значение обоих политиков. Автор письма, предлагавший переименовать площадь К. Селла, был помимо Ленина озабочен увековечением памяти Ф. Энгельса, а потому предлагал: пусть площади Калмана Селла дадут имя Ленина, а площадь Сена

[М]огла бы гордо носить имя великой фигуры научного социализма, ближайшего соратника Карла Маркса — Энгельса, в честь которого, насколько мне известно, не названо ни одного городского объекта⁴³.

В сравнении с цитированными выше предложениями куда более масштабным выглядят инициативы о переименованиях, выдвинутые в письме «всех работников» Национального предприятия «Венгерский завод стальных изделий» в адрес столичного градоначальника:

Принимая во внимание, что колыбелью венгерского рабочего движения можно по праву считать район Андялфёлд, просим, чтобы название “Вацский проспект” был заменен на “проспект Ленина”.

На этом проспекте развернулся самый кровопролитный бой против тирании 23 мая 1912 г., в “кровавый четверг”. Потому он достоин того, чтобы носить имя величайшего революционера — имя товарища Ленина.

Далее, недавно возведенный мост, соединяющий район Обуда с Андялфёлдом, да будет в знак непреходящей благодарности и горячей любви к Советскому Союзу назван именем нашего освободителя, большого друга венгерского трудового народа товарища Сталина.

Соблаговолите также проходящий через наш район бульвар Кароя Роберта вплоть до самого района Пештержебет переименовать в “бульвар Матяша Ракоши”.

И чтобы придать революционный характер всему нашему району, он должен носить достойное имя. Посему просим официально

⁴¹ См. сн. 19 и связанный с ней фрагмент основного текста.

⁴² HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/136. Согласно ответу чиновника городской администрации: «Предложения относительно бульвара Ленина приняты с благодарностью, Ваша инициатива на рассмотрении».

⁴³ См. сн. 18 и связанный с ней фрагмент основного текста.

заменить имя “Андялфёлд” на “Ракошиварош” в честь любимого венгерским трудовым народом вождя товарища Матяша Ракоши⁴⁴.

Примечательно, кого отвергают авторы инициативы, апеллирующие к локальному историческому контексту: они не приемлют средневекового короля (Кароя Роберта) и связанного с религиозным мировоззрением ангела, в то же время восхваляют Ленина, Сталина и Ракоши, соединенных названиями носящих их имя магистралей, что указывает на их единство в идеологии коммунистического режима. И хотя в письме о придании району «революционного характера» Ленин назван «величайшим революционером», особую дань уважения предлагалось отдать не Ленину и не Сталину, но Ракоши, поскольку его имя предлагалось присвоить не просто одной из важнейших трасс, но району в целом: таким образом, иерархия районов, которым по письмам граждан следует изменить название, свидетельствует, что уважение к Ракоши оказалось выше, чем уважение к Ленину.

В письме осенью 1952 г. тоже содержался список мест для переименований:

По случаю открытия моста Петёфи начиная от пл. Борароша и далее бульвары Ференца и Йожефа переименовываем в честь Карла Маркса. Тогда знаменитые отцы-основатели марксизма-ленинизма будут представлены в нашей столице бок о бок достойным их творческим наследием и духом.

⁴⁴ HU-BFL. XXIII. 114a. 6. d. 3820/31. Резолюция на ходатайстве: «Ответить в письменном виде, не требует дальнейших действий, поместить в архив». В ответе говорилось: «Благодарим за предложения относительно новых, демократических названий Андялфёлда, моста Арпада и бульвара Кароя Роберта. Однако в настоящее время не представляется возможным удовлетворить Вашу просьбу, потому что процесс переименования улиц и административных территорий идет полным ходом. Мы обязательно сообщим о просьбе Товарищей в компетентные органы, и, если предоставится такая возможность, непременно исполним».

23 мая 1912 г. в Будапеште прошла массовая социалистическая демонстрация, которая привела к актам насилия.

Арпад (ок. 845/855 — ок. 900), согласно венгерской исторической традиции, вождь венгерских племен, приведший их в IX в. на новую родину, в Карпато-Дунайский бассейн.

Карой Роберт (1310–1342 гг.) — король Венгрии из династии Анжу, усилил королевскую власть в борьбе с феодальными группировками и проводил активную внешнюю политику.

Нынешняя пл. Маркса будет служить примером того, что нашим великим одновременно посвящены и площадь, и проспект.

Выскажу соображение, что название пл. Борароша могло бы быть изменено на пл. Энгельса⁴⁵.

Автор письма, следовательно, вел речь о серии переименований «Маркс — Ленин — Маркс — Энгельс», подчеркивая связь идей Маркса и Ленина, хотя здесь — как и в другом проекте — Ленину отводилось подчиненное место в сравнении с Марксом, в честь которого были бы названы и проспект, и площадь.

Автор еще одного письма была готова превратить столицу в настоящий пантеон: на рубеже 1949–1950 гг. она, между прочим, предлагала назвать один из районов Ракошварош (*Rákosi-város* — «город Ракоши»), важный промышленный центр Чепель переименовать в Стахановварош (*Sztahanov-város* — «город Стаханова»), Пештэржебет — в Ленинварош (здесь автор сослалась на распространенное мнение об этом населенном пункте⁴⁶), Кишпешт (*Kispest* — Малый Пешт) — в Марксварош (*Marx-város* — «город Маркса»), еще один район получил бы имя Энгельсварош (*Engels-város* — «город Энгельса»). Фигура же Ленина встраивалась в пантеон революционеров, представителей рабочего движения и борцов за свободу, а предлагаемое в его честь переименование отсылало к Венгерской советской республике 1919 г. Таким образом, в этих письмах предложения о переименовании публичных пространств в честь Ленина подкреплялись отрицанием культа исторических фигур (Габсбургов и святых) и в то же время встраивали фигуру вождя мирового пролетариата в ряд с другими деятелями революционного и рабочего движения (Сталиным, Ракоши, Марксом, Энгельсом) в рамках официальной концепции истории и пропаганды коммунистической диктатуры.

⁴⁵ HU-BFL. XXIII. 106a. 67. d. 112/111. В ответ на письменное обращение, содержавшее предложения о переименовании, чиновник городской администрации информировал, что вопросом бульвара Ференца и бульвара Йожефа «уже занимался Подкомитет по названиям улиц и передал в вышестоящие инстанции предложение, чтобы бульвар носил имена наших великих исторических деятелей. Последовательность такая: бульвар Маркса, бульвар Энгельса, бульвар Ленина (уже претворено в жизнь) и бульвар Сталина» (HU-BFL. XXIII. 106a. 55. d. 112/16).

Петёфи Шандор (1823–1849) — венгерский поэт, значимая фигура революции и национально-освободительной войны 1848–1849 гг.

⁴⁶ См. сн. 21 и связанный с ней фрагмент основного текста.

«Трудящиеся»

В этих письмах влияние официальной пропаганды прослеживается не только в почитании фигуры Ленина, в определении даты присвоения имени или в выборе и оценке исторических фигур, упоминаемых вместе с революционером, но и в том, как авторы этих предложений *характеризовали в текстах собственное социальное положение и род занятий*. Есть пример того, что автор письма не давал информации о том, к какой социальной группе себя относит, какова его профессия; или инициативный гражданин называл место работы, но не уточнял круг обязанностей; наконец, один автор назвал даже должность. Коллективные обращения (по светским лекалам) нередко от имени всех подписывал партийный или профсоюзный руководитель. В то же время в этих письмах авторы часто называли себя просто «трудящимися», как в индивидуальных, так и в групповых обращениях. Одно из писем подписано «трудящийся Мин. социального обеспечения»⁴⁷, другое — «трудящийся» будапештского предприятия по торговле специями VIII район, пл. Матяша, д. 14⁴⁸. Письмо от «трудящихся Министерства тяжелой промышленности» подписал парторг «от имени министерских работников», в присутствии «партийной организации ВПТ Министерства тяжелой промышленности»⁴⁹; инициативное письмо о переименованиях в районе Андялфёлд направили «все трудящиеся» Национального предприятия «Венгерский завод стальных изделий»⁵⁰. Тогдашнее значение термина «трудящийся» становится понятным из речи Матяша Ракоши на объединительном съезде ВПТ в июне 1948 г.:

Мы выбрали название Венгерская партия трудящихся, потому что оно объединяет весь венгерский трудовой народ, рабочих, крестьян, прогрессивную интеллигенцию, все слои трудящихся⁵¹.

⁴⁷ См. сн. 12 и связанный с ней фрагмент основного текста.

⁴⁸ См. сн. 17 и связанный с ней фрагмент основного текста.

⁴⁹ См. сн. 24 и 35 и связанные с ними фрагменты основного текста.

⁵⁰ См. сн. 44 и связанный с ней фрагмент основного текста.

⁵¹ *Rákosi M. A Magyar Dolgozók Pártjával erős, virágzó Magyarorszáért // A Magyar Kommunista Párt és a Szociáldemokrata Párt egyesülési kongresszusa jegyzőkönyve. (1948 június 12–13–14.) Budapest: Szikra, 1948. 140–167. old.* В этих письмах не только термин «трудящийся», но и частое употребление термина «товарищ» свидетельствуют о влиянии системы взглядов, транслировавшейся партийно-государственными лидерами и функционерами.

Согласно этому определению, авторы писем так или иначе попадали в категорию «трудящиеся». Использование этого понятия в текстах писем, как и в иных цитируемых выше заявлениях, говорит об эффективности коммунистической пропаганды.

Нередко отправители писем ссылались на других лиц или группы лиц, которые, по их мнению, разделяли высказываемую точку зрения, более того, отдельные граждане представлялись выразителями коллективной воли. Один из них писал:

Я хотел бы передать не свою просьбу, но просьбу масс товарищей и трудящихся. Разговоры и реплики убедили меня в том, что изложенное пожелание (назвать главную дорогу в Будапеште именем Ленина. — *Б.В.*) живет почти в каждом честном, пламенном жителе Пешта. (Более того, например, в горнодобывающих регионах, как я убедился, тоже.)⁵²

В целях претворения в жизнь своих требований «трудящиеся» Национального предприятия «Венгерских заводов стальных изделий» приводили аналогичный аргумент: «Это пожелание выразили не только трудящиеся нашего завода, но и весь Андялфёлд»⁵³. В письме, призывавшем назвать весь бульвар именем Ленина, говорилось: «Думаю, что тем самым передаю желание нашей Партии и всех нас», потому что «Будапешт желает», чтобы бульвар Ленина встретился с проспектом Сталина⁵⁴. Функция этих ссылок заключалась в том, чтобы акцентировать высказанное в письме предложение, но в то же время аргументация, основанная на коллективной воле, и фразеология в целом говорят о манипулятивном влиянии пропаганды того времени.

В то время, когда эти письма были написаны, отправлены и рассмотрены компетентными органами, проблема присвоения имени Ленина значимому публичному пространству в Будапеште волновала и руководящие органы ВПТ. В письме секретариата парткома Большого Будапешта в оргкомитет ВПТ от 18 февраля 1949 г. содержалось несколько предложений о переименовании улиц, а также ставился вопрос: «Считает ли Оргкомитет своевременным <...> переименование площади К. Селла в площадь Ленина». На письмо была наложена следующая резолюция без подписи: «Площадь Ленина должна быть

⁵² См. сн. 40 и связанный с ней фрагмент основного текста.

⁵³ См. сн. 44 и 50 и связанные с ними фрагменты основного текста.

⁵⁴ См. сн. 42 и связанный с ней фрагмент основного текста.

больше и красивее, чем пл. Сена [sic!], и должна находиться в Пеште, а не в Буде»⁵⁵. Вопрос рассматривался на секретариате Центрального руководства 24 февраля 1949 г., но решение не было принято⁵⁶. На заседании 26 октября 1949 г. секретариат решил: «В настоящее время не нужно называть проспект именем товарища Ленина»⁵⁷. Весной 1950 г., ссылаясь на пожелания, высказанные в многочисленных обращениях граждан, горком Большого Будапешта обратился в секретариат ВПТ, используя формулировки и аргументы, аналогичные тем, что были использованы в письменных обращениях граждан:

Горком Большого Будапешта и столичный градоначальник ежедневно получают многочисленные ходатайства от заводов и письма от трудящихся, в которых указывается на отсутствие в Будапеште улицы имени товарища Ленина, и содержится просьба как можно скорее устранить этот недостаток.

В самом деле, сегодня в Будапеште имя основателя Советского государства, великого вождя пролетариата, одной из величайших фигур мировой истории не присвоено ни проспекту, ни площади.

Посему горком Большого Будапешта полностью поддерживает эти ходатайства трудящихся и просит Секретариат поспособствовать, чтобы в честь товарища Ленина назвали

1) или Большое бульварное кольцо,

2) или Вацский проспект,

так, чтобы переименование пришлось на 4 апреля⁵⁸.

Обращение было рассмотрено секретариатом ЦР ВПТ 29 марта 1950 г., и вынесенное решение гласило: «Назвать в честь товарища Ленина проспект или район города в годовщину смерти или по случаю 7 ноября»⁵⁹. В июне 1950 г. представитель городской администрации Будапешта направил ответ заявителям о переименовании участков большого бульварного кольца в Ленин-кёрут, в котором обещал реализовать их предложение⁶⁰.

⁵⁵ HU-MNL-OL. M-KS 276. f. 54. cs. 31. ő. e. 59.

⁵⁶ HU-MNL-OL. M-KS 276. f. 54. cs. 31. ő. e. 4.

⁵⁷ HU-MNL-OL. M-KS 276. f. 54. cs. 68. ő. e. 5. О ходатайстве по делу см. сн. 31 и связанный с ней фрагмент основного текста.

⁵⁸ HU-MNL-OL. M-KS 276. f. 54. cs. 92. ő. e. 73.

⁵⁹ HU-MNL-OL. M-KS 276. f. 54. cs. 92. ő. e. 5.

⁶⁰ Ср., например, сн. 28 и 36. Различные источники свидетельствуют, что подобных писем было больше, однако обнаружить их не удалось.

Переименование

Решение о переименовании отрезка большого бульварного кольца в честь Ленина было принято 17 октября 1950 г. на заседании исполкома горсовета Будапешта. Вынося вопрос на рассмотрение, председатель исполкома Калман Понграц (1898–1980) сказал:

Почти год нам регулярно поступают письма — сначала в Комитете по городской политике, теперь в Совете, но, пожалуй, прежде всего в горкоме Будапешта — с просьбой назвать подходящий проспект именем товарища Ленина. Простые трудящиеся просят об этом в своих письмах, потому что считают несправедливым, что в Будапеште до сих пор нет улицы в честь товарища Ленина.

Мы обсудили вопрос на партийном форуме, и Партия сочла правильным, чтобы 7 ноября участок бульварного кольца от вокзала Нюгати до проспекта Ракоци получил имя товарища Ленина⁶¹.

Инициатива была поддержана «единогласно», так было принято решение о переименовании. Следует отметить, что Понграц в первую очередь ставил ударение на просьбы «простых трудящихся», в то время как городская администрация — солидарно с партийными органами — претворяла в жизнь их инициативу. О присвоении имени Ленина отрезку бульварного кольца написали многие газеты, которые, однако, умолчали о предварительных консультациях с партийными органами: дело выглядело так, как будто городские власти удовлетворили ходатайство «трудящихся»:

Столица — и со времени создания ее городской совет — получили бесчисленное множество писем трудящихся, в которых те просили назвать именем Ленина проспект в Будапеште. Исполком Городского совета на заседании во вторник (17 октября. — *Б. В.*) рассмотрел ходатайства трудящихся и в рамках своих полномочий постановил, что 7 ноября отрезок большого бульварного кольца от вокзала Нюгати до просп. Ракоци будет отныне носить имя Ленина⁶².

⁶¹ HU-BFL. XXIII. 102a. 9. k. 121–122, 143; см. также: Fazekas 2024: 261.

⁶² Szabad Nép. 1950. 18 X: 8; заявление было напечатано в: Népszava. 1950. 18 X: 3; Magyar Nemzet. 1950. 18 X: 1; Friss Ujság. 1950. 19 X: 5; Kis Ujság. 1950. 19 X: 2.

После первых выборов в местные советы в Будапеште, состоявшихся 22 октября 1950 г., на учредительном заседании Городского совета 3 ноября взял слово секретарь будапештского парткома Иштван Хидаш (1918–2002):

Пользуясь случаем, предлагаем от имени совета, чтобы отрезку большого бульварного кольца было присвоено имя вождя Великой Октябрьской Социалистической Революции товарища Ленина, старорежимное же название Октогон предлагаем заменить на “площадь 7 ноября”.

Выражение «старорежимный Октогон» показывает, что переименованиями городских объектов коммунистический режим символически отвоёвывал публичное пространство для демонстрации силы и легитимации власти. В заключительной речи на заседании К. Понграц, между прочим, заявил:

Мы тогда оправдаем доверие наших избирателей, если трудовой народ Будапешта увидит по работе горсовета, что в этой стране, в этом городе вся власть принадлежит им, что все делается для трудящихся. <...> Выборный совет <...> должен поощрять инициативы трудящихся, претворять их в жизнь.

В конце выступления он сказал: «Трудящиеся единого Будапешта давно и все чаще просят», чтобы именем Ленина и в честь 7 ноября были названы соответствующие их величию улицы города. «Думаю, что для нас это очень почетное задание — на первом заседании горсовета, за несколько дней до великой годовщины — рассмотреть такое обращение трудящихся». Далее Понграц предложил, чтобы отрезок большого бульварного кольца от площади Маркса до проспекта Ракоци был переименован в бульвар Ленина, а площадь Октогон (*Oktogon*) — в площадь 7 ноября (*November 7. tér* / Ноябрь-хетедике-тер). Собрание поддержало инициативу, Понграц заявил, что переименования вступят в силу в годовщину Октябрьской революции⁶³. Этой двойной резолюцией (включавшей повторное присвоение имени Ленина отрезку бульварного кольца) вновь созданный горсовет символически легитимировал себя перед избирателями: на первом же заседании было

⁶³ HU-BFL XXIII. 101a. 1. k. 19–24. Примеры символического присвоения публичного пространства см.: Gyáni 1994: 85–107; Vörös 2009: 17–33.

реализовано их требование назвать объекты инфраструктуры Будапешта в честь основателя Советского государства и революционного события, ставшего точкой отсчета его существования — символическое присвоение публичного пространства должно было выразить единство «масс» и их «вождей», что соответствовало идеологии диктатуры. В газетных репортажах о заседании горсовета отразился процесс легитимации партийно-государственного решения⁶⁴, что касается статьи, вышедшей на страницах печатного органа столичной организации ВПТ *Világosság* («Ясность»), суть принятых решений транслировалась уже в заголовке: «Вновь созданный горсовет Будапешта приступил к работе. Именем Ленина назван отрезок большого бульварного кольца, новое имя Октогона — площадь 7 ноября»⁶⁵.

На заседании Будапештского горсовета по случаю очередной годовщины революции 6 ноября 1950 г. К. Понграц произнес речь:

Наконец, благодаря всемирно значимой победе Октябрьской революции, <...> в столице нашей родины, строящей социализм, непреходящую славную память о товарище Ленине и 7 ноября будут хранить бульвар и площадь⁶⁶.

После заседания на площади Октогон прошли праздничные мероприятия, посвященные переименованиям объектов города в площадь 7 ноября и бульвар Ленина. Газета *Népszava* («Народное слово») поместила речь заместителя председателя исполкома столичного горсовета Ференца Незвала (1909–1987):

Трудящиеся фабрик и учреждений столицы направили тысячи писем в горсовет Будапешта с просьбой назвать участок бульвара от площади Маркса до проспекта Ракоци именем Ленина, всемирно известного гениального революционера, в знак признательности по случаю 33-й годовщины пролетарской революции. Горсовет Будапешта удовлетворил эту просьбу, чтобы тем самым выразить признательность великому Советскому Союзу за помощь и жертвы, которые он принес ради независимости и свободы нашей родины в борьбе с фашизмом⁶⁷.

⁶⁴ См.: Szabad Nép. 1950. 4 XI: 5; Népszava. 1950. 4 XI: 7.

⁶⁵ Világosság. 1950. 4 XI: 7.

⁶⁶ HU-BFL. XXIII. 101a. 1. k. 10.

⁶⁷ Népszava. 1950. 7 XI: 12. Об оформлении места праздничных мероприятий в статье говорилось: «На углу Октогона, украшенного красными стягами, две

В речах 17 октября и 3 ноября Понграц не назвал в качестве причины для присвоения бульвару имени Ленина благодарность Советскому Союзу⁶⁸. Речь Незвала, таким образом, развивала аргументацию процедуры переименования в соответствии с насущными потребностями пропаганды.

Заключение

История с присвоением имени Ленина бульвару в Будапеште сама по себе в более общем смысле иллюстрирует многие особенности функционирования политической пропаганды. Оценки и высказывания, сформулированные идеологами режима и опубликованные в партийных изданиях, доводились до отдельных граждан и общественных групп, которые могли использовать их для выражения собственных идей посредством писем и ходатайств. Эти тексты использовались идеологами режима в пропаганде, направленной на укрепление собственной легитимности: на них ссылались, оправдывая свои действия, такие как присвоение новых имен бульвару и площади, и, описывая процедуру в своих изданиях, представляли отдельным гражданам и общественным группам новые пропагандистские элементы, соответствующие их прежним позициям и оценкам. Специфический обмен мнениями между идеологами и обществом, а также символическое присвоение пространства посредством переименований были направлены на укрепление политико-идеологической легитимности диктатуры. Описание и анализ этого специфического цикла может внести вклад не только в понимание политической пропаганды, но и в понимание функционирования различных культов, как политических, так и литературных⁶⁹.

Перевод с венгерского О. В. Хавановой

свежевыкрашенные эмалированные таблички в окружении сосновых веток провозглашали "Новембер-хетедике-тер" и "Ленин-кёрут"».

⁶⁸ См. сн. 61 и 63 и связанные с ними фрагменты основного текста.

⁶⁹ В основу данной статьи положено более раннее исследование на венгерском языке, см.: Vörös 2008: 561–579.

Список сокращений

ВПТ — Венгерская партия трудящихся

ЦР — Центральное руководство

HU-BFL — Budapest Főváros Levéltára, Budapest (Архив города Будапешта)

HU-MNL-OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest (Государственный архив Венгерского национального архива)

Список переименований, упомянутых в статье

Аппони, пл. (*Apponyi tér* / Аппони-тер) — ныне часть площади Францисканцев (*Ferenciek tere* / Ференциек-тере).

Октогон (Oktogon) — в 1950 г. переименована в площадь 7 ноября (November 7. tér / Новембер-хетедике-тер), в 1990 г. возвращено историческое название.

Селла Калмана, пл. (*Széll Kálmán tér* / Селл-Калман-тер) — в 1951–2011 гг. площадь Москвы (*Moszkva tér* / Москва-тер).

Сталина, пл. (*Sztálin tér* / Сталин-тер) — в 1953–1990 гг. площадь Энгельса (*Engels tér* / Энгельс-тер), в 1990 г. площадь Елизаветы (*Erzsébet tér* / Эржебет-тер).

Сталина, просп. (*Sztálin út* / Сталин-ут) — в 1957–1990 гг. проспект Народной республики (*Népköztársaság útja* / Непкэзтаршашаг-утья), в 1990 г. возвращено историческое название проспект Андраши (*Andrássy út* / Андраши ут).

Сталина, мост (*Sztálin híd* / Сталин-хид) — 7 ноября 1950 г. открыт под именем мост Сталина, ныне мост Арпада (*Árpád híd* / Арпад-хид).

Терез-кёрут (Teréz körút / бульвар Терезии) — в 1950 г. стал частью Ленин-кёрут, в 1990 г. возвращено историческое название.

Толбухин-кёрут (Tolbuhin körút / бульвар Толбухина) — в 1990 г. возвращено историческое название Вамхаз-кёрут (*Vámház körút* / Таможенный бульвар).

Энгельс-тер (*Engels tér* / пл. Энгельса), в 1990 г. возвращено историческое название Эржебет тер (*Erzsébet tér* / пл. Елизаветы).

Эржебет кёрут (Erzsébet körút / бульвар Елизаветы) — в 1950 г. стал частью Ленин-кёрут, в 1990 г. возвращено историческое название.

Список литературы

Вёрёш 2018 — Вёрёш Б. Исторические деятели при новых режимах: монументальная пропаганда в Советской России и Венгерской советской республике в 1917–1919 гг. // *Historia Provinciae* — журнал региональной истории. 2018. № 4. С. 199–239.

- Apor 2017 — *Apor B.* The invisible shining. The cult of Mátyás Rákosi in Stalinist Hungary, 1945–1956. Budapest; New York: Central European University Press, 2017. 338 p.
- Dávidházi 2002 — *Dávidházi P.* The romantic cult of Shakespeare. Literary reception in anthropological perspective. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2002. 240 p.
- Ennker 1997 — *Ennker B.* Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1997. 379 p.
- Fazekas 2024 — *Fazekas Zs.* Szocialista identitás és ünnepstruktúra a Rákosi-rendszer Magyarországon. PhD-disszertáció kézírata. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem, Bölcsészettudományi Kar, 2024. 461 old. (рукопись).
- Gerő 2006 — *Gerő A.* Imagined history. Chapters from nineteenth and twentieth century Hungarian symbolic politics. Boulder (Colo.); Wayne (N.J.); New York: Center for Hungarian Studies and Publications, Inc., 2006. 403 p.
- Gyáni 1994 — *Gyáni G.* Uses and misuses of public space in Budapest: 1873–1914 // Budapest and New York. Studies in metropolitan transformation: 1870–1930 / ed. by T. Bender, C.E. Schorske. New York: Russell Sage Foundation, 1994. P. 85–107.
- Holló 1995 — *Holló Sz. A.* Hősök és mondák az utcanévadásban // Néprajzi Értésítő. 1995. 221–250. old.
- Klimó 2003 — *Klimó Á.* Nation, Konfession, Geschichte. Zur nationalen Geschichtskultur Ungarns im europäischen Kontext (1860–1948). München: R. Oldenbourg, 2003. 453 S.
- Nikitscher 2014 — *Nikitscher P.* Tér, hatalom, szimbólumok: hatalmi önreprezentáció és szimbolikus térfoglalás Budapesten a városegysítéstől napjainkig // Tér-rétegek: tanulmányok a 21. század térfordulatairól / szerk. A. Düll, É. Izsák. Budapest: L'Harmattan, 2014. 77–102. old.
- Romsics 2010 — *Romsics I.* Hungary in the twentieth century. Budapest: Corvina; Osiris, 2010. 513 p.
- Szívós 2020 — *Szívós E.* Orte der Erinnerung, Plätze des Protests. Gedächtnis und politische Aktionen im städtischen Raum Budapests in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts // Wien — Budapest. Stadträume des 20. Jahrhunderts im Vergleich / hrsg. von M. Tamáska, B. Rief-Vernay. S.l.: Praesens, 2020. S. 513–536.
- Tumarkin 1997 — *Tumarkin N.* Lenin lives! The Lenin cult in Soviet Russia. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1997. 337 p.
- Varga 1997 — *Varga L.* The devastation of Budapest in war and its role in the revolution, 1945–1956 // Budapest. A history from its beginnings to 1998 / ed. by A. Gerő, J. Poór. Highland Lakes (New Jersey): Atlantic Research and Publications, Inc., 1997. P. 191–232.
- Velikanova 1996 — *Velikanova O.* Making of an idol. On uses of Lenin. Göttingen; Zürich: Muster-Schmidt, 1996. 179 p.

- Vörös 1992 — Vörös B. Mitikus hős és példakép. Lenin-kép a hazai általános iskolákban az 1940-es évek végétől 1953-ig. // *Mozgó Világ*. 1992. № 2. 14–27. old.
- Vörös 2008 — Vörös B. “Leninről nevezzük el a nagykorút egyik szakaszát”. A politikai propaganda működése a budapesti Lenin körút elnevezésénél // *Parasztkok és polgárok. Tanulmányok Tóth Zoltán 65. születésnapjára* / szerk. G. Czoch, G. K. Horváth, P. Pozsgai. Budapest: KORALL Társadalomtörténeti Egyesület, 2008. 561–579. old.
- Vörös 2009 — Vörös B. Verschiedene politische Mächte — in derselben Hauptstadt. Symbolische Raumbesetzungen in Budapest 1918–1919 // *Massenfeste. Ritualisierte Öffentlichkeiten in der mittelosteuropäischen Moderne* / hrsg. von K. Csúri, M. Orosz, Z. Szendi. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. S. 17–33.

References

- Apor, B., 2017. *The invisible shining. The cult of Mátyás Rákosi in Stalinist Hungary, 1945–1956*. Budapest; New York: Central European University Press, 338 p.
- Dávidházi, P., 2002. *The romantic cult of Shakespeare. Literary reception in anthropological perspective*. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 240 p.
- Ennker, B., 1997. *Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 379 p.
- Fazekas, Zs., 2024. *Szocialista identitás és ünnepstruktúra a Rákosi-rendszer Magyarországon*. PhD-disszertáció kézírata. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem, Bölcsészettudományi Kar, 461 p. (manuscript).
- Gerő, A., 2006. *Imagined history. Chapters from nineteenth and twentieth century Hungarian symbolic politics*. Boulder (Colo.); Wayne (N.J.); New York: Center for Hungarian Studies and Publications, Inc., 403 p.
- Gyáni, G., 1994. Uses and misuses of public space in Budapest: 1873–1914. In: Bender, T., Schorske, C. E., eds. *Budapest and New York. Studies in metropolitan transformation: 1870–1930*. New York: Russell Sage Foundation, pp. 85–107.
- Holló, Sz. A., 1995. Hősök és mondák az utcánévadásban. *Néprajzi Értesítő*, pp. 221–250.
- Klimó, Á., 2003. *Nation, Konfession, Geschichte. Zur nationalen Geschichtskultur Ungarns im europäischen Kontext (1860–1948)*. München: R. Oldenbourg, 453 p.
- Nikitscher, P., 2014. Tér, hatalom, szimbólumok: hatalmi önreprezentáció és szimbolikus térfoglalás Budapesten a városegysítéstől napjainkig. In: Dúll, A., Izsák, É., eds. *Tér-rétegek: tanulmányok a 21. század térfordulatairól*. Budapest: L'Harmattan, pp. 77–102.
- Romsics, I., 2010. *Hungary in the twentieth century*. Budapest: Corvina; Osiris, 513 p.

- Szívós, E., 2020. Orte der Erinnerung, Plätze des Protests. Gedächtnis und politische Aktionen im städtischen Raum Budapests in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts. In: Tamáska, M., Rief-Vernay, B., eds. *Wien — Budapest. Stadträume des 20. Jahrhunderts im Vergleich*. S. l.: Praesens, pp. 513–536.
- Tumarkin, N., 1997. *Lenin lives! The Lenin cult in Soviet Russia*. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 337 p.
- Varga, L., 1997. The devastation of Budapest in war and its role in the revolution, 1945–1956. In: Gerő, A., Poór, J., eds. *Budapest. A history from its beginnings to 1998*. Highland Lakes (New Jersey): Atlantic Research and Publications, Inc., pp. 191–232.
- Velikanova, O., 1996. *Making of an idol. On uses of Lenin*. Göttingen; Zürich: Muster-Schmidt, 179 p.
- Vörös, B., 1992. Mitikus hős és példakép. Lenin-kép a hazai általános iskolákban az 1940-es évek végétől 1953-ig. *Mozgó Világ*, 2, pp. 14–27.
- Vörös, B., 2008. “Leninről nevezzük el a nagykörút egyik szakaszát”. A politikai propaganda működése a budapesti Lenin körút elnevezésénél. In: Czoch, G., Horváth, G. K., Pozsgai, P., eds. *Parasztok és polgárok. Tanulmányok Tóth Zoltán 65. születésnapjára*. Budapest: KORALL Társadalomtörténeti Egyesület, pp. 561–579.
- Vörös, B., 2009. Verschiedene politische Mächte — in derselben Hauptstadt. Symbolische Raumbesetzungen in Budapest 1918–1919. In: Csúri, K., Orosz, M., Szendi, Z., eds. *Massenfeste. Ritualisierte Öffentlichkeiten in der mitteleuropäischen Moderne*. Frankfurt a./Main: Peter Lang, pp. 17–33.
- Vörös, B., 2018. Historical figures under the new regimes: “Monumental Propaganda” in Soviet Russia and in the Soviet Republic of Hungary in 1917–1919. *Historia Provinciae — Journal of Regional History*, 4, pp. 199–239. (in Rus.)

Boldizsár Vörös

PhD, Senior Research Fellow, Institute of History, Research Centre for the Humanities, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary. 1097, Tóth Kálmán utca, 4. E-mail: voros.boldizsar@htk.elte.hu

The Cult of the Leader in Newspaper Articles, Speeches and Letters: The Naming of Lenin Boulevard in Budapest and the Functioning of Political Propaganda

In the late 1940s, the Communists seized power in Hungary and soon established a Stalinist-type dictatorship. One of the most important figures in the pantheon of the new regime was Vladimir Lenin, but until the autumn of 1950, the authorities did not name any public space in Budapest's central districts after him, whose symbolic significance would speak of the greatness of the leader of the world proletariat. This was all the more surprising to contemporaries because by then many streets and squares in the heart of the city bore the names of Soviet politicians and military officers. Because of the importance attached to the cult of Lenin in the propaganda of the dictatorial regime and the absence of the leader's name on the map of the centre of the capital, individuals and groups of citizens alike began to approach the competent authorities with proposals to name a place in Budapest in honour of the revolutionary that corresponded to his greatness. The authors of the letters tried their best to adapt their arguments to the real or perceived expectations of the authorities. In this context, it is reasonable to ask: how did individual citizens and entire social groups begin to express the opinions and assessments broadcast by the ideologists of the communist regime? How were the architects of public opinion able to use the initiatives addressed to the competent authorities for propaganda aimed at strengthening the legitimisation of existing social relations? This phenomenon can be observed in the example of the naming of Lenin Boulevard in Budapest in 1950, one of the capital's central streets, in honour of the founder of the system. In this case, a two-way relationship was formed between the architects of public opinion and other groups of society, and their individual members, which, like the symbolic appropriation of space by the naming, was designed to reinforce the political and ideological legitimacy of the dictatorship. Describing and analysing this specific process can contribute not only to an understanding of the functioning of political propaganda, but also to an understanding of the functioning of various cults.

Keywords: twentieth-century history, Hungary, Budapest, propaganda, cult, re-naming of urban places, letters to the appropriate authorities

Received: 9 March 2025

Accepted: 1 July 2025

How to cite: Vörös, B., 2025. Kul't vozhdia v gazetnykh stat'iakh, rechakh i pis'makh: poiavlenie bul'vara Lenina v Budapeshte i mekhanizmy politicheskoi propagandy. *Central-European Studies*, 8, pp. 308–336. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.11>

Анна Романовна Лагно

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: a.lagno@inslav.ru

Город в политическом дискурсе мэра Варшавы Рафала Тшасковского

С 2023 г. политический календарь Польши был заполнен чередой выборов — одна избирательная кампания почти сразу же сменяла другую: сначала выборы в Сейм и Сенат, затем в местные органы самоуправления, через месяц — в Европейский парламент и, наконец, выборы президента. Несмотря на усилия других политических сил изменить расстановку, польская политическая сцена остается практически полностью под контролем двух партий — «Права и справедливости» и «Гражданской платформы», за которые на протяжении последних двадцати лет стабильно голосует более половины избирателей. В научной литературе высказывается гипотеза, что устойчивое разделение в польском обществе во многом поддерживается за счет особенностей политического дискурса, поскольку обращение к глубоко укоренившимся источникам общественного напряжения позволяет политикам мобилизовать и удерживать электорат. В этом контексте представляет интерес дискурс мэра Варшавы и одного из лидеров «Гражданской платформы» Рафала Тшасковского в ходе кампании в органы местного самоуправления (февраль — апрель 2024 г.), который стал предметом исследования в данной статье. Особое внимание уделено репрезентации политических соперников и их электората, а также стратегиям формирования образа города и его жителей. Результаты исследования продемонстрировали, что в дискурсе Тшасковского прослеживается двойственность: с одной стороны — он обращается к гуманистическим и инклюзивным ценностям, с другой — его высказывания укоренены в логике «польско-польской войны» и строятся на противопоставлении «мы» и «они». Партия ПиС представляется не как равноправный участник политического процесса, а как экзистенциальная угроза демократии и общественному согласию. Вместе с тем высказывания, посвященные городской повестке, звучат заметно мягче: акцент сделан на общие ценности и позитивные инициативы. Возможно, в этом контексте, ориентированном на «свою» аудиторию, агрессивная конфронтация воспринимается как избыточная, а политическая мобилизация достигается за счет утверждения образа города как пространства свободы и диалога.

Ключевые слова: Польша, выборы, местное самоуправление, политическая поляризация, популизм, «Гражданская платформа», «Право и справедливость», дискурс-анализ

Статья поступила в редакцию: 29 июля 2025 г.

Статья принята к публикации: 19 августа 2025 г.

Цитирование: Лагно А.Р. Город в политическом дискурсе мэра Варшавы Рафала Тшасковского // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 337–364. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.12>

Во второй половине 2023 — начале 2024 г. политическая жизнь в Польше была весьма насыщенной, одна избирательная кампания почти сразу же сменяла другую: сначала прошли выборы в парламент, потом в местные органы самоуправления и наконец в законодательный орган Европейского союза. Выборы в Сейм и Сенат, помимо того, что продемонстрировали рекордную явку в истории Третьей Польской республики (74,38% и 74,31% соответственно¹), а также устойчивость демократии в стране, в который раз зародили надежду на скорое окончание «польско-польской войны»². Так, председатель партии «Гражданская платформа» Дональд Туск поклялся, что на следующий же день после выборов «польско-польская война» завершится³. Эта «война» ведется вот уже двадцать лет между двумя политическими партиями: ПиС и ГП, за которые устойчиво голосуют более половины польских избирателей (см. рис. 1). Выражается она в регулярном обмене оскорбительными и уничижительными публичными комментариями в отношении действий друг друга, в нежелании сотрудничать и идти на компромиссы. Военные метафоры, такие как «холодная гражданская война», «атака», «боевые действия», «мохеровые береты», «враждебный лагерь», достаточно часто встречаются в риторике политиков и отражают крайне высокий уровень

¹ PKW. URL: <https://sejmsenat2023.pkw.gov.pl/sejmsenat2023/> (дата обращения: 15.07.2025).

² Выражение «польско-польская война» широко используется политиками и публицистами и обозначает состояние глубокой политической и общественной поляризации, характеризующееся демонизацией оппонентов, отказом от компромиссов и тенденцией к постоянному обострению конфликта. Подробнее см.: Лагно, Михайлова 2020; Wielgosz 2019; Лыкошина 2015.

³ *Stelmaszczyk M.* Ważna deklaracja Tuska na Marszu Miliona Serc. „Ślubuje zakończenie wojny” // Radio Zet. 01.10.2023. URL: <https://wiadomosci.radiozet.pl/polska/polityka/wazna-deklaracja-tuska-na-marszu-miliona-serc-slubuje-zakonczenie-wojny> (дата обращения: 15.07.2025).

напряженности и конфликтности. Несмотря на то, что лидеры обеих партий уже давно признали, что «польско-польская война» раскалывает общество, однако 15 октября 2023 г. не стало ее последним днем; жесткое противостояние между ПиС и ГП продолжилось и во время последующих избирательных кампаний.

Исследователи задаются вопросом, чем обусловлена столь выраженная поляризация польского общества. По мнению политолога Хуберта Твожецкого, у поляков укоренилось представление о несправедливом распределении материальных благ, в чем решающую роль сыграла не столько объективная социально-экономическая ситуация, сколько политический дискурс. В подтверждение этой гипотезы приводятся следующие аргументы: уровень экономического неравенства в Польше умеренный по европейским меркам и низкий по мировым; олигархизация не представляет серьезной проблемы (доля состояния миллиардеров в ВВП составляет лишь 1,3% — один из самых низких показателей в мире); другие социально-экономические индикаторы также не свидетельствуют о глубоких расколах⁴.

Политолог Петр Боровец утверждал, что ключевую роль в процессе общественного разделения играет политический дискурс. Хотя поляризация во многом обусловлена объективными характеристиками социального порядка, не менее важно и субъективное восприятие — особенно связанное с коллективными обидами и представлениями о несправедливости, будь то реальными или воображаемыми⁵. Политические акторы активно эксплуатируют эти установки, поскольку обращение к глубоко укоренившимся источникам напряженности позволяет им обеспечить устойчивую электоральную поддержку. Так, в дискурсе ПиС центральное место занимает противопоставление различных образов Польши: либеральной и солидарной, «Польша А» и «Польша Б», западной и восточной, сельской и городской⁶. В связи с этим особый интерес представляет то, как ГП реагирует на подобную дискурсивную стратегию: предлагает ли собственную альтернативную рамку интерпретации или, напротив, воспроизводит бинарные оппозиции, тем самым усиливая социально-политическую поляризацию?

⁴ Tworzecki 2019: 98–99.

⁵ Borowiec 2023: 199.

⁶ Подробнее см.: Borowiec 2024.

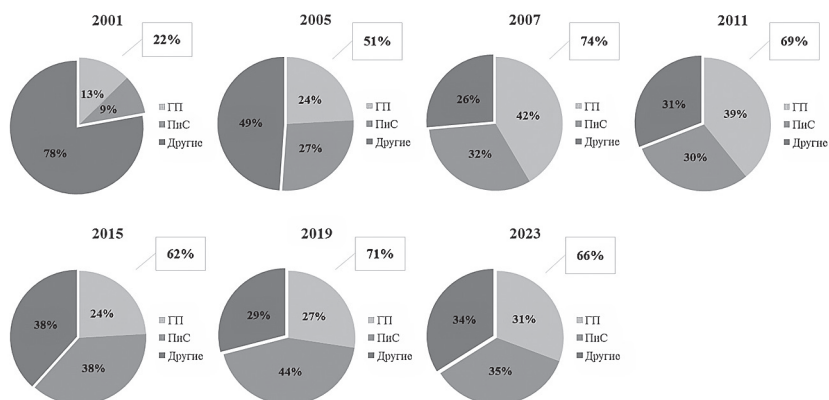

Рис. 1. Результаты выборов в польский парламент, 2001–2023 гг.

Источник: PKW

Конкурентная электоральная борьба предполагает противопоставление политических соперников друг другу, а в период избирательных кампаний критика оппонентов становится особенно жесткой. В парламентской кампании 2023 г. Гражданская коалиция⁷ последовательно критиковала восьмилетнее правление ПиС (2015–2023 гг.), но одновременно предложила и позитивный образ — нарратив «улыбающейся Польши» (*uśmiechnięta Polska*), символом которого стало бело-красное сердечко. Политики коалиции подчеркивали стремление к взаимопониманию, готовность к компромиссам, а также важность таких ценностей, как толерантность, эмпатия, свобода, равенство, ответственность, уважение к различиям, используя их для конструирования образа открытой, инклюзивной и современной Польши⁸. По мнению исследователей, именно благодаря такой дискурсивной стратегии Туску удалось победить на парламентских выборах 2023 г. и стать премьер-министром Польши⁹. Все это оказало влияние и на последующую избирательную кампанию в органы местного самоуправления 2024 г.

⁷ Гражданская коалиция — альянс политических партий и движений, созданный для участия в выборах и сыгравший ключевую роль в смене власти в Польше в 2023 г.

⁸ Саp 2024: 16.

⁹ Sadura, Sierakowski 2025: 8.

Электоральная база ГП представлена жителями крупных городов, тогда как провинция, как правило, поддерживает ПиС, поэтому противопоставление «город — деревня» играет важную роль в политическом дискурсе, структурируя аргументы партий и мобилизуя избирателей. В этом контексте особый интерес представляет деятельность мэра Варшавы Рафала Тшасковского, который занимает этот пост с 2018 г. и был переизбран на второй срок в 2024 г., что позволяет говорить о его глубокой вовлеченности в городскую проблематику. Цель данного исследования — выявить дискурсивные стратегии, которые использует мэр Варшавы Рафал Тшасковский для описания политических оппонентов и их электората, а также столицы и ее жителей в контексте избирательной кампании в органы местного самоуправления 2024 г.

Структура статьи организована следующим образом: в первой части представлен краткий обзор научной литературы, посвященной проблематике языка в политике и исследованию политического дискурса, с акцентом на польский контекст. Далее я обращаюсь к характеристике системы местного самоуправления в Польше, а также к основным особенностям избирательной кампании 2024 г. В этом же разделе описаны использованные источники и обоснование выбранного методологического подхода. Вторая часть статьи посвящена стратегиям репрезентации политических оппонентов — политиков ПиС — и их электората, а также образу города и его символическим функциям в дискурсе мэра Варшавы Рафала Тшасковского.

Обзор литературы

Изучение политического дискурса представляет собой междисциплинарное направление, развивающееся на пересечении лингвистики, политических наук, истории и других социальных и гуманитарных дисциплин, в рамках которых сложилась обширная и теоретически насыщенная исследовательская традиция¹⁰. Язык является неотъемлемым инструментом категоризации и интерпретации политических явлений, и, как отмечают исследователи, его нейтральное использование в принципе невозможно¹¹. Изучение политического дискурса

¹⁰ Обобщение исследований политического дискурса, вышедших на английском языке за последние 20 лет см.: Randour, Perrez, Reuchamps 2020.

¹¹ Баранов и др. 2004: 4.

в конкретной стране позволяет выявить, как исторический и культурный контекст влияет на его формирование и использование.

Язык польской политики после трансформации политической системы 1989 г. неоднократно становился предметом научного интереса. В 2007 г. была опубликована монография филолога Ежи Бральчика, объединившая два его исследования, написанных в разные периоды¹². Первое из них, посвященное языковым особенностям польских письменных пропагандистских текстов 1970-х годов, было подготовлено еще в эпоху ПНР. Второе, анализирующее политический дискурс 1980–1990-х годов, относится уже к постсоциалистическому периоду. Исследователь пришел к выводу, что как язык коммунистической пропаганды, так и современный так называемый позитивный язык представляют собой внешние, заимствованные формы, которые не приживаются в польской культуре. В противоположность им, язык негативного описания — патетический или грубоватый — глубоко укоренен в национальной традиции и воспринимается как «свой», близкий и понятный обществу¹³. Казимеж Ожуг проанализировал развитие политического языка в Польше с 1989 по 2006 г. Он обратил внимание на постепенную брутализацию политического дискурса, особенно заметную с 2005 г., когда, по его наблюдениям, язык борьбы начал вытеснять язык диалога¹⁴.

Политический дискурс двух крупнейших политических партий в Польше — ГП и ПиС — также становился предметом научных изысканий. Лингвист Петр Кап сравнил ключевые дискурсивные и риторические стратегии, использовавшиеся ПиС в различных сферах политики в период их нахождения у власти с 2015 по 2023 г., с основными подходами трех оппозиционных партий в преддверии парламентских выборов 2023 г.¹⁵ Он пришел к выводу, что лидеры ПиС выработали свой уникальный популистский стиль, который сочетает классические приемы — антиэлитизм, идеологическую поляризацию, делегитимацию оппонентов — с более жесткими методами, в рамках которых политические конкуренты воспринимаются не как соперники, а как враги. Это, по его мнению, позволило усиливать ощущение постоянной угрозы и тем самым обеспечило ПиС длительное

¹² Bralczyk 2007.

¹³ Bralczyk 2007: 351.

¹⁴ Ożóg 2008.

¹⁵ Cap 2024.

политическое лидерство. Петр Боровец описал различные стратегии поляризации по схеме «мы — они», которые использовались политическими акторами во время предвыборной кампании 2023 г.¹⁶ В частности, он обратил внимание на такие противопоставления, как «Польша ненависти» — «Польша любви», которые активно использовал Рафал Тшасковский. Избирателям предлагался выбор между солидарной, «улыбающейся Польшей» оппозиции и истеричной, агрессивной Польшей ПиС. Тшасковский утверждал, что настоящий выбор граждан лежит между криком и тишиной, манипуляцией и разговором по существу, взглядом в прошлое и устремлением в будущее. Он, по наблюдениям Боровца, акцентировал внимание на культурных различиях, противопоставляя открытую, современную, европейскую Польшу — традиционалистскому и авторитарному государству, которое постоянно вмешивается в частную жизнь граждан¹⁷.

Анализ политического дискурса оппозиции в преддверии парламентских выборов 2023 г. позволяет обозначить рамки, в которых действовали ключевые фигуры ГП. Однако, несмотря на растущий интерес к изучению популистской и контрпопулистской риторики в общенациональном контексте, в значительно меньшей степени исследовалось то, как эти стратегии адаптируются и реализуются в рамках кампаний в органы местного самоуправления.

Выборы в органы местного самоуправления: контекст, источники и метод

Выборы в органы местного самоуправления в Польше, как правило, характеризуются более низкой явкой избирателей, чем парламентские или президентские. Тем не менее именно местные власти принимают решения, непосредственно влияющие на повседневную жизнь населения польских городов и сел, а мэры представляют интересы жителей на национальном уровне.

Реформа территориального самоуправления, начавшаяся в Польше после 1989 г., стала ключевым элементом демократической трансформации страны, ознаменовав переход от централизованной к децентрализованной системе управления, основанной

¹⁶ Borowiec 2024.

¹⁷ Borowiec 2024: 268.

на принципах субсидиарности, координации и свободных конкурентных выборов¹⁸. Реформа местного самоуправления проходила поэтапно, и ее ключевые элементы были реализованы к 1999 г., в результате чего установилась трехуровневая структура административно-территориального деления: гмина, повят и воеводство¹⁹. Как отмечают исследователи, план реформы местного самоуправления начал разрабатываться еще в 1980-е годы, в период ПНР, под руководством экономиста Ежи Регульского. Его труды впоследствии легли в основу большинства научных исследований в этой области, и уже на этом этапе польское гминное самоуправление формировалось с опорой на международные стандарты²⁰. Дополнительный импульс развитию самоуправления придал процесс подготовки к вступлению Польши в Европейский союз: к 2002 г. был завершен этап институционального формирования — так называемых системных изменений — в соответствии с нормами, зафиксированными в базовых европейских документах, регламентирующих организацию местной власти в демократических государствах²¹.

Избирательная кампания в органы местного самоуправления официально началась 29 января 2024 г. — после публикации распоряжения председателя Совета министров о проведении местных выборов. С этого момента кандидаты получили право вести агитацию²². Первый тур голосования состоялся 7 апреля, а второй — 21 апреля 2024 г. Кандидат от ГП Рафал Тшасковский (1972 г. р.) одержал победу на выборах мэра Варшавы уже в первом туре, получив 57,41 % голосов²³. Его основным соперником был молодой политик от ПиС Тобиаш Бохеньский (1987 г. р.), набравший 23,10 % голосов²⁴.

¹⁸ Макухин 2016: 67.

¹⁹ Michalewska-Pawlak 2014: 263.

²⁰ Kobielska 2015: 132.

²¹ Kobielska 2015: 124–125.

²² Rozporządzenie Prezesa Rady Ministrów z dnia 29 stycznia 2024 r. w sprawie zarządzenia wyborów do rad gmin, rad powiatów, sejmików województw i rad dzielnic m.st. Warszawy oraz wyborów wójtów, burmistrzów i prezydentów miast. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20240000109> (дата обращения: 15.07.2025).

²³ PKW. URL: <https://samorząd2024.pkw.gov.pl/samorząd2024/pl/wbp/kandydat/3417687> (дата обращения: 15.07.2025).

²⁴ Ibid. URL: <https://samorząd2024.pkw.gov.pl/samorząd2024/pl/wbp/kandydat/3707103> (дата обращения: 15.07.2025).

В качестве источников в исследовании использовались транскрипты выступлений Тшасковского на предвыборных съездах, проходивших с февраля по апрель 2024 г. и транслировавшихся на официальном *YouTube*-канале ГП²⁵. Всего он принял участие в восьми съездах, причем лишь дважды встречи проходили в Варшаве — городе, за пост мэра которого он боролся (см. табл. 1). Тшасковский, будучи не только мэром Варшавы, но и вице-председателем ГП, вел кампанию как на уровне столицы, так и в масштабах всей страны. Эта партийная должность предполагает активное участие в разработке и реализации стратегии партии, поэтому он регулярно выезжал в регионы, где выступал на предвыборных мероприятиях в поддержку других кандидатов

Таблица 1

Съезды ГП, транслировавшиеся на официальном *YouTube*-канале партии (февраль — апрель 2024 г.)

Дата	Город	Воеводство	Ссылка на трансляцию
<i>Первый тур</i>			
17.02.2024	Варшава	Мазовецкое	https://www.youtube.com/watch?v=VAQ67h4fpDo
02.03.2024	Пясеčno	Мазовецкое	https://www.youtube.com/watch?v=1omvbhRKsSo
09.03.2024	Пабянице	Лодзинское	https://www.youtube.com/watch?v=-aFwRShjG_w&t=1s
17.03.2024	Краков	Малопольское	https://www.youtube.com/watch?v=3eDI6vYtLlc&list=PLEDPkD0ndBpUrm0OKi6BryLDDWgzn2lpB&index=10
23.03.2024	Ольштын	Варминьско-Мазурское	https://www.youtube.com/watch?v=N5W4SOjeZVw&list=PLEDPkD0ndBpUrm0OKi6BryLDDWgzn2lpB&index=15&t=165s
05.04.2024	Варшава	Мазовецкое	https://www.youtube.com/watch?v=he4VRyNu_zc
<i>Второй тур</i>			
12.04.2024	Тарнув ²⁶	Малопольское	https://www.youtube.com/watch?v=GcX2LFcdYYA&list=PLEDPkD0ndBpUrm0OKi6BryLDDWgzn2lpB&index=18
13.04.2024	Краков	Малопольское	https://www.youtube.com/watch?v=3eDI6vYtLlc&list=PLEDPkD0ndBpUrm0OKi6BryLDDWgzn2lpB&index=9&pp=gAQBiAQb

²⁵ Официальный *YouTube*-канал ГП: <https://www.youtube.com/@PlatformaRP> (дата обращения: 15.07.2025).

²⁶ Во время этой трансляции сигнал пропал более чем на восемь минут.

от ГП, параллельно продвигая собственную программу переизбрания в Варшаве. В выступлениях он подчеркивал достоинства местных кандидатов, но часто описывал и собственный опыт мэра столицы, представляя его как пример успешного управления и доказательство эффективности политической стратегии партии в целом.

В данном исследовании для анализа политического дискурса используется подход Тёна ван Дейка, направленный на выявление механизмов, с помощью которых тексты поддерживают или оспаривают существующие социальные представления. Согласно его определению, *политический дискурс* можно рассматривать как форму публичной коммуникации, связанную с политическим процессом, в которой участвуют не только профессиональные политики и официальные институты (правительство, парламент, партии), но и другие акторы: граждане, медиа, общественные объединения, протестные движения и т.п. Контекст играет ключевую роль в определении политического дискурса, он охватывает не только тексты и речи²⁷ политиков, но и взаимодействие со всеми участниками публичной сферы «через особые события или практики, чьи цели, задачи или функции могут быть не исключительно, но по крайней мере преимущественно политическими»²⁸.

«Свои» и «чужие»: стратегия представления оппонентов и их электората

Тшасковский, как и многие другие политики, активно использовал стратегию противопоставления, выстраивая образ противников не просто как конкурентов, а как угрозу общественным интересам. Представители ПиС в его речах характеризовались лживыми, лицемерными и алчными; они стремятся лишь занять высокооплачиваемые должности, не имея при этом необходимой профессиональной подготовки и не проявляя никакой заинтересованности в развитии страны и благополучии граждан. Действительно, во время нахождения ПиС у власти (2015–2023 гг.) на ответственных должностях было немало людей, чье формальное образование — если оно вообще имелось — явно не соответствовало уровню занимаемых ими постов, тем

²⁷ В рамках дискурс-анализа термин *текст* (*text*) обозначает письменную форму дискурса, а *речь* (*talk*) — его устную форму (Chilton, Schäffner 2002: 16).

²⁸ Van Dijk 1997: 15.

не менее они продвигались по карьерной лестнице благодаря лояльности к председателю партии Я. Качиньскому. Как отметил историк Антони Дудек, символом подобной кадровой политики можно считать Даниэля Обайтка, генерального директора крупнейшей в Польше нефтеперерабатывающей компании «Орлен» в 2018–2024 гг.²⁹ Высшее образование он получил лишь за два года до назначения, в 2014 г., окончив Частную высшую школу охраны природы в Радоме по специальности «охрана окружающей среды»³⁰.

My wszyscy dobrze wiemy, że PiS i populiści, a w tych ostatnich miesiącach, tygodniach swojej władzy oni to udowodnili ponad wszelką wątpliwość, że im zależało tylko i wyłącznie na pieniądzach, tylko i wyłącznie na stanowiskach. Nie mieli żadnej idei, psuli wszystko, czego się dotknęli³¹.

Мы все хорошо знаем, что ПиС и популисты, а в последние месяцы и недели они это доказали вне всяких сомнений, что они заботились только и исключительно о деньгах, только и исключительно о должностях. У них не было никакой идеи, они портили все, к чему прикасались.

Соперники представлялись как полностью несостоятельные фигуры, в принципе неспособные сделать хоть что-то как следует. Подобная характеристика преподносилась как очевидная истина, не требующая аргументации: «мы все хорошо знаем», то есть поведение власти «в последние месяцы и недели» якобы само по себе служит исчерпывающим этому подтверждением.

Тшасковский обвинял ПиС в том, что они пытались подчинить себе органы местного самоуправления, если не напрямую, то хотя бы финансово. Его слова подтвердились в ряде исследований, указывающих на «ползущую централизацию»³² и систематическое перераспределение средств в пользу лояльных гмин³³.

²⁹ Dudek 2023: 630.

³⁰ Kwiecień Z. Jakie wykształcenie ma Daniel Obajtek? Tyle wystarczyło, żeby kierować Orlenem // Forsal.pl. 10.02.2024. URL: <https://forsal.pl/gospodarka/polityka/artykuly/9427924,jakie-wyksztalcenie-ma-daniel-obajtek-tyle-wystarczylo-zeby-kierowac.html> (дата обращения: 15.07.2025).

³¹ 17.02.2024. Варшава.

³² Подробнее см.: Dudek 2023: 669.

³³ Flis, Swianiewicz 2021.

Rząd PiSu był nastawiony przede wszystkim na to, żeby ograniczyć prawa samorządów, żeby wszystko scentralizować, żeby większość decyzji była podejmowana przez ministrów w Warszawie, a nie w naszych małych ojczyznach. I doprowadzić również do tego, żeby ograniczyć finansowanie samorządom. Odbierane były w przypadku Warszawy miliardy złotych, w przypadku innych miast, takich jak Tarnów, dziesiątki albo setki milionów złotych, a pieniądze były przyznawane tym, którzy myśleli w sposób podobny do rządzących³⁴.

Правительство Пис было нацелено прежде всего на то, чтобы ограничить полномочия органов самоуправления, чтобы все централизовать, чтобы большинство решений принималось министрами в Варшаве, а не в наших малых отечествах. И также все свести к тому, чтобы ограничить финансирование органов самоуправления. В случае с Варшавой были отобраны миллиарды злотых, у других городов, таких как Тарнув, — десятки или сотни миллионов, а деньги выделялись тем, кто мыслит так же, как те, кто был у власти.

Один из ключевых мотивов, прослеживающийся не только в речах Тшасковского, но и других представителей ГП, — это восприятие Пис не как легитимного политического оппонента, а как формации, которой в принципе не должно быть в демократической стране. Борьба с Пис представлена как схватка с идеологическим врагом, а не политическое соперничество, которое вписывалось бы в принятые стандарты демократической конкуренции. Как отметил П. Кап, стратегия, при которой оппоненты — как внутри страны, так и за ее пределами — представлены не как политические конкуренты, а как враги, позволяет обеим сторонам интерпретировать действия друг друга в качестве источника реальной и нарастающей угрозы³⁵.

Dla ludzi, którzy są zupełnie pozbawieni wiarygodności nie ma miejsca w polskiej polityce <...>. Przez te ostatnie lata, kiedy rządził PiS, było mnóstwo takich pytań: jak to jest? Czy Polska dalej jest demokratyczna? Czy naprawdę

Для людей, которые полностью лишены доверия, нет места в польской политике <...>. За эти последние годы, когда правил Пис, возникало множество подобных вопросов: как же так? Является ли Польша по-прежнему демократической страной? Стоит ли

³⁴ 12.04.2024. Тарнув.

³⁵ Кап 2024: 2.

warto będzie wstawać i bronić Polski? Czy ona jest częścią cywilizacji Zachodu?³⁶

действительно подниматься и защищать Польшу? Является ли она частью западной цивилизации?

В этих словах Тшасковского отчетливо прослеживается отказ признавать политику ПиС демократической. Более того, он намекает, что правление партии Качиньского отдалило Польшу от демократических стандартов и приблизило к авторитаризму, поставив под сомнение ее принадлежность к цивилизованному миру. Демократия в таком дискурсе связывается с нормальностью и цивилизованностью, а отклонение от нее — с деградацией политической системы.

Тшасковский последовательно называл представителей ПиС популистами, в его речи партия Качиньского предстает не просто политическим противником, а разрушительной силой, своего рода воплощением зла, с которым необходимо покончить, чтобы появилась возможность восстановить нормальное функционирование государства.

Trzeba zakończyć erę populizmu, pogonić zło po to, żeby móc budować. Po to, żeby móc odbudowywać zaufanie, ale przede wszystkim wspólnotę³⁷.

My to musimy zmienić. Tylko poprzez odbijanie sejmików. I ja wam to gwarantuję, że to będzie naprawdę kolejny krok do tego, żeby populiści, żeby PiS się już nigdy nie podniósł. Pewnie będzie jakaś partia prawicowa. Miejmy nadzieję, że ciut bardziej demokratyczna, jest na to szansa³⁸.

Необходимо покончить с эпохой популизма, изгнать зло для того, чтобы можно было строить. Для того, чтобы можно было восстановить доверие, а прежде всего — взаимопонимание.

Мы должны это изменить. Только отвоевав сеймики. Я вам это гарантирую, что это будет на самом деле очередной шаг к тому, чтобы популисты, чтобы ПиС больше никогда не смог подняться. Наверное, будет какая-то правая партия. Будем надеяться, что хотя бы немного более демократичная, есть такой шанс.

Нельзя сказать, что обвинения партии Качиньского и его самого в популизме не обоснованы, эта тема широко обсуждается в научной

³⁶ 23.03.2024. Ольштын.

³⁷ 17.02.2024. Варшава.

³⁸ 05.04.2024. Варшава.

литературе³⁹. Склонность к упрощенным решениям сложных социальных и политических проблем является характерной чертой популистских стратегий. Однако такие приемы не чужды и «демократической коалиции»; так, в предвыборной кампании Тшасковский сделал ставку на мобилизацию электората, убеждая в неизбежности победы добра над злом: «Если мы обеспечим такую же явку (как на выборах в парламент 15 октября 2023 г. — А.Л.), мы выиграем эти выборы»⁴⁰. Ход дальнейших событий продемонстрировал, что кажущаяся легкость и неизбежность победы над ПиС не оправдалась. Наиболее болезненным последующим поражением — как для Тшасковского, так и для всей правительственной коалиции — стал проигрыш кандидату от ПиС Каролю Навроцкому на президентских выборах в июне 2025 г.⁴¹

Высказывания Тшасковского носили жесткий, категоричный характер, однако, несмотря на эмоционально насыщенную и конфронтационную речь, он сохранил уважение к демократическим процедурам, по его мнению, поражение ПиС неизбежно — достаточно лишь победить на выборах:

Dlatego właśnie trzeba wygrać wybory samorządowe, dlatego że, jeżeli odsuniemy PiS od władzy również w regionach, to nie będzie tych stanowisk do rozdawania, nie będą mogli zatrudniać poeciów. I ta partia w związku z tym zacznie się kończyć⁴².

Именно поэтому необходимо выиграть выборы в органы местного самоуправления, потому что если мы отстраним ПиС от власти также и в регионах, то у них не останутся этих должностей, которые можно было бы раздавать, они не смогут трудоустраивать своих родственников. И эта партия в связи с этим постепенно исчезнет.

Одной из ключевых тем предвыборной кампании Тшасковского была идея «победы во всех регионах страны», что отражено

³⁹ Krzyżanowski 2020; Przyłęcki 2012.

⁴⁰ 17.02.2024. Варшава.

⁴¹ Разрыв между двумя кандидатами составил менее двух процентов: Тшасковский — 49,11 %, Навроцкий — 50,89 %, при этом явка во втором туре составила 71,63 % (ср. с явкой на парламентских выборах — 74,38 %). PKW. URL: <https://wybory.gov.pl/prezydent2025/pl/2/wynik/pl> (дата обращения: 15.07.2025).

⁴² 23.03.2024. Олыштын.

в повторяющемся в его выступлениях лозунге: «Мы должны победить в большинстве городов, небольших населенных пунктах и в польской деревне». Подчеркивалась необходимость выхода за рамки традиционного электорального ядра ГП, которое в значительной степени сосредоточено в крупных городах, а также слабая поддержка партии в сельских регионах и малых городах, которую на протяжении многих лет не удастся преодолеть. В противоположность этому, ПиС продемонстрировал там высокую эффективность. Так, на президентских выборах 2020 г. Анджей Дуда получил 63,2% голосов в сельской местности, тогда как Тшасковский — 36,8%; а вот в крупных городах ситуация была обратной: за последнего проголосовало 66,5% избирателей⁴³.

Интересным аспектом рассматриваемой темы являются размышления Тшасковского о характере электорального поведения жителей крупных городов. С определенным разочарованием он констатирует, что даже там немалую поддержку получает ПиС:

[C]zęsto było tak, że PiS miał swoich zwolenników również w dużych miastach, 20–30%. Im się też należy szacunek. My jako samorządowcy budujemy miasto dla wszystkich. Warszawa dla wszystkich. Ale były takie gminy, w których naprawdę przez tą PiS-owską propagandę na siłę demokratyczne głosowało 15%⁴⁴.

[Ч]асто бывало так, что у ПиС были свои сторонники и в крупных городах, 20–30%. Их тоже надо уважать. Мы, как представители местного самоуправления, строим город для всех. Варшава — для всех. Но были и такие гмины, где из-за пропаганды ПиС за демократические силы действительно голосовало лишь 15%.

В качестве основного объяснения того, почему, несмотря на традиционно высокую поддержку ГП в крупных городах, определенная часть жителей этих городов тем не менее голосует за ПиС, Тшасковский указал на воздействие пропаганды, которая, по его мнению, влияет на восприятие и выбор граждан. Тем самым создавалось представление о том, что ПиС вводит в заблуждение избирателей, которые не могут самостоятельно и осознанно разделять идеи и ценности этой политической силы, поскольку последняя, как подчеркивается в высказываниях

⁴³ Dudek 2023: 704.

⁴⁴ 05.04.2024. Варшава.

Тшасковского, по своей природе недемократична и деструктивна для политической системы. В то же время он утверждал, что уважение должно быть проявлено ко всем избирателям, независимо от их политических предпочтений: «Мы строим город для всех». Однако формулировка «их тоже надо уважать» воспринимается скорее как нормативное предписание, чем как выражение подлинной готовности к диалогу. Безличная конструкция создает ощущение дистанции и возможной внутренней неуверенности, особенно в сравнении с более персонализированной формой, например: «мы уважаем их и их выбор». Здесь акцент смещается не на субъекта действия, а на абстрактную необходимость, продиктованную логикой демократического включения.

В рамках избирательной кампании Тшасковский, как и многие (если не все) политики, постоянно критикует оппонентов. Вместе с тем возникает вопрос: отмечает ли он их достижения хотя бы в отдельных областях? Признание даже частичных успехов соперников можно рассматривать как проявление солидарности и стремления к объединению всех поляков — темы, которая занимает центральное место в политическом дискурсе не только Тшасковского, но и большинства политиков разных политических направлений. Она, по-видимому, лишь приобрела риторическую остроту с началом «польско-польской войны», хотя ее присутствие в общественном и политическом дискурсе прослеживается задолго до этого. Еще на ранних этапах трансформации польского общества премьер-министр Тадеуш Мазовецкий (1989–1991 гг.) стремился предотвратить чрезмерную идеологическую и политическую дифференциацию. Он предложил провести «жирную черту» — символическое разграничение, призванное остановить усиление конфликтов, поскольку преобладало мнение, что для успешной реализации реформ необходимо единство и согласие в польском обществе⁴⁵. Тшасковский признал достижения ПиС в области национальной безопасности, но сделал это очень сдержанно:

Bezpieczeństwo <...>. I tutaj akurat rząd PiSu robił dokładnie to samo, co my, przynajmniej w tej jednej sprawie była zgoda⁴⁶.

Безопасность <...>. И здесь как раз правительство ПиС действовало точно так же, как и мы — по крайней мере в этом одном вопросе было согласие.

⁴⁵ Бухарин 2010: 153.

⁴⁶ 23.03.2024. Олыштын.

Он подчеркнул, что в этом вопросе отсутствовали разногласия, поскольку ПиС просто повторяла «правильный» курс ГП («нас»). Таким образом, даже признание эффективности действий оппонентов интерпретировалось скорее как следствие преемственности в политике, а не как результат их собственной инициативы.

Конструируя город: образы, смыслы, идентичности

Современный город предстает не просто как физическая среда, но как сложная структура значений, ожиданий и социальных практик. Пространство, как подчеркивают исследователи, обладает не только материальной, но и символической, дискурсивной природой, которую необходимо прояснить и понять с точки зрения людей, наделяющих ее смыслом⁴⁷. Как писал философ Анри Лефевр: «Пространство никогда не бывает пустым; оно всегда обладает значением»⁴⁸. Его восприятие не является нейтральным или исключительно физическим: оно всегда опосредовано социальными представлениями и ценностями. Как подчеркнул философ и социолог Александр Фридрихович Филиппов, важно различать собственное видение пространства и то значение, которое ему придают участники социального взаимодействия⁴⁹. В выступлениях Тшасковского, мэра Варшавы и кандидата на переизбрание, пространству приписывались определенные качества и смыслы — тем самым создавался образ города, в котором отражаются идеалы, ценности и политические устремления.

Образ «идеального города» у Тшасковского связан с представлением о зеленом, инклюзивном и удобном для жизни пространстве, в котором учитываются интересы всех — от матерей с детьми до школьников и пожилых людей. Более того, Варшава в его видении — это не просто город, но своего рода площадка для экспериментов, которая определяет направления развития для других польских городов. Успешные инициативы, реализованные здесь, как убеждал мэр и кандидат в мэры столицы, могут быть впоследствии применены и в других регионах.

⁴⁷ Лоу 2024: 22–23.

⁴⁸ Лефевр 2015: 159.

⁴⁹ Филиппов 2008: 51.

Stawiamy człowieka, obywatela w centrum naszych wszystkich planów, ale więcej, Warszawa wyznacza trendy, dzięki którym później w innych samorządach możemy robić to samo⁵⁰.

Мы ставим человека, гражданина в центр всех наших планов, и даже больше, Варшава формирует тренды, которые затем можно реализовывать и в других муниципалитетах, можем делать то же самое.

Программа Тшасковского выделялась акцентом на гуманистических ценностях, ставящих интересы и потребности человека в основу городской политики. Подчеркивалась значимость каждого человека как равноправного члена общества, независимо от идеологических убеждений, социальной позиции или принадлежности к меньшинствам. Такой подход предполагал формирование городской среды, ориентированной на инклюзивность и уважение к разнообразию, где каждый житель чувствует себя принятым и защищенным.

To hasło, które bardzo różnie brzmiało w różnych miastach i miasteczkach, ale ono było podobne: to odbudowanie wspólnoty <...>. Nie da się wyremontować kawałka ulicy tam, gdzie mieszkają zwolennicy, a drugiego nie. Robi się to dla wszystkich. Warszawa zawsze była miastem środka. Tak, my wspieraliśmy niezależną kulturę, czasem lewicową, wspieraliśmy parady równości, ale współpracowaliśmy również z Caritasem, kiedy trzeba było pomagać uchodźcom. Mamy instytucję miejską imienia Jana Pawła II, gdzie korzystamy z tych najfajniejszych, najlepszych wzorców ekumenizmu, pomocy innym. Na tym

Этот лозунг, который звучал по-разному в разных больших и малых городах, но суть у него была одна: восстановление взаимопонимания <...>. Нельзя отремонтировать кусок улицы только там, где живут сторонники, а другой — оставить. Это делается для всех. Варшава всегда была городом центра. Да, мы поддерживали независимую культуру, иногда левого толка, мы поддерживали парад равенства, но мы также сотрудничали с Caritas ("Каритас")⁵¹, когда нужно было помогать беженцам. У нас есть городское учреждение имени Иоанна Павла II⁵², где мы используем те наилучшие, самые вдохновляющие образцы экumenизма,

⁵⁰ 17.02.2024. Варшава.

⁵¹ Католическая благотворительная организация.

⁵² Имеется в виду *Центр мысли Иоанна Павла II* — культурное учреждение, занимающееся изучением, документированием и популяризацией учения папы Иоанна

polega samorząd, że decyzje są podejmowane w otwartych konkursach, że pomagamy wszystkim⁵³.

помощи другим. В этом и заключается суть самоуправления, что решения принимаются на открытых конкурсах, что мы помогаем всем.

Тшасковский настаивал на том, что Варшава ценит разнообразие, а в своей политике он придерживался центристского подхода, поддерживая как правые, так и левые инициативы. Тем не менее наблюдатели и особенно оппоненты регулярно обвиняли его в левизне, а порой даже в левачестве, утверждая, что он лишь маскируется под умеренного политика. Среди претензий — его позиция по вопросам аборт, действия, связанные с демонтажем католических крестов в государственных учреждениях, и прочие подобные эпизоды. В столице, городе, наиболее открытом к новшествам и мировым трендам, такие шаги воспринимались положительно и обеспечивали ему достаточную поддержку избирателей для уверенной победы уже в первом туре. Однако на уровне всей страны это обернулось для него серьезными проблемами. Большинство польских избирателей, более склонных к умеренным, консервативным установкам, с недоверием и тревогой воспринимали такие нововведения, как зоны, свободные от дизельных автомобилей, расширение прав меньшинств и открытость беженцам. В итоге в президентских выборах они отдали предпочтение более консервативному кандидату Навроцкому. Особенно ярко этот тренд проявился, если рассматривать результаты по регионам⁵⁴. Так, в Подкарпатском воеводстве, которое считается бастионом ПиС, Тшасковский во втором туре набрал лишь 28,98% голосов против 71,02% у своего оппонента⁵⁵. Политолог Марек Мигальский лаконично подытожил ситуацию: «То, что на протяжении многих лет делало его отличным кандидатом в мэры Варшавы, одновременно

Павла II; открыто 1 апреля 2006 г. в Варшаве по инициативе тогдашнего мэра Леха Качиньского (URL: <https://www.centrumjp2.pl/> (дата обращения: 15.07.2025)).

Подробнее о роли учения Католической церкви и наследия Иоанна Павла II в формировании идеологии ПиС и мировоззрения ее основателей — братьев Качиньских — см.: Волобуев 2017.

⁵³ 17.02.2024. Варшава.

⁵⁴ Подробнее о региональных особенностях электоральных предпочтений в Польше см.: Matykowski, Kulczyńska 2022.

⁵⁵ PKW. URL: <https://wybory.gov.pl/prezydent2025/pl/2/wynik/pl> (дата обращения: 15.07.2025).

делало его неприемлемым для выборов на высший государственный пост»⁵⁶.

ГП в кампании 2024 г. одной из своих приоритетных задач объявило восстановление общественного согласия, возвращение к открытому диалогу и совместному поиску решений проблем. Особое значение в этом контексте придавалось местному самоуправлению как уровню власти, наиболее чувствительному к потребностям граждан. Тшасковский в одном из своих выступлений проиллюстрировал эту идею примером символической и функциональной трансформации города: строительством моста через Вислу, который он интерпретировал не только как элемент инфраструктуры, но и как инструмент социального сближения. Восточная часть города — район Прага, традиционно ассоциировавшийся с маргинальностью и периферийностью, — в дискурсе мэра предстал как место, которое становится частью общего городского пространства.

Budujemy most pieszo-rowerowy przez Wisłę. Ja bardzo często słyszę, czy nas na to stać? Rowerzyści, piesi, turyści, widać, że nikt nie rozumie tego, co jest dla nas najważniejsze. A mianowicie: most pieszo-rowerowy to jest łamanie tych barier, które mamy w głowie, to jest połączenie lewobrzeżnej Warszawy z prawobrzeżną Warszawą. To jest przerzucenie tego olbrzymiego sukcesu również na drugą stronę Wisły, gdzie dokonał się nieprawdopodobny plan rewitalizacji, gdzie doprowadziliśmy metro, gdzie Praga zmieniła się nie do

Мы строим⁵⁷ пешеходно-велосипедный мост через Вислу. Я очень часто слышу: “А можем ли мы себе это позволить?” Велосипедисты, пешеходы, туристы — видно, что никто не понимает того, что для нас важнее всего. А именно: мост для пешеходов и велосипедистов разрушает те барьеры, которые у нас в голове; он соединяет левобережную Варшаву с правобережной Варшавой. Это перенесение этого огромного успеха также на другой берег Вислы, где был реализован невероятный план реконструкции, куда мы провели метро, Прага изменилась до неузнаваемости! Там бьется сердце Варшавы, и у нас

⁵⁶ Migalski M. Bo to zły kandydat był // Rzeczpospolita. 03.06.2025. URL: <https://www.rp.pl/opinie-polityczno-spoleczne/art42449491-marek-migalski-bo-to-zly-kandydat-byl> (дата обращения: 15.07.2025).

⁵⁷ Мост был открыт 28 марта 2024 г. (URL: <https://um.warszawa.pl/-/most-pieszorowerowy-juz-otwarty> (дата обращения: 15.07.2025)).

poznania! Tam bije serce Warszawy i mamy szansę na to, że ci warszawiacy i warszawianki, którzy odpoczywają na starówce, na bulwarach, będą w stanie przejść i docenić, zobaczyć, jak zmieniła się Praga. <...> To jest też filozofia tego, co robi samorząd. Samorząd łączy. Samorząd stara się niwelować wszelkiego rodzaju różnicy. To jest symbol łamania stereotypów⁵⁸.

есть шанс, что те варшавяне и варшавянки, которые отдыхают в Старом городе, на бульварах, смогут перейти (Вислу. — *А.Л.*) и оценить, увидеть, как изменилась Прага. <...> Это также философия того, что делает местное правительство. Местное правительство объединяет. Местные органы власти стараются преодолеть разного рода различия. Это символ разрушения стереотипов.

Тшасковский акцентировал внимание не только на конкретных успехах и улучшении повседневной городской среды, но и на собственном стратегическом, в определенной мере даже философском, видении развития города. В этом контексте мост предстает своего рода медиатором, не только соединяющим физически разделенные районы, но и формирующим символическое пространство встреч. Он становится метафорой преодоления границ и призван функционировать как нейтральная зона, где легко могут познакомиться друг с другом жители разных районов Варшавы. В подобной интерпретации местное самоуправление выступает ключевым актором, ответственным за формирование и репрезентацию объединяющего городского пространства.

Заключение

В данной статье был рассмотрен политический дискурс мэра Варшавы Р. Тшасковского в контексте его предвыборной кампании 2024 г.; проанализированы как общенациональные, так и локальные аспекты его высказываний, включая представление Варшавы как примера «идеального города», города для подражания, инклюзивного, открытого и ориентированного на нужды всех граждан. Особое внимание было уделено тому, как Тшасковский использовал городскую повестку для репрезентации более широкой идеологической рамки: через гуманистический акцент местная власть

⁵⁸ 17.02.2024. Варшава.

представлялась не только как административный институт, но и как механизм интеграции и символического единения общества. В то же время в дискурсе сохранялось напряжение между универсалистскими заявлениями и жесткими поляризующими высказываниями в адрес оппонентов.

С одной стороны, высказывания Тшасковского укоренены в конфронтационной логике так называемой польско-польской войны и строятся на стратегии резкого противопоставления «своих» и «чужих», реализуемой через набор дискурсивных стратегий, подробно описанных Т. ван Дейком. О политике ГП и собственных инициативах он высказывался преимущественно в положительном ключе, тогда как критику политических соперников был склонен отвергать как необоснованную. В свою очередь, политики ПиС представлены в резко негативном свете, причем речь Тшасковского нередко включала оценочные высказывания и уничижительные эпитеты. Более того, подразумевалось, что ПиС является экзистенциальной угрозой демократическому устройству и общественному согласию. В рамках такой логики даже в вопросах, где прослеживалось относительное согласие — например, в сфере национальной безопасности, — он отмечал лишь совпадение позиций, однако намеренно избегал явной положительной оценки действий оппонентов. Дополнительным элементом поляризации выступало частое использование термина «популисты» по отношению к ПиС, который связывался с намеренным искажением фактов, манипуляцией и введением в заблуждение избирателей.

С другой стороны, в дискурсе, посвященном городу, Тшасковский стремился артикулировать инклюзивную, гуманистически ориентированную повестку, в центре которой находится человек как равноправный участник городского сообщества, вне зависимости от политических взглядов или социального статуса. Город предстал как пространство демократических свобод и ценностей, в котором благодаря усилиям органов местной власти возможно преодоление как физических, так и символических границ. Возможно, в рамках дискурса о городе, где доминирует обращение к «своей» аудитории, мэр не ощущал необходимости в агрессивной конфронтации и обороне от критики, предпочитая подчеркивать общие ценности и позитивные инициативы.

Список сокращенных слов

ГП — партия «Гражданская платформа» (Platforma Obywatelska)
ПиС — партия «Право и справедливость» (Prawo i Sprawiedliwość)
ПНР — Польская Народная Республика
РКВ — Państwowa Komisja Wyborcza

Литература

- Баранов и др. 2004 — *Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А.* Политический дискурс. Методы анализа тематической структуры и метафористики. М.: Фонд «ИНДЕМ», 2004. 96 с.
- Бухарин 2010 — *Бухарин Н.И.* Польша: «шоковая терапия» // Вишеградская Европа: Откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л. Н. Шишелиной. М.: Весь мир, 2010. Гл. 2.2. С. 146–170.
- Волобуев 2017 — *Волобуев В.В.* Иоанн Павел II и идеология братьев Качиньских // Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. Ч. 1. С. 112–120.
- Лагно, Михайлова 2020 — *Лагно А.Р., Михайлова О.В.* «Польско-польская война»: причины и последствия для политической системы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 2. С. 42–52.
- Лефевр 2015 — *Лефевр А.* Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
- Лоу 2024 — *Лоу С.* Пространственное воплощение культуры: Этнография пространства и места. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 400 с.
- Лыкошина 2015 — *Лыкошина Л.С.* «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши. М.: ИНИОН РАН, 2015. 258 с.
- Макухин 2016 — *Макухин А.В.* Реформа системы местного самоуправления в Республике Польша. Первый этап: 1990–1997 годы // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2016. № 5–6 (148–149). С. 66–70.
- Филиппов 2008 — *Филиппов А.Ф.* Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.
- Borowiec 2023 — *Borowiec P.* The politicization of social divisions in post-war Poland. Cham: Springer Nature Switzerland, 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-26530-3.
- Borowiec 2024 — *Borowiec P.* Przydatność koncepcji praktyk repartycji do analizy polskiej kampanii parlamentarnej 2023 roku // Politeja. Vol. 21. № 3(90). P. 257–277. DOI: 10.12797/politeja.21.2024.90.13.
- Bralczyk 2007 — *Bralczyk J.* O języku propagandy i polityki. Warszawa: Wydawnictwo Trio, 2007. 352 s.

- Cap 2024 — *Cap P.* Discourses of leadership in the 2015–2023 Poland: From conflict and crisis, to a “smiling state” // *Discourse & Society*. 2024. Vol. 36. № 4. P. 1–21. DOI: 10.1177/09579265241271490.
- Chilton, Schäffner 2002 — *Chilton P., Schäffner C.* Introduction: Themes and principles in the analysis of political discourse // *Politics as text and talk: Analytic approaches to political discourse* / ed. by P. Chilton, C. Schäffner. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002. P. 1–41.
- Dudek 2023 — *Dudek A.* Historia polityczna Polski 1989–2023. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 2023. 783 s.
- Flis, Swianiewicz 2021 — *Flis J., Swianiewicz P.* Rządowy Fundusz Polski Ład: Program Inwestycji Strategicznych — wzory podziału. Warszawa: Fundacja im. Stefana Batorego, 2021. URL: https://www.batory.org.pl/wp-content/uploads/2021/11/Rzadowy-Fundusz-Polski-Lad_PIS_wzory-podzialu.pdf (дата обращения: 15.07.2025).
- Kobielska 2015 — *Kobielska K.* Polska gmina a międzynarodowe standardy samorządności terytorialnej (25 lat w zarysie) // *Athenaeum. Polskie Studia Politologiczne*. 2015. Vol. 47. № 3. S. 119–132. DOI: 10.15804/athena.2015.47.07.
- Krzyżanowski 2020 — *Krzyżanowski M.* Normalization and the discursive construction of “new” norms and “new” normality: Discourse in the paradoxes of populism and neoliberalism // *Social Semiotics*. 2020. Vol. 30. № 4. P. 431–448. DOI: 10.1080/10350330.2020.1766193.
- Matykowski, Kulczyńska 2022 — *Matykowski R., Kulczyńska K.* Axes of political rivalry in a territorial pattern: geography of electoral behaviour // *Three decades of polish socio-economic transformations: Geographical perspectives* / ed. by P. Churski, T. Kaczmarek. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 81–101.
- Michalewska-Pawlak 2014 — *Michalewska-Pawlak M.* Europeizacja samorządu — wpływ Unii Europejskiej na aktorów lokalnych i regionalnych // *Europeizacja — mechanizmy, wymiary, efekty* / red. A. Pacześniak, R. Riedel. Oslo; Toruń; Wrocław: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2014. S. 263–284.
- Ożóg 2008 — *Ożóg K.* Język współczesnej polskiej polityki // *Stylistyka*. 2008. № 17. P. 161–184.
- Przyłęcki 2012 — *Przyłęcki P.* Populizm w polskiej polityce. Analiza dyskursu polityki. Warszawa: Wydawnictwo sejmowe, 2012. 281 s.
- Randour, Perez, Reuchamps 2020 — *Randour F., Perre J., Reuchamps M.* Twenty years of research on political discourse: A systematic review and directions for future research // *Discourse & Society*. 2020. Vol. 31. № 4. P. 428–443. DOI: 10.1177/0957926520903526.
- Sadura, Sierakowski 2025 — *Sadura P., Sierakowski S.* Nowy duopol obali ten system. Raport z badań po wyborach prezydenckich. Warszawa: Instytut krytyki politycznej, 2025. 57 s.

- Tworzecki 2019 — *Tworzecki H.* Poland: A case of top-down polarization // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2019. Vol. 681. № 1. P. 97–119. DOI: 10.1177/0002716218809322.
- Van Dijk 1997 — *Van Dijk T.A.* What is political discourse analysis? // Belgian Journal of Linguistics. 1997. Vol. 11. № 1. P. 11–52.
- Wielgosz 2019 — *Wielgosz Ł.* Wojna Polsko-Polska: Zarządzanie oligopolem politycznym przez Platformę Obywatelską oraz Prawo i Sprawiedliwość w latach 2001–2015. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2019. 148 s.

References

- Baranov, A. N., Mikhailova, O. V., Satarov, G. A., Shipova, E. A., 2004. *Politicheskie diskursy. Metody analiza tematicheskoi struktury i metaforyki* [Political discourse: approaches to the analysis of thematic structure and metaphorical framing]. Moscow: Fond “INDEM”, 96 p. (in Rus.)
- Borowiec, P., 2023. *The Politicization of Social Divisions in Post-War Poland*. Cham: Springer Nature Switzerland. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-26530-3>.
- Borowiec, P., 2024. Przydatność koncepcji praktyk repartycji do analizy polskiej kampanii parlamentarnej 2023 roku. *Politeja*, 21, 3(90), pp. 257–277. <https://doi.org/10.12797/politeja.21.2024.90.13>.
- Bralczyk, J., 2007. *O języku propagandy i polityki*. Warszawa: Wydawnictwo Trio, 352 p.
- Bukharin, N. I., 2010. Pol'sha: “shokovaia terapiia” [Poland: “Shock therapy”]. In: Shishelina, L. N., ed. *Vishegradskaya Evropa: Otkuda i kuda? Dva desyatiletiya po puti reform v Vengrii, Pol'she, Slovakkii i Chekhii* [Visegrad Europe: Where From — Where To? Twenty Years on the Path of Reforms in Hungary, Poland, Slovakia and Czech Republic]. Moscow: Ves' mir, 2.2, pp. 146–170. (in Rus.)
- Cap, P., 2024. Discourses of leadership in the 2015–2023 Poland: From conflict and crisis, to a “smiling state”. *Discourse & Society*, 36, 4, pp. 1–21. <https://doi.org/10.1177/09579265241271490>.
- Chilton, P., Schäffner, C., 2002. Introduction: Themes and principles in the analysis of political discourse. In: Chilton, P., Schäffner, C., eds. *Politics as text and talk: Analytic approaches to political discourse*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, pp. 1–41.
- Dudek, A., 2023. *Historia polityczna Polski 1989–2023*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 783 p.
- Filippov, A. F., 2008. *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of space]. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 285 p. (in Rus.)
- Flis, J., Swianiewicz, P., 2021. *Rządowy Fundusz Polski Ład: Program Inwestycji Strategicznych — wzory podziału*. Warszawa: Fundacja im. Stefana Batorego.

- URL: https://www.batory.org.pl/wp-content/uploads/2021/11/Rzadowy-Fundusz-Polski-Lad_PIS_wzory-podzialu.pdf (accessed: 15.07.2025).
- Kobielska, K., 2015. Polska gmina a międzynarodowe standardy samorządności terytorialnej (25 lat w zarysie). *Athenaeum. Polskie Studia Politologiczne*, 47, 3, pp. 119–132. <https://doi.org/10.15804/athena.2015.47.0>.
- Krzyżanowski, M., 2020. Normalization and the discursive construction of “new” norms and “new” normality: Discourse in the paradoxes of populism and neo-liberalism. *Social Semiotics*, 30, 4, pp. 431–448. <https://doi.org/10.1080/10350330.2020.1766193>.
- Lagno, A. R., Mikhailova, O. V., 2020. “Pol’sko-pol’skaia voina”: prichiny i posledstviia dlia politicheskoi sistemy [“Polish-Polish war”: reasons and consequences for the political system]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniia*, 64, 2, pp. 42–52. (in Rus.)
- Lefebvre, A., 2015. *The Production of Space*. Moscow: Strelka Press, 432 p. (in Rus.)
- Low, S., 2024. *Prostranstvennoe voploshchenie kul'tury: Etnografiia prostranstva i mesta* [Spatializing culture. The Ethnography of Space and Place]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 400 p. (in Rus.)
- Lykoshina, L. S., 2015. “Pol’sko-pol’skaia voina”: Politicheskaiia zhizn’ sovremennoi Pol’shi [The “Polish–Polish War”: Politics in Contemporary Poland]. Moscow: INION RAN, 258 p. (in Rus.)
- Makukhin, A. V., 2016. Reforma sistemy mestnogo samoupravleniia v respublike Pol’sha. Pervyi etap: 1990–1997 gody [Reform of the local self-government system in the Republic of Poland. First stage: 1990–1997]. *Predstavitel’naia vlast’ — XXI vek: zakonodatel’sтво, kommentarii, problemy* [Representative power — 21st century: Legislation, commentary, problems], 5–6 (148–149), pp. 66–70. (in Rus.)
- Matykowski, R., Kulczyńska, K., 2022. Axes of political rivalry in a territorial pattern: geography of electoral behaviour. In: Churski, P., Kaczmarek, T., eds. *Three decades of polish socio-economic transformations: Geographical perspectives*. Cham: Springer International Publishing, pp. 81–101.
- Michalewska-Pawlak, M., 2014. Europeizacja samorządu — wpływ Unii Europejskiej na aktorów lokalnych i regionalnych. In: Paczeński, A., Riedel, R., eds. *Europeizacja — mechanizmy, wymiary, efekty*. Oslo; Toruń; Wrocław: Wydawnictwo Adam Marszałek, pp. 263–284.
- Ożóg, K., 2008. Język współczesnej polskiej polityki. *Stylistyka*, 17, pp. 161–184.
- Przyłęcki, P., 2012. *Populizm w polskiej polityce. Analiza dyskursu polityki*. Warszawa: Wydawnictwo sejmowe, 281 p.
- Randorf, F., Perez, J., Reuchamps, M., 2020. Twenty years of research on political discourse: A systematic review and directions for future research. *Discourse & Society*, 31, 4, pp. 428–443. <https://doi.org/10.1177/0957926520903526>.
- Sadura, P., Sierakowski, S., 2025. *Nowy duopol obali ten system. Raport z badań po wyborach prezydenckich*. Warszawa: Instytut krytyki politycznej, 57 p.

- Tworzecki, H., 2019. Poland: A case of top-down polarization. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 681, 1, pp. 97–119. <https://doi.org/10.1177/0002716218809322>.
- Van Dijk, T. A., 1997. What is political discourse analysis? *Belgian Journal of Linguistics*, 11, 1, pp. 11–52.
- Volobuev, V. V., 2017. Ioann Pavel II i ideologiya brat'ev Kachin'skikh [John Paul II and the Kaczyński brothers' ideology]. In: *Transformatsiya partiino-politicheskogo landshafta v stranakh Evrosoiuza v usloviakh krizisa* [Transformation of the party and political landscape in european union countries in the period of crisis], 1. Moscow: In-t Evropy RAN, pp. 112–120. (in Rus.)
- Wielgosz, Ł., 2019. *Wojna Polsko-Polska: Zarządzanie oligopolem politycznym przez Platformę Obywatelską oraz Prawo i Sprawiedliwość w latach 2001–2015*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 148 p.

Anna R. Lagno

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A. E-mail: a.lagno@inslav.ru

The City in the Political Discourse of Warsaw's Mayor Rafał Trzaskowski

Since 2023, Poland's political calendar has been marked by a succession of electoral campaigns — one closely following another: starting with the Sejm and Senate elections, moving swiftly to local government polls, then the European Parliament vote, and culminating in the presidential election. Despite attempts by various political actors to alter the established balance of power, the Polish political scene remains largely controlled by two parties: Law and Justice and Civic Platform, which have consistently received the support of more than half of the voters over the past two decades. Academic literature suggests that this persistent societal division is largely maintained through political discourse, as political actors use appeals to deeply rooted social tensions to mobilise and retain their supporters. Within this context, the discourse of Warsaw's mayor and prominent Civic Platform leader, Rafał Trzaskowski, during the local government election campaign (February–April 2024) provides a valuable case study. Particular attention is given to the ways political opponents and their electorates are represented, as well as to strategies for constructing the image of the city and its inhabitants. The analysis reveals a distinct duality in Trzaskowski's discourse: on the one hand, it appeals to humanistic and inclusive values; on the other, it is firmly rooted in the logic of the so-called “Polish-Polish war,” structured around a dichotomy of “us” versus “them”. The Law and Justice party is depicted not as an equal participant in the political process but as an existential threat to democratic governance and social cohesion. At the same time, utterances concerning the urban agenda sound noticeably softer, with an emphasis on shared values and positive initiatives. It is plausible that, within this context—aimed at a supportive audience—aggressive confrontation is seen as excessive, and political mobilisation is instead achieved by affirming the city as a space of freedom and dialogue.

Keywords: Poland, elections, local government, political polarisation, populism, Civic Platform, Law and Justice Party, discourse analysis

Received: 29 July 2025

Accepted: 19 August 2025

How to cite: Lagno, A. R., 2025. Gorod v politicheskom diskurse mera Varshavy Rafala Tshaskovskogo. *Central-European Studies*, 8, pp. 337–364. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.12>

БИОГРАФИЯ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Ольга Андреевна Хорстинк

Докторант, программа «Современная европейская культурная история», факультет гуманитарных исследований, Карлов университет, Прага, Чешская Республика. 18200, Pátkova 2137/5, Praha 8 — Libeň.
E-Mail: olga.chernykh@seznam.cz

Всеволод Васильевич Саханев как представитель «молодых историков» в эмиграции

В 2022 г. в коллекциях Пражского государственного областного архива (Чешская Республика) был выявлен личный фонд русского археолога, историка, этнографа, архивиста, офицера, одного из основателей «Галлиполийского общества», эмигранта Всеволода Васильевича Саханева (1885–1940). До сих пор вклад В.В. Саханева в историческую науку и его общественная деятельность не были по достоинству оценены, хотя и заслуживают особого внимания. Нами исследован находящийся в стадии инвентаризации личный фонд историка, который охватывает период 1919–1940 гг., реконструирована биография В.В. Саханева до эмиграции, в частности, впервые раскрыта его деятельность во время Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции он провел 20 лет. Этот период охватывал эвакуацию из Крыма, жизнь в Болгарии и Чехословакии. Обнаружение личного фонда В.В. Саханева открывает новые перспективы для изучения его жизни, научного наследия и подчеркивает важность сохранения архивов российских ученых-эмигрантов, в частности, так называемых молодых историков в эмиграции, для последующих поколений исследователей.

Ключевые слова: молодые историки-эмигранты, Общество галлиполийцев, Русская акция помощи, русская эмиграция в Чехословакии

Благодарность: Автор выражает благодарность руководителю II отделения SOA v Praze Иржи Смитке за возможность работать с недоступными в настоящее время для научной общественности документами из личного фонда В.В. Саханева.

Статья поступила в редакцию: 12 февраля 2025 г.
Статья принята к публикации: 10 апреля 2025 г.

Цитирование: Хорстинк О.А. Всеволод Васильевич Саханев как представитель «молодых историков» в эмиграции // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 367–395. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.13>

Исследование биографий российских ученых, оказавшихся в эмиграции после Октябрьской революции и Гражданской войны, представляет важную задачу для понимания истории российской науки и культуры. Однако ограниченность или отсутствие архивных материалов во многом препятствуют воссозданию полной картины¹. Настоящее исследование стремится восполнить этот пробел, предлагая реконструкцию биографии Всеволода Васильевича Саханева (1885–1940) на основе его личного фонда, обнаруженного в 2022 г. в Пражском государственном областном архиве (*Státní oblastní archiv v Praze*), и других важных источников. В статье рассмотрены основные этапы жизни и научной деятельности ученого начиная с археологических исследований в дореволюционной России и заканчивая вкладом в развитие исторической науки в эмиграции.

В. В. Саханев, биография и научная деятельность которого долгое время оставались на периферии внимания исследователей, принадлежал ко «второму поколению» историков, или так называемым молодым историкам в эмиграции². О нем сохранились общие сведения как об историке, который после переезда в Чехословакию защитил магистерскую диссертацию по русской истории, затем читал лекции в Русском народном университете и работал в Русском зарубежном историческом архиве в Праге. Он был членом многих русских эмигрантских объединений: Русского исторического

¹ Архивные документы, связанные с личностью В. В. Саханева, хранятся также в ГАРФ, в фонде Русского заграничного исторического архива (РЗИА), в Ученой комиссии РЗИА (1925–1940) — протоколы заседаний. Например: «Некоторые моменты вооруженной борьбы на юге России», рукопись, 1928; В. В. Саханев, «Галлиполи», рукопись. Н. И. Астров, отзыв, 1931; ген. Б. А. Штейфон «Поход в Польшу в 1920 г.», рукопись. В. В. Саханев, отзыв; А. И. Гучков, архивное собрание, В. В. Саханев, отзыв.

² В круг так называемых молодых ученых-историков также входили Борис Алексеевич Евреинов (1888–1933), Александр Филаретович Изюмов (1885–1950), Евгений Филимонович Максимович (1896–1965), Сергей Германович Пушкарев (1888–1984). См.: *Пушкарев С. Г.* Культурная деятельность эмиграции в Праге — 1. 5.01.1922, Прага, Чехия // *Memuarist.net*. URL: <https://memuarist.com/ru/events/53226.htm> (дата обращения: 10.08.2024). Такой же состав «молодых ученых-историков», за исключением А. Ф. Изюмова, назвал Николай Андреев. См.: *Андреев Н. Е.* «То, что вспоминается». Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / под ред. Е. Н. и Д. Г. Андреевых. Таллин: Авенариус, 1996. Т. 1. С. 256–257.

общества, Русской академической группы, Семинария Н. П. Кондакова (с 1931 г. — Археологический институт имени Н. П. Кондакова), Русского культурно-исторического музея, Союза русских педагогов в Чехословацкой республике и Педагогического совета РНУ. Главной темой его научных исследований в эмиграции стало изучение народного творчества Восточной Словакии и Карпатской Руси³. В статье анализируются документы из его личного фонда, обнаруженного в Пражском государственном областном архиве. На их основании можно не только более детально изучить биографию ученого в пространственно-временном контексте эмиграции, но и выделить ключевые этапы в его личной жизни и профессиональной деятельности, и определить влияние социально-политических и интеллектуальных факторов на эволюцию его научных взглядов, обогатить — на основании обширной корреспонденции — представления о личности историка.

Личный фонд В. В. Саханева: состав и структура

В настоящее время в Пражском государственном областном архиве ведется археографическая обработка личного фонда В. В. Саханева: документы будут вычленены из фонда «Украинский эмигрант», обнаруженного в 2002 г. при переносе архивных фондов в новое хранилище. Происхождение этого фонда не установлено. Ранее он назывался «Русский эмигрант», но после полиномастического анализа и изучения провенанса документов в 2002 г. был переименован в фонд «Украинский эмигрант». В ходе изучения, однако, выяснилось, что в нем отложились два личных фонда — русского историка-эмигранта Всеволода Васильевича Саханева и украинского общественного деятеля, эмигранта, социолога Виктора Кондратьевича Приходько (1886–1982), — а также семейный фонд Шрутов, чешских реэмигрантов из России (его основатель, бывший царский дипломат Александр Васильевич Шрут (1882–1970), в 1923–1933 гг. работал секретарем Комитета по обеспечению образования русских и украинских студентов при МИД Чехословакии), и разрозненные

³ Kudělka, Šimeček 1972: 416. В период вхождения этого региона в состав Чехословакии с 1919 по 1939 г. он назывался Подкарпатская Русь (*Podkarpatská Rus*), после присоединения к СССР в 1945 г. — Закарпатская Украина, с 1946 г. — Закарпатская область УССР.

архивные документы, принадлежавшие судье Йозефу Ладиславу Стегуле (1875–1946), редактору первой газеты на русском языке в Чехословакии *Русское дело* и стороннику создания чехословацкой Православной церкви. Связь между этими фондами чешским архивистам установить не удалось.

Письменное наследие В. В. Саханева не велико — всего четыре коробки. Фонд состоит из архивных документов на русском, чешском, словацком, карпаторусском, английском, итальянском, французском и немецком языках. В *Личные документы* Саханева входят автобиографии, аттестация, послужной список: на их основании был реконструирован период биографии историка до эмиграции. Обширная *Корреспонденция* включает в себя личную и рабочую переписку, где среди корреспондентов известный писатель-эмигрант Евгений Николаевич Чириков (1864–1932) и его семья, историк-эмигрант Евгений Францевич Шмурло (1854–1934) и его семья, семья историка-эмигранта Бориса Алексеевича Евреинова (1888–1933) и ряд других эмигрантов, например, историки Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933), Петр Михайлович Бицилли (1879–1953), Аркадий Николаевич Фатеев (1872–1952), Иван Иванович Лаппо (1869–1944), философ Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965), чешский историк Ярослав Бидло (1868–1937), руководители РОВС — Александр Павлович Кутепов (1882–1930) и Евгений Карлович Миллер (1867–1939), историк и лидер партии кадетов Павел Николаевич Милюков (1859–1943). Также фонд включает письма за 1933–1935 гг. от создателя Русского культурно-исторического музея Валентина Федоровича Булгакова (1889–1966), с которым Саханев переписывался по поводу организации дел РКИМ, и от баронессы Марии Дмитриевны Врангель (1957–1944) за 1934 г. *Рабочая корреспонденция* периода 1934–1937 гг. отражает деятельность Саханева в РИО и РЗИА, организацию его научных экспедиций в Восточную Словакию и Карпатскую Русь. В фонде содержатся черновики писем историка о проблемах в деятельности РИО, РЗИА и РКИМ.

Представляется, что именно личная и рабочая корреспонденция являются самыми ценными частями фонда, которые при более глубоком изучении могут в дальнейшем расширить исследования Михаила Владимировича Ковалева о Русском историческом обществе, о научном быте историков-эмигрантов в Чехословакии, а также

исследование Елены Петровны Аксеновой о Русском историческом обществе в Праге⁴.

Будучи одним из первых секретарей РИО, В. В. Саханев деятельно участвовал в подготовке сборника «Е. Ф. Шмурло, А. А. Кизеветтер, Б. А. Евреинов»⁵ после ухода трех историков из жизни. В фонде сохранились рабочие материалы сборника, ведомости сбора средств и списки рассылки. В фонде В. В. Саханева находятся машинописные рукописи (библиография Е. Ф. Шмурло, опись его библиотеки, переданной во временное пользование РИС, и др.), личные документы (1927 г., 1933 г.), фотографии историка (9 шт.), а также документы, связанные с именем основателя Славянской библиотеки в Праге Владимира Николаевича Тукалевского (1881–1936).

Еще один пласт документов связан с научной деятельностью Саханева и включает материалы об исследованиях в Восточной Словакии и Карпатской Руси — основной теме его научных исследований в эмиграции⁶.

Литературную часть фонда составляют машинописные рукописи В. В. Саханева «Севастополь — Константинополь — Галлиполи. Часть I» об эвакуации из Крыма и «Страницы из дневника» периода Гражданской войны, а также поэтические сочинения других авторов: поручика Федора Степановича Малакова и Елены Рау (1912, 1916, 1922 гг.), эмигрантки из Одессы Марии Заборовской («Поэзия о Советской России», «Поэзия о весенней любви», 1924 г.), русского поэта-эмигранта из Италии Василия Сумбатова («Распятие», 1930 г.), Федора Кузьмича Соллогуба (пародия «Честь и месть», письмо не датировано).

К сожалению, в фонде нет ни фотографий, ни диапозитивов, изготовленных Саханевым, хотя фотографирование занимало большое место в научной работе и личной жизни. Сохранился только перечень диапозитивов, репродукций, фотографий в количестве около 2 тыс. позиций (включая фотографии близких Саханеву эмигрантских семей — Чириковых, Евреиновых и др.).

⁴ Ковалев 2011; Ковалев 2012; Аксенова 1997.

⁵ Записки русского исторического общества в Праге. Прага: Нарва, 1937. Кн. 3. Е. Ф. Шмурло, А. А. Кизеветтер, Б. А. Евреинов. 437 с.

⁶ Подробнее см.: Хорстинк 2024.

До эмиграции (1885–1920 гг.): учеба, раскопки, преподавание, две войны

Всеволод Васильевич Саханев, потомственный дворянин Таврической губернии, родился 20 апреля 1885 г. в Евпатории, в семье окружного судьи Василия Ивановича Саханева⁷ и учредительницы второй женской гимназии в Бердянске Элеоноры Николаевны Саханевой (в девичестве Варзиной). После окончания Бердянской мужской классической гимназии Всеволод поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1911 г. с отличием. В этом же учебном заведении был оставлен при кафедре русской истории, входил в неформальное объединение — так называемый кружок молодых историков. С 1910 г. состоял хранителем Археологического кабинета Санкт-Петербургского университета, членом Императорского Русского археологического общества и сотрудником Императорской Археологической комиссии⁸. В 1910 г. совершил экспедицию на реку Калка⁹, в 1912 г. по поручению ИАК он принял участие в раскопках 135 погребений разрушающегося могильника и нескольких курганов на Тонком мысу возле Солнцедара у Рыбачьей бухты, в 1913–1914 гг. продолжил раскопки могильника с 74 погребениями в той же местности¹⁰. В период работы в Археологическом кабинете Саханев не сошелся характерами с профессором Александром Андреевичем Спицыным (1858–1931)¹¹ и вернул ключи от кабинета. Здесь впервые задокументирован непростой и принципиальный характер В. В. Саханева, который проявлялся и в дальнейшем. С другой стороны, его обширная корреспонденция

⁷ В. И. Саханев в 1866–1867 гг. был городским головою Бердянска, см.: Баханов, Лыман 2002: 45.

⁸ В дореволюционный период В. В. Саханев опубликовал несколько статей по археологической тематике, см.: *Саханев В.* Серебряные сосуды с золоченым орнаментом из Чмырева кургана // Известия археологической комиссии. ИАК. 1912. №. 45. С. 111–131; *Он же.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия археологической комиссии. ИАК. 1914. Т. 56. С. 75–219; *Он же.* Разведка на месте битвы при р. Калке 1224 г. // Записки Отдела. 1915. С. 22–24; *Он же.* А. Ф. Тищенко как археолог // А. В. Тищенко, его работы, статьи о нем. Петроград: Тип. М. А. Александрова, 1916. LIV с.

⁹ Рудакова 2020: 299.

¹⁰ Мусин, Медведева (ред.) 2019: 1004–1005.

¹¹ Подробнее см.: Митрофанов 2022: 16, 20, 25–26.

периода эмиграции свидетельствует о добром отношении к простым людям и безмерном желании им помочь¹².

По окончании университета Саханев работал учителем истории в гимназии Прасковьи Андреевны Макаровой (бывшей гимназии Екатерины Владимировны Ставиской), а также в мужской гимназии и реальной школе Георгия Константиновича Штемберга в Санкт-Петербурге. Читал курс лекций по истории русского искусства в обществе «Маяк»¹³.

24 марта 1916 г., в разгар Первой мировой войны, Саханев поступил на военную службу в Запасной тяжелый артиллерийский дивизион Русской императорской армии вольноопределяющимся 1-го разряда и был зачислен во 2-ю батарею. Через четыре месяца ему было поручено получить во Франции груз с 90-миллиметровыми артиллерийскими орудиями. Командировка длилась с 1 августа по 1 октября 1916 г. Впоследствии оказалось, что миссия, в которой участвовал В. В. Саханев, была отвлекающим армейским маневром и приемку производила другая группа¹⁴. Позже он был направлен в 4-й полевой тяжелый артиллерийский дивизион батарей «Е», где участвовал в боях против австро-венгерской армии на Юго-Западном фронте. В 1917 г. он выдержал экзамен на чин прапорщика артиллерии, был награжден Георгиевским крестом 4-й степени за подвиг, совершенный на кладбище села Мерва: обнаружил и уничтожил неприятельские пулеметные и минометные гнезда. После развала фронта скрывался в Орле от большевиков. Благодаря сохранившейся «Аттестации»¹⁵, составленной уполномоченным Добровольческой армии по г. Бердянску и Бердянскому району полковником Г. В. Поповым, можно узнать о деятельности прапорщика В. В. Саханева в Бердянске. Но главным источником сведений о событиях в Бердянске в 1918–1919 гг. служат оставленные им воспоминания «Страницы из дневника»¹⁶.

¹² Примечательна история карпаторусской народной певицы Анны Ябур(овой) из села Стакчин в Восточной Словакии, в судьбе которой В. В. Саханев сыграл важную роль. Подробнее см.: Хорстинк 2024.

¹³ О возникновении общества «Маяк» см.: Гуськова 2006: 159–175.

¹⁴ Саханев В. В. Страницы из дневника (рукопись). Ч. 1. С. 1 (SOA v Praze. Osobní fond Sachanev V. V. Literární část).

¹⁵ Аттестация (SOA v Praze. Osobní fond Sachanev V. V. Osobní doklady).

¹⁶ Саханев В. В. Страницы из дневника.

В Бердянск Саханев прибыл через несколько месяцев после востания, в дни, когда гетманское правительство вело с большевиками мирные переговоры, и вступил в местный Союз офицерских чинов города Бердянска. 14 июня 1918 г. Саханев был избран членом Правления и секретарем подпольно действовавшего при немцах союза. Кроме того, в Бердянске находился один из тайных центров вербовки офицеров в Доброармию¹⁷. В воспоминаниях Саханева ничего об этом не сказано, однако кратко описана работа контрразведки под руководством его друга детских лет В.Л. Апостолова¹⁸. На новом посту он действовал энергично и организовал офицеров, которым внушал, что они — авангард Добровольческой армии на Украине. Его усилиями была установлена связь с Доброармией, и, согласно полученным указаниям, 1 октября сформирована ее инициативная группа города Бердянска и уезда. С уходом немцев Добровольческая охранная дружина взяла город под контроль и передала его Доброармии вместе с запасами теплого обмундирования, арсеналом (бывший Варшавский), аэропланным заводом с 23 готовыми аэропланами, три из которых были собраны и летом ушли на фронт. Также в уезде был большой автомобильный завод, откуда на фронт отправилось около 100 автомобилей. Полковник Г.В. Попов подготовил ходатайство перед полковником бароном Михаилом Ивановичем фон Штемцелем (1870 — ок. 1940), находившимся в Таганроге, о производстве прапорщика В.В. Саханева в следующий чин в наградном порядке. Однако и в эти дни он, наряду с общественной и военной работой, не забывал о преподавании, читал курс русской истории в мужской гимназии и на вечерних курсах.

В Добровольческую армию историк вступил 1 октября 1918 г. и прослужил в ней до конца Гражданской войны. Получил ранение в правую руку. Из Бердянска он эвакуировался дважды. В первый раз вместе с семьей — матерью Элеонорой Николаевной (на тот момент ей был 61 год), женой Валентиной Михайловной (урожденной Козловской) 35 лет, сыном Ростиславом 11 лет и сестрой Анной 27 лет¹⁹. Затем Саханев отправил семью на дачу под Геленджиком²⁰.

¹⁷ Подробнее см.: Гагкуев 2011.

¹⁸ Саханев В.В. Страницы из дневника. С. 51–52.

¹⁹ Удостоверение, выданное Командиром 3-го радиотелеграфного дивизиона строевой части, 24 января 1920 г. (SOA v Praze. Osobní fond Sachanov V. V.).

²⁰ Саханев В.В. Страницы из дневника. С. 95.

Из всей семьи известна только трагическая судьба сына. Ростислав Всеволодович Саханев, родившийся в 1908 г. в Бердянске, окончил Военно-морское училище имени Фрунзе и служил вахтенным начальником 1-го дивизиона бригады подводных лодок Балтийского флота в звании старшего лейтенанта. Был беспартийным. Арестован 24 октября 1937 г. Перед арестом работал командиром запаса и заведующим личным составом кирпичного завода «Ермак» в поселке Усть-Ижора Слуцкого района Ленинградской области. Проживал в Ленинграде по адресу: Васильевский остров, 10-я линия, дом 23, квартира 41. 25 января 1938 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР был приговорен по статье 58-16 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 4 февраля 1938 г.²¹

Второй раз из Бердянска В.В. Саханев эвакуировался с Доброармией при катастрофических для военных обстоятельствах²². В 1920 г. как военнотрудовой дивизиона артиллерии под командованием генерала Михаила Васильевича Алексеева он выехал из Севастополя в Константинополь, а затем в Галлиполи, находившийся в то время в греческой юрисдикции. В эвакуации Саханев оказался уже без семьи.

В эмиграции (1920–1940 гг.): эвакуация, болгарский период, Русская акция помощи, научная жизнь

Воспоминания об эвакуации и последующем «галлиполийском сидении» отражены в воспоминаниях «Севастополь — Константинополь — Галлиполи», малая часть из которых вошла в сборник «Русские в Галлиполи»²³, хотя сама машинописная рукопись содержит 199 страниц²⁴. Саханев также вошел в редакционную комиссию сборника. В Галлиполи он читал лекции в лагерьном отделении Общеобразовательных курсов по русской истории и истории

²¹ Ленинградский мартиролог // Возвращенные имена. Книги памяти России. Т. 8. URL: <https://visz.nlr.ru/person/book/t8/19/60> (дата обращения: 11.08.2024).

²² Саханев В.В. Страницы из дневника. С. 95.

²³ Саханев В.В. Крым — Константинополь — Галлиполи // Русские в Галлиполи. Сборник статей, посвященный пребыванию I-го Армейского корпуса Русской Армии в Галлиполи, 22 ноября 1921 г. / В.Ф. Баумгартен, М.В. Васнецов, Е.П. Ващенко и др.; ред. комис.: Г.Ф. Волошин и др. Берлин: Тип. Е.А. Гутнова, 1923. С. 9–24.

²⁴ Саханев В.В. Севастополь — Константинополь — Галлиполи. Ч. I (SOA v Praze, Osobní fond Sachanov V. V. Literární část).

русской письменности, в городском отделении тех же курсов, в инженерной школе и на офицерских военно-административных курсах, а также курс по русской истории в гимназии имени барона Петра Николаевича Врангеля. Подпоручик В. В. Саханев стал одним из учредителей Общества галлиполийцев, основанного 21 ноября 1921 г.²⁵ Создание Общества проходило в дни окончания переброски чинов 1-го корпуса в Сербию и Болгарию. Воинское братство необходимо было сохранить ввиду возможного его рассредоточения по Европе. В Галлиполи и затем в Болгарии Саханев состоял членом Бюро и секретарем Академической группы I Артиллерийского (Галлиполийского) корпуса. В 1922 г. был повышен до звания штабс-капитана.

Из Галлиполи В. В. Саханев с частью армии П. Н. Врангеля был направлен в болгарский город Велико-Тырново, где и прожил до 1923 г. Там он работал на табачной фабрике и пытался найти достойную интеллектуальную работу. С 22 ноября 1922 г. по 6 января 1923 г. ученый преподавал русский язык в Русской Петропавловской гимназии, находившейся в монастыре свв. Петра и Павла в г. Лясковец (12 км от Велико-Тырново).

В Чехословакию В. В. Саханев, как значится в справке из архива, был командирован в феврале 1923 г. для продолжения научной деятельности в Пражском университете²⁶. Для этого он взял беспроцентную ссуду размером 1000 крон у А. А. Эйлера²⁷, но уже в июле того же года ссуду вернул²⁸. В личном архиве историка имеется справка, датированная 28 июля 1923 г., о вольной вакансии для него при Комитете по обеспечению образования русских студентов в ЧСР. Однако не сохранилось сведений о его работе в Комитете. С 1923 г. В. В. Саханев проживал в Чехословакии. Сначала в Праге в общежитии для беженцев *Svobodárna* («Холостяцкое

²⁵ ГА РФ. Ф. 5843. Общество Галлиполийцев. Оп. 1. Д. 21. Л. 3–4.

²⁶ Справка-подтверждение, 1923 г. (SOA v Praze. Osobní fond Sachanев V. V. Osobní doklady).

²⁷ Эйлер Александр Александрович (1884–1934) — уполномоченный Всероссийского земского союза в Болгарии, см.: Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания / под ред. В. В. Чумаченко, П. В. Чумаченко, С. А. Рожкова. М.: Новые печатные технологии, Синержи, 2013. 366 с.

²⁸ Подтверждение о возвращении ссуды, 1923 г. (SOA v Praze. Osobní fond Sachanев V. V. Osobní doklady).

общежитие»), где он делил комнату с галлиполийцем Малышевым²⁹, затем под Прагой — во Вшенорах и в Добржиховицах. Вероятнее всего, он был включен в так называемую Русскую акцию помощи чехословацкого правительства, куда помимо студентов входили также ученые, которые получали субсидии для продолжения научной деятельности в эмиграции. Из письма неидентифицированного корреспондента из Чехословакии известно, что министерство (по-видимому, речь идет чехословацком МИД) согласилось принять В. В. Саханева на содержание в том же порядке, что и А. И. Тарасевича³⁰. Во время своего проживания во Вшенорах В. В. Саханев старался поддерживать связь с супругой в Советской России и помогать ей. Из открытки мальчика Миши своему учителю В. В. Саханеву следует, что «компаньон его отца посетит Москву и Ленинград, навестит Валентину Михайловну» и что «деньги уже, вероятно, переданы»³¹.

В первые годы пребывания в Праге Саханев основательно готовился к защите магистерской диссертации. В 1926 г. в Факультетской историко-филологической комиссии при Русской академической группе он защитил магистерскую диссертацию по русской истории³² и получил должность приват-доцента. В конце 1920-х годов опубликовал работы, посвященные русской этнографии и археологии³³,

²⁹ Лосский Б. Н. В Русской Праге (1922–1927) // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. № 16. С. 9. Инициалы не указаны, однако с большой долей вероятности речь идет о Николае Николаевиче Малышеве (1882–1952) — галлиполийце и учителе естественных наук в Страшницкой русской гимназии в Праге.

³⁰ Неизвестный — В. В. Саханеву, 3 января 1923 г. (SOA v Praze. Osobní fond Sachanев V. V. Přijátá korespondence. Neidentifikováno).

³¹ Миша — В. В. Саханеву, Вшеноры, 29 ноября (б. г.) (SOA v Praze. Osobní fond Sachanев V. V. Přijátá korespondence. Neidentifikováno).

³² Испытания проводились по русской истории, всеобщей истории (романо-германский запад), политической экономии, истории славян и по истории Византии. Испытуемый также по установлению Факультетской комиссии прочитал две пробные лекции: «Современное состояние вопроса о составе начальной русской летописи» и «Политическая программа Бориса Годунова», по собственному выбору. В. В. Саханеву было присуждено право преподавать в высших учебных заведениях в звании приват-доцента.

³³ Саханев В. В. К вопросу об истоках сюжетных и орнаментальных мотивов в русском народном творчестве // Conférence des historiens des états de l'Europe Orientale et du Monde Slave. Varsovie, le 26–29 juin 1927. Varsovie: Société Polonaise d'Histoire, 1928. II-me Partie. Compte-Rendu et Communications. P. 163–190; Он же. Александр

некоторые — на иностранных языках³⁴. В 1927 г. Саханев в составе делегации видных ученых-эмигрантов из Чехословакии принял участие в международной конференции историков государств Восточной Европы и славянских стран, созванной в Варшаве по инициативе Польского исторического общества и исторических обществ других стран. В состав делегации входили такие представители русской исторической науки, как Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968), Николай Львович Окунев (1895–1949), Б. А. Евреинов, Иван Онуфриевич Панаас (1890–1980)³⁵. В 1928 г. ученый совершил поездку в Париж, где 28 февраля выступил на собрании Союза галлиполийцев с докладом «Поэтическое мировоззрение Николая Гумилева». Отзыв о статье впоследствии написал член редакции журнала *Современные записки*, видный деятель русского зарубежья Марк Вениаминович Вишняк (1883–1976)³⁶.

В 1928 г., по возвращении из Франции, где он неудачно пытался найти себе применение и остаться, В. В. Саханев снова поселился в Праге, сначала по адресу: Вышеградская площадь (*Vyšehradská třída*), 35, а затем в так называемом Профессорском доме³⁷ по адресу: ул. Бучкова (*Ul. Bučkova*) 597/27, где прожил до конца своих дней. Его личная жизнь пока остается для исследователей загадкой. С опорой на входящую корреспонденцию от дочери Е. Н. Чирикова Валентины Ульянищевой³⁸ и ее супруга Василия, можно сказать, что с начала 1930-х годов Саханев был увлечен замужней женщиной по имени Мария Михайловна. Но чаще всего в переписке ее называют «Мэри». В личном фонде В. В. Саханева сохранился его портрет,

Андреевич Спицын. К 70-летию со дня рождения // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н. П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études Byzantines*. Praha: Seminarium Kondakovianum, 1928. II. С. 343–346.

³⁴ *Sachanev V. V. Etudes sur l'origine de l'art populaire russe* // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki, 1929. IV. P. 312–320; *Idem*. Karpatorussische Kirchenkunst // *Prager Rundschau*. Prag: Orbis; Berlin: Dr. Walter Rotschild, 1932. Jg. II. S. 55–63; *Idem*. Östliche und westliche Einflüsse in der karpatorussischen Ikonenmalerei. Prag: Orbis, 1933. 11 S.

³⁵ Аксенова 2013.

³⁶ См.: «Современные записки». Из архива редакции (Париж, 1920–1940) / ред. О. Коростелев, М. Шруба. М.: Новое литературное обозрение, 2013. Т. 3. С. 124–125.

³⁷ Каждый из кооперативных домов, построенных на ссуды, взятые русскими эмигрантами, имел свое простонародное название. Наряду с «Профессорским домом» это были *Patriotika* и «У трех жуликов».

³⁸ Ульянищева-Чирикова Валентина (1897–1988) — дочь Е. Н. Чирикова, писательница.

выполненный карандашом и подписанный ею: *Mary*³⁹. Судя по письмам четы Ульянищевых, Мэри не была способна на глубокое чувство к Саханеву, хотя сама по себе была добра и мила. Интересна характеристика, данная ей Валентиной Ульянищевой:

Мэри — типичная «офицерская дочка». Ее, в сущности, внутреннюю бессодержательность скрашивает ее ум — остроумный, быстрый и по-мужски острый, затем пикантность ее внешности и искусство одеваться — и очень в ней трогательно ко всему этому ее безусловная доброта и способность к заботливости и ее душевная и физическая хрупкость. Из нее могла бы выйти совсем другая женщина, женщина незаурядная и стоящая, — но, должно быть, с детства — окружена она была надутой пустельгой⁴⁰.

Отношения Мэри и Всеволода закончились тем, что она сделала выбор в пользу мужа, уехала в Югославию и оттуда писала Саханеву редкие и короткие письма. В 1934 г. Валентина Чирикова, вдова Е. Н. Чирикова, в почтовой карточке писала ему: «Ходили слухи, что вы женились»⁴¹. Вероятнее всего, речь шла уже о другой даме сердца.

В воспоминаниях Бориса Сергеевича Пушкарева говорится о некоем мальчике Шуре Саханеве, с которым автор воспоминаний жил в Праге в одном «профессорском доме», дружил в детстве, но который умер в возрасте четырех лет от дифтерии. Его отец В. В. Саханев, по словам Б. С. Пушкарева, входил в «кружок молодых ученых» вместе с отцом Бориса Сергеевича, Сергеем Пушкаревым⁴². Однако здесь имеет место ошибка. 24 января 1934 г. на православном участке Ольшанского кладбища был похоронен Александр Сергеевич Борисов (1929–1934), умерший от скарлатины. Других мальчиков около четырех лет с 1932 по 1934 г. на православном участке Ольшанского кладбища не хоронили⁴³. Кроме того, личный фонд в Пражском государствен-

³⁹ В корреспонденции В. В. Саханеву она же подписана как Марија Хајер (серб.).

⁴⁰ В. Е. Ульянищева — В. В. Саханеву (SOA v Praze. Osobní fond Sachanév V. V. Přijátá osobní korespondence. Nedatováno).

⁴¹ В. Е. Чирикова — В. В. Саханеву, 12 сентября 1934 г. (SOA v Praze. Osobní fond Sachanév V. V. Přijátá osobní korespondence).

⁴² Пушкарев Б. Детство и юность в эмиграции (1930–1940-е годы) // Русское слово. 2014. № 2. С. 36–39.

⁴³ Экспертное заключение исследователя русской эмиграции в Чехословакии Владимира Поморцева, которое он сделал со ссылкой на собственную обширную базу захоронений русских эмигрантов на Ольшанском кладбище. Прага, 15.08.2024.

ном областном архиве и дело В. В. Саханева в Национальном архиве не содержат сведений о ребенке или супруге⁴⁴. Возможно, в дальнейшем более внимательное изучение корреспонденции ученого прольет свет на детали его личной жизни.

Судя по переписке, в эмиграции В. В. Саханев был особенно дружен с писателем Е. Н. Чириковым и его семьей. Ниже приведены несколько отрывков из полученной им корреспонденции от разных членов семьи, которые свидетельствуют о высокой степени доверительности их отношений.

Писатель Евгений Чириков делился с В. В. Саханевым своими впечатлениями о летнем отдыхе в Чехословакии:

Уголок красив, но кусочек. Как мушкара, все на нем и толкуются. Не в моем вкусе. Я люблю простор, тишину, безлюдье <...>, чтобы можно было на время забыть о городской культуре. Здесь гудят авто, шумят рестораны, воняют их кухни. Горы утомительны для меня и потому я окончательно лишен права быть одному. Ходят здесь Адамиками. В этом смысле свободы вполне достаточно, но увей! В мои года уже не ценишь право изображать Апполона Бельведерского и имеешь все основания предпочитать штаны. Ну, а посмотреть на хорошо сложенную женщину все-таки еще приятно и против того, что они не носят штанов, я ничего не имею⁴⁵.

Георгий Евгеньевич Чириков (1901–1993), сын Е. Н. Чирикова, рассказывал о встрече:

Побывал я на днях в праздном Карлсбаде — свиделся со своей приятельницей, она приехала из России — узнал о своих прежних товарищах массу новостей. И о жизни тамошней мало что веселое, и из эмигрантской “тачки” и вообще. Царствует дух приспособления, никакой почти борьбы в широкой массе бывшей интеллигенции. Вся контрреволюция в смешок и анекдотец. Таковы мои впечатления [sic!] от рассказов ее (хотя ее отец — академик Бехтерев из очень даже приспособившихся)⁴⁶.

⁴⁴ Národní archiv. Policejní ředitelství Praha II — všeobecná spisovna — 1941–1950. Kar. 9790. Sign. S 177/3.

⁴⁵ Е. Н. Чириков — В. В. Саханеву, Мала Скала у Турнова, 1927 г. (SOA v Praze. Osobní fond Sachanev V. V. Přijátá osobní korespondence).

⁴⁶ Г. Е. Чириков — В. В. Саханеву, Ервенице у Мосту, 16 августа 1927 г. (SOA v Praze. Osobní fond Sachaneva V. V. Přijátá osobní korespondence).

Г. М. Ретивов⁴⁷ сетовал на трудности жизни:

Из разговора одного моего знакомого с В. Д. Поповым⁴⁸ я узнал, что предпринятые у нас недавно опросные анкеты служат якобы для переоценки ценностей. Ценностями являемся мы — служащие. И вот якобы в зависимости от того, как будет оценена данная ценность, будет сокращено или увеличено содержание ей. У нас на Шкодове⁴⁹ существует лозунг — протэкция это все. При протэкции и плохая ценность будет оценена хорошо и прибавлено ей будет жалование, хорошо бы было если бы Войцеховский⁵⁰ и по этому поводу поговорил⁵¹.

Валентина Ульянищева обсуждала с В. В. Саханевым общие черты и разницу менталитетов с местным населением:

Правда, мы с вами люди старой школы чтим красивую и благородную душу и честь без мести. Но здесь как (нрзб. — *О. Х.*) живут тайными расчетами, как сухи сердца, как здесь смешно и вредно все то, что мы привыкли ценить — и как отрывочны, как [нечитаемо] эти кусочки счастья наедине со стариками или книгой, которые вот-вот [нечитаемо] отнимает “иностранная политика”. Говорят усиленно, что [нечитаемо] прекратят нам всем всякую помощь — то теперь даже мысль о необходимости где-то служить и получать ответы, это таких, как Вы у нас [нечитаемо] — даже уже это перестало огорчать меня — потому что за ласку, за дружбу, за безумие любви — можно простить жизни ее бесконечные бессмыслицы. Если-б была моя полная свобода — я бы занималась главным образом театральной литературой и легендами и писала бы сказки для детей⁵².

Еще одной семьей, с которой В. В. Саханева связывали более чем рабочие отношения, была семья историка Е. Ф. Шмурло.

⁴⁷ Ретивов Георгий Митрофанович (1898–1957) — супруг Чириковой Новеллы (1894–1978), дочери Е. Н. Чирикова.

⁴⁸ Попов Владимир Дмитриевич (1880–1941), эмигрант, изобретатель, инженер, один из самых богатых русских эмигрантов в Чехословакии. Поповы и Чириковы дружили семьями.

⁴⁹ Имеется в виду один из заводов промышленной компании «Шкода».

⁵⁰ Войцеховский Сергей Николаевич (1883–1951) — русский военачальник, один из руководителей Белого движения, в эмиграции генерал чехословацкой армии.

⁵¹ Г. М. Ретивов — В. В. Саханеву, 2 декабря 1934 г. (SOA v Praze. Osobní fond Sachanev V. V. Přijátá osobní korespondence).

⁵² В. Е. Ульянищева — В. В. Саханеву, б. м. и д. (SOA v Praze. Osobní fond Sachanev V. V. Přijátá osobní korespondence).

По воспоминаниям эмигранта Николая Андреева, Саханев «долгое время состоял при слабом ногами, но замечательном духом профессоре Шмурло и всячески ему помогал»⁵³. После смерти Шмурло, Саханев вел наследственные дела знаменитого историка⁵⁴. В его личном фонде сохранились копии 36 писем сына — Сергея Евгеньевича Шмурло, который проживал в Ките (Французский Судан, сейчас Мали) и Тулузе и работал врачом во французских колониях⁵⁵ — к известным чехословацким и русским ученым о распределении личных вещей отца и о посмертной публикации его трудов.

Согласно распоряжениям, В. В. Саханев должен был обсудить с русским славистом, историком литературы профессором Владимиром Андреевичем Францевым (1867–1942) вопрос о портретах Пушкина и Тургенева, которые тот ранее выразил желание приобрести⁵⁶. Н. Л. Окуневу, выполняя волю отца, сын передавал на хранение три официальные должностные печати «Ученого корреспондента в Риме»: «На тех же условиях, что и находящаяся у вас библиотека У. К. в Риме»⁵⁷. В собственность РИО сын передал через Саханева портреты русских историков в рамках и рулон гравюр⁵⁸. К профессору Теодору Сатурнику, члену редакции издательства Славянского института в Праге, сын обращался по поводу рукописи отца «Петербургское окружение Пушкина» — наследник не соглашался с изданием труда в сокращенной версии и просил передать ее В. В. Саханеву⁵⁹.

⁵³ Андреев Н. Е. «То, что вспоминается». С. 17.

⁵⁴ После смерти Шмурло его ученик посвятил ему статью, см.: Саханев В. В. Последние дни жизни Е. Ф. Шмурло. Прага: Литография, 1934. 9 с.

⁵⁵ Особый интерес, на наш взгляд, представляет корреспонденция за 1934–1937 гг. С. Е. Шмурло с В. В. Саханевым, свидетельствующая о непростом положении русских врачей-эмигрантов во Франции.

⁵⁶ С. Е. Шмурло — В. А. Францеву, б. м., 17 июля [1935 г.] (SOA v Praze. Osobní fond Sachanev V. V. Korespondence cizí providece). При датировке использована копия письма профессору Я. Бидло, датируемого 16 июля, в котором С. Е. Шмурло пишет, что профессор Сергей Владиславович Завадский скоропостижно скончался у него на руках, а смерть С. В. Завадского наступила 2 июля 1935 г.

⁵⁷ С. Е. Шмурло — Н. Л. Окуневу, б. м. и д. (SOA v Praze. Osobní fond Sachanev V. V. Korespondence cizí providece).

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ С. Е. Шмурло — Т. Сатурнику, б. м. и д. (SOA v Praze. Osobní fond Sachanev V. V.). В личном фонде В. В. Саханева упомянутой рукописи не обнаружено.

В.В. Саханев вел активную общественную деятельность: был членом правления эмигрантского общества «Русский очаг»⁶⁰, в мае 1929 г. был принят в члены русского издательского общества «Единство»⁶¹. В том же году вышел в свет сборник статей, посвященный П. Н. Милюкову, который содержал статью В. Саханева⁶². В 1930 г. во втором томе *Записок русского исторического общества* было опубликовано его исследование о значении Конференции, учрежденной при Дворе императрицы Елизаветы Петровны⁶³.

Во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х годов в Праге начал работать Кружок по изучению Первой мировой войны под руководством бывшего генерал-майора Русской императорской армии Михаила Александровича Иностранцева (1872–1938), где Саханев в 1931 г. несколько раз прочитал лекцию «Сложение русской государственной территории»⁶⁴. Не удалось установить, являлся ли ученый членом чехословацкого отделения РОВСа, военной организации, чья деятельность была в Чехословакии запрещена, но как активный галлиполиец он вполне мог состоять в нем.

На 1930-е годы на долю ученого выпало много потерь: один за другим из жизни уходили его учителя и товарищи. В.В. Саханев и вся русская эмигрантская общественность в январе 1932 г. похоронила Е. Н. Чирикова (В.В. Саханев был одним из тех, кто нес гроб⁶⁵), в январе 1933 г. — историка А.А. Кизеветтера, в октябре 1933 г. — историка Б.А. Евреинова, в апреле 1934 г. — историка Е. Ф. Шмурло⁶⁶. Трех последним в 1937 г. был посвящен выпуск *Записок*

⁶⁰ Филин 2004: 239.

⁶¹ Членский билет общества «Единство» (SOA v Praze. Osobní fond Sachaneva V. V. Osobní doklady). Подробнее о работе Чешско-русского общества взаимного кредита см.: Хайлова 2014: 154.

⁶² Саханев В.В. К вопросу о значении сюжета в русском народном искусстве // Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову 1859–1929 / ред. Б.А. Евреинов. Прага: Русский заграничный исторический архив, 1929. С. 87–96.

⁶³ Саханев В.В. К вопросу о значении Конференции, учрежденной при Дворе Императрицы Елизаветы Петровны // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1930. Кн. 2. С. 5–47.

⁶⁴ Ганин 2017: 16.

⁶⁵ Ruské oblázky kouře // Ceska Televize URL: <https://www.ceskatelevize.cz/porady/1049101344-soukrome-stoleti/202322226000001/> (дата обращения: 10.08.2024).

⁶⁶ По экспертной оценке исследователя русской эмиграции Владимира Померцева, могила профессора Е. Ф. Шмурло утрачена. Она находилась около братской могилы власовцев, справа от могилы московского городского головы Николая

исторического общества⁶⁷, для издания которого В. В. Саханев собирал финансовые средства начиная с 1934 г., организовывал его публикацию, а также последующую рассылку. В том же году он по договору со Славянским институтом подготовил к печати третий том «Курса русской истории» Е. Ф. Шмурло⁶⁸. Кроме того, посвятил ему несколько статей⁶⁹.

В середине 1930-х годов происходило постепенное снижение чехословацким правительством субсидирования РАП. Валентина Ульянищева в письме выражала обеспокоенность судьбой В. В. Саханева, так как узнала, что стипендию «молодым» (ученым. — О. Х.) будут платить только до января, о чем уже ранее предупреждали⁷⁰.

Сокращение субсидий от чехословацкого правительства эмигрантам в 30-х годах вынуждало ученых не только заниматься научной деятельностью, но и в рамках своих компетенций искать и другие источники существования. В 1931 г. вместе с Константином Павловичем Федоровым⁷¹, Вениамином Сергеевичем Озерецковским⁷² и Александром Ивановичем Данилевским⁷³ Саханев вошел в состав правления Чешско-русского общества взаимного кредита⁷⁴. Занимал-

Астрова. Номер могилы: 2 об. 18-176. Сейчас на этом месте похоронена другая семья и на новом памятнике указаны только члены этой семьи. Нет данных, когда именно было проведено повторное захоронение. Предположительно могила была уничтожена после 2002 г., хотя возможен вариант, что повторное захоронение было проведено еще в 1958 г.

⁶⁷ Записки русского исторического общества в Праге. Т. 3.

⁶⁸ См.: SOA v Praze. Osobní fond Sachanев V. V. Přijátá pracovní korespondence.

⁶⁹ Саханев В. В. Евгений Францевич Шмурло // Знамя России: вестник «Крестьянской России» — Трудовой крестьянской партии. 1934. № 5. С. 16–18; *Он же*. Professor Jevgenij Francevič Šmurlo: 29.XII.1853 — 7.IV.1934. Praha: [s.n., 1935]. S. 337–342 // *Zv. otisk z Ročenky Slovanského ústavu*, sv. V–VII.

⁷⁰ В. Е. Ульянищева — В. В. Саханеву, б. м., 1932 г. (SOA v Praze. Osobní fond Sachanев V. V. Přijátá osobní korespondence).

⁷¹ Федоров Константин Павлович (1859–1936) — инженер-технолог, профессор, руководитель Союза русских инженеров и техников в Чехословакии.

⁷² Озерецковский Вениамин Сергеевич (1888–1949) — один из общественных деятелей, высланных из Советской России в 1922 г., бывший сенатор, литератор, редактор.

⁷³ Данилевский Александр Иванович (1871–?) — инженер-технолог, староста «Русского Сокола».

⁷⁴ Членский билет общества (SOA v Praze. Osobní fond Sachanев V. V. Osobní doklady).

ся публицистикой: печатался в журнале *Центральная Европа*⁷⁵ и в газете *Знамя России*⁷⁶. В ноябре 1933 г. В. В. Саханев избрали в состав преподавателей Русского народного университета. В марте 1934 г. он был избран в члены Совета и Ученой комиссии РЗИА и утвержден в этом звании чехословацким МИДом⁷⁷. На 1933–1934 гг. приходится неприятная для ученого ситуация, связанная с его деятельностью как фотографа. Михаил Михайлович Карпович (1888–1959), живший и работавший в США, из желания помочь Саханеву поправить финансовое положение организовал для него заказ американского коллеги для его лекций по истории искусств⁷⁸. Сэмюэль Х. Кросс⁷⁹ заказал у ученого диапозитивы, получил их, но под разными предлогами так и не выплатил гонорар. В защиту Саханева выступал и РНУ, однако годовая деловая переписка ничего не изменила⁸⁰.

Научная деятельность В. В. Саханева в эмиграции охватывала многие направления: лекционное (в 1927–1937 гг. по приглашению РИО, РНУ и других объединений он прочитал более 20 лекций), архивное (выполнял экспертизу архивных материалов, в частности, рукописи Бориса Александровича Штейфона «Поход на Польшу

⁷⁵ Например, см.: *Саханев В. В.* Карпаторусская иконопись // *Центральная Европа*. Прага, 1931. № 10.

⁷⁶ *Саханев В. В.* Евгений Францевич Шмурло // *Знамя России: вестник «Крестьянской России»* — Трудовой крестьянской партии. 1938. № 5. С. 16–18; *Он же.* Реформы Петра и «достижения» большевиков // *Знамя России: вестник «Крестьянской России»* — Трудовой крестьянской партии. 1934. № 6. С. 6–10; *Он же.* К характеристике советской литературы // *Знамя России: вестник «Крестьянской России»* — Трудовой крестьянской партии. 1935. № 6. С. 10–12 (номером ранее статья анонсировалась под названием «Подсоветская художественная литература»); *Он же.* 75-летие со дня освобождения крестьян // *Знамя России: вестник «Крестьянской России»* — Трудовой крестьянской партии. 1936. № 4. С. 6; *Он же.* К столетию Пушкина // *Знамя России: вестник «Крестьянской России»* — Трудовой крестьянской партии. 1937. № 2. С. 3–5; *Он же.* Сдвиги в СССР и историческая наука // *Знамя России: вестник «Крестьянской России»* — Трудовой крестьянской партии. 1937. № 6–7. С. 16–18. Известно, что В. В. Саханев состоял в руководстве организации «Крестьянская Россия», см.: Базанов 2000: 160.

⁷⁷ Подтверждение см.: SOA v Praze. Osobní fond Sachanев V. V. Osobní doklady.

⁷⁸ «Русская Прага для меня теперь далеко не безразлична»: Письма М. М. Карповича А. Ф. Изюмову (1929–1939 гг.). Публикация, вступительная статья и комментарии М. М. Горинова-мл., М. Ю. Сорокиной; подготовка текста М. М. Горинова-мл. // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2020. С. 389.

⁷⁹ Кросс Сэмюэль Х. (1891–1946) — американский ученый-славист, профессор *The Mediaeval Academy* в Кембридже (Массачусетс).

⁸⁰ См.: SOA v Praze. Osobní fond Sachanев V. V. Přijátá pracovní korespondence.

в 1920 г. (Бредовский поход)», материалов, переданных Натальей Сергеевной Евреиновой⁸¹ (1936 г.), архивных материалов Александра Ивановича Гучкова (1936 г.) и др.), полевых исследований (три командировки в 1928–1931 гг. в Восточную Словакию и Карпатскую Русь), публикационное⁸² и научно-организационное (как один из членов Музейной комиссии РКИМ и заместитель председателя Михаила Михайловича Новикова⁸³ Саханев вел подготовку к открытию музея в Збраславском замке, однако не сошелся с главным инициатором и создателем РКИМ В. Ф. Булгаковым в ряде вопросов и буквально через месяц после открытия РКИМ, в октябре 1935 г., подал заявление о выходе из Музейной комиссии). Суть их разногласий заключалась в том, что Саханев настаивал на документально-политическом подходе к составлению фондов РКИМ, то есть на собирании фотографических материалов с акцентом на историю Белого движения и быт, тогда как Булгаков придерживался концепции собирания произведений искусства, как того требовала Музейная комиссия. Он считал, что не следует подчеркивать политический момент в деятельности РКИМ, так как задачи шире чисто политических, и аргументировал эту позицию следующим образом: «Не для всех русских за рубежом одни и те же политические моменты имеют одинаковый смысл, и время объективных политических оценок в том, что касается последних лет истории России, еще не пришло». Поскольку музей создавался «в чужой стране и в значительной мере, для иностранного посетителя», иностранцам «должны показать не наши взаимные споры и даже не наше отношение к большевикам (которое ни для кого вопроса не представляет), а наше позитивное культурное творчество»,

⁸¹ Евреинова Наталья Сергеевна (1893–1983) — супруга историка Б. Евреинова, так же, как и Саханев, принадлежавшего к так называемому второму поколению историков.

⁸² Попытку составить библиографию работ В. В. Саханева предприняли чехословацкие ученые М. Куделка и З. Шимечек, подробнее см.: Kudělka, Šimeček 1972: 416. В личном архиве историка хранится библиография, составленная им самим, но и она не является полной (см.: Приложение № 1). Предположительно она была ответом на вопрос № 15 МИД Чехословакии, в связи с пересмотром размера субсидий в рамках Русской акции помощи в 1934 г. Последние два пункта библиографии не являются публикациями. Кроме того, в списке литературы указаны все обнаруженные нами публикации ученого начиная с 1912 г. На сегодняшний день можно говорить о 49 публикациях.

⁸³ Новиков Михаил Михайлович (1876–1965) — эмигрант, зоолог, педагог, общественный деятель.

которое, по мнению В. Ф. Булгакова, должно было наиболее целесообразным образом нанести удар по большевизму⁸⁴.

Однако В. В. Саханев не только критиковал работу РКИМ, но и на подготовительном этапе принял активное участие в сборе документов. Он вступил в переписку с баронессой М. Д. Врангель по поводу разыскания материалов из наследия барона Петра Врангеля для РКИМ, а также предлагал ей стать представителем РКИМ в Бельгии, но баронесса отказалась ввиду работы над собственным архивом и пообещала передать в РКИМ некоторые документы, включая семейный журнал *Acta Wrangeliana*⁸⁵.

Как говорилось выше, в качестве предмета научных исследований в эмиграции В. В. Саханев остановился на изучении народной культуры Карпатской Руси: орнаментов, церквей, икон⁸⁶, и опубликовал по этой тематике ряд работ⁸⁷. В ходе изучения орнаментов, встретившихся ему в карпаторусских поселениях, он сделал вывод о их происхождении. Представляется необходимым акцентировать на этом внимание, чтобы на данном примере продемонстрировать ход его научной мысли, которая впитала опыт археолога, полученный в России, и отразила его уже в эмиграционных исследованиях. Кроме того, возможно, именно Саханев стал первым ученым, кто предположил, что существовало два влияния на русский народный узор — так называемое норманнское, выражавшееся в сложных растительных и геометрических плетениях, и «скифское», отразившееся на сюжетах религиозного, культового характера и на «зверином стиле». В письме неизвестному адресату⁸⁸ по поводу статьи в сборник в честь А. А. Спицына он писал:

⁸⁴ В. Ф. Булгаков — В. В. Саханеву, б. м., 13 октября 1934 г. (SOA v Praze. Osobní fond Sachaneva V. V. Pracovní osobní korespondence). Подчеркивания — так в оригинальном тексте.

⁸⁵ М. Д. Врангель — В. В. Саханеву, 1934 г. (SOA v Praze. Osobní fond Sachaneva V. V. Pracovní osobní korespondence). На наш взгляд, все пять писем баронессы М. Д. Врангель В. В. Саханеву требуют отдельного изучения.

⁸⁶ Подробнее см.: Хорстинк 2024.

⁸⁷ Хорстинк 2024.

⁸⁸ В архиве В. В. Саханева сохранилось два письма за подписью финского археолога Арне Михаэля Тальгрена (1885–1945) из журнала *Eurasia Septentrionalis Antiqua* (1928 г.) с предложением написать статью в сборник в честь А. А. Спицына, из чего можно предположить, что письмо Саханева было адресовано именно ему. Публикацию см.: *Sachanev V. Etudes sur l'origine de Tarl populate russe // Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1929. IV. 312–320.

В наличии этого влияния (скифского. — О.Х.) я глубоко убежден и прослеживаю его, во-первых, на изображениях из области культа Великого женского божества, во-вторых, на наличии в русском народном искусстве несомненных элементов скифского “звериного стиля”, и, в-третьих, в “каталоге” изображений из животного мира, который вполне совпадает с каталогом изображений в скифском искусстве и резко расходится с каталогом животного мира в русском фольклоре. Что же касается моего предположения об общности очага для всей Европы, то оно покоится пока только на догадках, основанных на некоторых примерах. Так, “звериный стиль”, послуживший источником как для скифского звериного стиля, так и для сибирского и для ионийского, получает широкое распространение: в Италии, если не видеть отражения этого сюжета в некоторых деталях резьбы на соборе св. Марка в Венеции, то несомненно с ним мы встречаемся в фресках церкви монастыря на Градо; с другой же стороны я вижу тот же сюжет на двух известных мне коврах *Ruyi* в Финляндии⁸⁹.

Ранее в письме тому же адресату он писал:

Я пришел к выводу, что русское народное искусство питалось из источника, общего, вероятно, для всей Европы. Место рождения его, по-видимому, Иран. Распространение его шло, как мне кажется сейчас (я не имею в своем распоряжении еще достаточного количества материала для решительных заключений), тремя путями: южным — через Византию, Балканский полуостров и далее в Западную Европу; средним — через Европейскую Россию (скифский путь); и северным — через Сибирь и Финляндию⁹⁰.

В июле 1936 г. В.В. Саханев получил официальное уведомление о том, что является сотрудником ужгородской ежедневной газеты *Русский народный голос*⁹¹. В том же году принял участие в IV съезде славянских географов и этнографов в Софии, где выступил с докладами по теме исследований в Восточной Словакии и Карпатской Руси. На этот же год приходится ухудшение его здоровья. Русский врач Н.В. Толль-Вернадская, дочь академика В.И. Вернадского,

⁸⁹ В.В. Саханев — Неизвестному адресату, б. м. и д. (SOA v Praze. Osobní fond Sachaneva V. V. Odchozí korespondence. Koncept).

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Редакция газеты *Русский Народный Голос* — В.В. Саханеву, б. м., 20 июля 1936 г. (SOA v Praze. Osobní fond Sachanov V. V. Přijátá pracovní korespondence).

выписала ему рекомендацию для курортного лечения в Болгарии сроком на шесть недель⁹².

В 1938 г. Чехословакия, согласно Мюнхенскому договору, была разделена, а в марте 1939 г. установлен протекторат. Эти события сильно повлияли на деятельность русских научных организаций: сотрудники не представляли, какое будущее их ожидает, и научная жизнь замерла. В 1940 г. была опубликована последняя работа В. В. Саханева «Из истории России конца XVIII столетия (Три неопубликованных документа из истории рода графов Паниных)», основанная на материалах оказавшихся в 1930 г. в распоряжении РЗИА трех документов из семейного архива⁹³. В том же 1940 г., в сборнике к десятилетию Украинского исторического кабинета, В. В. Саханев был упомянут среди ученых-иностранцев, занимавшихся исследованиями украинского края и жизнью украинского народа⁹⁴.

В. В. Саханев умер в декабре 1940 г. в возрасте 55 лет от сердечной недостаточности⁹⁵ и был похоронен на православном участке Ольшанского кладбища в Праге, а именно на 2-м муниципальном кладбище, на 18-м участке, место № 213. Надгробье, однако, не сохранилось, а на месте захоронения выросло дерево.

Заключение

Биография В. В. Саханева отражает многие вызовы, с которыми сталкивались представители русской интеллигенции с началом Первой мировой войны и последующих стремительно развивающихся событий, включая Гражданскую войну и эмиграцию. Несмотря на достаточно быструю смену социальных ролей, от ученого-археолога до офицера Русской императорской, а затем Добровольческой

⁹² Справка, выданная В. В. Саханеву для предъявления начальнику железных дорог, 1936 г. (SOA v Praze. Osobní fond Sachanov V. V. Zdravotní dokumentace).

⁹³ Саханев В. В. Из истории России конца XVIII столетия: (три неопубликованных документа из истории рода графов Паниных) // Записки научно-исследовательского объединения в Праге. 1940. Т. X. (st. ser. T. XV). № 71. 35 с.

⁹⁴ Животко 1940.

⁹⁵ Národní archiv, Policejní ředitelství Praha II — všeobecná spisovna — 1941–1950, kar. 9790, sign. S 177/3.

армии, В. В. Саханев никогда не забывал о своем предназначении преподавателя русской истории и смог на всех сложных жизненных этапах его по мере возможности реализовывать. В эмиграции, несмотря на все ее тяготы и лишения, В. В. Саханев смог воспользоваться помощью чехословацкого правительства в рамках РАП и продолжил посвящать себя науке, в частности — изучению народной культуры Подкарпатской Руси. Судьба В. В. Саханева типична для русских эмигрантов первой волны, которые были вынуждены покинуть родину и искать возможности для существования в новых условиях. Жизнь в эмиграции часто была нестабильной, зависела от внешнеполитической ситуации и финансовой поддержки со стороны различных организаций. Кроме того, и в эмиграции на судьбу В. В. Саханева, равно как и других русских эмигрантов, выпала жизнь в условиях политических перемен в Европе, включая Мюнхенское соглашение и установление Протектората Богемии и Моравии. Положение русских эмигрантов свидетельствовало о хрупкости их существования и о постоянной борьбе за выживание. Однако и это не сломило преданности В. В. Саханева профессиональным интересам и его стремления к сохранению культурного наследия своего народа в условиях эмиграции. К сожалению, ранняя смерть, вызванная, скорее всего, войнами, тяготами и лишениями, этот путь прервала.

Список сокращений

Доброармия — Добровольческая армия
ИАК — Историко-археологическая комиссия
РАП — Русская акция помощи
РАГ — Русская академическая группа
РЗИА — Русский заграничный исторический архив
РИО — Русское историческое общество
РИС — Русский исторический семинар
РКИМ — Русский культурно-исторический музей
РНУ — Русский народный университет
РОВС — Русский общевоинский союз
SOA v Praze — Státní oblastní archiv v Praze

Список исторических географических названий

Берегсас (венг.) — ныне Берегово (укр.)

Севлюш (укр., ист.) — ныне Виноградив (укр.), в венгерской традиции Надь-сёлёш

Мукачево (укр.) — Мункач (венг.)

Солнцедар — ныне Геленджик в России

Литература

Аксенова 1997 — *Аксенова Е. П.* А. В. Флоровский и Русское историческое общество в Праге // ROSSICA. 1997. № 1. С. 77–82.

Аксенова 2013 — *Аксенова Е. П.* Международная конференция историков славянских стран и Восточной Европы и русские эмигранты // Славянский мир: Общность и многообразие. К 1150-летию славянской письменности: 20–21 мая 2013 г. Международная научная конференция: Тезисы / под ред. К. В. Никифорова. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 79–80.

Базанов 2000 — *Базанов П. Н.* Русский ученый-эмигрант Н. Е. Андреев в Англии // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940 гг.): Международная научная конференция, 29 июня — 2 июля 2000 г. / под ред. О. Б. Василевской. М.: Русский путь, 2002. С. 158–165. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования; Вып. 3).

Баханов, Лыман 2002 — *Баханов К. А., Лыман И. И.* Бердянск в дневниках титулярного советника В. К. Крыжановского; Крыжановский В. К. Дневники. Запорожье: Просвіта, 2002. [194 с.].

Гагкуев 2011 — *Гагкуев Р. Г.* Роль вербовочных центров в пополнении белых армий Юга России в 1918 г. // Вестник ИрГТУ. 2011. № 9(56). С. 238–245.

Ганин 2017 — *Ганин А. В.* Пражский кружок по изучению Первой мировой войны // Военно-исторические исследования в Поволжье: сборник научных трудов / отв. ред. А. А. Герман. Саратов: б.и., 2017. № 11. С. 4–21.

Гуськова 2006 — *Гуськова Д. М.* УМСА в России: история и настоящее // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2006. № 1–2. С. 159–175.

Животко 1940 — *Животко А.* Десять років Українського Історичного Кабінету: (1930–1940) / за ред. Яр. Прокеша. Прага: Міністерство Внутрішніх Справ у Празі, 1940. 70 с.

Ковалев 2011 — *Ковалев М. В.* Русское историческое общество в Праге (1925–1945) // Российская история. 2011. № 5. С. 148–158.

Ковалев 2012 — *Ковалев М. В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940). Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2012. 408 с.

- Митрофанов 2022. — *Митрофанов В.В.* «Слухи тревожные из Петербурга...»: письма А. А. Спицына С. Ф. Платонову (1911–1927 гг.) // Вестник. Научно-методический журнал Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. 2022. № 3(35). С. 13–39.
- Мусин, Медведева (ред.) 2019 — Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы / под ред. А. Мусина, М. Медведевой. СПб.: Институт истории и материальной культуры, 2019. Т. 2. 1005 с.
- Рудакова 2020 — *Рудакова Л.П.* Императорское Русское военно-историческое общество и изучение памятников Древней Руси. 1908–1914 гг. // Археологические вести. 2020. № 30. С. 290–300.
- Филин 2004 — *Филин М.Д.* Зарубежная Россия и Пушкин. Опыт изучения. Материалы для библиографии (1918–1940). Иконография. Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 2004. 239 с.
- Хайлова 2014 — *Хайлова Н.Б.* «Не бояться никаких лишений, верить в себя...»: хозяйственная адаптация русских эмигрантов «первой волны» в Чехословакии // Россия XXI. 2014. № 6. С. 150–176.
- Хорстинк 2024 — *Хорстинк О.А.* Историк-эмигрант В. В. Саханев как исследователь Восточной Словакии и Подкарпатской Руси // Časopis DEJINY — internetový časopis, Inštitút histórie Filozofickej fakulty Prešovskej univerzity. 2024. № 1. S. 56–74. URL: http://dejiny.unipo.sk/PDF/2024/04_1_2024.pdf (дата обращения: 22.10.2024).
- Kudělka, Šimeček 1972 — *Kudělka M., Šimeček Z.* Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760: biograficko-bibliografický slovník. 1st ed. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1972. 560 s.
- Radványi 1922 — *Radványi M.* Die Archive in der Podkarpatska Rus: ein Beitrag zur Errichtung des Landesarchivs. Užhorod/Ungvár: Buchdruckerei “Viktoria”, 1922. 144 S.
- Žyvoťko 1940 — *Žyvoťko A.* Desiat' rokiv Ukraïns'koho Ľstoryčnogo Kabînetu: (1930–1940). Praha: Vydano Mînísterstvom Vnutřníñich Sprav u Prazi, 1940. 40 s.

References

- Aksenova, E. P., 1997. A. V. Florovsky i Russkoe istoricheskoe obshchestvo v Praze [A. V. Florovsky and the Russian Historical Society in Prague]. *ROSSICA*, 1, pp. 77–82. (in Rus.)
- Aksenova, E. P., 2013. Mezhdunarodnaia konferentsiia istorikov slavianskikh stran i Vostochnoi Evropy i russkie emigranty [International conference of historians of Slavic countries and Eastern Europe and Russian émigrés]. In:

- Nikiforov, K. V., ed. *Slavianskii mir: Obshchnost' i mnogoobrazie: K 1150-letiiu slavianskoi pis'mennosti: 20-21 maia 2013 g.*: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia: Tezisy [The Slavic World: Unity and Diversity. To the 1150th anniversary of the Slavic script: 20-21 May 2013. International Scholarly Conference. Resumes]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS, pp. 79–80. (in Rus.)
- Bakhanov, K. A., Lyman, I. I., 2002. *Berdiansk v dnevnikh tituliarnogo sovetnika V. K. Kryzhanovskogo; Kryzhanovskii V. K. Dnevnik* [Berdiansk in the diaries of titular councillor V. K. Kryzhanovsky. Kryzhanovsky V. K. Diaries]. Zaporozh'e: Prosvita, [218 p.] (in Rus.)
- Bazanov, P. N., 2000. Russkii uchenyi-emigrant N. E. Andreev v Anglii [Russian émigré scholar N. E. Andreev in England]. In: *Kul'turnoe i nauchnoe nasledie rossiiskoi emigratsii v Velikobritanii (1917–1940-e gg.)*: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia 29 iunია – 2 iulia 2000 g. [Cultural and scientific heritage of Russian émigrés in Great Britain (1917–1940s): International scientific conference, 29 June – 2 July 2000]. Moscow, pp. 158–165. (in Rus.)
- Filin, M. D., 2014. *Zarubezhnaia Rossiia i Pushkin. Opyt izucheniia. Materialy dlia bibliografii (1918–1940). Ikonografiia*. [Russia Abroad and Pushkin. A study. Bibliography materials (1918–1940). Iconography]. Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 239 p. (in Rus.)
- Gagkuev, R. G., 2011. Rol' verbovochnykh tsentrov v popolnenii belykh armii Iuga Rossii v 1918 g. [The role of recruitment centres in replenishing the White armies of Southern Russia in 1918]. *Vestnik IrGTU*, 9(56), pp. 238–245. (in Rus.)
- Ganin, A. V., 2017. Prazhskii kruzhok po izucheniiu Pervoi mirovoi voiny [Prague Circle for the Study of the First World War]. In: *Voenno-istoricheskie issledovaniia v Povolzh'e: sbornik nauchnykh trudov*. Saratov, 11, pp. 4–21. (in Rus.)
- Gus'kova, D. M., 2006. YMCA v Rossii: istoriia i nastoiashchee [YMCA in Russia: Past and present]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 1–2, pp. 159–175. (in Rus.)
- Horstink, O. A., 2024. Istoriik-emigrant V. V. Sachanov kak issledovatel' Vostochnoi Slovakii i Podkarpatskoi Rusi [Émigré historian V. V. Sachanov as a researcher of Eastern Slovakia and Carpathian Ruthenia]. *Časopis DEJINY – internetový časopis, Inštitút histórie Filozofickej fakulty Prešovskej university*, 1, pp. 56–74. (in Rus.)
- Khailova, N. B., 2014. “Ne boiat'sia nikakikh lishenii, verit' v sebia...”: khoziaistvennaia adaptatsiia russkikh emigrantov “pervoi volny” v Chekhoslovakii [“Not to be afraid of any hardship, to believe in yourself...”: Economic adaptation of Russian emigrants of the “first wave” in Czechoslovakia]. *Rossiia XXI*, 6, pp. 150–176. (in Rus.)

- Kovalev, M. V., 2011. Russkoe istoricheskoe obshchestvo v Prage (1925–1945) [Russian Historical Society in Prague (1925–1945)]. *Rossiiskaia istoriia*, 5, pp. 148–158. (in Rus.)
- Kovalev, M. V., 2012. *Russkie istoriki-emigranty v Prage (1920–1940 gg.)* [Russian émigré historians in Prague (1920–1940)]. Saratov: Saratovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 408 p. (in Rus.)
- Mitrofanov, V. V., 2022. “Slukhi trevozhnye iz Peterburga...”: pis'ma A. A. Spitsyna S. F. Platonovu (1911–1927 gg.) [Troubling rumours from St. Petersburg...: Letters from A. A. Spitsyn to S. F. Platonov (1911–1927)]. *Vestnik. Nauchno-metodicheskii zhurnal Vladimirovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaia Grigor'evicha Stoletovykh*, 3(35), pp. 13–39. (in Rus.)
- Musin, A., Medvedeva, M., eds, 2019. *Imperatorskaia arkhelogicheskaiia komissii (1859–1917): istoriia pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniia rossiiskoi arkhologii ot osnovaniia do reformy* [Imperial Archaeological Commission (1859–1917): History of the first state institution of Russian archaeology from its foundation to reform], 2. St. Peterburg: Institut istorii i material'noi kul'tury, pp. 1004–1005. (in Rus.)
- Pushkarev, B., 2014. Detstvo i iunost' v emigratsii (1930-e–1940-e gody) [Childhood and youth in emigration (1930s–1940s)]. *Russkoe slovo*, 2, pp. 36–39. (in Rus.)
- Radványi, M., 1922. *Die Archive in der Podkarpatska Rus: ein Beitrag zur Errichtung des Landesarchivs*. Užhorod/Ungvár: Buchdruckerei “Viktoria”, 144 p.
- Rudakova, L. P., 2020. Imperatorskoe Russkoe voenno-istoricheskoe obshchestvo i izuchenie pamiatnikov Drevnei Rusi. 1908–1914 gg. [Imperial Russian Military Historical Society and the study of monuments of Ancient Russia. 1908–1914]. *Arkheologicheskie vesti*, 30, pp. 290–300. (in Rus.)
- Zhyvotko, A., 1940. *Desât' rokiv Ukraïns'kogo Īstoričnogo Kabīnetu: (1930–1940)* [Ten years of the Ukrainian Historical Cabinet: (1930–1940)]. Praga: Vidano Ministerstvom Vnutrišnih Sprav u Prazi, 70 p. (in Ukr.)

Olga A. Horstink

PhD Student, Contemporary European Cultural History Doctoral Programme, Faculty of the Humanities, Charles University, Prague, Czech Republic. 18200, Pátkova 2137/5, Praha 8 — Libeň.
E-mail: olga.chernykh@seznam.cz

Vsevolod Vasilievich Sachanev as a Representative of the “Young Historians” in Exile

The text presents a study of the biography of the Russian archaeologist, historian, ethnographer, and émigré Vsevolod Vasilyevich Sachanev (1885–1940). The main focus lies on his scientific and public activities, as well as his challenging life during emigration. The author notes that Sachanev's contributions to science have not yet been fully appreciated, despite his significant achievements. The study is based on the recently discovered personal archive of Sachanev in the State Regional Archive of Prague, which contains material covering the period from 1919 to 1940. Sachanev's biography is divided into two main periods: before emigration (1885–1920) and during emigration (1920–1940). Before emigration, he had been an active scholar involved in archaeological excavations, had taught at St. Petersburg University, and participated in the First World War. Sachanev spent 20 years in emigration, first in Bulgaria and then in Czechoslovakia, where he continued his scientific work. His research focused on the folk culture of Eastern Slovakia and Carpathian Rus. Particular attention is paid to the description of Sachanev's personal archive, which includes a variety of documents, correspondence with notable émigrés, working material, and drafts. This archive provides a deeper understanding of his personality, scientific interests, and his life path. In conclusion, the author emphasises the importance of preserving the archives of Russian émigré scholars for future generations of researchers.

Keywords: young émigré historians, Gallipoli Society, Russian Aid Action, Russian emigration in Czechoslovakia

Acknowledgements: The author would like to thank Jiří Smitka, Head of the II Branch of the State Archives in Prague (SOA v Praze), for the opportunity to study and work with the personal collection of V. V. Sachanev, which has so far been inaccessible to the public.

Received: 12 February 2025

Accepted: 10 April 2025

How to cite: Horstink, O. A., 2025. Vsevolod Vasil'evich Sakhanev kak predstavitel' "molodykh istorikov" v emigratsii // *Central-European Studies*, 8, pp. 367–395. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.13>

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Виктор Викторович Котов

Кандидат исторических наук, аспирант, Карлов университет,
Прага, Чехия. Ovocný trh 3/5, 116 36 Praha 1, Česká Republika.
E-mail: vikvikot@gmail.com

Совещание историков Центральной Европы 17–19 июля 2025 г.

Статья посвящена Совещанию историков Центральной Европы, прошедшему 17–19 июля 2025 г. в Венском университете. Программа совещания включала один круглый стол, два основных доклада, девять практикумов, 25 стендовых докладов и заседания 55 секций. К числу задач совещания относились предоставление трибуны начинающим ученым и новым темам, а также освещение влияния работ Питера Джадсона на современную историографию. Основной доклад Питера Хаслингера был посвящен вопросу о применимости концепции сообщества конфликта Яна Кржена к австро-венгерским отношениям в 1867–1914 гг., тогда как доклад Тары Зары касался значения и исторического контекста монографий Питера Джадсона «Эксклюзивные революционеры...» (1996 г.), «Хранители нации...» (2006 г.) и «Империя Габсбургов: новая история» (2016 г.), а также готовящихся к публикации работ. Среди тем практикумов были международная книжная серия «Монархия Габсбургов 1848–1918 гг.», австрийский документальный телефильм «Австрия — полная история» и различные исторические источники. В статье представлена информация о некоторых докладах, посвященных чешской истории XIX–XX вв. Поздний габсбургский период затронули выступления о практиках содержания собак в Праге, произведениях Карела Клостермана о горах Шумава (в связи со вспышкой размножения жуков-короедов в 1870-е годы), эволюции публичных торжеств, а также сравнительном контексте, во-первых, распространения информации об «обнаружении» поддельной Краледворской рукописи и, во-вторых, деятельности «Союзов защиты» богемских немцев. Межвоенный период был освещен в докладах о вовлечении судетских немцев в строительство линии укреплений на границе Чехословакии с Германией и об образе Османской империи и кемалистской Турции в работах представителей евразийства из среды российской эмиграции. Оба периода были затронуты в докладах об образе Таити в чешском и словацком мышлении и о чешской (позднее — чехословацкой) оздоровительной «детской колонии» в Цриквенице.

Ключевые слова: австрийская историография, американская историография, чешская историография, Венский университет, монархия Габсбургов, научные конференции, Питер Джадсон, центральноевропейстика

Статья поступила в редакцию: 31 июля 2025 г.

Статья принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Цитирование: Котов В.В. Совещание историков Центральной Европы 17–19 июля 2025 г. // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 399–414. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.14>

В июле 2025 г. сотни исследователей приняли участие в венском Совещании специалистов по истории Центральной Европы и смежных с этим условно очерченным регионом территорий (англ. *Central European History Convention*). Основными организаторами мероприятия выступили Институт австрийских исторических исследований Венского университета, возглавляемый Петером Беккером, и международный Исполнительный комитет (ИК) Совещания. Среди задач совещания было определено предоставление трибуны начинающим ученым и новым темам, а также освещение влияния на современную историографию работ американского историка Питера Джадсона¹. В число поддержавших мероприятие организаций входило Министерство европейских и международных дел Австрии, которое в последние годы также финансировало исследования по истории австрийской дипломатии периода национал-социализма и двуязычные коллективные обобщения австро-чешской, австро-словенской и австро-словацкой истории². Член ИК американский историк Доминик Райл (Альбертский университет) отметила, что в качестве одного из ориентиров при планировании совещания выступили проходящие с 1964 г. конгрессы американской Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (*Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies, ASEES*).

Программа совещания включала два основных доклада. Первый из них был прочитан австрийским историком Петером Хаслингером, возглавляющим Институт имени Гердера в немецком Марбурге. В название доклада был вынесен вопрос: «Австро-венгерские

¹ В 1988–1992 гг. П. Джадсон преподавал в калифорнийском Питцер-колледже, в 1993–2014 гг. — в пенсильванском Суортмор-колледже, а с 2014 г. — в Европейском университетском институте во Флоренции. Автор и редактор ряда научных исследований, он в том числе в 2006–2016 гг. возглавлял редакцию *Austrian History Yearbook* («Австрийский исторический ежегодник»).

² Perzi, Schmoller, Konrád, Šmidrkal (Hrsg.) 2019; Schmitt, Štih, Suppan, Vodopivec (Hrsg.) 2025.

отношения в 1867–1914 гг. — идеальный пример сообщества конфликта?» Концепция такого рода сообщества была предложена в 1980-е годы чехословацким историком Яном Кржежом, применившим ее к противостоянию, подобию, взаимореферентности, взаимосвязям и взаимозависимости националистических структур богемских чехов и немцев в «долгом XIX в.»³. Не считая публикаций периода либерализации 1960-х годов, а также сам- и тамиздата, эти взаимоотношения в основном традиционно толковались в чехословацкой историографии как исключительно антагонистические⁴. Рассмотрев различные аспекты австро-венгерского дуализма, Хаслингер пришел к выводу, что монархию Габсбургов можно в целом определить как сообщество конфликта, при этом параметры этого конфликта были предопределены государственным устройством, а само сообщество состояло не из двух, но множества различных сторон.

Название второго основного доклада было также сформулировано в вопросительной форме: «Зачем нужна история Габсбургов, когда мир горит?» Историк Тара Зара (Чикагский университет) рассмотрела научное наследие своего наставника П. Джадсона, с которым недавно совместно подготовила монографию «Великая война и трансформация габсбургской Центральной Европы»⁵. Т. Зара проанализировала его труды в контексте внутри- и внешнеполитических событий настоящего времени и прошлых десятилетий. Она отметила стремление Джадсона ставить под сомнение искажающие условную реальность бинарные оппозиции в историографии и отвечать на современные вызовы. Подспорьем для доклада послужило в том числе недавнее интервью историка флорентийскому журналу *Passato e presente* («Прошлое и настоящее»)⁶. Монография «Эксклюзивные революционеры...» (1996 г.), отрицавшая существование непреодолимой границы между австро-немецким либерализмом и национализмом во второй половине «долгого XIX в.», возникла в ответ на реакцию западного общества на эпидемию СПИДа в 1980-е годы⁷. В свою очередь посвященные этому же периоду истории монархии Габсбургов «Хранители нации...» (2006 г.) стали откликом Джадсона

³ Křep 2013. Ср.: Ждановская 2015: 70.

⁴ Křep 2013: 7–12, 15–16.

⁵ Judson, Zahra 2025.

⁶ Bottoni, Bresciani 2025.

⁷ Judson 1996.

на Югославские войны⁸. Отвергая ориенталистские представления о более националистической Центральной и Восточной Европе относительно Западной, автор исследовал национальную индифферентность жителей провинциальных смешанных языковых регионов Богемии, Штирии и Тироля и нередко далекие от национальной идеологии причины их вовлечения в национальные конфликты. Необходимо отметить, что данный вопрос также был исследован Т. Зарой на материале школьного образования в Богемии⁹. Скепсис по отношению к национальным нарративам также был характерен для учителя Джадсона — Иштвана Деака (1926–2023)¹⁰.

Самая цитируемая монография П. Джадсона «Империя Габсбургов: новая история» (2016 г.)¹¹ может быть интерпретирована, согласно Т. Заре, как вклад в дискуссию о будущем Европейского союза. В этой книге историк обобщил собственные исследования и работы коллег, подчеркивающие политическое значение верховенства права и пересматривающие тезисы о нелояльности жителей Дунайской монархии и шаткости этого государства. Джадсон также отверг представления о полной противоположности категорий имперского и национального и, соответственно, о незначительности преемственности исторического развития до и после Первой мировой войны и перекройки политической карты Европы 1910-х годов¹².

Кроме того, в рамках совещания состоялось заседание круглого стола на тему «Питер Джадсон и будущее империи Габсбургов», который вел историк Гэри Коэн (Миннесотский университет)¹³. Яна Остеркамп (Аугсбургский университет) обратилась к статье П. Джадсона «Австро-Венгрия: была ли она империей?» (2008 г.) в журнале *Annales* («Анналы»), в которой тот отверг тезис о монархии Габсбургов как колониальном государстве¹⁴. Среди затронутых

⁸ Judson 2006. Ср.: Ждановская 2015: 75–76.

⁹ Zahra 2008. Ср.: Ждановская 2015: 78–79.

¹⁰ См. характеристику его монографии 1990 г.: Шварц 2012: 57. В рамках заседания одной из секций совещания историк Мате Риго (Мюнхенский университет имени Людвиг и Максимилиана) упомянул подготовку английского перевода автобиографии И. Деака, см.: *Deak I. Maratoní életem: Emlékirat*. Budapest: Kronosz Kiadó, 2023. 384 old.

¹¹ Judson 2016. См. рецензию: Бут 2019.

¹² Ср. Фадеева 2021: 164.

¹³ См. характеристику его монографии 1981 г.: Ждановская 2015: 73.

¹⁴ Judson 2008.

Марком Корнуэллом (Саутгемптонский университет) тем были его недавний опыт редактирования второго тома «Кембриджской истории монархии Габсбургов» (*The Cambridge History of the Habsburg Empire*) о периоде 1782–1918 гг. совместно с Джадсоном, а также холистический подход последнего к государству. Камиль Карчевский (Грацский университет имени Карла и Франца) отметил интерес своего учителя к гендерной истории и его идею о том, что иногда вместо новых исторических источников важнее искать новые подходы. Эмили Гребл (Вандерbiltский университет) остановилась на внимании Джадсона к периферийным регионам монархии Габсбургов и раскрепоощении научного мышления.

Программа совещания также включала девять практикумов (*research labs*). Например, П. Бергер выступил в роли модератора двух практикумов, на которых были представлены различные форматы обобщения австрийской и центральноевропейской истории. В первом случае речь шла об осуществленном в 1973–2025 гг. 13-томном международном издании «Монархия Габсбургов 1848–1918 гг.» (*Die Habsburgermonarchie 1848–1918*), состоящем из 18 книг¹⁵. Заключительная книга серии — дополнительный том, посвященный разрывам и преемственности в развитии Центральной Европы в межвоенный период¹⁶. Ключевым участником практикума выступил один из главных авторов и редакторов серии Петер Урбанич¹⁷, монография которого по истории школьного образования в монархии Габсбургов была издана накануне совещания¹⁸. Австрийский историк обратил внимание на политические предпосылки возникновения обсуждаемого проекта, а именно послевоенное стремление примирить и объединить Европу и соответствующую инициативу Фонда Рокфеллера 1952 г., приведшую к созданию в 1959 г. Комиссии по истории Австро-Венгерской монархии (с 1993 г. — по истории монархии Габсбургов) Австрийской академии наук¹⁹. П. Урбанич также отметил изменения в методологии и подходах по мере издания серии, а также участие в ее создании ученых из более чем двадцати стран: например, среди

¹⁵ См. характеристику серии: Павленко 2013: 100–102, 106–107; Филлафер, Сурман 2013: 219; Шварц 2012: 52–53.

¹⁶ Harmat (Hrsg.) 2025.

¹⁷ На русском языке см.: Урбанич 2010.

¹⁸ Urbanitsch 2025.

¹⁹ Также см.: Павленко 2013: 97–99.

первых привлеченных авторов из государств «Восточного блока» были Йиржи Клабоух (1927–2005) и Йиржи Коржалка (1931–2015) из Чехословакии²⁰. Кроме того, он упомянул румынский перевод части текстов (*Monarhia Habsburgică (1848–1918)*) и нереализованный план создателей серии издать отдельную краткую обобщающую работу о монархии Габсбургов на английском языке — в итоге, по его мнению, эту функцию отчасти выполнила книга П. Джадсона 2016 г. Американский историк также принял участие в практикуме, указав на значение серии для современных читателей и для вовлечения национальных историографий в международную дискуссию о монархии Габсбургов. Вместе с тем он раскритиковал практику не всегда уместного разделения текста отдельных томов на главы по национальному или языковому принципу. Кроме того, Джадсон призвал продолжить издание серии в связи с постоянным появлением новых направлений, как, например, экологическая или глобальная история. Однако П. Урбанич сообщил, что проект окончательно завершен. Юлия Бавузе (Венский университет) выступила за оцифровку всех томов серии, что нашло всеобщую поддержку. Среди прочего, Джереми Кинг (Колледж Маунт-Холиок)²¹ привел пример проекта ALEX Австрийской национальной библиотеки по оцифровке источников юридического характера²².

В рамках другого практикума был проанализирован стартовавший в 2023 г. сорокасерийный документальный фильм «Австрия — полная история» (*Österreich. Die ganze Geschichte*) третьего телеканала Австрийского радио. К моменту проведения совещания вышло 30 серий, охватывающих период от правления бабенбергских герцогов Генриха II и Леопольда V в XII в. до подписания Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии в 1955 г. Телевизионный редактор Александер Апостолидис и другие участники обсудили такие аспекты данной формы популяризации научных знаний, как необходимость более детального по сравнению с текстами историков воспроизведения материального мира, выбор между героическим нарративом и акцентом на повседневной

²⁰ См. характеристику монографии Й. Коржалки 1990 г.: Ждановская 2015: 70–71; Павленко 1994.

²¹ См. характеристику его монографии 2002 г.: Ждановская 2015: 73–74.

²² ALEX Historische Rechts- und Gesetzestexte. URL: <https://alex.onb.ac.at/> (дата обращения: 26.07.2025).

жизни, политический подтекст и контекст фильмов, трудность передачи идеи об отсутствии консенсуса среди исследователей по ряду вопросов и об ограниченности их знаний, влияние объема бюджета, телевизионных рейтингов и специфики взаимоотношений между учеными, авторами, продюсерами и внешними подрядчиками, а также последствия распространения технологии искусственного интеллекта на подобные проекты в будущем.

Ряд практикумов был посвящен работе с различными историческими источниками, включая, во-первых, австрийские ежегодные «Государственные справочники» (*Staatshandbücher*), содержащие списки государственных служащих и священнослужителей и соответствующие российским адрес-календарям²³, и, во-вторых, издающиеся начиная с 1960-х годов и впоследствии оцифрованные протоколы заседаний австрийского, австро-венгерского, цислейтанского и венгерского правительств²⁴. Историк Цирил Мразек (Карлов университет) представил собрание художественных произведений, возникшее в результате проведения литературных конкурсов «Напишите историю» (*Pište dějiny*) пражского Общества студентов-историков. На примере этих текстов были продемонстрированы образы чехов, немцев, русских (россиян), евреев, поляков и австрийцев в современной чешской исторической памяти.

Большая часть выступлений на совещании прошла в рамках заседаний 55 секций, посвященных различным вопросам политической, культурной, социальной, экономической, военной и религиозной истории и историографии Центральной Европы, при этом доминирующей темой была монархия Габсбургов в «долгом XIX в.». Практикумы и многочисленные секционные заседания проходили одновременно. Исходя из этого обстоятельства, а также круга научных интересов автора этого обзора, остановлюсь (вопреки искусственности разделения исторической центральноевропеистики или австро-унгаристики на богемистику, словакистику и т.д.) на научных докладах, посвященных чешской истории Нового и Новейшего времени. Так, на секции, посвященной взаимоотношениям животных и людей, Яна Белова и Магдалена Шустова (Музей Праги) осветили

²³ Staatshandbuch // ALEX Historische Rechts- und Gesetzestexte. URL: https://alex.onb.ac.at/static_tables/shb.htm (дата обращения: 26.07.2025).

²⁴ Die Ministerratsprotokolle 1848–1918. URL: <https://mrp.oew.ac.at/> (дата обращения: 26.07.2025).

проблему пражских собак как бродячих, домашних и тягловых животных во второй половине «долгого XIX в.», включая предотвращение жестокого обращения, налогообложение владельцев, отлов бродячих собак и развитие ветеринарии. В свою очередь, Эмма Наби-Бургуа (Оксфордский университет) проанализировала произведения писателя Карела Клостермана (1848–1923) о горах Шумава на границе Богемии и Баварии, а также вспышку размножения жуков-короедов в 1870-е годы как значимый фактор развития этого лесистого региона.

В рамках секции на тему глобального контекста центральноевропейской истории, Мэттью Рэмпли (Университет Масарика, Брно) остановился на образе острова Таити в чешском и словацком мышлении и его контексте. Историк затронул научную деятельность Милана Растислава Штефаника (1880–1919) в 1910 г., представления о Словакии как чешском Таити (прекрасном и отсталом), ориенталистские тексты путешественников Павела Дурдика (1843–1903), Арчибальда Вацлава Новака (1895–1979) и Яна Гавласы (1883–1964), идеи о создании чехословацких заморских колоний, связанные с регионом экспонаты пражских Национальной галереи и Музея культур Азии, Африки и Америки имени Войты Напрстека, обозначение затопленного гравийного карьера у города Сенец как «словацкого Таити» и чешскую общественную полемику 2024 г., связанную с высказыванием директора Национальной галереи Алицы Кнаст о чешском колониализме.

В программу секции о границах и фронтах входил доклад Леоша Копки (Пардубицкий университет) о вовлечении судетских немцев в строительство линии укреплений на границе межвоенной Чехословакии с Германией и конфликтах, сопровождавшихся обвинениями в дискриминации по национальному или партийному признаку. В свою очередь Карел Шима (Карлов университет), недавно закончивший монографию о массовых празднествах в чешских землях²⁵, принял участие в одной из секций по политической истории региона. Обращаясь к концепции «короткого XIX в.» (1830–1880-е годы) (следующего за «седловой», или «перевалочной», эпохой Райнхарта Козеллека (1923–2006) (*Sattelzeit*) и предваряющего «долгий XX век»)²⁶, К. Шима предложил периодизацию это-

²⁵ Šima 2026. Ср.: Денисов 2022: 3538.

²⁶ Hagemann, Lässig 2018: 622, 682, 687.

го отрезка центральноевропейской истории на основе смен форм и политических посланий публичных торжеств в Богемии: в качестве рубежей и значимых примеров он выделил пражскую коронацию императора Фердинанда I (1835–1848 гг., как чешский король — Фердинанд V) в 1836 г., чешские балы «Беседа» в 1840-е годы, мероприятия революционных «Национальных гвардий» и певческих обществ, похороны чешских националистов в 1850-е годы, празднования 40-летия «обнаружения» поддельной псевдосредневековой Краледворской рукописи в 1857 г., открытие пражского памятника Йозефу Радецкому в 1858 г., 100-летие с рождения Фридриха Шиллера в 1859 г., загородные поездки различных добровольных обществ и сокольские публичные гимнастические выступления в 1860-е годы, закладку камня в основание Национального театра в Праге в 1868 г., митинги-таборы в 1868–1871 гг., церемонии открытия памятников императору Иосифу II в преимущественно немецкоязычных регионах и, наконец, промышленные выставки и первомайские демонстрации начиная с 1890-х годов.

В рамках секции об истории здравоохранения Луция Баликич (Центральноевропейский университет) прочла доклад о конкурировавших курортах Опатия (Аббация) и Цриквеница соответственно в дислейтанской и транслейтанской частях Адриатического побережья монархии Габсбургов. Историк исследовала столкновение частных и общественных интересов, связанных с элитным туризмом, с одной стороны, и стремлением расширить доступ к бальнео- и талассотерапии — с другой. В 1910 г. брновская феминистка Мария Стейскалова (1862–1928) учредила оздоровительную «детскую колонию» в Цриквенице для чешских сирот и детей из неблагополучных семей. В межвоенный период Цриквеница вошла в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (Югославии), при этом «колония» продолжала и расширила деятельность, финансируемую в том числе за счет чехословацкого правительства, исходившего из представлений о необходимости поддержания здоровья национального «тела». Интерес к этому вопросу вытекает из предыдущих исследований Л. Баликич, посвященных югославскому сокольству²⁷.

Весьма разнообразной была тематика представленных на совещании 25 стендовых докладов. Так, Маттиас Мельхер (Мюнхенский

²⁷ Balikić, Pojar 2023.

университет имени Людвиг и Максимилиана) сравнил «виральное» распространение новостей об «обнаружении» вышеупомянутой чешской Краледворской рукописи в 1817 г., о «выгоде» участия в венской финансовой пирамиде Иоганна Батиста Плахта (1836–1880) в 1872–1873 гг. и о якобы ритуальном (иудейском) характере убийства христианской девочки Эстер Шоймоши в венгерской деревне Тисаэслар в 1882 г. Компаративистский подход также был избран Давидом Фетцером (Фрайбургский университет имени Альберта и Людвиг), сравнившим роль «Союзов защиты» (*Schutzverein*) богемских немцев и лож протестантского Оранжевого ордена в Ирландии в идентификационных конфликтах 1879–1914 гг. В свою очередь Любовь Степанова (Карлов университет) обратилась к противоречивому образу Османской империи и кемалистской Турции в работах Петра Николаевича Савицкого (1895–1968) и других представителей евразийства из среды российской эмиграции в межвоенной Чехословакии и других европейских странах.

Подводя итоги²⁸, обращусь к двум тезисам П. Джадсона, высказанным в заключение проведенного в его честь круглого стола. Во-первых, он отметил появление сообщества (*community*) исследователей Центральной Европы, отсутствовавшего, по его мнению, на рубеже 1970–1980-х годов. Для функционирования такого рода сообществ необходима некая центральная идея, которой автору этого обзора представляется недоверие и одновременно интерес к историческим нарративам и идеологиям, дополненный фокусом на периферийные регионы и сюжеты. Венское совещание стало настоящей «выставкой достижений» этого сообщества, часть из которых была освещена в этой статье. При этом стремление организаторов представить в рамках совещания широкое разнообразие тем и проектов существенно ограничило пространство для дискуссий, столь необходимых для успеха научных поисков. Возможно, этот недостаток будет устранен при проведении следующих совещаний, которые, по словам организаторов, планируется проводить в разных университетских городах каждые два года.

Во-вторых, важным представляется тезис Джадсона о том, что положение исследователя, чье происхождение может быть определено

²⁸ После завершения работы над обзором было объявлено о проведении следующего совещания в Вене в июле 2027 г., а также опубликован блог с размышлениями 20 участников совещания, см.: Looking back — Looking ahead. URL: <https://cehc.hypotheses.org> (дата обращения: 23.10.2025).

как «внешнее» относительно исследуемого региона (*outsider*), связано не только с трудностями, но и с возможностью увидеть то, что менее доступно взгляду ученого «внутреннего», то есть центрально-европейского происхождения (*insider*). Это утверждение представляется справедливым по отношению не только к североамериканским, но также к российским историкам и филологам, составляющим значительную часть авторов и читателей «Центральноевропейских исследований», и ко всей многолетней традиции русскоязычной центральноевропеистики.

Литература

- Бут 2019 — Бут Ю.Е. П. М. Дзадсон. Империя Габсбургов: история по-новому. Кембридж (Массачусетс), 2016, 567 с. // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 232–234.
- Денисов 2022 — Денисов А.Е. Обзор виртуального симпозиума к 90-летию Мирослава Хроха в журнале «Нация и национализм» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 9. С. 3532–3543. DOI: 10.35775/PSI.2022.90.9.037.
- Ждановская 2015 — Ждановская А.А. Современная зарубежная историография о чешско-немецком соседстве в конце XIX — начале XX в. // Историческая экспертиза. 2015. № 3. С. 68–82.
- Павленко 1994 — Павленко О.В. Йиржи Коржалка: новый взгляд на процессы формирования наций в Центральной Европе // Национализм и формирование наций. Теории — модели — концепции / отв. ред. А.И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 94–111.
- Павленко 2013 — Павленко О.В. Зарубежная историография Габсбургской монархии. XX — начало XXI века // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 94–109.
- Урбанич 2010 — Урбанич П. Дунайская монархия? Понятие и историческая действительность // Родина. 2010. № 11. С. 93–97.
- Фадеева 2021 — Фадеева Т.М. Выход из империи в Центральной и Восточной Европе: материалы международной конференции. Загребский университет, 23–24 сентября 2020. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. 2021. № 2. С. 162–174. DOI: 10.31249/rhist/2021.02.08.
- Филлафер, Сурман 2013 — Филлафер Ф.Л., Сурман Я. Габсбургский XIX век? // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / ред. Е. Вишленкова, Д. Сдвижков. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 209–228.

- Шварц 2012 — *Шварц И.* Современная австрийская историография о распаде Габсбургской монархии // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств / отв. ред. М. Волос, Г.Д. Шкундин. М.: Квадрига, 2012. Т. I. (Центральноевропейские исследования, вып. 6). С. 45–58.
- Balikić, Pojar 2023 — *Balikić L., Pojar V.* “Politics of Plastic Nationhood”: Sokol Mass Gymnastics and Eugenics Between Empire and Nation-States // East Central Europe. 2023. Vol. 50. № 2–3. P. 155–179. DOI: 10.30965/18763308-50020002.
- Bottoni, Bresciani 2025 — *Bottoni S., Bresciani M.* «Becoming A Historian is a Passion»: A Conversation with Pieter Judson on Habsburg Europe // Passato e Presente. 2025. Vol. 43. № 2. P. 149–169. DOI: 10.3280/PASS2025-125008.
- Hagemann, Lässig 2018 — *Hagemann K., Lässig S.* Discussion Forum: The Vanishing Nineteenth Century in European History? // Central European History. 2018. Vol. 51. № 4. P. 611–695. DOI: 10.1017/S0008938918000766.
- Harmat (Hrsg.) 2025 — Das Erbe der Habsburgermonarchie in den Nachfolgestaaten: Brüche und Kontinuitäten. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2025 (Die Habsburgermonarchie 1848–1918, Sonderband). 1175 S. DOI: 10.1553/978OEAW94323.
- Judson 1996 — *Judson P.M.* Exclusive revolutionaries: Liberal politics, social experience, and national identity in the Austrian Empire, 1848–1914. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1996. 304 p. DOI: 10.3998/mpub.15283.
- Judson 2006 — *Judson P.M.* Guardians of the nation. Activists on the language frontiers of imperial Austria. Cambridge: Harvard University Press, 2006. 332 p. DOI: 10.2307/j.ctv22jnrgp.
- Judson 2008 — *Judson P.M.* L’Autriche-Hongrie était-elle un empire? // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2008. Vol. 63. № 3. P. 563–596. DOI: 10.1017/s0395264900023325.
- Judson 2016 — *Judson P.M.* The Habsburg Empire: A new history. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016. 567 p. DOI: 10.2307/j.ctvj5sf9q.
- Judson, Zahra 2025 — *Judson P.M., Zahra T.* The Great War and the transformation of Habsburg Central Europe. Oxford, New York: Oxford University Press, 2025. 208 p.
- Křen 2013 — *Křen J.* Konfliktní společenství: Češi a Němci 1780–1918. Praha: Karolinum, 2013. 416 s.
- Perzi, Schmoller, Konrád, Šmidrkal (Hrsg.) 2019 — Nachbarn. Ein österreichisch-tschechisches Geschichtsbuch / hrsg. von N. Perzi, H. Schmoller, O. Konrád, V. Šmidrkal. Weitra: Verlag Bibliothek der Provinz, 2019. 416 S.
- Schmitt, Štih, Suppan, Vodopivec (Hrsg.) 2025 — Beidseits der Alpen. Ein Österreichisch-Slowenisches Geschichtsbuch / hrsg. von O.J. Schmitt, P. Štih,

- A. Suppan, P. Vodopivec. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2025. 583 S.
- Šima 2026 — Šima K. On the road to high modernity: Public festivities in the Bohemian crown lands. West Lafayette: Purdue University Press, 2026. 332 p.
- Urbanitsch 2025 — Urbanitsch P. “...das Schulwesen ist und bleibt allzeit ein Politicum...”: Aspekte zur cisleithanischen Bildungsgeschichte 1848–1918. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2025. 820 S. (Studien zur Geschichte der österreichisch-ungarischen Monarchie. Bd. 39). DOI: 10.2307/jj.30599546.
- Zahra 2008 — Zahra T. Kidnapped souls: National indifference and the battle for children in the Bohemian lands, 1900–1948. Ithaca: Cornell University Press, 2008. 279 p.

References

- Balikić, L., Pojar, V., 2023. “Politics of Plastic Nationhood”: Sokol mass gymnastics and eugenics between empire and nation-states. *East Central Europe*, 50, 2–3, pp. 155–179. doi: 10.30965/18763308-50020002.
- Bottoni, S., Bresciani, M., 2025. “Becoming A Historian is a Passion”: A Conversation with Pieter Judson on Habsburg Europe. *Passato e Presente*, 43, 2, pp. 149–169. doi: 10.3280/PASS2025-125008.
- But, Iu. E., 2019. P. M. Dzhadson. Imperiia Gabsburgov: istoriia po-novomu. Kembridzh (Massachusetts), 2016, 567 s. [Judson P.M. The Habsburg Empire: A New History. Cambridge, Massachusetts, 2016, 567 p.]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 1, pp. 232–234. (in Rus.)
- Denisov, A. Je., 2022. Obzor virtual’nogo simpoziuma k 90-letiiu Miroslava Khrokha v zhurnale “Natsiia i natsionalizm” [Review of the virtual symposium dedicated to the 90th anniversary of Miroslav Hroch in the journal “Nation And Nationalism”]. *Voprosy natsional’nykh i federativnykh otnoshenii*, 12, 9, pp. 3532–3543. doi: 10.35775/PSI.2022.90.9.037. (in Rus.)
- Fadeeva, T. M., 2021. Vыход iz imperii v Tsentral’noi i Vostochnoi Evrope: materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Zagrebaskii universitet, 23–24 sentiabria 2020. (Obzor) [Transitions out of empire in Central and Southeastern Europe. Materials of the international conference. University of Zagreb, 23–24 September 2020. (Review)]. *Sotsial’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 5: Istoriia*, 2, pp. 162–174. doi: 10.31249/rhist/2021.02.08. (in Rus.)
- Fillafer, F. L., Surman, J., 2013. Gabsburgskii XIX vek? [The Habsburg nineteenth century?]. In: Vishlenkova, E., Sdvizhkov, D., eds. *Izobretenie veka. Problemy i modeli vremeni v Rossii i Evrope 19 stoletii* [Invention of the century. Problems and models of time in Russia and Europe of the nineteenth century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 209–228. (in Rus.)

- Hagemann, K., Lässig, S., 2018. Discussion forum: The vanishing nineteenth century in European History? *Central European History*, 51, 4. pp. 611–695. doi: 10.1017/S0008938918000766.
- Harmat, U., ed., 2025. *Das Erbe der Habsburgermonarchie in den Nachfolgestaaten: Brüche und Kontinuitäten*. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften (Die Habsburgermonarchie 1848–1918, Sonderband), 1175 p. doi: 10.1553/978OEAW94323.
- Judson, P.M., 1996. *Exclusive Revolutionaries: Liberal Politics, Social Experience, and National Identity in the Austrian Empire, 1848–1914*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 304 p. doi: 10.3998/mpub.15283.
- Judson, P.M., 2006. *Guardians of the Nation. Activists on the language frontiers of imperial Austria*. Cambridge: Harvard University Press, 332 p. doi: 10.2307/j.ctv22jnrpg.
- Judson, P.M., 2008. L'Autriche-Hongrie était-elle un empire? *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 63, 3, pp. 563–596. doi: 10.1017/s0395264900023325.
- Judson, P.M., 2016. *The Habsburg Empire: A new history*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 567 p. doi: 10.2307/j.ctvjsf5rq.
- Judson, P.M., Zahra, T., 2025. *The Great War and the transformation of Habsburg Central Europe*. Oxford, New York: Oxford University Press, 208 p.
- Křen, J., 2013. *Konfliktní společenství: Češi a Němci 1780–1918*. Prague: Karolinum, 416 p.
- Pavlenko, O.V., 1994. Iirzhi Korzhalka: novyi vzgliad na protsessy formirovaniia natsii v Tsentral'noi Jevrope [Jiří Kořalka: A New look on the processes of nation-building in Central Europe]. In: Miller, A.I., ed. *Natsionalizm i formirovanie natsii. Teorii — modeli — kontseptsii* [Nationalism and nation-building. Theories — models — concepts]. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, pp. 94–111. (in Rus.)
- Pavlenko, O.V., 2013. Zarubezhnaia istoriografiia Gabsburgskoi monarkhii. XX — nachalo XXI veka [Foreign Historiography of the Habsburg Monarchy from the twentieth to the early twenty-first century]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2, pp. 94–109. (in Rus.)
- Perzi, N., Schmoller, H., Konrád, O., Šmidrkál, V., eds, 2019. *Nachbarn. Ein österreichisch-tschechisches Geschichtsbuch*. Weitra: Verlag Bibliothek der Provinz, 416 p.
- Schmitt, O.J., Štih, P., Suppan, A., Vodopivec, P., eds, 2025. *Beidseits der Alpen. Ein Österreichisch-Slowenisches Geschichtsbuch*. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 583 p.
- Schwarz, I., 2012. Sovremennaia avstriiskaia istoriografiia o raspade Gabsburgskoi monarkhii [Contemporary Austrian historiography on the dissolution of the Habsburg Monarchy]. In: Wołos, M., Shkundin, G.D., eds. *Narody Gabsburgsko monarkhii v 1914–1920 gg.: Ot natsional'nykh dvizhenii k*

- sozdaniiu natsional'nykh gosudarstv* [Peoples of the Habsburg Monarchy on 1914–1920: From national movements to the establishment of national states]. Moscow: Kvadriga, pp. 45–58. (Tsentral'noevropeiskie issledovaniia, 6) (in Rus.)
- Šima, K., 2026. *On the road to high modernity: Public festivities in the Bohemian crown lands*. West Lafayette: Purdue University Press, 332 p.
- Urbanitsch, P., 2010. Dunaiskaia monarkhiia? Poniatie i istoricheskaia deistvitel'nost' [The Danube Monarchy? The concept and historical reality]. *Rodina*, 11, pp. 93–97. (in Rus.)
- Urbanitsch, P., 2025. «...das Schulwesen ist und bleibt allzeit ein Politicum...»: *Aspekte zur cisleithanischen Bildungsgeschichte 1848–1918*. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 820 p. (Studien zur Geschichte der österreichisch-ungarischen Monarchie, 39). doi: 10.2307/jj.30599546.
- Zahra, T., 2008. *Kidnapped souls: National indifference and the battle for children in the Bohemian Lands, 1900–1948*. Ithaca: Cornell University Press, 279 p.
- Zhdanovskaia, A. A., 2015. Sovremennaia zarubezhnaia istoriografiia o cheshsko-nemetskom sosedstve v kontse 19 — nachale 20 v. [Contemporary foreign historiography on Czech-German cohabitation from the late nineteenth to the early twentieth centuries]. *Istoricheskaia ekspertiza*, 3, pp. 68–82. (in Rus.)

Viktor V. Kotov

PhD, PhD Student, Charles University, Prague, Czech Republic.
Ovocný trh 3/5, 116 36 Praha 1, Česká republika.
E-mail: vikvikkot@gmail.com

Central European History Convention, 17–19 July 2025

The article is dedicated to the Central European History Convention, held on 17–19 July 2025, at the University of Vienna. The program included one roundtable, two keynotes, nine research labs, twenty-five poster presentations, and fifty-five panels. The objective of the Convention was to provide a platform for emerging scholars and topics, as well as to highlight the influence of Pieter Judson's work on contemporary historiography. The keynote lecture by Peter Haslinger focused on the applicability of Jan Křen's concept of the "community of conflict" to Austro-Hungarian relations between 1867 and 1914. Tara Zahra, meanwhile, addressed the significance and historical context of Pieter Judson's monographs *Exclusive Revolutionaries...* (1996), *Guardians of the Nation...* (2006), and *The Habsburg Empire: A New History* (2016), along with his upcoming publications. Topics from the research labs included the international series *The Habsburg Monarchy 1848–1918*, the Austrian television documentary *Austria — A Full History*, and various historical sources. Several papers focusing on Czech history are also presented in the article. Regarding the late Habsburg period, these papers explore topics such as dog-keeping practices in Prague, Karel Klostermann's writings on the Šumava Mountains in connection with a bark beetle outbreak in the 1870s, the evolution of forms and messages of public festivities, and a comparative context encompassing both the dissemination of information about the "discovery" of the forged *Dvůr Králové Manuscript* and the activities of the "Protective associations" of Bohemian Germans. The interwar period was covered in papers on the involvement of Sudeten Germans in building fortifications on the Czechoslovak-German border and on portrayals of the Ottoman Empire and Kemalist Turkey in the works of Eurasianist thinkers from the Russian émigré community. Both periods were addressed in presentations on the image of Tahiti in Czech and Slovak cultures and on the Czech (later Czechoslovak) convalescent "children's colony" in Crikvenica.

Keywords: academic conferences, American historiography, Austrian historiography, Central European studies, Czech historiography, Habsburg monarchy, Pieter Judson, University of Vienna

Received: 31 July 2025

Accepted: 11 August 2025

How to cite: Kotov, V.V., 2025. Soveshchanie istorikov Tsentral'noi Evropy 17–19 iuliia 2025 g. *Central-European Studies*, 8, pp. 399–414. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.14>

РЕЦЕНЗИИ

Сергей Георгиевич Яковенко

Кандидат исторических наук, выпускающий редактор, журнал
«Исторический вестник», Москва, Россия. 119071, Ленинский
проспект, 15А. E-mail: syakovenko@mail.ru

Преодолеть все препятствия и выполнить миссию

Рец. на: *Mihalik B. V. The Ever-Reviving Phoenix. Jesuits in Hungary. Leiden; Boston: Brill, 2024. 129 p. (Brill Research Perspectives in Jesuit Studies)*

Работа венгерского историка Б.В. Михалика «Вечно возрождающийся Феникс. Иезуиты в Венгрии» посвящена истории Общества Иисуса на территории Венгрии — от первого появления здесь иезуитов в 1561 г. до современности. Автор анализирует многочисленные трудности, которые им пришлось преодолевать в течение всего исследуемого периода. Они были связаны с борьбой против представителей протестантских течений, с различными запретами со стороны светских (в 1620–1622, 1950 гг.) и даже церковных властей (ропуск ордена в 1773 г.). В работе убедительно показывается, что, несмотря на все препятствия, иезуиты продолжали настойчиво выполнять задачи, которые были сформулированы в начальный период создания ордена, — активно занимались миссионерством, педагогической, социальной деятельностью, участвовали в подписании церковной унии Католической и Православной церквей на территории Восточной Европы. Благодаря их усилиям в 1909 г. удалось создать Венгерскую независимую провинцию, которая просуществовала недолго — серьезный удар она испытала в 1950 г., когда Общество в условиях социалистической Венгрии оказалось в метафорических катакомбах. Работу дополняет обширный список исследований венгерских иезуитов и публикаций документов.

Ключевые слова: Венгрия, иезуиты, Венгерская провинция Общества Иисуса, коллегии

Статья поступила в редакцию: 14 января 2025 г.

Статья принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

Цитирование: Яковенко С.Г. Преодолеть все препятствия и выполнить миссию. Рец. на: *Mihalik B. V. The Ever-Reviving Phoenix. Jesuits in Hungary.*

Leiden; Boston: Brill, 2024. 129 p. (Brill Research Perspectives in Jesuit Studies) // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 417–428. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.15>

Исследование венгерского автора Бели Вилмоша Михалика, опубликованное издательством *Brill*, которое специализируется на публикациях в различных областях научного знания, является несомненным важным вкладом в изучение истории Общества Иисуса на территории Венгрии в течение более чем 460 лет — со времени первого появления здесь иезуитов в 1561 г. до современности. Сложности поставленной задачи связаны с тем, что предлагаемое вниманию читателей исследование — его широкий хронологический охват, сохранившиеся архивные материалы — не всегда дают возможность глубоко и полно охарактеризовать все затронутые в нем темы. Тем не менее работа в 2011–2019 гг. в должности директора архива Венгерской провинции Общества Иисуса дала возможность автору познакомиться с большим количеством документов, которые широко используются в исследовании. Важное значение имеют указания на те материалы, которые отражают деятельность иезуитов независимой Венгерской провинции (с 1909 г.). Хотя они существенно пострадали, многие из них сохранились в архивах сопредельных государств — Австрии, Венгрии, Словакии, Румынии. Значительная часть документов XX в. находится в Архиве Венгерской иезуитской провинции в Будапеште¹.

Открытие в конце XIX — начале XX в. центральных римских архивов, прежде всего Ватиканского, существенным образом повлияло на исследования и публикации документов по истории Венгрии², способствовало началу издания в 1894 г. специального регулярно издаваемого издания «Памятники истории Общества Иисуса» (*Monumenta Historica Societatis Iesu*)³, что к началу 30-х годов XX в. подготовило создание Института истории Общества Иисуса (*Institutum Historicum Societatis Iesu*)⁴. Во второй половине XX в. свои исследования и пуб-

¹ Mihalik 2024: 4–5.

² Изучением этих материалов активно занимался Вилмош Фракнои (1843–1924), а в настоящее время исследования документов Ватиканского архива продолжают венгерскими историками в рамках деятельности Венгерской академии в Риме. Их обзор за 1980–2010 гг. см.: Molnár 2015: 685–698.

³ См.: Zapico, Leturia 1944: 8.

⁴ Zapico, Leturia 1944: 37–38. Подробный обзор серии *Monumenta* см.: Danieluk 2012.

ликации начали активно издавать в том числе и венгерские историки, прежде всего Ласло Лукач (1910–1998) и Ласло Силаш (1927–2012)⁵. Их работы имеют важное значение не только для истории венгерских иезуитов, но и для истории ордена в целом⁶.

Обширные ссылки Б. Михалика на современную литературу выгодно дополняют изложение и в целом создают широкую панораму деятельности иезуитов на территории Венгрии — то есть тех государств и государственных образований, которые существовали здесь со второй половины XVI в. до современности либо включали ее в свой состав.

Том разделен на шесть частей, в которых последовательно рассматриваются (1) предыстория попыток поселения иезуитов в Венгрии до 1561 г.; (2) период конфессиональной борьбы (до 1687 г.); (3) «золотой век» (до 1773 г.); (4) восстановление Общества в XIX в. и создание независимой провинции (1853–1909 гг.); (5) независимая провинция и период между двумя мировыми войнами до установления коммунистического режима (1909–1950 гг.); (6) деятельность разделенной провинции в условиях коммунистического режима (1950–1990 гг.).

В центре внимания автора постоянные проблемы, с которыми сталкивались иезуиты на территории Венгрии. Вначале — в условиях борьбы с Реформацией, под османским владычеством (в качестве составной части Австрийской провинции)⁷. Затем в связи с решени-

⁵ См., например, фундаментальную публикацию документов по истории Общества Иисуса во второй половине XVI в., подготовленную Л. Лукачем: *Monumenta antiquae Hungariae* / ed. L. Lukács, S.J. Romae: Institutum Historicum S.I., 1969. Vol. I. 1550–1579. 1041 p.; Romae: Institutum Historicum S.I., 1976. Vol. II. 1580–1586. 1072 p.; Romae: Institutum Historicum S.I., 1981. Vol. III. 1587–1592. 915 p.; Romae: Institutum Historicum S.I., 1987. Vol. IV. 1593–1600. 616 p.

⁶ См. фундаментальную библиографию по истории Общества Иисуса, составленную Л. Полгаром: *Polgár L., S.J. Bibliographie sur l'histoire de la Compagnie de Jésus. 1901–1980*: in 3 vols. Roma: Institutum historicum S.I., 1981–1990. См. также: *Lukács L. Catalogus generalis seu Nomenclator biographicus personarum Provinciae Austriae Societatis Iesu (1551–1773)*: in 3 vols. Roma: Institutum historicum S.I., 1987. 1916 p.; Szilas 1966.

⁷ Австрийская провинция Общества Иисуса в 1563 г. отделилась от Верхнегерманской, которая была создана в 1556 г. и помимо Верхней Германии охватывала территорию королевства Богемии (в составе владений Австрийского дома), эрцгерцогства Австрии, герцогства Бавария. В 1556 г. главой провинции был назначен Петр Канизий. (см.: O'Neill, Domínguez (dir.) 2001: 634). О том, что она представляла собой накануне роспуска Общества Иисуса в 1773 г. см.: Szilas 1978.

ем папы Климента XIV о повсеместном роспуске ордена в 1773 г.⁸, необходимостью возобновлять деятельность своих организационных структур — коллегий, домов, миссий семинарий, после решения папы Пия VII о восстановлении ордена в 1814 г.⁹, и возвращением на территорию Венгрии в 1853 г. продолжилась борьба за *независимую* Венгерскую провинцию, которую удалось создать в 1909 г., отделив ее от Австрийской провинции¹⁰. Наконец — новое восстановление после падения коммунистического режима в результате объединения двух частей провинции в 1990 г. в связи с тем, что после Второй мировой войны, в условиях социалистической Венгрии и проводимой ею политики преследований религии и церкви, иезуитам в 1950 г. пришлось провинцию разделить. Не случайно автор сравнивает иезуитов Венгрии с неизменно возрождающимся фениксом — птицей, которая, несмотря на все беды и невзгоды, преодолевает их и всякий раз возвращается к жизни, что отражено в заголовке книги.

На широком хронологическом фоне представлен не только очерк истории присутствия иезуитов на территории Венгрии, но и разнообразные аспекты их деятельности — миссионерские, образовательные, вклад в развитие науки, культуры, участие в осуществлении унии Католической и Православной церквей.

Автор обращает внимание на постоянное и активное участие иезуитов в жизни общества — создание сети миссий, домов, учебных заведений. Для того, чтобы проповедовать прихожанам, заниматься исполнением пастырских обязанностей, необходимо было иметь в своем распоряжении ряд инструментов — образованное духовенство, изложение основ христианского вероучения и культа, перевод Священного Писания на национальные языки. Именно с этой целью начали создаваться учебные заведения — коллегии; Катехизис, написанный

⁸ Булла *Dominus ac Redemptor*. На момент роспуска Общество Иисуса было разделено на 39 провинций и 2 вице-провинции, см.: O'Neill, Domínguez (dir.) 2001: 3782.

⁹ Булла *Sollicitudo omnium ecclesiarum*. В 1914 г. — спустя столетие после восстановления Общества Иисуса оно насчитывало 25 провинций, см.: O'Neill, Domínguez (dir.) 2001: 3782.

¹⁰ В церковно-административном отношении иезуиты на территории Венгрии являлись частью Австрийской провинции, во главе которой с 1566 г. стоял Лоренцо Маджио. Ср.: Mihalik 2024: 12, 16. Значительную часть всего изложения занимают постоянные попытки стать более независимыми от Вены — центра Австрийской провинции.

членом Общества Иисуса Петром Канизием (1521–1597)¹¹, переводился на разные языки, например румынский¹² (вообще, переводы священных текстов послужили основой литературы и письменности некоторых коренных народов по всему миру, например в Африке)¹³. Важное значение имели перевод Библии на венгерский язык¹⁴, создание иезуитского школьного театра, пьесы которого были посвящены не только религиозным, но и светским сюжетам венгерской истории¹⁵.

Автор рассказал о тех больших усилиях, которые были направлены на то, чтобы приобщить паству к регулярному совершению религиозных обрядов и таинств — исповеди, еженедельного причастия, обеспечить для социальной элиты длительное пастырское окормление, а для представителей духовенства — «духовные упражнения». Интересным являлся опыт создания аптек, благодаря которым преодолевались представления о целительном свойстве амулетов¹⁶.

Важной составной частью мер, которые были призваны способствовать внедрению норм христианства на повседневном уровне, являлись различного рода общины, братства, конгрегации. Автор показал, как эти инструменты широко использовали венгерские иезуиты на разных этапах их истории. В работе идет речь о Марианских общинах¹⁷, широком распространении движения за почитание Святейшего Сердца Иисусова¹⁸. В Загребе и Надьсомбате было организовано несколько студенческих братств, конгрегация — «лордов» для знати (в Пресбурге), созданных по этническому принципу братств горожан¹⁹. В конце XIX — XX в. в контексте того особого внимания,

¹¹ Библиографию о нем см.: *Polgár L., S.J. Bibliographie sur l'histoire. Vol. I. Les personnes. A–F. P. 425–453.*

¹² См.: Mihalik 2024: 37.

¹³ Mihalik 2024: 37, 52, 79; Begheyn 2006.

¹⁴ См.: Mihalik 2024: 44. О роли книги в миссионерской деятельности иезуитов см.: Valerio, Naudet 2015.

¹⁵ Mihalik 2024: 44; Tüskés, Knapp 2009.

¹⁶ Mihalik 2024: 45.

¹⁷ О Марианской общине в Коложваре, общинах, которые переросли в Конгрегации и сыграли важную роль при возрождении влияния иезуитов в Венгрии в первой половине XVII в., оставаясь впоследствии инструментом влияния в среде прихожан в XIX в., см.: Mihalik 2024: 14, 19, 36, 43, 67, 77–78, 85, 87, 89. См. также: Mangiafesta 2023.

¹⁸ Mihalik 2024: 79–80, 91.

¹⁹ «Святой Крест» (у венгров — 1622 г.), «Благовещение Богородицы» (у немцев — 1649 г.), «Агония Христа» (у словаков — 1660 г.), см.: Mihalik 2024: 43. Генерал

которое Католическая церковь начала уделять взаимодействию с обществом, воздействию на него, важную роль стали играть идеи христианского социализма. Автор написал о том, что возникшая в 1895 г. Католическая народная партия обратила большое внимание на работу в среде сельского населения, важная роль отводилась усилению роли женщин в апостольской деятельности²⁰, через прессу, систему народных школ²¹ ставились задачи активного взаимодействия с молодежью²².

В качестве приоритетной принята схема изложения, которая включает имена, годы нахождения в должности различных героев исследования. Это является безусловным достоинством работы, поскольку смещает акцент в область «личностного» аспекта.

На страницах книги представлены биографии ряда иезуитов, игравших важную роль на территориях Венгерского королевства, Трансильвании, областях под властью Османской империи. В первой трети XVII в. некоторые из них начали занимать высокие посты в организационной структуре Австрийской провинции²³. Миссионеры, проповедники, в буквальном смысле мученики за веру и свои убеждения создавали дома, резиденции, открывали школы, коллегии, в которых обучали довольно большое количество учеников. Они занимались тем, чтобы обеспечить более точное соблюдение представителями католического духовенства правил и норм церковной жизни. В целом это создавало важные предпосылки для усиления позиций Общества Иисуса на территории Венгерского королевства, Трансильвании, Османской империи. Представленные в работе таблицы наглядно показывают количественный рост числа коллегий, миссий, домов

Общества Иисуса Винченцо Караффа (1585–1649), возглавлявший Общество Иисуса в 1646–1649 гг., официально признал эту форму братства в Обществе Иисуса, см.: Mihalik 2024: 43.

²⁰ Mihalik 2024: 77–78.

²¹ Mihalik 2024: 77–78.

²² Енё Керкай (1904–1970) стал инициатором создания в 1935 г. Национального секретариата католических аграрных молодежных ассоциаций (*Katolikus Agrárfjúsági Legényegyesületek Országos Titkársága*, сокращенно KALOT), Mihalik 2024: 96.

²³ В 1618–1623 гг. во главе провинции стоял Грегориус (Гжегож) Румер (1569–1627) — этнический словак, уроженец деревни Багонь близ Надьсомбата, в 1627–1629 гг. — родившийся в хорватском Загребе Христофор Домбринус, в 1630–1634 гг. — выходец из Трансильвании Георгиус (Дьёрдь) Форро (1541–1641), см.: Mihalik 2024: 39.

иезуитов: между 1561 и 1680 гг. — на начальном этапе их деятельности на территории Венгрии, затем в период между 1683 и 1703 гг. (то есть после победы над османами) и между 1771 и 1773 гг. (до роспуска ордена)²⁴. Все это происходило несмотря на закон 1608 г., который запрещал иезуитам владеть землей в Венгрии²⁵.

Рост влияния Общества, усиление позиций Католической церкви позволили даже на заседании провинциальной конгрегации поставить вопрос о независимой Венгерской провинции (1649 г.)²⁶, но в силу различных причин его так и не удалось решить в течение всего последующего периода вплоть до изгнания османов в 1683 г.²⁷

В числе ярких фигур, о которых говорится в книге, — венгерские иезуиты Иштван Санто (1541–1612), который принял активное участие в создании в 1579 г. Венгерского коллегiums (*Collegium Hungaricum*) в Риме и добился организации в начале 1580-х годов миссии иезуитов в г. Надьварад²⁸. Кардинал Дьердь Драшкович, принимавший участие в Тридентском соборе и способствовавший укреплению позиций Католической церкви, возвращению иезуитов в Венгерское королевство²⁹. Петер Пазмань (1570–1637), который, будучи иезуитом, в 1616 г. занял пост архиепископа Эстергомского — высший пост в иерархии венгерской Католической церкви³⁰. Среди тех, кто выступал за возрождение католицизма в Венгрии, были также Дьердь Форро (1571–1641), Дьердь Доброноки (1588–1649), Матьяш Самбар (1618–1685), который в составе миссии прибыл в Землю Секели и добивался реализации решений Тридентского собора³¹. В числе иезуитов на высших церковных должностях автор упомянул Миклоша Мушку (1713–1783), Михая Пайнтнера

²⁴ См.: Mihalik 2024: 30, 47, 50; ср.: Lamalle 1944: 100–101 (в работе приводится динамика роста численности провинций, домов, коллегiums, резиденций, семинарий и миссий Общества Иисуса в целом, а также сводная таблица с указанием данных за 1579–1749 гг.).

²⁵ Mihalik 2024: 39. Закон, запрещающий иезуитам въезд в Трансильванию, был отменен в 1702 г., см.: Mihalik 2024: 47.

²⁶ Mihalik 2024: 39.

²⁷ Mihalik 2024: 42.

²⁸ Mihalik 2024: 15.

²⁹ Mihalik 2024: 16–17.

³⁰ Mihalik 2024: 25–27. Обширную библиографию о нем см.: Polgár L., S.J. Bibliographie sur l'histoire. Vol. III. Les personnes. G–P. P. 627–643; ср.: Lukács Szabó 1985.

³¹ Mihalik 2024: 37.

(1753–1826) — титулярного епископа Новы, Кароя Ференца Пальму (1735–1787) — придворного капеллана одной из дочерей Марии Терезии, затем — титулярного епископа и генерального викария Калочайской архиепархии, историка и педагога Дёрдя Праи (1723–1801), назначенного на должность придворного историографа³².

Важное место в работе отведено ключевым фигурам Венгерской провинции в период между двумя мировыми войнами — ее настоятель Ференц Биро (1869–1938) и Бела Банга (1880–1940) сыграли важную роль в истории венгерских иезуитов XX в., активно публиковались в католической прессе — являлись основателями самой читаемой католической газеты своего времени — *A Szív* («Сердце», с 1915 г.). Бела Банга редактировал также ряд других изданий³³. В условиях, когда после заключения Трианонского мира 1920 г. прекратила свое существование и распалась Австро-Венгерская империя, в тяжелом положении оказались также иезуиты Венгерской провинции, тем более что в условиях прихода к власти осенью 1918 г. венгерских большевиков те стали проводить политику борьбы с религией и церковью, столь свойственную социалистическим режимам своего времени — как, например, в Советской России. В этой ситуации, стремясь найти опору в лице более сильных соседей, правительство обратило взоры к Германии. Примечательно, что венгерские иезуиты в лице Белы Банги поддались искушению и придерживались антисемитских настроений, идеи венгерской расовой чистоты³⁴. Тем важнее и интересней фигура Якаба Райле (1894–1949) — одного из венгерских иезуитов, о котором написано в книге. Во время войны он спасал евреев и за свою деятельность был удостоен Международным институтом *Yad Washem* в Иерусалиме звания «Праведник народов мира»³⁵.

Несомненным достижением венгерских иезуитов стало создание в 1909 г. независимой Венгерской провинции. Однако преследования со стороны коммунистического правительства в 1918–1919 гг., антицерковные действия властей и территориальные потери Венгрии в войне привели организацию на грань полного краха³⁶.

³² Mihalik 2024: 65.

³³ Газета *Mária Kongregáció* («Марианская конгрегация», с 1910 г.), периодическое издание *Magyar Kultúra* («Венгерская культура», с 1913 г.) (Mihalik 2024: 89).

³⁴ Mihalik 2024: 98.

³⁵ Mihalik 2024: 99.

³⁶ Mihalik 2024: 87.

Серьезным ударом для нее стала также необходимость в условиях социалистической Венгрии искать способы сосуществования с новой властью во второй половине XX в., когда к осени 1948 г. стало ясно, что после роспуска религиозных орденов, включая иезуитов, и решения об упразднении церкви в Венгрии достичь компромисса с властями будет невозможно³⁷. В этой ситуации важное значение приобрела деятельность венгерских иезуитов за границей, их научные архивные исследования, публикации, сотрудничество с Институтом истории Общества Иисуса³⁸.

Разумеется, в рамках рецензии достаточно трудно глубоко раскрыть все поднимаемые вопросы. Возможные пробелы во многом дополняет обширная библиография, которая включает большое количество специальных современных исследований, а также ссылки на материалы архивов Общества Иисуса. Работа Б. В. Михалика является весомым вкладом в изучение истории иезуитов Венгерской провинции и послужит дальнейшему успешному изучению этой темы.

Список исторических географических названий

Коложвар — ныне Клуж-Напока в Румынии, в немецкой традиции Клаузенбург
Надьварад — совр. Орадя-Маре в Румынии, в немецкой традиции Грос-Вардайн
Надьсомбат — ныне Трнава в Словакии
Пресбург (нем.) — ныне Братислава в Словакии, в венгерской традиции Пожонь

Список сокращений

AHSI — Archivum Historicum Societatis Iesu
S.J. — Societas Jesu

Литература

- Begheyn 2006 — *Begheyn P.* The catechism (1555) of Peter Canisius, the most published book by a Dutch author in history // *Quaderno*. 2006. Vol. 366. P. 51–84.
Danieluk 2012 — *Danieluk R., S.J.* Monumenta Historica Societatis Iesu — uno sguardo di insieme sulla collana // AHSI. 2012. Vol. LXXXI. I. P. 249–289.

³⁷ Mihalik 2024: 103–105.

³⁸ Mihalik 2024: 112.

- Lamalle 1944. — *Lamalle E., S.J.* Les catalogues des provinces et des domiciles de la Compagnie de Jésus. Note de bibliographie et de statistique // AHSI. 1944. Vol. XIII. I–II. P. 77–101.
- Lukács, Szabó 1985 — *Lukács L., S.J., Szabó F., S.J.* Autour de la nomination de Péter Pázmány au siège primitif d'Esztergom (1614–1616). Pázmány est-il resté jésuite après sa nomination? // AHSI. 1985. Vol. LIV. P. 77–148.
- Mangiafesta 2023 — *Mangiafesta M.* La Congregazione Mariana dell'Assunta o dei Nobili, Roma 1593: alcuni documenti dal suo Archivio storico // AHSI. 2023. Vol. XCII. I. P. 159–188.
- Mihalik 2024 — *Mihalik B. V.* The ever-reviving Phoenix. Jesuits in Hungary. Leiden; Boston: Brill, 2024. 129 p. (Brill Research Perspectives in Jesuit Studies).
- Molnár 2015 — *Molnár A.* Accademia d'Ungheria in Roma. Le ricerche ungheresi nell'Archivio Segreto Vaticano (1980–2010) // Religiosa archivorum custodia. IV Centenario della fondazione dell'Archivio Segreto Vaticano (1612–2012). Atti del Convegno di Studi, Città del Vaticano 17–18 aprile 2012. Città del Vaticano: Archivio Segreto Vaticano, 2015. P. 685–698 (Collectanea Archivi Vaticani. Vol. 98).
- O'Neill, Domínguez (dir.) 2001 — Diccionario histórico de la Compañía de Jesús. Biográfico-temático: in 4 vols. / dir. Ch. E. O'Neill, S. J., Joaquín M. Domínguez, S. J. Roma: Institutum Historicum, S. J.; Madrid: Universidad Pontificia Comillas, 2001. Vol. 1. 980 p.
- Szilas 1966 — *Szilas L.* Der Jesuit Alfonso Carrillo in Siebenbürgen: 1591–1599. Roma: Institutum Historicum S. I., 1966. 175 p.
- Szilas 1978 — *Szilas L., S.J.* Die österreichische Jesuitenprovinz im Jahre 1773. Eine historisch-statistische Untersuchung // AHSI. 1978. Vol. XLVII. P. 97–158; Vol. XLVII. P. 297–349.
- Tüskés, Knapp 2009 — *Tüskés G., Knapp É.* Die ungarische Geschichte im lateinischen Jesuitendrama des deutsch-sprachigen Kulturraums // AHSI. 2009. Vol. LXXVIII. № 1. P. 57–120.
- Valerio, Naudet 2015 — *Valerio A., Naudet L.* L'Amicizia Cristiana e la Bibbia: l'influenza dei gesuiti nell'apostolato del libro // AHSI, 2015. Vol. LXXXIV. I. P. 79–110.
- Zapico, Leturia 1944 — *Zapico D. F., Leturia P., S.J.* Cincuentenario de Monumenta Historica S. J. 1894–1944 // AHSI. 1944. Vol. XIII. I–II. P. 1–61.

References

- Begheyn, P., 2006. The catechism (1555) of Peter Canisius, the most published book by a Dutch author in history. *Quaderno*, 366, pp. 51–84.
- Danieluk, R., S. J., 2012. Monumenta Historica Societatis Iesu — uno sguardo di insieme sulla collana. *AHSI*, LXXXI, I, pp. 249–289.

- Lamalle, E., S.J., 1944. Les catalogues des provinces et des domiciles de la Compagnie de Jésus. Note de bibliographie et de statistique. *AHSI*, XIII, I–II, pp. 77–101.
- Lukács L., S.J., Szabó, F., S.J., 1985. Autour de la nomination de Péter Pázmány au siège primitif d'Esztergom (1614–1616). Pázmány est-il resté jésuite après sa nomination? *AHSI*, LIV, pp. 77–148.
- Mangiafesta, M., 2023. La Congregazione Mariana dell'Assunta o dei Nobili, Roma 1593: alcuni documenti dal suo Archivio storico. *AHSI*, XCII, I, pp. 159–188.
- Mihalik, B. V., 2024. *The ever-reviving Phoenix. Jesuits in Hungary*. Leiden; Boston: Brill, 129 p. (Brill Research Perspectives in Jesuit Studies).
- Molnár, A., 2015. Accademia d'Ungheria in Roma. Le ricerche ungheresi nell'Archivio Segreto Vaticano (1980–2010). In: *Collectanea Archivi Vaticani*. 98. *Religiosa archivorum custodia. IV Centenario della fondazione dell'Archivio Segreto Vaticano (1612–2012)*. Atti del Convegno di Studi. Città del Vaticano. 17–18 aprile 2012. estratto. Città del Vaticano: Archivio Segreto Vaticano, pp. 685–698.
- O'Neill, Ch. E., S.J., Domínguez, J. M., S.J., eds, 2001. *Diccionario histórico de la Compañía de Jesús. Biográfico-temático* in 4 vols., 1. Roma: Institutum Historicum, S.J.; Madrid: Universidad Pontificia Comillas, 980 p.
- Szilás, L., S.J., 1966. *Der Jesuit Alfonso Carrillo in Siebenbürgen: 1591–1599*. Roma: Institutum Historicum S. I., 176 p.
- Szilás, L., S.J., 1978. Die österreichische Jesuitenprovinz im Jahre 1773. Eine historisch-statistische Untersuchung. *AHSI*, XLVII, pp. 97–158; 297–349.
- Tüskés, G., Knapp, É., 2009. Die ungarische Geschichte im lateinischen Jesuitendrama des deutsch-sprachigen Kulturraums. *AHSI*, LXXVIII, I, pp. 57–120.
- Valerio, A., Naudet, L., 2015. L'Amicizia Cristiana e la Bibbia: l'influenza dei gesuiti nell'apostolato del libro. *AHSI*, LXXXIV, I, pp. 79–110.
- Zapico, D. F., S.J., Leturia, P., S.J., 1944. Cincuentenario de Monumenta Historica S.J. 1894–1944. *AHSI*, XIII, I–II, pp. 1–61.

Serguei G. Jakovenko

PhD, Managing Editor, "Istoricheskii Vestnik" Journal, Moscow, Russia. 119071, Leninskii Prospekt, 15.
E-mail: syakovenko@mail.ru

To Overcome All the Obstacles and Fulfil the Mission

Review of Mihalik, B. V., 2024. *The Ever-Reviving Phoenix. Jesuits in Hungary*. Leiden; Boston: Brill, 129 p. (Brill Research Perspectives in Jesuit Studies)

The work by the Hungarian historian Béla Vilmos Mihalik *The Ever-Reviving Phoenix. The Jesuits in Hungary* is dedicated to the history of the Society of Jesus in Hungary – from the first appearance of the Jesuits here in 1561 to the present day. The author examines the numerous difficulties that they had to overcome throughout the period under study. They were associated with the struggle against representatives of Protestant movements, with various prohibitions from secular (in 1620–1622, 1950) and even church authorities (dissolution of the order in 1773). The work convincingly shows that despite all the obstacles, the Jesuits continued to persistently carry out the tasks that were formulated in the initial period of the order's creation – they were actively involved in missionary work, pedagogical and social activities, and participated in the signing of the church union of the Catholic and Orthodox churches in Eastern Europe. Thanks to their efforts, the Hungarian Independent Province was established in 1909, but it did not last long – it suffered a serious blow in 1950, when the Society, under the conditions of socialist Hungary, found itself in metaphorical catacombs. The work is complemented by an extensive list of studies by Hungarian Jesuits and document publications.

Keywords: Hungary, Jesuits, Hungarian Province of the Society of Jesus, colleges

Received: 14 January 2025

Accepted: 27 February 2025

How to cite: Jakovenko, S. G., 2025. Preodolet' vse prepiatstva i vpolnit' missiiu. Review of: Mihalik, B. V., 2024. *The Ever-Reviving Phoenix. Jesuits in Hungary*. Leiden; Boston: Brill, 129 p. (Brill Research Perspectives in Jesuit Studies). *Central-European Studies*, 8, pp. 417–428. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.15>

Учредитель

Институт славяноведения РАН

Издатели

Институт славяноведения РАН;
ООО Издательство
«Нестор-История»

Founder

Institute of Slavic Studies RAS

Publishers

Institute of Slavic Studies,
Nestor-Historia
Publishing House

Центральноевропейские исследования = Central-European Studies

Выпуск 8

2025

Главный редактор

О.В. Хаванова

«Центральноевропейские исследования» — междисциплинарный ежегодник
о Центральной Европе и сопредельных регионах в сравнительной перспективе.

Корректоры *Л.М. Лемешева, М.А. Иванова*

Оригинал-макет *Л.Е. Сытин*

Дизайн обложки и логотипа *П.К. Донской*

Подписано в печать 30.12.2025. Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 27

Тираж 500 экз. Заказ № 3378

Периодичность:

один раз в год

Frequency:

once per year

ISSN 2619-0877

DOI: 10.31168/2619-0877 (ежегодник)

DOI: 10.31168/2619-0877.2025.8 (выпуск)

Почтовый адрес: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А,

Институт славяноведения РАН

Электронный адрес: cestudiesjournal@gmail.com

Сайт: <https://cesjournal.ru>

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

© Коллектив авторов, 2025

© Институт славяноведения РАН, 2025

© Донской П. К. (обложка и логотип), 2025

© Издательство «Нестор-История», 2025

